

от Белграда до Бишкека

ОРАНЖЕВЫЕ СЕТИ

ОРАНЖЕВЫЕ СЕТИ

от Белграда
до Бишкека

летейя

Перед вами сборник статей, в котором на материале различных стран рассматриваются техники и структура «оранжевых переворотов». На примере Украины, Сербии, Грузии, Киргизии, Армении, Азербайджана анализируется практика экспорта революций. Комплексность подхода к исследуемой проблематике и интернациональный состав авторов позволяет широко и беспристрастно оценить опыт «оранжевых революций» в мире. Настоящий сборник является частью проекта «Развитие демократии и сетевые технологии на постсоветском пространстве», осуществляемого экспертами Фонда исторической перспективы по инициативе российского Института демократии и сотрудничества в Европе (Париж). Фонд исторической перспективы — российская неправительственная, некоммерческая организация национально-консервативного направления, учрежденная Н.А. Нарочницкой. Целью Фонда является концентрация интеллектуальных, финансовых, информационных ресурсов и общественной мысли России на стратегических направлениях развития XXI века.

ОРАНЖЕВЫЕ СЕТИ

от Белграда до Бишкека

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Н. А. Нарочницкая

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2008

УДК 321.7
ББК 66.0
0-63

Редактор и составитель сборника *Е. А. Бондарева*
Координатор *М. Е. Минина*

Оранжевые сети : от Белграда до Бишкека / отв. ред. Н. А. Нароч-
0-63 ницкая ; [ред. и сост. Е. А. Бондарева]. — СПб. : Алетейя, 2008. —
208 с.

ISBN 978-5-91419-089-4

Перед вами сборник статей, в котором на материале различных стран (Украины, России, Сербии, Грузии, Киргизии, Армении, Азербайджана) рассматриваются техники и структура «оранжевых переворотов», анализируются теория и практика экспорта революций. Комплексность подхода к исследуемой проблематике и интернациональный состав авторов позволяет широко и беспристрастно оценить опыт «оранжевых революций» в мире. Книга будет интересна специалистам по международным отношениям, историкам, политологам, студентам гуманитарного профиля и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами современной внешней политики.

УДК 321.7
ББК 66.0

*Издание подготовлено
Фондом исторической перспективы
по инициативе российского Института демократии
и сотрудничества в Европе (Париж)*

ISBN 978-5-91419-089-4

- © Коллектив авторов, 2008
- © Издательство «Алетейя» (СПб.), 2008
- © «Алетейя. Историческая книга», 2008

ДЕМОКРАТИЯ XXI ВЕКА: ПЕРЕРОЖДЕНИЕ СМЫСЛОВ И ЦЕННОСТЕЙ

Никогда еще в мире не говорили так много о демократии, не клялись ей в верности. Ей присягают вместе с Библией и даже на Библии, не замечая явного противоречия между иерархичностью моисеев-христианской системы ценностей и «культурой, питаемой страстью равенства». Именно так охарактеризовал Франсуа Фюре нашу «Эпоху», в которой изначально благородное желание излечить пороки общественного неравенства, извращается до всепоглощающей страсти уравнивать все — грех и добродетель, красоту и уродство, правду и ложь, сделав политкорректным лишь ценностный релятивизм и даже нигилизм.

Еще недавно главными признаками демократичности общества и государства были гарантированные законом права личности внутри страны, определенные конституцией и законами демократические способы перехода власти и, наконец, гарантированные международным правом принципы демократического поведения государств на международной арене — уважение суверенитета других государств и невмешательство во внутренние дела.

В последние годы окончательно обнажились глубокие изменения в толковании всех этих аспектов. Почти тоталитарный диктат в Европе лево-либертарных идеологов и объявление «неполиткорректными» консервативных и христианских суждений о морали, гуманитарные интервенции при переходе в XXI век, поощрение «самопровозглашенными» учителями демократии целой серии «оранжевых» революций, которые во всем мире еще двадцать лет назад именовались бы государственными переворотами, вмешательство иностранных участников в конституционные процессы внутри стран — все это свидетельствует о глубоком кризисе самой концепции демократии, об очевидном распаде ее классических интерпретаций.

Взгляд на историю зарождения, взлета, расцвета и упадка различных земных идей построения «царства человеческого», обнаруживает закономерность: как только идея становится клише для узаконивания политической респектабельности, инструментом для достижения экономических и политических интересов, она деградирует, превращается в нечто иное. Вырождаются и носители этих идей — как целые общества, так и отдельные авторитеты. Великие либералы прошлого, подобно христианским мученикам всходили на эшафот за идеалы. Их последователи в XXI веке утверждают, что в мире уже нет идей, за которые стоит умирать. Лица и манеры, повадки и поведение, наконец, общая культура нынешних лидеров западных «образцовых демократий» дает повод усомниться в прогрессе человечества и вспомнить слова Талейрана — «целые народы пришли бы в ужас, если бы узнали, какие мелкие люди властвуют над ними».

Если в эпоху подъема и расцвета демократической идеи под ней понимали воплощение в праве и законе народного волеизъявления, то нынешние учителя демократии пришли к полной противоположности — к легитимации под флагом демократии внеправовых и неконституционных механизмов перехода власти. Это ли не кризис понятий правового государства?

Именно поэтому давно назрела необходимость серьезной и глубокой дискуссии о смыслах и ценностях, о сути и внешней стороне демократии, об эволюции ее толкований, о нетождественности нынешнего либерализма и демократии. Демократия в XXI веке становится предметом политического шантажа, вмешательства во внутренние дела суверенных государств, фарисейских манипуляций. Все чаще это сопровождается идеологическим начетничеством, сравнимым с самыми забавными и удручающими образцами коммунистического доктринерства. Разве не похожи на тезисы отчетных докладов съездов КПСС хрущевских времен слова Кондолизы Райс: «По мере того как история уверенной поступью движется к торжеству рынка и демократии, некоторые страны остаются на обочине этой столбовой дорожки»?

Все чаще именем будущей демократии обосновывается грубое попрание права и закона как внутри собственных стран, так и в отношении государств в мировом сообществе. Тенденции же более свидетельствуют не о демократии, а о ее подмене «глобальным управлением» со стороны группы стран и некой наднациональной интеллектуальной когорты, утверждающей собственную моральную «кратию» с откровенно робеспьеровским отношением к демосу: «Если народ не поддерживает наши идеи — заменить народ»!

Интерпретации демократии стали так размыты и одновременно так категоричны, что порождают явления и тенденции, которые еще несколько десятилетий назад сочли бы абсурдными: в христианской Европе запрещается с позиций христианского учения судить о морали, но возникают идеи признания законов шариата. Свобода миграции сделала границы прозрачными, но не это, а информационное общество сделало их призрачными. Философия ограниченного суверенитета, вброшенная неслучайно еще в конце 70-х годов, когда был взят курс на крестовый поход против «империй зла», уже давно настойчиво посягает на основополагающий принцип международного публичного права — суверенность государства-нации.

Теоретическое обоснование идеологии глобализма началось в среде политологов. Так британский маститый автор Х. Булл уже отделил понятие цельного мирового *сообщества* от некоего ведущего, избранного и единого в своих целях и принципах «мирового *общества*», которое составляли только западные страны. Для него только эта «группа государств, осознавая некоторые общие интересы и общие ценности, образует некое *общество* в том смысле, что они полагают себя связанными в отношениях друг с другом общим сводом правил». Мало кто заметил тогда в этом вызов универсальности принципов международного права. Универсальность ограничивалась лишь «обществом» западных стран и не распространялась на всю международную систему государств. Только применительно к избранному

«обществу» в теории Булла говорилось об «уважении к притязанию на независимость», о «согласии в том, что его члены уважают принимаемые соглашения», «сотрудничают в области процедур международного права и соглашаются в принятии некоторых ограничений на применение против друг друга силы», как если бы на остальной мир эти принципы поведения не распространялись!

Такое разделение бросило вызов признанной издавна универсальности принципов международного права, а также изначальному христианскому универсализму морали и нравственности. «Не убий», «не укради» распространяется в отношении любого человека, и нарушивший эти заповеди не может быть оправдан принадлежностью пострадавшего от него к иной системе ценностей. В прошлые века государства считали естественным одинаково придерживаться принятых обязательств в отношении государств самого различного уровня развития и, если шли на их разрыв, то не смели оправдывать это тем, что партнер не достоин соблюдения правил.

Нелишне напомнить, что и суверенитет по классическому толкованию всех школ права является не обретаемым качеством по мере приобщения к каким-то или чьим-то ценностям, а признаком государства, по которому его отличают от других публично-правовых союзов. (Г. Гроций, И. Кант). Инициированная Буллом дискуссия «о легитимности и нелегитимности „интервенции“ в зависимости от ее целей» готовила переворот в сознании и доктрину «ограниченного суверенитета». На принцип невмешательства и суверенитет посягала уже сама формулировка вопроса — какую интервенцию следует считать противоправной? Ту, что совершается с целью влияния на внешнюю политику и поведение государства, или ту, что имеет цель заставить его изменить свою внутреннюю систему? В попытке сделать политкорректной саму мысль о праве на гуманитарную интервенцию, политолог М. Эйкхерст пытался доказать, что в ней ничего нет нового, ссылаясь на использование силы европейскими державами в отношении Турции в XIX веке для защиты христиан от гонений. Он, правда, «опустил» принципиальное отличие сегодняшних «гуманитарных интервенций» без права на сопротивление от официального объявления войны в прошлом. Официальный статус войны является правовым состоянием, регулируемым сводом правил. Он, прежде всего, дает право на оборону и не предполагает дегуманизацию и демонизацию объекта нападения, причем исход поединка вовсе не предопределен.

Предвосхищая времена, когда в обход Устава ООН и всех норм международного права одни государства будут силой принуждать других менять правительство антиконституционными методами, обосновывая это высшими моральными целями, «передовые» теоретики сетовали, что Устав ООН и международное право разработали корпус норм, «запрещающих государствам плохо обращаться с отдельными людьми», но одновременно ограничили право другим государствам применять силу». Однако в 70–80-е годы еще превалировала классическая интерпретация, выраженная авторитетным историком и политологом С. Хоффманом: «При основополагающем принципе суверенности государства интервенция с целью повлиять не на

внешнее международное поведение объекта, но на его внутренние дела, безусловно должна быть расценена как противоправная». Сегодня этот тезис уже полностью отвергается западной школой глобалистики.

«Международное право регулирует отношения между государствами, но не между людьми, чему мешает акцент на суверенитете» — сетовал юрист Д. Армстронг на страницах журнала Лондонского королевского института международных отношений (Chatham House) уже в 1999 году. Автор приветствовал «движение за последние 30 лет в направлении того, что может быть охарактеризовано как «мировое право» — «world law», утверждая, что новая «форма права больше соответствует мировому обществу людей нежели сообществу государств». Заменить международное право — «право между народами», суверенными в своем выборе, на «мировое гражданское право» возможно, только если силой навязать единые критерии и отказаться от национальных правовых систем, ибо каждая зиждется на самобытной философии права, отражающей религиозно-культурные различия в оценке греха и преступления.

Трудно представить себе согласие США подчиниться в своем внутреннем законодательстве критериям чужого, скажем, исламского права, а тем более выдать гипотетическому «международному шариатскому трибуналу» президента, чтобы того судили за адюльтер... Однако сами США совершенно уверены в легитимности МТБЮ — трибунала по бывшей Югославии, который судит гражданина суверенной страны за действия, совершенные в собственной стране, по законам которой они не квалифицируются как правонарушение.

Экскурс в историю обоснования современных «гуманитарных интервенций» под флагом защиты прав человека показывает, как давно готовился сначала в теории, потом в правовом сознании поворот от классических толкований основополагающих идеалов — суверенитет, правовое государство, демократия, свобода выбора, мнений, совести. Наверное, исследователи политических процессов еще проследят, каким образом всего лишь одна из форм общественных отношений, действительно много давшая миру и в свое время привлекательная по сравнению со многими иными, вдруг стала единственной непререкаемой истиной в общественном сознании, почти тоталитарно нетерпимой к иным. Предстоит также выяснить, на каком основании некоторые участники международных отношений посчитали возможным взять на себя роль самопровозглашенного «перста указующего», который узурпировал все составные части разделения властей: они сами назначают правила, сами оценивают их выполнение и сами карают.

Характерной чертой современной общественной жизни стала огромная роль, которую общественное сознание придает деятельности частных объединений и групп — пресловутых НПО — неправительственных организаций. Причем этот тип объединений, изначально возникший естественным образом в областях профессиональной деятельности, частных интересов или по конкретным вопросам, приобрел новый импульс в информационном обществе. Существует много неполитических НПО, и они действительно являются институтами гражданского общества, структурами самоорганизации

граждан в разных сферах жизни и деятельности. Но особая категория НПО претендует на роль судей в вопросах мировоззрения всего общества и государственной политики. Это явный выход за пределы гражданского общества в политическую сферу государственной и общественной жизни. Парадокс нынешней «демократии» в том, что для претензий на такую роль от НПО почему-то не требуется никакого проверенного мандата — демократически измеренного уровня общественной поддержки.

Пора дать политическую и научную оценку тенденции перерождения НПО из институтов гражданского общества в субъектов политической деятельности, что полностью меняет интерпретацию самого понятия гражданского общества. Всегда этим термином определялась существующая независимо от политической системы государства разветвленная сфера реализации разнообразных частных интересов граждан. Сужение, ограничение сферы частных интересов почти до семьи, которая оставалась неподвластной политико-идеологическому давлению государства, всегда считалось признаком тоталитарного общества, что доказывает: гражданское общество — это не политика!

Сегодня разница между институтами гражданского общества и участниками политических процессов намеренно стирается, что давно должно было бы стать предметом анализа с точки зрения политологии. При этом НПО наделяются ролью идеологических арбитров, выносящих суждения вовсе не по частным вопросам, а по вопросам идеологии и мировоззрения, по политической организации общества и деятельности структурных конституционных институтов государства. Но если партии, классические участники политической сферы, периодически доказывают свой авторитет участием в выборах и демонстрируют через приобретенные голоса уровень общественной поддержки — то есть, имеют демократический мандат на предложение своих идей всему обществу, то НПО, занимающиеся политической деятельностью, почему-то не обязаны доказывать свое право на учительство.

Многочисленные НПО, не подтвержденные демократическими признаками массового доверия, стали вдруг отождествляться с vox populi и претендовать на роль общественного обвинителя времен тоталитарных судебных процессов, чего никогда не могло быть в прошлом. «Сегодня демократия стала условием sine qua non легитимности» — утверждает в документах организации «Хьюман Райтс Вотч». Можно представить, какой обузой не только для тех, кто бомбит чужие столицы без объявления войны, но и для идеологов насильственной либеральной униформации мира стал Устав ООН. В его установочной главе I «Цели и принципы» утверждается отнюдь не демократия как идеал, которая вообще не упоминается, а суверенное равенство всех участников международных отношений — то есть, монархии и республики, общества индуистского, исламского, христианского и секулярно-либерального — такого, какого захочет народ, осуществляя народовластие. Еще Монтескье, один из отцов-основателей демократии и либерализма, утверждал, что при демократии народу никто не имеет права мешать принимать и плохие законы. Но, похоже, условием легитимности ста-

новится вовсе не сама демократия — подлинное массовое волеизъявление в правовых конституционных процедурах, а зримое, тиражируемое электронными СМИ революционное нарушение всех и всяческих демократически принятых законных механизмов.

Предлагаемый сборник статей подготовлен Фондом исторической перспективы по заказу российской неправительственной организации — Института демократии и сотрудничества (Париж). Он посвящен рассмотрению воздействий на политические процессы и сознание через деятельность неправительственных организаций в ходе подготовки и осуществления так называемых «оранжевых революций». Их сценарий почти одинаков, манипуляции общественным сознанием и идеалами демократии одновременно виртуозны и примитивны. Роль пресловутых «институтов гражданского общества» в процессах политических манипуляций становится очевидной. Экономическая и социальная база для такого рода технологий — типична для стран переходного периода.

Аналитикам и дипломатам, журналистам и политологам и, прежде всего, представителям властных структур и действующим политикам будет, без сомнения, весьма интересен, полезен и назидателен анализ процедур, которые в Белграде и Косово, Киеве и Тбилиси подменяли шаг за шагом конституционные механизмы в процессе передачи власти. Это происходило при прямом участии и аплодисментах мирового «общества» — того самого избранного круга, которому, по теории Булла, только и позволено иметь суверенитет...

Н. А. Нарочницкая
доктор исторических наук,
президент Фонда исторической перспективы,
руководитель Института демократии и сотрудничества (Париж)

1 АМЕРИКАНСКИЕ «АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ» ГЛАЗА, УШИ И СОВЕСТЬ АМЕРИКИ

Несмотря на появление в мире уже более четырех тысяч аналитических центров, во многом подражающих американским «мозговым центрам», американские «Think Tanks» остаются особым явлением. Термин «Think Tanks» — «резервуар идей», который чаще переводится как «мозговой трест», возник во время Второй мировой войны и означал защищенное помещение, куда удалялись гражданские эксперты и военные для обсуждения. В то время, как филиалы Фонда Карнеги, фонда «Наследие», Брукингского института в других странах учат местные элиты смотреть на национальную политику через призму «глобального подхода», мозговые центры США работают исключительно на американские интересы. Отличительной особенностью американских «Think Tanks» является даже не их прямая связь, сотрудничество и обмен кадрами с Конгрессом, Государственным департаментом, ЦРУ и другими учреждениями по сбору информации. Для этих «университетов без студентов», как их называли еще перед войной, «студентами» являются и правительство, и «политический класс» в целом. Они — суть мощная идеологическая и политическая скрепа американского истеблишмента, его костяк и интеллектуальный потенциал.

Мощные генераторы идеологии создают тонким и опосредованным образом мировоззренческие аксиомы сознания для посвященных и стереотипы для профанов, их широкая международная активность дополняет работу американской дипломатии и идеологической разведки. Именно они и составляют кровеносную систему связи между элитами, по которой циркулирует «истинное знание», в то время как СМИ виртуозно отождествляют интересы США с морально-этическими канонами универсума и обрабатывают многомиллионный «демос», наивно уверенный в своей мнимой «кратии». Воплощением этого является Совет по иностранным делам (Council on Foreign Relations — CFR) — эта святая святых истеблишмента атлантического побережья Северной Америки. Многие эксперты полагают, что как центр принятия решений Совет по иностранным делам стоит над администрацией США. Американский Совет по иностранным делам (далее — СИД) был задуман еще в 1916 году, в рубежный момент смены международного курса. Выход Америки на европейскую и мировую арену осуществляется с вызовом традиционному понятию национального интереса и суверенитета, с противопоставлением ему, как выражается Г. Киссинджер, «вселенской, основополагающей гармонии, пока что скрытой от человечества». Вильсонизм соединило с либеральным багажом кальвинистский пафос «орудия Бога» англосаксонских пуритан, доктрину «нации искупительницы» (Redeemer Nation) и «Божественного предопределения» (Manifest Destiny). Девиз на государственной печати США «Novus ordo Seclorum» — «новый порядок на века» из мистического задания стал воплощаться в реальности. «Realpolitik» нигде не исчезла, но подверглась «теологизации» — отождествлению собственных интересов с морально-этическими канонами универсума. Идеологизация внешней политики США вильсонизанского типа могла поспорить с ленинскими принципами внешней политики. Не защита национальных интересов, а достижение некоей общемировой цели — вот что выдвигалось в качестве цели на мировой арене.

К началу XX века в США уже сформировался крупный центр финансовых ин-

тересов, который был связан тесными экономическими, политическими, культурными узами с финансовыми группами европейских держав. Родственным кругам Европы и Америки были одинаково чужды и мешали монархические и национально-консервативные устои европейских обществ и культуры, классические традиции международных отношений, сложившиеся с Вестфальского мира 1648 года. Исход войны был очевиден для этих кругов и их представителей и сулил лидерство в мировой идеологии и политике с обретением финансовых рычагов. Идеология вильсонизма породила проект пакта о Лиге Наций и Программу из 14 пунктов В. Вильсона.

Разработчиком этой новой внешнеполитической идеологии — прародительницы современной идеологии глобализма — по сути неовильсонизма в немалой степени являлись кадры будущего Совета по иностранным делам. США выходят из своей «изоляционистской» доктрины с универсалистским проектом, автором которого был загадочный alter ego Вильсона полковник Хауз — фигура, недооцененная историками.

Главное в этом проекте — это отказ от национального интереса как основы политики и снижение традиционной роли национальных государств, создание первого типа универсальной международной организации — Лиги Наций и интернационализация международных проблем. США сумели подменить цели войны, ради которых французы, немцы, англичане и русские гибли на фронтах. Г.Киссинджер представляет эту подмену в качестве моральной и политической победы Нового Света над имперским Старым: «Вступление Америки в войну сделало тотальную победу технически возможной, но цели ее мало соответствовали тому мировому порядку, который Европа знала в течение столетий и ради которого, предположительно вступила в войну. Америка с презрением отвергла концепцию равновесия сил и объявила «Realpolitik» аморальной. Американскими критериями международного порядка являлись демократия, коллективная безопасность и самоопределение».

Полковник Эдвард Хауз создал еще в 1916 году неофициальную группу экспертов для выработки модели будущего мира и роли в нем США. Исследователи отмечают не по чину огромное влияние этого серого кардинала, при котором Государственный департамент США сошел на положение промежуточной инстанции для воплощения его идей и архива официальной корреспонденции. Более секретная дипломатическая переписка проходила непосредственно через его маленькую квартиру на 35-й Ист-стрит. Послы воюющих стран обращались к нему, когда хотели повлиять на решения правительства или найти поддержку в паутине трансатлантической интриги.

Связи полковника были весьма разнообразны и нетрадиционны: банкиры Вандерлип, Варбург и Шифф, братья Аллен и Джон Фостер Даллесы, раввин Уайз, журналисты и комментаторы, эксперты, Бальфур и Ллойд-Джордж. Известная под названием «The Inquiry» экспертная группа фактически руководила американской делегацией на Версальской конференции и вместе с банкирами объявила о создании Совета по иностранным делам прямо в Париже. Однако первое же детище идеологии Совета встретило осуждение почвеннически настроенного американского демократического истеблишмента.

Американский Сенат в 1919 г. при обсуждении Версальского договора и пакта о Лиге Наций весьма заинтересовался закулисной стороной формирования позиции США в войне и происхождением вильсонизанской концепции послевоенного мира под эгидой наднационального органа, которая, по их мнению, подрывала суверенитет как основу международного права. Весьма любопытен допрос, которому председатель комитета по иностранным делам Сената подверг Бернарда Баруха, но так и не получил вразумительного ответа на наивный вопрос, возможно ли защитить интересы США в условиях примата международной организации. «Посвященный» Барух не собирался просвещать честного «почвенника» Бора о принципиально но-

вых политических и финансовых механизмах обеспечения интересов и лишь многозначительно изрекал: «Полагаю, что мы это сможем, сенатор». Роль Варбургов, Я. Шиффа, Моргана, Вандерлипа в подготовке послевоенного устройства и идейных постулатов для первого проекта «единого мира» стала предметом скандального разбирательства в американском Конгрессе, возмущенном открывшимся обстоятельством, что текст документов Парижской конференции и, особенно, текст Пакта о Лиге Наций был известен банкирам ранее уполномоченных дипломатических представителей в Париже. Комитет по иностранным делам обнаружил, что американские банкиры вплоть до 1917 года не только препятствовали вступлению в войну и отказывали России в кредитах на закупку вооружений, но сделали ставку на победу Германии, что перестало удивлять, когда выяснилось что германская ветвь Варбургов владела главным пакетом акций Hamburg-American and German Lloyd Steamship Lines и банками, финансировавшими германское судостроение и военный флот. Я. Шифф, женатый на их родственнице, создал в США «Американский комитет по вопросу о нейтралитете», который взял на себя задачу «установить мир с победоносной Германией». В ходе слушаний выяснилось, что те же люди и те же авторы первыми начали пропаганду новых идей с обвинения «европейской реакции» в развязывании мировой войны. В итоге американский Сенат не ратифицировал Версальский Договор и отказался вступить в Лигу Наций.

Описанная идеология международных отношений и обоснование американской роли в них было первым продуктом Совета. Из-за позиции Конгресса США, в котором доминировали «почвеннические» настроения, американская внешняя политика оказалась на значительный промежуток времени в руках консерваторов-изоляционистов с лозунгом «подальше от Европы». Потребовались определенные усилия, чтобы укрепить в США соответствующие круги для проведения линии Хауза — Вильсона, и понадобился весь XX век для реализации их универсалистского замысла.

По признанию директора отдела политики и планирования Государственного департамента Ричарда Хааса, именно Совет по иностранным делам в период изоляционизма «помог сохранить и поддержать готовность к глобальной вовлеченности некой «посвященной общины» внутри США и «поддержать теплящийся огонек мондиализма» в период между отречением США от Лиги Наций и наступлением Второй мировой войны. В этот период Совет сливается с американским «Институтом международных отношений». На обложке ежегодника — «Политического справочника мира» («Political Handbook of the World») Совет объявил себя некоммерческим, непартийным научно-исследовательским обществом, которое проводит непрерывные обсуждения по рассмотрению политических, экономических и финансовых проблем Америки в международном аспекте. Эта организация «представляет из себя группу людей, многие из которых имеют обширный опыт в международных вопросах и которые желают научной и беспристрастной исследовательской работой помочь развитию благоразумной внешней политики США». Однако руководящий состав, тематика, наконец, материалы закрытых заседаний свидетельствуют, что эта структура теснейшим образом связана с финансовыми группами США, Морганом и Рокфеллерами, а также имеет прямой выход в Государственный департамент.

К концу 30-х годов роль Совета, его авторитетность как ведущей научно-исследовательской организации США по изучению международных проблем с определенного времени была намеренно подчеркнута во время участия на международном съезде научных обществ по изучению международных отношений, организованном Лигой Наций в Лондоне в 1939 году. Его роль разработчика внешней политики США и связь с Государственным департаментом никогда не афишировалась, хотя может быть прослежена доказательно еще с довоенных времен. Более того, разработки

Совета не раз служили основой для официальных внешнеполитических документов и даже текстуально совпадали с ними, причем не только американских, но и ряда стран, чья ориентация имеет важное значение для американских военно-политических планов в Европе.

Из довоенного прошлого Совета можно привести немало других красноречивых примеров: председателями Совета были Норман Х. Дэвис, бывший заместителем госсекретаря США, Джон Дэвис, бывший в 1924 году послом США в Англии и кандидатом в президенты США от Демократической партии (вплоть до 40-х годов был членом редколлегии «Форин Афферз»), Оуэн Юнг — автор Репарационного плана Юнга, он же президент «Дженерал Электрик». Исаия Боумэн, член Совета, был советником президента Вудро Вильсона, будучи в тесном взаимодействии с полковником Хаузом. Боумэн, будучи членом одной из главных групп (территориальной), занимался в середине 40-х годов планированием будущего Европы после «нацистско-большевистской войны». Его имя всплывет в составе американской делегации в Думбартон-Окс. Г.Ф. Армстронг, председатель Совета в годы Второй мировой войны был одновременно главным редактором «Форин Афферз», оставаясь на этом посту до середины 70-х годов. Все упомянутые деятели стояли в вопросах внешней политики на однозначно враждебных к России позициях, открыто формулируемых вплоть до 22 июня 1941 г.

К началу Второй мировой войны деятельность Совета можно охарактеризовать как совмещение аналитическо-концептуальной разработки тем стратегического характера для всех аспектов американской роли в мире, формулирования внешнеполитических программ и документов с конкретной дипломатической работой с союзниками и соперниками, связь с представителями оппозиционных и эмигрантских групп из других стран. Работа Совета еще до войны состояла не только в подготовке важнейших стратегических и оценок международного положения, но и в отсылке данных материалов в распоряжение Государственного департамента. Совет по-прежнему был теснейшим образом связан с английским королевским Институтом международных отношений в Лондоне («Chatham House»), который пересылал свои работы Совету.

На заседаниях Совета, работа которого необычайно активизировалась в периоды, готовящие или предвещающие серьезные геополитические сдвиги, всегда присутствовали и выступали с докладами представители оппозиционных или эмигрантских элит тех стран или территорий, важных для США, на которые они не имели возможность оказывать воздействия. Советские спецслужбы и «аналитические» отделы заинтересовались деятельностью Совета после смены руководства НКВД. Литвинов неслучайно считался англосаксонским лобби в советском истеблишменте и при нем о деятельности Совета ничего не писали. М. Литвинов сам прекрасно был о ней осведомлен, так как был в составе группы «из пяти высокопоставленных большевиков», которая в 1929 году посетила Совет, после чего Совет рекомендовал правительству признать СССР. Документы о том визите пока еще находятся за семью печатями, поскольку эти большевики «первого» космополитического разлива явно обещали некую экономическую и политическую стратегию, приемлемую для США.

С легкой руки Литвинова, писавшего в НКВД все аналитические записки с оценками американской политики в целом и перспектив отношений с СССР, в советской довоенной историографии всегда выделялась «демократическая Америка», более «терпимая» к большевикам. Это была сущая правда, и в этой стратегии определенную роль играл Совет по иностранным делам. США оказывали большевикам немалую помощь ресурсами и кадрами революционеров в самые ранние годы параллельно со своим участием в финансировании походов Антанты. Именно США были готовы немедленно признать большевиков на удерживаемой теми небольшой части России с одновременным признанием всех самопровозглашенных террито-

рий. Однако, когда в 1922 году большевистская власть сумела восстановить единство страны, США долгое время (до 1933 года) отказывались признать в форме СССР основную историческую территорию России.

США признали СССР лишь после того, как в ходе засекреченного до сих пор визита в 1929 году в США группа из пяти высокопоставленных большевиков «отчиталась» об их дальнейших планах загадочному Совету по иностранным делам. По словам У. Мэллори, исполнительного директора Совета, эти делегаты дали ответы, которые «удовлетворили аудиторию, состоявшую из американских банкиров, но могли бы дискредитировать этих людей дома». Удалось установить, что одним из них был М. Литвинов, имевший давние связи в англосаксонском мире, женатый на дочери английского историка и ставший наркомом иностранных дел после поездки в США.

Когда чувство родства с Новым Светом испарилось, в СССР заподозрили в США геополитического соперника. Перед разведкой и аналитическими органами были поставлены новые задачи. Сразу было установлено, что многие важнейшие международные инициативы в Европе и темы заседаний Совета совпадают, хотя не имеют формальной связи, а его документы и материалы появляются затем в форме официальных заявлений и документов международных и американских инициатив. Так, подготовленные лондонским «Чэтэм хауз» «Планы по экономической реконструкции Европы» и «Немедленные послевоенные мероприятия по оказанию помощи и реконструкции в Европе», были рассмотрены на заседаниях Совета за два с лишним месяца до визита в США руководителя бюро Межсоюзнического комитета послевоенной помощи Лейт-Росса. Эти материалы появились затем в почти неизменном виде как официальный документ Госдепартамента США, врученный Ачесоном М. Литвинову в качестве американского проекта соглашения о послевоенной помощи под названием «Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций» (ЮНРРА).

Меморандум «О мирных целях Норвегии», рассмотренный на заседаниях группы «По изучению мирных целей европейских наций» 30 июня 1941 г., в большей своей части содержится в официальных документах норвежского министра иностранных дел Трюге Ли, подписанных им в Лондоне 8 мая 1942 г. и врученных послу Богомолу 16 июля 1942 г. в качестве «Проекта основ норвежской послевоенной политики». Не без оснований в НКВД Совет назван «квалифицированной и солидной кухней по разработке, систематизации и подготовке не только абстрактных и перспективных проблем будущего послевоенного устройства, но и важнейших международных политических вопросов текущего оперативного порядка, некоторая часть из коих может весьма сильно затронуть интересы Советского Союза».

С самого начала Второй мировой войны под руководством СИД четыре группы экспертов работали по заданию Государственного департамента на средства Фонда Рокфеллера над темами под общим названием «Изучение интересов Америки в военное и мирное время» в четырех группах: группе по вооружению, финансово-экономической, политической и территориальной. Со 2-го июня 1941 г., за три недели до нападения Германии на СССР с одобрения Госдепартамента прибавилось еще одно подразделение под характерным названием — группа по изучению мирных целей европейских наций. Группы резко интенсифицировали работу и издали ограниченным тиражом на гектографе ряд «строго секретных» документов и меморандумов, посвященных послевоенному порядку в Европе и мире с особым вниманием к территориям и странам, приграничным к СССР.

Членами всех важнейших групп являлись Г. Армстронг, У. Мэллори (принимавшего секретный визит Литвинова), А. Даллес и ряд других ключевых координирующих фигур. Особо обращают на себя внимание целый ряд заседаний с докладами представителей эмигрантской элиты и бывших государственных деятелей Прибал-

тики — Литвы, Латвии и Эстонии, Польши, Венгрии, Норвегии, Чехословакии, Румынии, Югославии, Австрии. Тематика заседаний и названия докладов и меморандумов посвящена классическим темам реальной политики и глобальным интересам США, мало соответствующим вильсоновскому и Атлантической хартии. Интересы борьбы с гитлеровской мощью требовали вовлечения СССР, его материальных и человеческих ресурсов в войну против Германии, которую могла разгромить лишь континентальная держава, и Советский Союз приглашался в качестве союзника в борьбе против общего врага. Тем временем 22 августа 1941 г. СВС посвящает американской стратегии в новых условиях заседание, прагматизм которого смутил бы Талейрана и Макиавелли. Сама тема заседания: «Вопросы американской политики, касающейся нацистско-большевистской войны» и перечень вариантов демонстрируют изнанку, весьма отличную от риторики официальных деклараций и обращенных ко всему миру и к СССР инициатив:

«Если большевистский режим сохранится:

а) Станет ли Америка соучастником Советской России в войне против Гитлера.

б) Должна ли Америка добиваться установления равновесия между (послевоенной) Германией и Россией путем создания независимых от них обеих буферных государств.

в) В случае нападения Японии на Приморье, должны ли тогда США вмешаться путем интервенции на Дальнем Востоке.

Если большевистский режим падет:

а) Должна ли Америка стараться восстановить большевизм в России.

б) Должны ли США по примеру Гитлера санкционировать массовое переселение народов для создания буферной зоны между Германией и Россией.

Если после большевистского режима будет установлен режим сотрудничества с Германией:

а) Должны ли США не дать возможность этому режиму установить контроль над Транс-Сибирской железной дорогой.

б) Должна ли Америка подготовить на Дальнем Востоке противников этого режима (Китай, Япония)». (выделено Н.Н.)

Однако самое ценное заключают в себе итоговые тезисы обсуждения:

«Военный результат этой войны решит судьбу не только большевистского режима; он может обусловить огромный процесс перегруппировки сил от Богемии до Гималаев и Персидского залива. Страницы истории открываются вновь, краски снова льются на карты.

Ключ к этому лежит в реорганизации Восточной Европы, в создании буферной зоны между тевтонами и славянами. В интересах Америки направить свои усилия на конструктивное решение этой проблемы, если только желательно предотвратить повторение войны».

В развитие этой темы СИД провел до августа 1942 года исключительно интенсивную работу по систематизации и изучению возможностей переустройства послевоенной Европы, прежде всего ее восточной и центральной частей, и издал около 500 «строго секретных» меморандумов, ставших сразу достоянием советских ведомств. В этих меморандумах проводится тщательный смотр всех сил и стран, на которые можно было бы сделать ставку, приглашаются все эмигрантские правительства или оппозиционные группы из тех государств, которые все еще не находятся под влиянием США, а сами доклады и обсуждения проходят в группе под названием, вполне соответствующим Атлантической хартии — группа по изучению мирных целей европейских наций.

В заседаниях принимали участие, иногда с докладами, А. Сметона — бывший президент Литвы, К.Р. Пушта — бывший министр иностранных дел Эстонии, А. Бильманис — «полномочный посол» Латвии в США, эрцгерцог Австрии Отто фон Габсбург, А. Грановский — президент организации по возрождению Украины, Л. Димитров — председатель «Македонской политической организации США и Канады», представители польской эмигрантской элиты, бывшие государственные чиновники Чехословакии и Румынии, О. Яши — бывший министр национальностей Венгрии и другие. Председателем этой важнейшей группы был сам Г.Ф. Армстронг, членами — А. Даллес, У. Мэллори. Представленные в Совете «нации» не совпадали с государствами на официальной карте Европы до начала гитлеровской агрессии, что лишний раз позволяет трактовать Атлантическую хартию отнюдь не как требование отвергнуть результаты гитлеровских завоеваний и вернуться к положению ante bellum (до войны), а воспользовавшись этой агрессией, объявить пересмотр довоенных границ. Именно на эти «буферные» восточно- и центрально-европейские силы будет сделана главная ставка США в расширении НАТО в 90-е годы после краха СССР.

Судя по всему, еще до Пирл-Харбора и задолго до окончания войны лидеры американских деловых и политических кругов через свои наиболее квалифицированные организации, пронизавшие правительственные круги, приступили к активной разработке планов послевоенного устройства Европы и экономического и политического присутствия в ней США. Принято считать, что окончательное стратегическое решение США «остаться» навсегда в Европе и инкорпорировать роль, интересы и потенциал Западной Европы в свою глобальную стратегию, составной частью которой стало поощрение и европейской интеграции, и «единой Европы», оформилось лишь в 1946 году. Еще в 1944 году впечатление о возможности возврата США к «изоляции» было распространено даже в самых верхних эшелонах внешнеполитического ведомства Великобритании. Об этом свидетельствуют переписка британских эмиссаров в Европе с А. Иденом о будущем европейском устройстве, а также некоторые материалы советских архивов, показывающих, что в беседах Молотова с Бирнсом, государственным секретарем США, советская сторона выражала беспокойство возможным предпочтением США «замкнуться в своей скорлупе».

Секретные меморандумы СИД говорят о том, что те круги, которые занимались панорамным стратегическим планированием места США в грядущем периоде мировой истории, еще в начале войны, задолго до того, как к этому склонился Государственный департамент и Конгресс, постулировали заинтересованность США в «интеграции» Европы в универсалистских структурах, которые США должны контролировать и направлять.

Важнейшей стороной деятельности Совета стало мировоззренческое программирование специфическими методами — выработка базовых аксиом и клише в сознании научной и общественно-политической элиты через свои издания, особое место среди которых занимает журнал «Форин Аффэрз». Авторитетность журнала придало не только высокое качество публикуемых аналитических материалов и статей ведущих имен американского политического и политологического сообщества, обкатывались внешнеполитические концепции, доктрины и инициативы, которые стали или вскоре становились практическим внешнеполитическим курсом США. Что было первичным — вопрос сложный. Публикация в «Форин Аффэрз» делала новое имя авторитетным, а его суждения привлекали внимание как мнение, разделяемое частью государственных ведомств. Именно в журнале «Форин Аффэрз» в 1947 году появилась анонимная статья, принадлежавшая Джорджу Кеннану, «Истоки советского поведения», где была сформулирована «доктрина сдерживания».

В 1963 году Дж. Кеннан поместил статью под названием «Полицентризм и западная политика», где разъяснялись выгоды от некоторого ослабления военной истерии против СССР и социалистического блока и предлагалось стимулировать постепе-

пенный отход восточноевропейских участников Варшавского пакта через формирование из них более самостоятельных центров силы. В соответствии с этой концепцией США отказывались вести дело со всем блоком, чтобы не повышать наднациональную роль СССР и его влияние, и даже пошли на смягчение закона о торговле стратегическими товарами в отношении фрондирующих партнеров в Варшавском пакте. Доктрина эта была отставлена с вводом войск в Прагу в 1968 году.

Легковесные и исключительно идеологические комментарии по поводу очередной годовщины этих событий обошли как главный смысл этой акции со стороны СССР, так и главный итог ее для позиций СССР и международных отношений. Понимая, что Запад выжидает, пока пражская «весна» перейдет в жаркое «лето», и Прага будет готова выйти из Варшавского договора, СССР показал Западу, что готов даже ценой очевидной потери престижа в общественном мнении и антирусских настроений в самой ЧССР, ценой нарушения международного права подтвердить свой контроль над геополитической зоной ответственности, определенной не только Сталиным, но и Черчиллем и Рузвельтом, и не допустить распада военно-стратегического пространства. США, проинформированные об акции самим советским руководством, признали эту сферу, в отличие, скажем, от Афганистана, вход в который был воспринят как расширение зоны коммунизма и влияния.

Крах иллюзий на отрыв по одиночке социалистических стран от СССР привел США к разрядке. Прямыми результатами ввода войск в ЧССР были договоры ФРГ и СССР 1970 года, последующий договор между ФРГ и Чехословакией, в котором страны признали «Мюнхенский стовор» недействительным с самого начала, визит Р. Никсона в Москву, встреча во Владивостоке, весь комплекс договоров в области ядерного разоружения, включая его фундамент — Договор о противоракетной обороне 1972 года и Протокол к нему 1974 г. ОБСЕ также вряд ли пришло бы к завершению формирования без ввода войск, который побудил Запад подтвердить в Заключительном акте Хельсинки незыблемость послевоенных границ и реалий, в обмен на согласие СССР на сокращение вооружений в Европе. С такими же целями подтвердить свой контроль над некими ареалами США вводили войска в Гренаду и т.д. В конце 60-х годов на страницах «Форин Афферз» появляется имя З. Бжезинского, которого извлек из неизвестности Дэвид Рокфеллер — человек, который занимает весьма важное место в конструировании идеологии глобализма и ее институционализации. Финансово-промышленный магнат, глава одного из крупнейших банков «Чейз Манхэттен», он являлся в течение ряда лет президентом СИД.

В деятельности Совета по иностранным делам можно проследить ступени развития доктрины глобализации, к осуществлению которой мир нужно было подготовить. Уже в 60–70-е годы пробиваются на поверхность всходы целенаправленной работы всего XX века по консолидации и созданию наднациональных механизмов контроля над общемировым развитием, в которых стратегия отдельных стран была бы незаметно подчинена поставленным целям. Задача эта связана с панорамными расчетами ведущих сил Запада, которые они вели с начала века в отношении своего политического и экономического будущего. Между двумя мировыми войнами речь шла о рычагах воздействия на оформление нужного идеологического, политического и экономического облика мира, об условиях накопления экономической и финансовой мощи. Этому служили паутина Хауза — Вильсона — Ллойд-Джорджа, создание СИД. В этот период были испробованы и первые международные политические и финансовые учреждения — Лига Наций и Банк международных расчетов. Созданный планом Юнга (председателем Совета в 20-е годы) якобы для решения репарационного вопроса, он успешно институционализировал ведущую роль в европейской политике англосаксонского финансового капитала.

После Ялты и Потсдама Запад потратил огромные ресурсы для компенсации нового соотношения сил. История плана Маршалла, интеграционных механизмов от

Рима до Маастрихта, военного блока НАТО — хрестоматийна. Новым в этом процессе было не создание альянсов — новым был их тип и уровень, ибо они не просто ограничивали в силу обстоятельств, а качественно необратимо размывали национальный политический и экономический суверенитет. Одним из первых «европейских сообществ» стало «Европейское объединение угля и стали» — сырьё не только войны, но и всей экономики. Была создана военно-политическая матрица, которая задала экономическую структуру, потребности развития стран, обеспечила рост американского ВПК и ТНК, которые постепенно становятся силой, оказывающей решающее воздействие на правительства стран базирования.

СИД еще в начале войны подготовил меморандум о пан-Европе, в которой нужно было растворить и интегрировать германский потенциал, устранить дорогостоящие традиционные противоречия между германцами и романцами. Запад под эгидой США выстраивался как единое геополитическое, экономическое, военное и культурное консолидированное целое. Идеи единой Европы и постепенное превращение Европы в некое супер-государство с наднациональными институтами управления были составной частью глобальной стратегии США. Американское политическое сознание постепенно отождествляет себя с Западом в целом. В таком ассимилированном сознании утверждается мотив не просто сильнеешего, а тождества мира и себя, где остальные — провинция, не имеющая права на историческую инициативу.

По мере утраты коммунизмом всякой привлекательности для западного мира, теряет свои изначальные благородные черты классический либерализм, выдвигая на смену идеалом Просвещения — суверенитету народа, равенству, универсализации прогресса — новый всемирный идеологический проект. Имя новой идеологии — глобализм, а авторы и спонсоры его в немалой степени широкие круги, воспитанные Советом по иностранным делам. В книге «Первая глобальная революция» А. Кинга и Б. Шнайдера, вышедшей под эгидой знаменитого Римского клуба, сказано, что началом «глобальной революции» нужно считать 1968 год. Хотя первые революционеры указаны не были, имена некоторых руководителей можно назвать достаточно уверенно. Среди них Дэвид Рокфеллер.

Именно СИД стоял в 1968 году у истоков создания Римского клуба. Именно Д. Рокфеллер поручил З. Бжезинскому возглавить созданную им без участия СИД Трехстороннюю комиссию, тоже своего рода клуб, объединивший в 1973 году крупнейших представителей делового и политического мира США, Западной Европы и Японии. В 1968 году З. Бжезинский писал: «Наша эпоха не просто революционная. Мы вышли в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории. Мир стоит на пороге трансформации, которая по своим историческим и человеческим последствиям будет более драматичной, чем та, что была вызвана французской или большевистской революциями... В 2000 году признают, что Робеспьер и Ленин были мягкими реформаторами».

Имя В. Вильсона непосредственно не увязывали с процессами 1970-х годов, но именно вильсонская пацифистская идея «мира как концепции», которой должны быть подчинены интересы государств, идеология «единого бесконфликтного мира» увели целое поколение политологов от изучения проблем реальной политики. Первый опыт подобных форумов и диалогов «по поиску взаимопонимания» представили американские «Think Tanks», среди них Фонд Карнеги, американский Институт мира, и, конечно, СИД. Задачей таких инициатив сам Государственный департамент называет «превентивную дипломатию». Они служат «либо дополнением к официальным действиям США, либо заменяют их, когда официальное американское присутствие невозможно».

«Конфликтология» абстрактных величин не предполагает сопричастность событиям и позициям. В ней изучается не задача достижения национальных интере-

сов, а методика принесения их в жертву абстрактным принципам, на деле же осуществляется цель не допустить резкого изменения баланса сил из-за неожиданного усиления того или иного участника, или появления новой региональной супердержавы. Это закрепление и консервация сложившегося соотношения сил, в котором уже оформились лидеры. Конфликтология стала научной дисциплиной, для которой создана по всему миру сеть научных центров (Стокгольмский СИПРИ, Гессенский институт и аналогичный институт в Тампере ТАПРИ). Проблемы мира и конфликтов стали темой бесчисленных международных семинаров и курсов.

Политика этих центров заключать контракты с политологами и экспертами разных стран сделала научные и политические кадры центров подлинно космополитическими. Наконец в международном политическом сознании легализуется само понятие глобальное управление — Global Governance, необходимость которого постепенно вводится в аксиоматику «науки о международных отношениях». В 1995 году именно в США под таким названием начинается выходить солидное периодическое издание. Бывший директор ТАПРИ Р. Вэйринен издает в Бостоне труды о глобализации и глобальном управлении. Глобальное управление требует открытости всех обществ мира, а также определения круга избранных, обладающих правом управлять, и обоснования этого права. Из этой аксиомы следует задача подтолкнуть «закрытые общества» к преобразованию в определенном направлении, а также подготовить мир к замене основополагающих принципов международного общения — принципа суверенитета государства-нации, невмешательства — и к созданию нового абстрактного субъекта международных отношений — «мирового сообщества». Бжезинский, ставший советником по национальной безопасности, воспитанник СИД, вспоминал в мемуарах, как клише защиты прав человека в соответствии с новой стратегией вписывалось во все программы, речи, заявления, повестки, условия. Идеология примата прав человека, резко вброшенная Дж. Картером, и повернувшая США от разрядки, была новой тактикой, гуманитарная интервенция в 1999 году стала ее продуктом. Американский СИД активно пропагандировал понятие «мирового сообщества», хотя английский политолог Хедли Булл, расшифровал, что внутри этого мирового сообщества существует некое «мировое общество», — некий ведущий, избранный и единый в своих целях и принципах «концерт», который составляли западные страны.

Идеи глобализма в СССР были подготовлены при Н. Хрущеве, несмотря на его демагогические поношения капитализма и перенос «обострения классовой борьбы» в область соревнования двух систем. С эпохи Хрущева реанимируются универсалистские мотивации политики, идея мировой революции (в форме соревнования с капитализмом и борьбы за третий мир, поглощавшей золотой запас). Возобновляется и умелое формирование Западом экономической и политической зависимости от него СССР, направление советской экономики по экстенсивному пути, резкое увеличение экспорта сырья, подготовка обстановки моральной зависимости от Запада третьего поколения советской партийной и административно-научной номенклатуры через ее втягивание в свою орбиту. Этому служила деятельность открытых форумов подобных Римскому клубу, который провозглашал цель побудить страны мыслить глобально и «осознать мировую проблематику». Его призывы были обращены к международным интеллектуальным силам, глобалистские подходы пропагандировались как веление времени. Первые два доклада Римскому клубу — доклад Д. Мэддоуза «Пределы роста», изданный на 30 языках многомиллионным тиражом и доклад Месаровича-Пестеля «Человечество на перепутье» намеренно убеждали в неизбежной гибели мира вне механизма мирового контроля над ростом и развитием и предупреждали о невозможности всем следовать примеру развитых стран. В семидесятые годы в международном лексиконе был легализован термин «мировой порядок» и идея его пересмотра под эгидой мировой элиты — третий доклад Римскому

клубу голландского экономиста Яна Тинбергена. Идея пересмотра мирового порядка в первую очередь направляла общественное сознание и мысль к глобализации, к поиску новых универсальных механизмов, которые бы «гармонизировали» доступ к мировым ресурсам и обеспечили новые непрямые рычаги управления мировым развитием. Хотя Западу приходилось сталкиваться с напором развивающихся стран, возмечтавших о справедливости, принятые ООН Декларация и Программа действий по установлению нового мирового экономического порядка остались «антиимпериалистическими» иллюзиями, что не относится к концепции конца суверенитета.

Именно в период эйфории равенства и «пересмотра несправедливого экономического порядка» строились механизмы и испытывались технологии глобального управления, формировались идеология и кадры — насчитывающая миллионы прослойка международных чиновников, переходящая из одной организации в другую и кочующая от Бангкока до Женевы. Запад выдержал все неизбежные издержки «детских» идеалистических надежд на подлинно «универсальный» глобализм и одновременно выиграл от этого периода право именовать себя «мировым сообществом». Сразу после краха СССР этот «новый субъект» международных отношений дал понять, что принцип эгалитарности и универсализма не распространяется на прогресс и развитие. Организация Зеленого креста во главе с М. Горбачевым на конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 году жестко предупредила страны, что мир не может выдержать повторения бедными государствами опыта развитых, а в Киотской декларации 1993 года было уже указано, что препятствием к решению глобальных проблем являются «наши представления о национальном суверенитете». Адепты глобализации с удовлетворением отмечают возрастание юридического статуса последующих протоколов в качестве «шага к распространяемой справедливости».

В отличие от конфиденциальных докладов Трехсторонней комиссии, созданной по идеологии СИД, призывы к совместному решению мировых экономических проблем и «проблем человечества» прямо адресовались мировой и, в немалой степени, советской элите, приглашая ее стать частью этого механизма. Советская интеллектуальная и номенклатурная элита стала остро ощущать гнет своей идеологии, но не потому, что та разочаровала ее как инструмент развития собственной страны, а потому, что стала помехой для принятия в элиту мировую. Цена за место в мировой олигархии была названа в эпоху М. Горбачева.

В конце 90-х годов XX века Совет охватывает практически все важнейшие общественные институты и государственные структуры США — Конгресс США, Государственный департамент и министерство обороны, банки, финансовые корпорации и учреждения, крупнейшие промышленные корпорации, а также важнейшие информационные агентства, электронные СМИ и печатные издания, руководство и профессиу колледжей и университетов. Из сенаторов и конгрессменов, по данным на 1998 год, демократов-членов СИД, Трехсторонней комиссии и Бильдербергского клуба было приблизительно в два-три раза больше, чем республиканцев. В отличие от начального периода своей деятельности, Совет по иностранным делам сегодня кажется внешне растворившимся в американском истеблишменте. Скорее его можно сравнить с некоей ложей посвященных, окормляющей американский истеблишмент идеологическими и мировоззренческими скрепами.

Итак, только самый первый взгляд на систему связи мозговых центров и американского государства рождает мнение, что американские «Think Tanks» — это инструменты выработки официальной политики США. Более внимательное рассмотрение подводит к суждению, что скорее наоборот, правительственные структуры и институты США, сама государственная стратегия США находятся под мощным, идейным и политическим мониторингом некоего всепроницающего и вездесущего лобби, выражающего интересы идеологических, финансовых и профессиональных элит, имеющих транснациональные интересы. Это лобби не выступает на политичес-

кой арене открыто, но через эти структуры обеспечивает преемственность своих интересов в самих США и в мире. Деятельность американских мозговых трестов нельзя недооценивать, хотя она и проходит в большей своей части вне объективов телекамер. Чисто американское явление, эти институты формировали не только саму политику США уже на протяжении 100 лет. Они лепили и отношение к этой политике как среди своих граждан, так и в мировом общественном мнении. Их деятельность во многом дополняет и подменяет работу американской дипломатии и идеологической разведки. Именно в них рождаются новые концепции и доктрины, именно они поставляют кадры и экспертизу для правительственных учреждений. Они экспортируют политические клише и вводят в оборот новые стереотипы исторического сознания.

Очевидно, что за пределами США главной ролью «Think Tanks» кроме прощупывания позиций местных элит является экспорт клише и стереотипов сознания. А это есть не что иное, как идеологическое программирование. Эти учреждения, как правило, публикуют книги, проводят семинары и конференции, причем часто в других странах, работая с местными элитами. Так Институт У. Мондейла поспешил в «демократическую Россию» в 1991 году и устраивал семинары и банкеты для нарождающихся партий некоммунистического толка. Некоторые из очарованных гостей затем стали российскими сотрудниками в московских филиалах американских центров. Международный центр Вудро Вильсона издал на русском языке для российской элиты книгу У. Лакера — «председателя Совета международных исследований вашингтонского Центра по исследованию стратегических и международных проблем», в которой виртуозно осуществлялась задача: развенчать СССР как главного борца против фашизма, при этом не реабилитировать фашизм, но избавить Запад от вины за него. Вторая мировая война трактовалась как война между двумя тоталитарными монстрами, а антисемитизм немцам, якобы, подсказали русские эмигранты.

Нынешний передел мира являет невиданный синтез империализма времен Теодора Рузвельта и мессианизма Вудро Вильсона. К слабым странам применяется сила вместе с тезисом, высмеянным еще американцем Коулмэном: «Мы управляем вами, так как это в ваших же лучших интересах, а те, кто отказывается это понимать, представляют собой зло». По отношению к структурным элементам системы международных отношений, прежде всего к России, которая ранее была объективным препятствием переделу мира, применяется идеология глобализма. Составной ее частью является воздействие на сознание. Обывателю внушается идеал несопричастности к делам Отечества, а элите — иллюзия сопричастности к мировой олигархии и уверенность в том, что «США соответствуют высоким принципам политического порядка, превосходящего все остальные политические порядки, и новый американский империализм служит высшей моральной цели».

Поэтому политикам и политологам, участвующим в конференциях и приемах филиалов Фонда Карнеги или Института Мондейла, принимая их поощрительные похлопывания по плечу, полезно было бы иметь в виду, что, по откровенному признанию отдела политики и планирования Государственного департамента, «в самых темных углах мира эти структуры служат глазами, ушами и совестью Соединенных Штатов». А написавший эти строки руководитель отдела Ричард Хаас по традиции перетекания кадров вскоре возглавил Совет по иностранным делам¹.

¹ Первый вариант настоящей статьи был опубликован в журнале «Наш современник».

2 ТЕХНИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА¹

В последнее время число так называемых «революций» во всем мире стремительно возрастает.

1. Грузия

В Грузии в ноябре 2003 г. был свергнут президент Эдуард Шеварднадзе. Это произошло после того, как в стране прошли демонстрации и марши протеста, организаторы и участники которых утверждали, что итоги парламентских выборов были фальсифицированы.

2. Украина

В ноябре 2004 г. волна демонстраций, получившая название «Оранжевой революции», прокатилась по Украине. Там звучали аналогичные грузинским заявления о фальсификации выборов. В результате страна лишилась своей прежней геополитической роли «моста» между Востоком и Западом и встала на путь, который должен привести ее к полноправному членству в НАТО и Европейском Союзе. Если учитывать то обстоятельство, что Киевская Русь — первое русское государство, тогда как итогом «Оранжевой революции» стало противопоставление Украины России, то можно говорить о действительно историческом достижении Запада. Несмотря на то, что Украина отправила свои войска в Ирак, в США ее позицию в отношении Москвы совершенно очевидно воспринимали как «слишком дружжелюбную». А Джордж Буш дал понять, что та или иная страна может быть или «с США», или «против США».

3. Ливан

Демонстрации, названные впоследствии «Кедровой революцией», прошли в Бейруте вскоре после того, как США и ООН заявили о необходимости вывода сирийских войск из Ливана, а экс-премьер страны Рафик Харири был убит. При этом массовая контрдемонстрация, организованная крупнейшим в Ливане политическим движением «Хезболлах», была эффективно проигнорирована телевидением, бесконечно выдававшим на экраны лишь «картинку» толпы, выступавшей с антисирийскими лозунгами. На телеканале «Би-би-си» в лучших традициях оруэлловского «двойного мышления» объясняли, что «Хезболлах» — это на данный момент единственный голос против того, чтобы сирийские войска покинули страну». Интересно, как большинство может быть «единственным голосом против»?

4. Кыргызстан

После того, как «революции» произошли в Грузии и на Украине, многие предсказывали распространение «революционной волны» на бывшие советские республики в Средней Азии. Так должно было случиться. Обозреватели спорили о том, как же все-таки обозначить мятеж в Бишкеке — как «Лимонную революцию» или как «Тюльпановую революцию»? Они никак не

¹ Перевод на русский язык дается по оригинальному изданию: *Laughland J. "The Technique of a Coup d'État". Part I, II, 01.06.2005, 09.07.2005 // Sanders Research Associates Ltd // http://sandersresearch.com/index.php?option=com_content&task=view&id=456&Itemid=62 Jul/01/2005, http://www.s-r-a.co.uk/index.php?option=com_content&task=view&id=462&Itemid=62*

могли определиться. Однако в одном все обозреватели сошлись: революции — это здорово, даже если они сопровождаются вспышками насилия. Президент Кыргызстана Аскар Акаев был свергнут 24 марта 2005 г., а протестующие штурмовали и разграбили президентский дворец.

5. Узбекистан

После того как в ночь с 12 на 13 мая в узбекском городе Андижан (расположенном в Ферганской долине, где начались беспорядки в соседнем Кыргызстане) вооруженные мятежники захватили правительственные здания, выпустили заключенных из местной тюрьмы и взяли заложников, они были окружены силами полиции. Начались переговоры с мятежниками, которые выдвигали все новые и новые требования. После того, как правительственные силы атаковали боевиков, в бою погибли 160 человек¹, в том числе 30 полицейских и военнослужащих. Тем не менее западные СМИ немедленно представили искаженную версию этого жестокого столкновения, утверждая, что правительственные силы открыли огонь по безоружным демонстрантам, по «народу».

Постоянно повторяемый миф о народном восстании против диктаторского правительства популярен у представителей как левой, так и правой частей политического спектра. Раньше миф о революции являлся, понятное дело, достоянием левых. Во время жестокого путча в Кыргызстане, *The Times* с энтузиазмом отмечала, как бишкекские кадры напоминают сцены из фильма Сергея Эйзенштейна о революции 1917 года. Газета *The Daily Telegraph* восхваляла «власть народа», а в *Financial Times* и вовсе была использована знаменитая маоистская метафора, когда обозреватели «благословляли» кыргызстанский «долгий путь к свободе».

Очевидно, что ключевым для такого рода мифотворчества элементом является то, что за событиями стоит «народ», кроме того «революционная» ситуация возникает стихийно, спонтанно. В действительности, речь, как правило, идет о хорошо организованных операциях, зачастую о преднамеренных постановках для СМИ, оплаченных и контролируемых транснациональными сетевыми организациями, которые также называют «неправительственными» и которые, в свою очередь, являются инструментами западного влияния.

1. ЛИТЕРАТУРА О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПЕРЕВОРОТАХ

Выживаемость мифа о спонтанной народной революции становится проблематичной, если принять во внимание большое количество литературы, посвященной государственному перевороту как таковому, а также основные факторы, способствующие путчу, и тактики самого переворота.

Организационную структуру свержения правящих режимов, ныне известную под видом политической партии, разработал, конечно, Ленин. От Маркса его отличало то, что он не рассматривал исторические перемены как неизбежную результирующую деятельности безымянных сил, но полагал, что над переменами нужно поработать.

Однако, первым идею государственного переворота выразил в своей книге «Техника государственного переворота» Курцио Малапарте. В этой работе, опубликованной в 1931 г., говорится о смене режима именно с точки зрения техники. Малапарте совершенно очевидно полемизирует с теми, кто полагал, что смена ре-

---

¹ По данным британского аналитика Ширин Акинер, подсчитавшей количество свежих захоронений в тот день (по исламской традиции, тела предаются земле в тот же день) и количество заказанных намазов, погибло 76 человек. (Примечание ред.)

жима происходит сама по себе. Он начинает свою книгу с изложения дискуссии, которая состоялась между дипломатами в Варшаве летом 1920 г.: в Польшу вторглась Красная Армия под командованием Льва Троцкого (Польша, в свою очередь, вторглась на территорию СССР, захватив Киев в апреле того же года), большевики стояли у стен Варшавы. В дискуссии участвовали сэр Хорас Румбольд, посол Великобритании в Польше, и папский нунций, кардинал Амброджио Дамиано Акилле Ратти, два года спустя избранный Папой Римским и взошедший на папский престол под именем Пия XI. Английский дипломат сказал тогда, что внутривнутриполитическая ситуация в Польше настолько хаотична, что революция в стране неизбежна, поэтому дипломатическому корпусу следует покинуть Варшаву и перебраться в Позен (совр. Познань). Папский нунций не согласился с этой точкой зрения, полагая, что революция в таких цивилизованных странах, как Англия, Голландия или Швейцария, так же возможна, как и в странах, пребывающих в состоянии анархии. Английского посла возмутило само допущение того, что революция могла бы в принципе произойти в Англии. «Никогда!» — воскликнул он. Он был неправ, потому что в Польше в 1920 г. не произошло никакой революции. Согласно Малапарте, причина этого заключается в том, что революционные силы на тот момент были недостаточно организованы.

От случая с английским послом и нунцием Малапарте переходит к обсуждению различий между Лениным и Троцким, двумя профессиональными путчистами/революционерами. Как показывает Малапарте, будущий Папа был прав (ошибочно полагать, что революция требует предварительных условий). Как полагали и Малапарте, и Троцкий, смену режима можно осуществить в любой стране, включая стабильные демократические государства Западной Европы, при условии, что в этой стране достаточно людей, решившихся этого достичь.

2. ФАБРИКУЯ СОГЛАСИЕ

Здесь мы подходим ко второму корпусу литературы, в которой рассматриваются манипуляции со стороны СМИ. В книге Малапарте этот аспект не обсуждается, однако а) он имеет огромное значение, б) очевидно, что сегодня при смене правящего режима используются различные техники государственного переворота. В самом деле, контроль над СМИ при смене режима настолько важен, поскольку одной из основных характеристик таких революций является создание виртуальной реальности. Контроль над этой реальностью сам по себе инструмент власти — вот почему «классический» путч в «банановой республике» начинается с того, что революционеры захватывают радиостанцию.

Понимание того, что сегодня все политические события суть результат продуманных манипуляций, вызывает у людей чувство сильного психологического дискомфорта. Этот дискомфорт сам по себе — продукт идеологии эпохи информации, лежащей человеку на шее и заставляющей людей верить в то, что у них есть доступ к огромному количеству этой самой информации. В действительности, за зримым разнообразием информации, которую предоставляют современные СМИ, скрывается крайняя малочисленность первоисточников. Для сравнения: за целой улицей ресторанов на побережье Греции может скрываться всего лишь одна небольшая кухня на заднем дворе. Например, новостные сообщения о главных событиях очень часто исходят из одного источника, которым, как правило, является сетевое агентство. Даже такие авторитетные службы новостей, как «Би-би-си», всего лишь повторно используют информацию, которую они сами получили из этих агентств, подавая новости как свои собственные. Корреспонденты «Би-би-си» нередко передают в лондонский офис сообщения из своих номеров в гостинице, просто зачитывая информацию, которую им предоставляют посредством сети коллеги. Второй фактор, объясняющий дис-

комфорт, вызванный уверенностью в манипуляции со стороны СМИ, связан с ощущением всеведения, которое пестует в людях эпоха масс-медиа: подвергнуть сомнению новостные сообщения как результаты манипуляции означает сказать людям, что они легковерны, а в таких словах для современного человека нет ничего приятного.

Манипуляция со стороны СМИ состоит из множества элементов. Одним из наиболее важных является политическая иконография. Это значимый инструмент пропаганды легитимности режимов, установившихся в результате революции. Достаточно вспомнить такие события-символы, как взятие Бастилии 14 июля 1789 г., штурм Зимнего Дворца во время Октябрьской революции 1917 г. или марш Муссолини на Рим в 1922 г., чтобы понять, что любое событие может быть возведено до уровня почти вечных образцов законности.

Так или иначе, значимость политической образности выходит за рамки нахождения простой эмблемы для каждой из революций. Эта значимость включает в себя гораздо более глубокий контроль со стороны СМИ, и, как правило, этот контроль должен осуществляться на протяжении длительного времени, не только в момент смены режима. Существенным элементом такого рода контроля является назойливое повторение официальной линии «партии». Характерной чертой нынешней медиа-культуры, которую диссиденты вяло и неверно именуют «тоталитарной», является то обстоятельство, что различные точки зрения как раз могут быть представлены и озвучены, но, будучи каплями в море, эти точки зрения не создают никаких препятствий для потока пропаганды.

2а. Вилли Мюнценберг

Одним из современных мастеров такого рода медиа-контроля был немецкий коммунист Вилли Мюнценберг, у которого Йозеф Геббельс учился своему ремеслу. Мюнценберг не только изобрел политтехнологию, но и был первым человеком, доведшим до совершенства искусство создания сети журналистов, формировавших общественное мнение, пропагандировавших взгляды, характерные для коммунистической партии в Германии и для СССР. Он также сколотил на этом неплохое состояние, потому как создал внушительную медиа-империю, из которой и выжимал прибыль.

Мюнценберг был тесно вовлечен в коммунистическое движение с самого начала. Он был членом ленинского кружка в Цюрихе, а в 1917 г. провожал будущего вождя большевистской революции на цюрихский вокзал, откуда Ленин в запечатанном вагоне и не без помощи германских имперских властей было доставлен на Финляндский вокзал в Санкт-Петербурге. Затем, в 1921 г., когда в Европу начала поступать информация о 25 миллионах крестьян, страдающих в Поволжье от голода, который буквально прошелся по молодому советскому государству, Ленин просил Мюнценберга помочь *не допустить* огласки. Мюнценбергу, вернувшемуся к тому времени в Берлин, где позже он был избран депутатом Рейхстага от Коммунистической партии, было поручено создание фиктивной благотворительной рабочей организации, Международного комитета по организации рабочей помощи голодающим в Советской России (*т.н. Межрабпом — прим. перев.*). Организация была призвана продемонстрировать миру, что гуманитарная помощь якобы поступает в Россию не от одной только Американской администрации помощи Герберта Гувера. Ленин опасался не только того, что Гувер использует проект гуманитарной помощи для того, чтобы отправить в СССР шпионов (что он и сделал), но, в большей степени, того, что первое коммунистическое государство в мире будет фатальным образом уничтожено, когда станет известно, что капиталистическая Америка вынуждена прийти СССР на помощь через несколько лет после революции.

Набив руку на «продаже» большевикам смерти миллионов людей, Мюнценберг занялся более широкой пропагандистской деятельностью. Он сколотил большую

медиа-империю, получившую известность как «трест Мюнценберга», который владел двумя массовыми немецкими ежедневными газетами, одним еженедельником, имел долю в большом количестве изданий по всему миру. Наибольшего успеха он добился, направив мировое общественное мнение против США во время процесса Сакко и Ванцетти (двух итальянских иммигрантов-анархистов, приговоренных к смерти за убийство, совершенное в штате Массачусетс в 1921 г.), а также отразив попытки нацистской пропаганды связать пожар в Рейхстаге в 1933 г. с заговором коммунистов. Не стоит забывать, что сам факт пожара был использован нацистами для оправдания массовых арестов и казней коммунистов, хотя сегодня известно, что пожар устроил поджигатель-одиночка Мартинус ван дер Люббе, задержанный в Рейхстаге во время возгорания. Мюнценберг пытался убедить значительную часть общественности, что имело место нечто противоположное тому, о чем говорили нацисты: якобы сами нацисты подожгли Рейхстаг, чтобы иметь повод избавиться от своих основных политических противников.

Как можно связать то, чем занимался Мюнценберг, с происходящим сегодня? Он понимал, что ключевое значение имеет влияние на тех, кто формирует общественное мнение. Его мишенью становились преимущественно интеллектуалы, он полагал, что они поддаются влиянию особенно легко по причине собственного тщеславия. У Мюнценберга были связи со многими известными литературными деятелями 30-х гг., многих из них он вдохновил на поддержку республиканцев во время гражданской войны в Испании, что впоследствии дало начало антифашистскому коммунистическому движению. Тактика, которую использовал Мюнценберг, приобретает приоритетное значение сегодня, когда речь идет о манипуляции общественным мнением в эпоху Нового мирового порядка. Сегодня куда чаще, чем когда-либо, так называемые «эксперты» постоянно высказываются на телеэкраны, чтобы объяснить нам, что же происходит, и эти «эксперты» всегда выступают в роли пропагандистов «официальной линии партии». Существует множество способов контроля над ними, обычно это деньги или лесть.

2b. Психология и управление общественным мнением

Существует и другой подход, отличный от той особой техники, которую Мюнценберг довел до совершенства. Этому подходу также посвящен целый раздел литературы, рассматривающей, как при помощи психологических стимулов можно вынудить людей совершать определенные коллективные действия. По всей вероятности, первым крупным теоретиком этого направления был племянник Зигмунда Фрейда Эдвард Бернейс. В его книге «Пропаганда», выпущенной в 1928 г., говорилось, что правительство, занимающееся «организацией» общественного мнения в политических целях, поступает совершенно естественно и правильно. У вступительной главы этой книги очень откровенное название: «Организуя хаос». Бернейс пишет: *«Сознательная и умная манипуляция организованным общественным мнением и привычками масс — важный элемент демократического общества. Те, кто управляет этим невидимым общественным механизмом, создают незримое правительство, которое действительно управляет страной».*

(Текст продолжается: *«Мы управляемы, наш разум подвержен лепке, наши вкусы кто-то формирует, наши идеи нам предлагают, и по большей части всем этим занимаются люди, о которых мы даже никогда не слышали. Это логический результат того пути, в соответствии с которым организовано наше демократическое общество. Большое количество людей должны взаимодействовать в этом ключе, если они хотят жить вместе в рамках мирного функционирующего общества... Почти в каждом акте нашей повседневной жизни, касается ли это сферы политики или бизнеса, социального поведения или этической мысли, мы подчинены сравнительно небольшому числу людей, которые понимают и знают ментальные процес-*

сы и социальные привычки людей. Это они держат в руках ниточки, при помощи которых осуществляется контроль над массовым сознанием»).

Бернейс пишет, что очень часто члены этого незримого правительства даже не знают сами, кто же другие члены. Пропаганда, по его словам, — это единственный способ удержать общественное мнение от полного хаоса. После войны Бернейс продолжает разрабатывать эту тему, редактируя книгу «Проектирование согласия» (1955 г.), к названию которой апеллировали в 1988 г. Эдвард Херман и Ноам Хомски в своей работе «Производство согласия: политическая экономия масс-медиа». Связь с Фрейдом здесь очень важна, потому что, как мы увидим впоследствии, психология — особый инструмент в воздействии на общественное мнение. Двое из авторов «Проектирования согласия» подчеркивали, что любой лидер, желающий управлять общественным мнением, должен играть на человеческих эмоциях. Так, к примеру, Дорис Флейшманн и Говард Уолден Катлер пишут: *«Самосохранение, амбиция, гордость, голод, любовь к семье и детям, патриотизм, неподражаемость, желание быть лидером, любовь к игре — эти и другие побуждения — сырой психологический материал, который любой лидер должен принять во внимание, если он стремится убедить публику в том, что его точка зрения верна... Для того, чтобы сохранить уверенность в себе, большинству людей нужно оставаться убежденными в том, что все, во что они верят, истинно»*.

Это же в свое время хорошо понимал Вилли Мюнценберг: базовой нуждой человечества является вера в то, во что оно хочет верить. Аллюзии к этому утверждению можно обнаружить у Томаса Манна, когда он объяснял восхождение Гитлера к вершинам власти коллективным желанием немецкого народа видеть «сказку» поверх отвратительной правды реальной жизни.

Следует упомянуть еще несколько работ, не затрагивающих тему современной пропаганды, осуществляемой при помощи электронных медиа, но касающихся общей психологии толпы. Классической для этого направления являются книга Гюстава Ле Бона «Психология толпы» (1895 г.), работа Элиаса Канетти «Массы и власть» (1980 г.), а также «Насилие толпы» Сержа Чахотина (1939 г.). Авторы этих книг обильно черпают из областей психологии и антропологии. Можно также привести в качестве примера творчество одного из моих любимых авторов, антрополога Рене Жирара, чьи труды по логике подражательной деятельности (мимесису) и коллективным актам насилия — прекрасный материал для желающего понять, почему общественное мнение можно так легко мотивировать на поддержку войны или иных форм политического насилия.

2с. Техника формирования общественного мнения

После войны многие PR-техники, доведенные до совершенства коммунистом Мюнценбергом, были переняты американцами, как это замечательным образом продемонстрировала Фрэнсис Стонор Сондерс в своей работе «Кто заказал музыку?», опубликованной в Америке под названием «Культурная холодная война».

В мельчайших подробностях Стонор Сондерс рассказывает о массивной скрываемой операции по финансированию интеллигентско-антикоммунистов, которую в первые же годы холодной войны начали проводить американцы и британцы. Ключевым моментом было то, что большая часть их деятельности и внимания была направлена на представителей левого крыла, во многих случаях на троцкистов, которые перестали поддерживать СССР лишь в 1939 г., когда Сталин заключил Пакт о ненападении с Гитлером. Во многих случаях американцы и британцы оказывали поддержку тем, кто прежде работал на Мюнценберга. Многие из тех, кто в начале холодной войны оказался на перекрестке между коммунистами и ЦРУ, в будущем стали светилами неоконсерватизма, особенно это касается Ирвинга Кристола, Джеймса Бёрнхэма, Сидни Хука и Лайонела Триллинга.

Левое или даже троцкистское происхождение неоконсерватизма хорошо известно, хотя некоторые детали, которые лично я открываю для себя, повергают меня в изумление. В частности, я обнаружил, что для раввина, который совершил обряд бракосочетания Лайонела и Дианы Триллинг, Феликс Дзержинский, основатель ЧК (предшественника КГБ), тайной большевистской полиции, коммунистический эквивалент Генриха Гимmlера, служил образцом героизма. Для скрытых операций, о которых пишет Стонор Сондерс, левое происхождение интеллектуалов имело особое значение, потому что ЦРУ ставило перед собой цель как раз оказать влияние на оппонентов коммунистов, представляющих левое крыло, т.е. на троцкистов. В ЦРУ считали, что антикоммунисты, относившиеся к правому крылу, не нуждались в каком-либо влиянии, и им нужно было меньше платить. Стонор Сондерс цитирует Майкл Уорнер: *«Для ЦРУ стратегия продвижения левых не-коммунистов должна быть стать теоретическим основанием Агентства по политическим операциям против коммунизма в ближайшие две декады».*

Эту стратегию в своей книге «Жизненный центр» (1949 г.) очертил Артур Шлезингер. Его работа стала одним из краеугольных камней того, что впоследствии превратится в неоконсервативное движение. Как пишет Стонор Сондерс, *«цель поддержки левых политических групп заключалась не в том, чтобы уничтожить их или же управлять ими, но в том, чтобы, сохраняя разумную близость по отношению к ним, отслеживать мышление представителей этих групп; предложить им объект гнева, чтобы они могли выпустить пар; и, в крайнем случае, наложить вето на их действия, если они чрезмерно радикализируются».*

Было множество способов ощутить это влияние на левых, и способы эти были разнообразными. США хотели, чтобы за ними закрепился «прогрессивный» имидж, в противоположность «реакционному» Советскому Союзу. Другими словами, они хотели сделать в точности то же самое, чем занимались в СССР. В области музыки, к примеру, одним из основных агентов Конгресса был Николай Набоков (двоюродный брат автора «Лолиты» Владимира Набокова). В 1954 г. ЦРУ выступило спонсором музыкального фестиваля в Риме, на котором в противовес сталинским «авторитарным» симпатиям к Римскому-Корсакову и Чайковскому была предложена «неортодоксальная» современная музыка, вдохновленная додекафонической системой Шенберга.

«Набоков видел совершенно отчетливое политическое послание в продвижении музыки, заявленной как идущая вразрез со сложившимися иерархиями...», — отмечает Сондерс.

Поддержка прогрессистов продолжилась, когда ЦРУ начало продвигать Джексона Поллока, который сам некогда был коммунистом. Предполагалось, что его мазня станет выражением американской идеологии «свободы» в противовес авторитаризму соцреалистической живописи (этот альянс с коммунистами предвещает холодную войну: мексиканский художник-муралист и коммунист Диего Ривера получал поддержку от Эбби Олдриха Рокфеллера, однако их сотрудничество было внезапно прервано после того, как Ривера отказался убрать портрет Ленина из массовой сцены, изображенной им на стене Рокфеллер-центра в 1933 г.)

Открытой активизацией этого скрещивания культуры и политики занялось созданное ЦРУ Психологическое стратегическое управление. В 1956 г. оно скрыто поддержало идею организации европейского турне труппы «Метрополитен опера». Политическая цель этого турне заключалась в стимуляции мультикультурализма. Организатор турне, Джанки Флейшманн, говорил: *«США — это тигель, наш пример демонстрирует, что люди могут вместе справиться с расовой или национальной дискриминацией. Тигель — это метафора, показывающая, что европейцы могут вместе преодолеть трудности в США, что и в Европе возможно создание своего рода Европейской Федерации».*

Кстати, это в точности тот же аргумент, который предложил с своей книге «Первая универсальная нация» Бен Уоттенберг. Он утверждал, что у Америки есть особое право на всемирную гегемонию, потому что в США живут представители всех национальностей и рас планеты. Ту же точку зрения выразил и Ньют Гингрич, а также другие неоконсерваторы.

Среди прочих «продвигаемых» идей были и такие, которые сегодня являются передовыми для неоконсервативного мышления. Это, в первую очередь, в высшей степени либеральная вера в моральный и политический универсализм. Сегодня эта идея находится в самой сердцевине философии внешней политики Джорджа Буша: он неоднократно и по разным поводам заявлял, что политические ценности одни и те же для всего мира, он использовал эту посылку для оправдания военного вмешательства и «демократизацию» со стороны США. В начале 50-х гг. глава ПСУ (Психологическое стратегическое управление вскоре после его создания начали упоминать только в виде аббревиатуры — без сомнения, для того, чтобы скрыть настоящее название) Раймонд Аллен уже пришел к следующему выводу: *«Принципы и идеалы, которые содержит текст «Декларации независимости» и Конституция США, могут стать объектами экспорта и наследием человечества во всем мире. Нам следует вызывать к основным человеческим желаниям. Я уверен в том, что эти желания одинаковы у фермера из Канзаса и у фермера из Пенджаба»*.

Если быть точным, то распространение такого рода идей не следует связывать исключительно со скрытой манипуляцией. Зачастую подобные идеи черпают силу в широкораспространенных культурных течениях, причин у которых множество. Однако нет сомнения в том, что преобладанию таких идей в обществе могут существенным образом помочь скрытые операции, особенно если учесть, что в медиа-обществе люди очень легко поддаются внушению. Они не просто верят в то, что они читают в газетах — они считают, что сами пришли к содержащимся в газетах выводам. Весь «фокус» манипулирования общественным мнением, таким образом, как раз и сводится к тому, что теоретически разработал Бернейс, начал реализовывать Мюнценберг, а до уровня высокого искусства довело ЦРУ. По мнению агента ЦРУ Дональда Джеймсона, *«если принять во внимание то отношение к США, которого ЦРУ желало добиться посредством своих действий, становится совершенно ясно: Управление хотело бы создать людей, которые — оставаясь при собственных убеждениях и рассудке — были бы уверены в правильности всего, что делало правительство США»*.

Другими словами, то, чем занимались ЦРУ и другие американские организации, можно назвать адаптацией стратегии, близкой к идеям итальянского марксиста Антонио Грамши, которая заключалась в том, что «культурная гегемония» — существенный элемент социалистической революции.

2d. Дезинформация

Наконец, значительное количество литературы посвящено технике дезинформации. Я уже ссылался на тот важный факт (на который впервые указал Чахотин), что роль журналистов и СМИ в обеспечении непрерывности пропаганды является ключевой. «Пропаганда не может взять передышку», — пишет Чахотин, тем самым формулируя одно из основных правил современной дезинформации о том, что необходимое сообщение (если его, конечно, нужно распространить) следует повторять очень часто. В первую очередь Чахотин отмечает, что пропагандистские кампании должны быть организованы на высшем уровне и иметь централизованное управление. Все это в эпоху современных политтехнологий стало нормой: британские парламентарии из Лейбористской партии, например, не могут общаться с прессой без разрешения главы департамента по связям с общественностью правительства Великобритании.

Практиком и теоретиком такого рода «черной пропаганды» был Сефтон Делмер. Делмер явился создателем фиктивной радиостанции, вещавшей из Британии в Германию в период Второй мировой войны и создавшей миф о том, что в Германии есть «хорошие» патриотичные немцы, выступавшие против Гитлера. В частности, было измышлено, что это подпольная немецкая радиостанция, и вещала она на частотах, близких к основным радиостанциям. Такая «черная пропаганда» сегодня взята на вооружение политтехнологами в правительстве США: по сообщениям *New York Times*, американское правительство перерабатывает новостные сообщения так, чтобы в них звучала положительная оценка его политики, и затем эти новости показывают по телеканалам так, как если бы их подготовили сами телевещательные компании.

Таких книг, посвященных «черной пропаганде», великое множество, и о некоторых из них я рассказывал в своей статье «Все новости — ложь». Однако сегодня наиболее соответствующей представляется работа Роже Мукиелли «Низвержение», изданная во Франции в 1971 г. В этой книге показывается, как дезинформация из прикладной военной тактики превратилась в основную. Мукиелли писал, что стратегия ведения войны трансформировалась сегодня таким образом, что целью становится завоевание страны без нанесения по ней «физических» ударов. Цель — добиться победы, в том числе, и за счет внедрения в стан неприятеля агентов влияния. По сути, это как раз то, что предлагал и разбирал Роберт Каплан в своем эссе «Превосходство за счет хитрости», опубликованном в *The Atlantic Monthly* в июле-августе 2003 г. Каплан, один из самых зловещих теоретиков Нового мирового порядка и Американской империи, открыто выступает в защиту использования аморальной и незаконной силы для того, чтобы добиться контроля США над всем миром. В его эссе идет речь о скрытых операциях, применении военной силы, грязных приемах, «черной пропаганде», скрытом влиянии и контроле, формировании общественного мнения и иных вещах, таких как политическое убийство. Все это вписывается в рамки его общего призыва к оформлению «варварской этики» как орудия обеспечения превосходства Америки в мире.

Мукиелли также был одним из первых теоретиков использования фиктивных неправительственных организаций, или т.н. «фронтовых» организаций, для того, чтобы обеспечить внутривнутриполитические изменения в другом государстве. Равно как Малапарте и Троцкий, Мукиелли понимал, что успех или провал революции не определяются «объективными» обстоятельствами, но напротив — восприятием этих обстоятельств, созданным за счет дезинформации. Он также понимал, что известные из истории революции, в равной степени изображавшиеся самими революционерами как результат общественных волнений, в действительности были осуществлены небольшими и хорошо организованными группами заговорщиков. Как и Троцкий, Мукиелли подчеркивал, что «молчаливое большинство» должно быть полностью отстранено от механизма осуществления политических перемен, потому что государственственный переворот — дело немногих.

Общественное мнение — это тот «форум», на котором и происходит низвержение, и Мукиелли продемонстрировал различные пути использования СМИ для создания коллективного психоза. В этом смысле исключительно важными становились психологические факторы, особенно в рамках таких стратегий, как деморализация общества. Враг должен утратить уверенность в том, что его дело правое, в то же время нужно предпринять все возможное для того, чтобы убедить его в неуязвимости противника.

2е. Роль военных

Прежде чем перейти к обсуждению нынешней ситуации, стоит обратить внимание еще на один исторический аспект: роль военных в осуществлении скрытых операций и влиянии на политические изменения. Некоторые современные аналитики с радостью отмечают, что военная сила в этих процессах используется и сегодня: так

Роберт Каплан одобрительно пишет о том, как США используют и должны использовать военную силу для «продвижения демократии». С наслаждением Каплан отмечает, что телефонный звонок генерала ВС США зачастую более эффективен в деле смены режима в третьей стране, чем звонок посла США в этой стране. В качестве подтверждения своих слов он приводит высказывание офицера по спецзаданиям армии США: «Кем бы ни был президент Кении, его охрана и кенийские спецслужбы — это одна и та же группа ребят. Мы их готовили. И это — рычаг давления в сфере дипломатии».

Исторический фон военного вмешательства рассмотрел в своей недавней книге «Секретные армии НАТО» швейцарский ученый Даниэль Гансер. В качестве отправной точки своего исследования Гансер рассматривает признание, которое 3 августа 1990 г. сделал бывший тогда премьер-министром Италии Джулио Андреотти. Итальянский политик признал, что со времен окончания Второй мировой войны в его стране существовала секретная армия, известная как «Gladio» («Меч» — прим. перев.). По словам Андреотти, эта армия была создана ЦРУ и М16 (британская спецслужба — прим. перев.), а координацией ее действий занимался неформальный военный отдел НАТО. Таким образом, Андреотти подтвердил один из наиболее живучих слухов в послевоенной Италии. Многие, в том числе и следователи, долгое время подозревали не только то, что «Gladio» был частью сети секретных армий, созданной американцами по всей Западной Европе для противостояния возможной советской оккупации, но и то, что эти сети воздействовали на результаты выборов вплоть до формирования жутких альянсов с террористическими организациями. Италия стала особой мишенью из-за того, что позиции компартии здесь были очень сильны.

Изначально эта секретная армия была создана в целях подготовки к возможному нападению. Судя по всему, уже вскоре после создания армия занялась скрытыми операциями, целью которых было влияние на политический процесс как таковой, и ни о каком нападении речь не шла. Это достаточное свидетельство американского вмешательства: они делали все, чтобы избежать прихода к власти в Италии коммунистов. Десятки миллиардов долларов ради достижения этой цели были выделены США христианским демократам в Италии.

Более того, Гансер утверждает, что существуют доказательства организации ячейками «Gladio» терактов, целью которых было последующее обвинение в адрес коммунистов и провоцирование страха среди населения вплоть до призывов к государству «защитить от терроризма» при помощи экстренных мер. Гансер цитирует Винченцо Винчигерру, человека, осужденного за закладку одной из бомб, и впоследствии подробно рассказавшего о том, что собой представляла сеть, в которой он сам был пешкой. По его словам, теракты были частью стратегии «дестабилизации ради стабилизации».

«Нужно было совершать нападения на гражданское население, на женщин, детей, невинных людей, далеких от политических игр. Причина была простой. Терракты должны были вынудить людей, итальянское общество, обратиться к государству за тем, чтобы оно усилило меры по обеспечению их безопасности. Это — политическая логика, скрывающаяся за всеми этими убийствами и взрывами, организаторы которых остались безнаказанными, ведь государство не может вынести обвинение самому себе, признать себя ответственным за то, что случилось», — это слова Винчигерры.

Релевантность по отношению к теориям заговора, охватывающим события 11 сентября, очевидна. Гансер приводит достаточно свидетельств в пользу того, что именно этим и занимался «Gladio». Его доводы проливают свет на интригующую вероятность альянса между секретными силами НАТО и левыми экстремистскими группами, такими, как «Красные бригады». В конце концов, Альдо Моро был похищен (а вскоре после этого убит) по пути в парламент, где он намеревался предло-

жить проект коалиционного правительства социалистов и коммунистов — именно то, что и хотели предотвратить американцы.

3. СОВРЕМЕННЫЕ ТАКТИКИ РЕВОЛЮЦИИ

Все вышеупомянутые работы историков позволяют нам понять, что же происходит сегодня. Я и мои коллеги, представители Британской Хельсинкской группы по правам человека, лично столкнулись с тем, что те же самые тактические действия осуществляются сегодня.

Прежде всего такая тактика была применена в Латинской Америке в 1970–80 гг. Многие из тех, кто непосредственно осуществлял смены режима в латиноамериканских странах во времена Рональда Рейгана и Джорджа Буша-ст., при Билле Клинтоне и Джордже Буше-мл. нашли применение своему ремеслу в странах бывшего советского блока. Например, генерал Мануэль Норьега в своих мемуарах рассказывает о двух сотрудниках ЦРУ и Госдепа США, присланных в 1989 г. в Панаму для ведения переговоров и организации государственного переворота и его, Норьеги, свержения. Их звали Уильям Уокер и Майкл Козак. Уокер вновь «всплыл» в январе 1999 г. в Косово, будучи главой верификационной миссии. Он следил за процессом искусственного созидания фиктивной картины сербских зверств, которые и послужили поводом для нападения на Югославию. Майкл Козак был назначен послом США в Белоруссии, где в 2001 г. занимался организацией операции «Белый аист», имевшей своей целью свержение президента Александра Лукашенко. В своем письме газете *Guardian* в 2001 г. он дерзко признает, что в Белоруссии занимался тем же, чем и в Никарагуа и Панаме, а именно «продвижением демократии».

В сущности, можно говорить о трех ответвлениях современной технологии государственных переворотов: о неправительственных организациях, контроле над СМИ и скрытых операциях. Все они взаимозаменяемы, поэтому их отдельное рассмотрение не целесообразно.

За. Сербия–2000

Свержение Слободана Милошевича не было первым случаем, когда Запад использовал стратегию скрытого влияния для осуществления смены режима. О мощном влиянии Запада можно говорить и в случаях со свержением Сали Бериши в Албании в 1997 г. и Владимира Мечиара в Словакии в 1998 г. При этом крайне жестокий мятеж, имевший место в Албании, был представлен на Западе как спонтанный и достойный поощрения пример народовластия. Я лично наблюдал за тем, как международное сообщество, а особенно ОБСЕ, занималось подтасовкой результатов наблюдений за выборами, чтобы обеспечить смену политического режима. Так или иначе, свержение Слободана Милошевича в Белграде 5 октября 2000 г. — важный момент, потому как «революция», лишившая его президентского кресла, характеризовалась исключительно показным использованием «народовластия».

Бэкграунд путча, завершившегося свержением Милошевича, блестяще описал журналист Sky TV Тим Маршалл. Его сообщения заслуживают внимания, потому что он пишет обо всем в одобрительной манере. Оно также интересно, потому что Маршалл с нескрываемой гордостью сообщает о собственных всесторонних контактах с секретными службами, прежде всего британскими и американскими.

Маршалл постоянно проявляет осведомленность о том, кто является основным закулисным игроком. Его сообщение переполнено ссылками на «офицера М–16 в Приштине», «источники в югославской военной разведке», «человека из ЦРУ, который помогал довести переворот до ума», «офицера военно-морской разведки США» и т.д. Он цитирует секретные отчеты о наблюдениях сербской тайной полиции, он знает, кто из офицеров Министерства безопасности в Лондоне разрабатывает стра-

тегию свержения Милошевича, он знает о том, что телефонные переговоры главы британского МИД прослушивались, он знает имена российских офицеров служб безопасности, прибывших с российским премьер-министром Евгением Примаковым в Белград во время бомбардировок НАТО. Маршалл знает, в каких комнатах в британском посольстве в Белграде установлены «жучки», знает о том, где находятся югославские шпионы, прослушивающие разговоры британских дипломатов. Он знает о том, что штатный сотрудник Комиссии по международным делам Палаты представителей Конгресса США в действительности является офицером военно-морской разведки Соединенных Штатов. Кажется, он знает даже о том, что в спецслужбах решения принимаются зачастую при минимальном одобрении со стороны министра. Он рассказывает, как ЦРУ сопровождало делегацию Армии освобождения Косово (АОК) из Косово в Париж на предшествовавшие военным действиям переговоры в Рамбуйе, где НАТО выдвинуло Югославии ультиматум, который та просто не могла принять. Маршалл также ссылается на некоего «британского журналиста», выступавшего посредником между Лондоном и Белградом в крайне важных секретных переговорах на высоком уровне, в то время как период крушения власти Милошевича стал периодом предательства. (Я подозреваю, что «британский журналист» — это сам Маршалл).

Одна из идей, вопреки замыслу автора пронизывающая всю его книгу, — это указание на то, что грань между журналистом и шпионом очень тонка. В начале книги Маршалл мимоходом ссылается на «неизбежную связь между офицерами, журналистами и политиками, отмечая, что все они «работают в одной области». Далее он шутит, заявляя, что свергнуть Милошевича удалось лишь после того, как к «народу» присоединилось «объединение шпионов, журналистов и политиков». Маршалл придерживается мифа о том, что «народ» был задействован при смене режима в Югославии, хотя в действительности, как показывает его книга, переворот явился реализацией стратегии, разработанной в Лондоне и Вашингтоне с целью избавиться от Слободана Милошевича.

Маршалл в первую очередь ясно дает понять, что в 1998 г. Госдеп США и американские спецслужбы решили избавиться от Милошевича, используя при этом Армию освобождения Косово. Согласно одному из цитируемых Маршаллом источников, «план США был ясен: в надлежащее время они должны были использовать силы АОК для разрешения политической проблемы». По словам Маршалла, «проблема» состояла в политическом долголетии Милошевича. Опора на АОК означала поддержку террористической деятельности, осуществляемой этой организацией, а впоследствии войну на ее стороне против Югославии. Маршалл приводит слова офицера военно-морской разведки США Марка Кёрка: *«Со временем мы развернули широкомасштабную операцию против Милошевича, как явную, так и секретную»*. Секретная часть операции включала в себя не только пополнение рядов различных миссий наблюдателей, направлявшихся в Косово, офицерами британских и американских спецслужб, но и — что еще более значимо — военную, техническую, финансовую, транспортную и политическую поддержку АОК, которая, по признанию самого Маршалла, *«занималась контрабандой наркотиков, рэккетом, получала доходы от проституции и убивала мирных граждан»*.

Началом стратегических разработок стоит считать конец 1998 г., когда в Косово появилась «значительная миссия ЦРУ». Президент Милошевич разрешил Дипломатической миссии наблюдателей в Косово (ДМНК) приехать в край для изучения ситуации. В состав группы были немедленно включены агенты британской и американской разведок и представители спецслужб — люди из ЦРУ, военно-морской разведки США, британской Специальной воздушно-десантной службы (САС) и так называемой «14th intelligence», структуры внутри британской армии, взаимодействующей с САС при осуществлении «глубокого наблюдения». Неотложной задачей участ-

ников этой операции была «разведывательная подготовка поля боя» — современная версия того, чем занимался герцог Веллингтон, развезая по полю битвы, чтобы узнать положение вещей прежде, чем вступить в бой с противником. По словам Маршалла, «официально ДМНК управлялась ОБСЕ, неофициально этим занималось ЦРУ, действуя с ОБСЕ заодно... Это была передовая для ЦРУ» Многие офицеры в действительности работали на другой передовой ЦРУ, в базирующейся в штате Вирджиния компании DynCorp, дающей трудоустройство «членам элитных подразделений ВС США или ЦРУ». Они использовали ДМНК, впоследствии превратившуюся в Верификационную миссию в Косово, в целях шпионажа. Вместо того, чтобы заниматься собственно наблюдением за происходящим в крае, офицеры при помощи спутников намечали мишени для последующих бомбардировок НАТО. Сложно понять, как югославы могли позволить 2 тысячам хорошо подготовленным агентам спецслужб перемещаться по своей территории, тем более, что, по словам Маршалла, в Югославии прекрасно понимали, что именно происходит.

Главой Верификационной миссии в Косово был Уильям Уокер, человек, которому в 1989 г. поручили лишить власти в Панаме Мануэля Норьегу, а также бывший посол США в Сальвадоре, где поддерживаемое Соединенными Штатами правительство формировало и использовало «эскадроны смерти». Уокер «открыл» «убийство» косовских албанцев в Рачаке в январе 1999 г. Это событие стало предлогом для начала процесса, венцом которого явились бомбардировки Югославии, начавшиеся 24 марта. В пользу того, что «убийство» в Рачаке было постановочным, достаточно свидетельств, равно как и в пользу того, что найденные там тела принадлежали не мирным жителям, а боевикам АОК. В то же время на ключевую роль Уокера в этих процессах указывает тот факт, что дорога, ведущая в Рачак, теперь носит его имя. Маршалл пишет, что дата начала войны — весна 1999 г. — была не только определена в конце декабря 1998 г., но и сообщена АОК в это же время. И когда Мадлен Олбрайт после известий об «убийстве» в Рачаке заявила, что «весна пришла слишком рано», она, по сути, повела себя как Йозеф Геббельс, который, услышав новость о пожаре в Рейхстаге в 1933 г., якобы сказал: «Что, уже?»

Так или иначе, когда Верификационная миссия покинула Югославию накануне натовских бомбардировок, офицеры ЦРУ, входившие в ее состав, по словам Маршалла, передали АОК спутниковые телефоны и системы рекогносцировки. Маршалл пишет: «Американцы занимались подготовкой АОК, снабжали их оборудованием и обещаниями предоставить территорию». И это при том, что сам Маршалл, как и все другие журналисты, оказал Западу деятельную помощь в деле пропаганды мифа о сербском зверстве по отношению к совершенно пассивному албанскому гражданскому населению.

Война продолжалась. Югославию, естественно, яростно бомбили. Однако Милошевич сохранял власть. И тогда Лондон и Вашингтон начали реализацию того, что Маршалл радостно именует «политической войной», с целью убрать Милошевича. «Политическая война» предполагала солидную финансовую, техническую, транспортную и стратегическую поддержку (в том числе, и снабжение оружием) в отношении различных «демократических оппозиционных» групп и «неправительственных организаций» в Сербии. Американцы действовали преимущественно через Международный республиканский институт, офисы которого открылись в соседней с Югославией Венгрии. На одной из встреч, как рассказывает Маршалл, «было достигнуто соглашение, согласно которому идеологические аргументы продемократических сил, гражданские права и гуманитарный подход набрали бы силу, если бы в добавление к ним, по необходимости, шли большие сумки с деньгами». И деньги в надлежащее время были перевезены в Сербию, преимущественно в багаже дипломатов, представлявших, в частности, такие нейтральные страны, как Швеция, которые, не принимая формального участия в натовской войне, смогли сохранить пол-

ное дипломатическое представительство в Белграде. Как свидетельствует Маршалл, «сумки с деньгами поступали в Сербию несколько лет». Так оно и происходило! Как поясняет тот же Маршалл, «независимые» СМИ, такие как радиостанция В92 (в штаб которой подвизался сам Маршалл), в действительности, получали серьезное финансирование со стороны США. Организации, контролируемые Джорджем Соросом, также сыграли решающую роль в событиях в Югославии (равно как и в 2003–04 гг. в Грузии). Так называемые «демократы» в действительности были иностранными агентами — о чем довольно флегматично говорили представители югославского правительства.

Маршалл также проливает свет на факты, которые сегодня стали достоянием государственного архива, а конкретно на то, что именно в голове у американцев зародилась стратегия выдвижения единого кандидата, который должен был сплотить оппозицию. Таким кандидатом стал Воислав Коштуница. У него было одно преимущество — широкой публике он был не известен. Маршалл рассказывает, что разработанная стратегия включала в себя осуществление хорошо продуманного государственного переворота, каковой и имел место в надлежащее время, после первого тура президентских выборов. Во всех подробностях описывает основных действующих лиц в спектакле, который западное телевидение подавало как спонтанное народное восстание, — кучку крайне жестоких и очень хорошо вооруженных головорезов под командованием мэра города Чачак Велимира Илича. Как раз 22-километровая свита Илича доставила оружие, десантников и команду кикбоксеров в здание парламента в Белграде. Как отмечает Маршалл, события 5 октября 2000 г. больше напоминали государственный переворот, чем «народную революцию», которой с такой наивностью восхищались мировые СМИ.

3б. Грузия—2003

Многие тактические ходы, реализованные в Белграде, были использованы в Грузии в ноябре 2003 г., когда речь шла о свержении президента Эдуарда Шеварднадзе. Как и в Югославии, оппозиция обвиняла власти в фальсификации результатов выборов (в Грузии речь шла о парламентских, в Югославии — о президентских выборах), и эти обвинения повторялись до отвращения. Западные СМИ принимали эти обвинения, прозвучавшие еще задолго до самого голосования, некритически. Против Шеварднадзе и Милошевича была развернута пропагандистская война, причем в случае с грузинским президентом эта война последовала за длительным периодом его восхваления как великого реформатора и демократа. Обе «революции» произошли после схожих «штурмов парламента», которые в прямом эфире транслировало телевидение. И в Грузии, и в Югославии переход власти происходил при посредничестве российского министра иностранных дел Игоря Иванова, который летал в Белград и Тбилиси, чтобы должным образом оформить уход действующего президента. Наконец, не менее важно то, что во время «революций» в Югославии и в Грузии послом США в этих странах был один и тот же человек — Ричард Майлз.

Так или иначе, самое наглядное сходство — использование студенческих движений: «Отпора» («Сопrotивления») в Сербии и «Кмары» («Хватит!») в Грузии. Оба движения имели одинаковый символ: черный кулак на белом фоне. «Отпор» занимался подготовкой людей из «Кмары», оба движения пользовались поддержкой со стороны США. К тому же обе организации были как бы структурированы по коммунистической модели, сочетая сеть автономных ячеек с централизованной ленинской дисциплиной.

В Грузии роль денег, полученных из США, и скрытых операций была впоследствии оглашена, но лишь когда все уже произошло. Во время самих событий на телевидении было много всепоглощающей пропаганды, согласно которой «народ» восстал против Шеварднадзе. Все, что шло вразрез с оптимистическим взглядом на

происходящее, замалчивалось или приукрашалось, как, например, то обстоятельство, что «марш на Тбилиси» Михаила Саакашвили начался в Гори, месте рождения Сталина, под статуей бывшему советскому тирану, который для многих грузин остается героем. Схожим образом СМИ проявили безразличие, когда новый президент Саакашвили получил на выборах «сталинские» 96% голосов.

3с. Украина—2004

В случае с Украиной налицо то же взаимодействие поддерживаемых Западом неправительственных организаций, СМИ и спецслужб. Неправительственные организации сыграли значительную роль в делегитимизации выборов еще до того, как они состоялись. Постоянно повторялись обвинения в фальсификации, уличные манифестации, имевшие место после второго, выигранного Януковичем, тура президентских выборов, основывались на обвинениях, выдвигавшихся еще до первого тура. Основная неправительственная организация, стоявшая за этими обвинениями, а именно «Комитет украинских избирателей», как раз от украинских избирателей не получает ни копейки, будучи полностью финансируема западными правительствами. Офис комитета украшали портреты Мадлен Олбрайт, эта организация — один из главных филиалов Национального демократического института США. В 2004 г. комитет занимался постоянной пропагандой против Януковича.

Во время событий «оранжевой революции» у меня была возможность зафиксировать ряд злоупотреблений пропагандой. Это и бесконечное повторение обвинений в фальсификации выборов в адрес правительства, это и постоянное укрывание случаев фальсификации со стороны оппозиции, это и навязчивое желание «продать» Виктора Ющенко, одного из самых скучных людей на свете, в качестве харизматического политика, это и невероятно смехотворная история о том, как он был намеренно отравлен своими врагами (никаких расследований по данному факту по сей день не было проведено (*статья написана в 2005 г.*)) Самый полный отчет о фальсификациях и пропаганде можно найти в докладе Британской Хельсинкской группы по правам человека, получившем название «Украинская „оранжевая революция“ работает как часовой механизм». О роли, которую сыграли в украинских событиях спецслужбы, довольно любопытно рассказал в своей статье в *New York Times* Кристофер Джон Чиверс. По его сведениям, украинский КГБ на протяжении долгого времени сотрудничал с Ющенко и, конечно же, с американцами. К другим значимым публикациям, посвященным этой теме, относится статья Джонатана Моузта «Новый «Gladío» в действии: шаблон демократизации в рамках вашингтонского Нового мирового порядка». Моузт в деталях описывает, каким образом военная доктрина адаптировалась к задаче смены политического режима, как различные инструменты, начиная с психологии и заканчивая фиктивными опросами общественного мнения, используются при этом. Журналиста в особенности интересуют теории Питера Экерманна, автора книги «Стратегический ненасильственный конфликт» (1994) и речи «Между жесткой и мягкой властью: гражданский протест и демократические перемены», прочитанной в Госдепе в июне 2004 г. Моузт также блестяще разбирается в психологии толпы и ее использовании при осуществлении путчей, он обращает внимание на роль «группирующей молодежи» и «повстанческой истерии», прослеживает историю их использования в политических целях, и эта историческая линия «упирается» в Тавистокский институт 60-х гг. Этот институт был создан британской армией после Первой мировой войны именно для ведения психологической войны. Его самые известные выпускники — бывший министр иностранных дел Великобритании Дэвид Оуэн и бывший президент боснийской Сербской Республики Радован Караджич. Моузт подробно рассказывает о том, как идеи, сформулированные Фредом Эмери, перенял один из его учеников:

«Доктор Говард Перлмуттер, профессор «социальной архитектуры» Уортоновской школы, последователь доктора Эмери, отмечал, что «рок-клип из Катманду» — отличная иллюстрация дестабилизации в странах традиционной культуры, создающей возможность для возникновения «глобальной цивилизации». Два условия, необходимые для такого рода трансформации, по мнению Перлмуттера, — это «создание сетей международных и местных организаций» и «создание глобальных событий» путем «превращения местного события в событие, мгновенно приобретающее международное значение благодаря СМИ».

ВЫВОД

Все вышеперечисленное — это не теории заговоров, это фактические заговоры. В США продвижение демократии рассматривается как важный элемент общей стратегии национальной безопасности в рамках официальной политики. К этой работе подключено множество структур — отделы Госдепа, ЦРУ, неправительственных организаций, таких как Национальный фонд в поддержку демократии, а также неправительственных организаций, получающих финансирование от правительства, например, Фонда Карнеги за международный мир, публикующего книги, посвященные «продвижению демократии». У всех вышеперечисленных операций есть общая черта: они предполагают вмешательство (зачастую довольно грубое) западных держав, в особенности США, в политические процессы в других государствах, и это вмешательство очень часто используется для достижения основной революционной задачи — для смены правящего режима.

БРОКЕРЫ «МУСОРНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»

«Нам нужно вмешаться в это дело по вполне понятным причинам. Революции в цене, все их покупают, почему мы должны оставаться в стороне и не прикупить парочку и себе?..»

(Роберт Шекли. «Времени в обрез»)

Все больше западных исследователей, изучающих столь актуальную ныне тему экспорта революций, обосновывает так называемые «ненасильственные» перевороты на постсоветском пространстве вполне в духе вышеприведенной цитаты из фантаста Р. Шекли. В недавно вышедшей книге — документальном исследовании канадского журналиста Марка Маккиннона «Холодная война, революции, подтасованные выборы и нефтепроводная политика в бывшем СССР»¹ автор характеризует деятельность базирующегося в Вашингтоне Международного центра ненасильственных конфликтов (International Center on Nonviolent conflict) как ярчайший пример вмешательства во внутренние дела суверенных стран для «прикупа революции» уже не из области фантастики, а реальной практики «приватизации бизнеса на цветных революциях».

Тем не менее, в самой России, ставшей лакомой добычей для приватизаторов революционного постмодерна, о международных центрах ненасильственных конфликтов широкая публика и не слышала. Даже не радикально-прозападная, а вполне рядовая демократическая общественность не понимает действий российской президентской администрации, направленной, к примеру, на регламентацию деятельности на территории России международных неправительственных организаций, а редкие голоса российских аналитиков по поводу пресечения практики экспорта революции готова списать на «прокремлевскую пропаганду», попытки возрождения риторики времен СССР и соответствующих недемократичных методов.

Между тем, если отвлечься от регулярной междипломатической перепалки, давно потерявшей какой-либо практический смысл, западный импорт цветных революций по большому счету не отрицают даже сами их «импортеры». После украинского «оранжевого переворота» почти расхожим стало имя американца Джина Шарпа — инициатора одного из первых частных американских международных центров ненасильственных конфликтов. Впоследствии сам термин «ненасильственный конфликт» превратился в своеобразный звемизм для обозначения организационных мероприятий по смене режима в определенной стране, попавшей в сферу геополитических интересов евроатлантического сообщества. На примере так называемых неправительственных организаций типа центра Джина Шарпа легко просматривается незамысловатая схема, по которой действуют западные устроители «цветных революций».

ТЕОРЕТИКИ И ПРАКТИКИ «УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТОМ»

Имя Института Альберта Эйнштейна, что расположился на Ньюбери Стрит в Бостоне, вряд ли вызовет у американцев ассоциации с «оранжевой рево-

¹ MacKinnon M. The New Cold War: Revolutions, Rigged Elections and Pipeline Politics in the Former Soviet Union. Random House Canada, 2007.

люцией» на Украине. Достаточно бросить беглый взгляд на официальный веб-сайт этого учреждения, чтобы убедиться в обратном. На главной странице непосредственно после украинских событий любопытствующие могли прочитать незатейливое предложение: **«Методы украинской трансформации от диктатуры к демократии, которые использовались продемократическим движением на Украине, — здесь»** и не возбранялось скачать методичку по организации гражданского неповиновения «От диктатуры к демократии» на украинском или английском языках¹.

К демократии разработанные Джином Шарпом методики имеют такое же отношение, как, скажем, популярные в начале перестройки приемы нейро-лингвистического программирования и обещания лягушку превратить в принца, из дурака сделать гения красоты и гениальности. Суть таких методик примерно одинакова и заключается в том, чтобы влиять на общественное сознание через демонстрацию социальной подборки удачных примеров воздействия индивидуума или группы на коллектив. В широком смысле — это приемы массового психологического захвата, который сам Джин Шарп облекает в обтекаемую формулировку «управления конфликтом». Следующим образом Шарп рассказывает об истоках появления алгоритма «управления конфликтом»: «В Норвегии я встречался с людьми, которые участвовали в антифашистском сопротивлении. Я попытался описать их методы и соединить их с тем, что получил, изучая стачки и бойкоты. Наметился список. Кажется, в том списке у меня было 18 методов ненасильственных действий... Люди заинтересовались. Позже все списки вошли в третью часть моей «Политики ненасильственных действий», это стало отдельным разделом, потому что список возрос до 198 методов...»².

Смотришь на эти 198 методов, и оторопь берет. Работа проделана титаническая, она щедро финансируется из государственных и частных источников. Не беремся судить о вкладе в социологическую науку таких исследований, но в плане влияния на нравственное здоровье общества такие изыскания кажутся весьма опасными. Знакомая надерганная технология из макиавеллианских-грамшианских-толстовских идей, адаптированная к сегодняшнему состоянию в странах мира с учетом той исторической статистики ситуаций, когда организация «великой смуты» оказывалась наиболее эффективной. Методичка по перечислению всех возможных действий, которые необходимы, чтобы организовать эффективное неповиновение государственным институтам и помочь кому-то захватить власть, «мутить государство», как говорил русский террорист Нечаев в своем «Катехизисе революционера». А когда такие методы применяют повсеместно и по всему миру, даже при явном отсутствии пресловутых «диктаторов» и не исключают возможности предоставить методичку хоть неофашистам (об этом Джин Шарп тоже говорит в одном из своих интервью)³, то что здесь и комментировать...

А между тем сами методы уже всю «овладели массами», причем в основном как раз там, где есть «демократия», позволяющая осуществлять и организацию целевых кампаний в прессе, и эксперименты по манипуляционным выборам, и продвижение смуты и дестабилизации госучреждений через пропаганду идеи «гражданского общества». Методы эти стали реалиями каждодневной общественной жизни: «публичные выступления, письма поддержки или протеста, подписанные известными людьми, организация целенаправленных кампаний в СМИ, осквернение кладбищ

¹ The Ukrainian transformation of from dictatorship to democracy that is being used by pro-democracy movement in Ukraine is here // <http://www.aeinsteinst.org/>

² <http://www.archive.peacemagazine.org/author.cgi?key=searchstring&searchstring=Metta%20Spencer>

³ Ibid.

и святых, дискредитация официальной власти, организация диспутов о свободе прессы, споры по национальным вопросам, усиление жанра пародий и шаржей, массовые забастовки, массовые акции протеста, «освоение территорий» и организация вахт у государственных помещений, перекрытие железнодорожных путей и магистралей, скрытый саботаж служащих и чиновников, использование символических цветов в массовых акциях, организация акций-пародий, формирование групповых лобби, пикетирование, псевдо-выборы, дестабилизация денежной системы, объявления о снятии банковских вкладов, «следование по пятам» для дискредитации конкретного официального лица и наскоков на власть... Создание большого числа общественных правозащитных организаций. Формирование отрицательного общественного мнения. Альтернативные социальные учреждения. Двойное гражданство и параллельное правительство.

Все вышеперечисленное — лишь малая толика из означенных 198 методов¹ организации «ненасильственного сопротивления». Самое главное в таких «ненасильственных» методах — детальное планирование каждой массовой акции и тщательная их подготовка, считает Джин Шарп. Он убежден в целесообразности методики и не готов прислушиваться к аргументам своих оппонентов о том, что, лишенная нравственной и этической составляющей, идея ненасильственного сопротивления становится очередной манипуляционной техникой, то есть инструментом насилия — способом влияния на массовое сознание, мощным орудием психологического захвата. Как все психотехники, она крайне опасна. Воздействие на подсознание, психотехника минуя оценочный контроль, вынуждает людей поступать неосознанно, вопреки их собственной воле. Человек может начать действовать не только во вред окружающим, но и себе же во зло. Какое уж тут «ненасилие»?

ПЕРЕВОРОТ В СТИЛЕ «ПОСТМОДЕРН»

В определении природы «цветных революций» у западных исследователей все меньше расхождений — все больше ученых оценивает такого рода явления как частный случай геополитического передела мира и эвфемизм для определения государственного переворота, в котором решающим фактором становится финансирование, планирование и организация «цветного путча» извне, запускаемого под видом народно-освободительного движения или демократизации для разрушения государства-нации и установления наднационального неявного внешнего управления. Не случайно британский исследователь этой проблемы Джонатан Моузт назвал свой фундаментальный труд о «цветных революциях» «Скрытый государственный переворот: вашингтонский демократизационный шаблон „нового мирового порядка“»². Если оставить в стороне эвфемизмы и называть вещи своими именами, «цветные революции» — это вид современного международного психологического терроризма.

Стоит ли удивляться, что российская аналитика оказалась не готова воспринять аргументы о закулисных переворотах «постмодерна», если сама тема нетрадиционных войн и «закулисы» с достопамятных времен Советского Союза была вымыта из научных дискуссий, оставаясь неким «тайным знанием» спецслужб, и с тех пор мало что изменилось. Поэтому даже абсолютно адекватные (для тех, кто в «теме»), инициативы кремлевской администрации, состоящей как раз из тех, кто по роду прежних занятий знал о технике скрытых переворотов не понаслышке, воспринимаются гражданским населением как хаотичные провокативные сигналы — одних

¹ <http://www.peacemagazine.org/198.htm>

² Mowat J. Coup d'etat in Disguise: Washington's New World Order «Democratization» Template // <http://globalresearch.ca/articles/MOW502A.html>

толкают к воинственному национализму и отрицанию всего «западного», других с наименьшим рвением бросают в ряды оппозиции власти, наступающей на «демократические ценности». Более того, в страхе перед «цветными революциями» российские власти идут, по сути, по тому же манипулятивному пути, который предлагают циничные теоретики типа Джина Шарпа с его переворотами и антипереворотами. Все эти движения-обманки вроде «Наших», «Против нелегальной иммиграции» и прочие могут, конечно, на время заместить зияющую пустоту и бесперспективность для молодого поколения, чье будущее зыбко при отсутствии понимания того, куда движется Россия, но процесс замещения реальной социальной политики обманками опасно затянулся. Здесь не лишним будет вспомнить, чем закончился предшествующий скрытый переворот.

Напомним, что предтечей нынешнего этапа сокрушения России под лозунгами общедемократических ценностей было решение администрации Р. Рейгана о создании Национального демократического фонда в 1983 году с целью перехвата сфер советского влияния и разрушения «империи зла». Осуществить эту цель планировалось через усиление демократических институтов по всему миру силами неправительственных организаций. В принципе эта стратегия являлась логическим продолжением холодной войны и так называемого «плана Маршала для умов», но запущенная в 1980-е гг. хитроумная «разрядка напряженности» и вбивание в сознание идей о мнимой «конвергенции» противоборствующих систем, позволяло атаковать зону советского влияния открыто, применяя тактику идеологической «вакцинации» для незаметной подмены ценностей и идей. Развернутые под знамена крестового похода по нивелированию социалистического влияния квази-правительственные образования типа **Национального демократического института по международным делам (NDI)**, **Международного республиканского института (IRI)**, **Международного фонда электоральных систем (IFES)**, **Совета по международным исследованиям и обменам (IREX)**, **Дома Свободы (Freedom House)** и сотни других прикормленных структур аккумулировали огромные средства, санкционированные Конгрессом США и Госдепартаментом, для создания форпостов американского влияния в иностранных государствах под благовидными гуманитарными предложениями, чаще всего под видом помощи «неправительственным» организациям для построения «гражданского общества» и защиты прав человека, оказания содействия в проведении «демократических» выборов и создании «альтернативной прессы». Эту нехитрую старую новую тактику проникновения в зоны евроатлантического интереса первый президент Национального демократического фонда Аллен Вайнштейн охарактеризовал недвусмысленно: «Многое из того, что мы открыто делаем сейчас, 25 лет назад скрыто делало ЦРУ»¹. Уильям Блюм писал в своем исследовании американских неправительственных организаций: «Национальный демократический фонд и его НПО способствовали сохранению за рубежом определенного доверия к таким организациям, чего могло не быть в отношении официального американского правительства. 97 процентов финансирования Национального демократического фонда проходило через Госдепартамент США (через USAID и до 1999 года USIA), и масса американских исследователей оценивали как чистую фикцию утверждение адептов Американского агентства по международному развитию, что-де в принципе возможно продвигать демократию по всему миру, не вмешиваясь в международные дела других стран и не „занимаясь политикой“»². Как подчеркивалось в исследовании Американского института предпринимательства, «Национальный демократи-

¹ *Igantius, D* «Innocence Abroad»: The New World of Spyleess Coups, The Washington Post, 1991, September 22.

² *Blum W.* Rogue state: a Guide to the World Only Superpower. Monroe, Common Courage Press, 2000. P. 180.

ческий фонд и его семейство как раз и занимались изменением политического баланса в государстве-мишени под предлогом помощи „гражданскому обществу“. У семейства были многочисленные успехи на этом поприще — удачные вмешательства для обеспечения должного результата на выборах на Филиппинах, в Пакистане, на Тайване, в Чили, Никарагуа, Намибии, Восточной Европе и по всему свету...»¹

«Цветные революции» на постсоветском пространстве не многим отличались от описанного выше сценария. Под теми же отработанными еще в период холодной войны псевдо-гуманитарными предложениями с участием щедро профинансированных правительствами и разведками «неправительственных» организаций осуществлялась задача по манипуляции итогами местных выборов, водворению марионеточного прозападного, и, прежде всего, антироссийского правительства. Для Збигнева Бжезинского, чьи идеи оказали существенное влияние на международную политику, Украина как «новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, являлась геополитическим стержнем, потому что само ее существование как независимой страны способствует трансформации России. Без Украины Россия прекратит быть российской империей... Если Москва вернет контроль над Украиной с ее 52-миллионным населением и огромными ресурсами, так же, как доступ к Черному морю, Россия автоматически вновь вернет необходимые средства, чтобы стать мощным имперским государством...»²

Описывая подробно историю путча 2004 года на Украине, предательство национальных интересов местными элитами, американский исследователь Срирзм Чолия подчеркивает: «Никакие из описанных махинаций не имели бы значения без оспоренного результата выборов, без собрания людей на улицах и инжиниринга демократии через гражданское неповиновение. Вот здесь-то Национальный демократический фонд и семейство международных неправительственных организаций оказались более всего нужны...»³

Кто спорит — схема применяется западными неправительственными организациями и прочими «правозащитниками» на удивление однообразная, но эффективная — «экзит-пулы» и международные рейтинговые агентства, загодя сообщающие о победе прозападного кандидата, результаты выборов, опротестованные западными «независимыми» наблюдателями, шум в местной прессе с широким эхом на Западе, вывод людей на улицы и организация гражданского неповиновения по лекалам Шарпа и прочих политтехнологов.

И все же в этой схеме «цветных революций», без сомнения, самую важную роль играет не столько просчитанная политтехнология, сколько сам факт международного финансирования таких переворотов, создающего разветвленную антинациональную коррупционную сеть, включающую в свою орбиту как бизнесменов-наторишей, заинтересованных лиц из западных диаспор, правительственных чиновников и силовиков, так и щедро проспонсированный «альтернативный» журналистский корпус и прокормленную совсем иными деньгами, в сравнении с заработками, которые можно было получить при работе на местном рынке, молодежь.

Международные «гуманитарные» организации проникли на Украину еще в 1990 году при попустительстве «проамериканского» Леонида Кравчука и создавали местные «неправительственные» организации буквально с нуля, не только финансируя их, но и контролируя повестку дня и направленность. Ударный отряд молодежного Майдана — нелиберальная «Пора», к примеру, был выпестован и профинансирован так называемой «Коалицией за свободный выбор» (Freedom of choice

¹ *Muravchik, J. Exporting Democracy. Fulfilling America's Destiny. Washington DC, AEI Press, 1991. P. 208.*

² *Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and its Geo-Strategic Imperatives, 1997.*

³ *Chaulia S. Democratisation, NGO's and "color revolution" // <http://www.globalresearches.ca>*

coalition). Последняя, в свою очередь, была создана в 1999 году посольством США, Всемирным банком, Национальным демократическим фондом и Фондом Сороса. Считается, что расходы американского правительства на «оранжевую революцию» составили 14 миллионов долларов, но к этой цифре американские журналисты добавляют от 57,8 миллиона долларов до 65 миллионов — бюджет, который был принят Вашингтоном для «продвижения гражданского общества» на Украине в 2003 и 2004 годах, не говоря о расходах, не мелькающих в аудиторских отчетах по «обеспечению массовости» мероприятий¹. Ведь особенностью технологического шаблона переворотов постмодерна является как раз их резкое смещение в сферу массового революционного маркетинга и провокацию широкого неповиновения гражданских групп, что, помимо прочего, требует колоссальных расходов на стикеры, футболки, палатки, походные кухни и т.д. Как писала американская исследовательница Лора Розен², при стремительном развитии мобильных и спутниковых телефонов, компьютеров и интернета, «информационный век сменил предпочтения и сделал ставку не на авторитарных лидеров, а на гражданские группы».

Еще одним признаком переворота постмодерна можно считать широкое маркетинговое обеспечение «цветных революций» специализированными компьютерными играми и социологически просчитанными блогами, нацеленными на международную подростковую и молодежную аудиторию. В архивах истории «оранжевой революции» найдется немало ссылок на роль в «оранжевом перевороте» «Дискошамана» и его подружки «Тулипгел», обеспечивавших оперативный международный интерактив и дававших руководства к действию на блоге с интригующим названием «Le Sabot Post Modern». Этот пласт в организации международных молодежных бунтов практически не исследован, хотя дает немалую пищу для размышлений. К услугам «Дискошамана» прибегали и участники недавних молодежных волнений в Венгрии и во Франции, блог отсылает пользователя к проблемам реформации христианства и экуменизма, к тренинговым центрам по трансформации стран бывшего социалистического лагеря, созданных, к примеру, в Венгрии при участии посла США Марка Палмера, денег Сороса и предприимчивых дельцов из международных этнических диаспор, прикупивших медийный ресурс в зонах бывшего советского влияния и на постсоветском пространстве. Эти сетевые структуры и международные «неправительственные» центры, также аккумулирующие средства международных налогоплательщиков на якобы гуманитарные цели и регулярно выбивающие финансирование из своих правительств и диаспор на «продвижение демократии», по сути, действительно превратили революционный передел мира в спекулятивный бизнес.

СПЕКУЛЯТИВНЫЙ ОКРАС «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»

Можно представить, как возмущился бы самой идеей выдвижения на первый план в «цветных революциях» фактора внешнего воздействия учредитель Международного центра ненасильственных конфликтов Питер Аккерман (Peter Ackerman), второй по популярности в мировой иерархии востребованных идеологов-тренеров по натаскиванию на революции в разных частях света и один из теневых представителей финансовых спекулянтов, чья фамилия в Америке в 90-е годы звучала примерно так же, как Мавроди в России. Тем не менее, вслед за своим ментором, Джином Шарпом, номером один в «ненасильственных» сменах режимов, Питер Аккерман скорее готов рассуждать о силе «обороны, базирующейся на гражданском населении» или клеймить как «сторонников теории заговора» «российского президента

¹ *Badhen A. US Poured Millions into Ukraine. San-Francisco Chronicle, 2004, December 19.*

² *Rosen L. Salon Magazine. 2001, February 3.*

Владимира Путина и многих западных марионеток», которые «цепляются за внешние факторы», «указывают на помощь Запада оппозиции или кивают на дипломатов...»¹, чем признать спекулятивную основу бизнеса на «ненасилии».

Здесь следует оговориться, что оспаривать какие-либо утверждения Питера Аккермана всерьез и с фактами в руках — занятие бесперспективное. Несмотря на международное реноме «эксперта» основателя Международного центра ненасильственных конфликтов, к экспертному сообществу и принятой в научной среде привычке оперировать логикой и документальными доказательствами не отнесешь даже с натяжкой. Человек, большую часть своей карьеры посвятивший сомнительным операциям на бирже и едва избежавший тюрьмы в ходе крупнейшего на Уолл-Стрит финансового скандала с так называемыми «мусорными облигациями», Питер Аккерман и в своем нынешнем увлечении спекуляциями на революциях не отличается разборчивостью в средствах для убеждения оппонентов. Психологическая атака, финансовый размах пиар-построений вкупе с откровенным мошенничеством и наглым упорством в свое время стали визитной карточкой короля «мусорных облигаций» Майкла Милкена, правой рукой которого и был Питер Аккерман. Свою первую «революцию» они провели на американской бирже, опробовав приемы воздействия на массовое сознание для «демократизации» консервативных площадок Уолл-стрита.

Тактика революционеров от биржи была скрупулезно выстроена на критике существующего там режима. В начале 70-х годов рынок долговых корпоративных обязательств почти полностью состоял из высоконадежных облигаций так называемого «инвестиционного класса», которые эмитировали избранные «голубые фишки» — компании с большой капитализацией и долголетней историей. Было решено их потеснить, расширив рынок долговых обязательств за счет бумаг неинвестиционного класса, так называемых «мусорных облигаций», junk-bonds. «Мусорные облигации» традиционного образца принадлежали все тем же «голубым фишкам», которые в силу временных финансовых затруднений либо в результате изменения конъюнктуры рынка теряли высокий рейтинг, монопольно присваиваемый агентствами Moody's и Standard & Poor's. До поры до времени эти бумаги оправдывали свое «мусорное» название — по ним практически не производилось купонных выплат, и инвестиционные и пенсионные фонды не включали их в свои портфели. Милкен и Аккерман сотоварищи начали переворот с наступлением на рейтинговые агентства, обвинив их в некомпетентности и недалекости — ведь агентства не учитывали потенциал «мусорной сферы», которая может подняться в будущем. Тут же «революционеры» присмотрели и своих клиентов — владельцев мелких компаний, изнуренных в конкурентной борьбе с воротилами бизнеса, вынужденных, чтобы остаться на плаву, демонстрировать инвесторам повышенную доходность. Почему бы не сделать их верными союзниками, подняв купонную ставку «мусорных облигаций»? Сложнее было уговорить инвесторов прикупать «мусор» вместо ценных бумаг, но и эта проблема ждала своего дерзкого решения. Продвижение революционной идеи напоминало массовые проповеди пасторов из тоталитарных сект, сеансы целителей или гипнотическое действо по примеру курса лекций Остапа Бендера о Нью-Васюках, но отличалось куда большим размахом. Штаб-квартирой «мусорных облигаций» был выбран Беверли Хиллз близ Голливуда, и началось сотворение собственной фабрики финансовых грез. Голливуд — голубая мечта средних американцев, и свои шоу революционеры от «мусорного» бизнеса стали выстраивать по звездному образцу. На шоу, организованное пропагандистами «мусорных облигаций», которые назывались ни много ни мало фестивалями, съезжались с разных концов Америки портфельные инвесторы. С порога начиналась психологическая

¹ Ackerman P., DuVall J. People power wins in Ukraine // The Boston Globe, 2004, December 26.

обработка — биржевые маклеры с ходу «чувствовали разницу» и начинали соображать, что и им светит красивая жизнь. Так задавалась обольщающая установка на необремененный этическими соображениями авантюрный успех. Прямо в аэропорту Лос-Анджелеса участников гипнотического действа встречали роскошные лимузины и развозили по апартаментам. Питались делегаты в дорогом и престижнейшем ресторане Chasen's. Развлекали их такие звезды, как Фрэнк Синатра, Кенни Роджерс и Дайана Росс. Для самых перспективных клиентов, контролировавших серьезные инвестиционные портфели, была разработана «спецпрограмма»: в бунгало № 8 отеля «Бeverли Хиллз» проходили вечеринки с участием «подающих большие надежды будущих кинозвезд», которых заимствовали в модельном агентстве. Была даже идея зафрахтовать сверхзвуковой лайнер «Конкорд» и высадить фестиваль-ный десант на кортах Уимблдонского турнира, но по каким-то причинам этот проект так и не осуществился. Дальнейшая вербовка сторонников также проходила в привычных нуворишеских пиар-схемах «Я и элита в одном пакете».

Сначала представители «перспективных быстроразвивающихся компаний» рассказывали потенциальным инвесторам о головокружительных взлетах своего бизнеса в самом скором будущем. Затем появлялись видные политические и общественные фигуры и говорили о важности компаний роста для всей экономики страны и лучшего благоденствия американского народа. После чего именитые ученые-экономисты на пальцах демонстрировали, что доходность «мусорных облигаций» в инвестиционном портфеле всегда оказывается выше, чем от вкладов в низкодоходные долговые обязательства с высочайшим рейтингом. Обычно к этому моменту на фоне декораций красивой жизни и научных обоснований финансовых авторитетов слушатели уже полностью созревали для того, чтобы выкинуть из доверенного им портфеля все ценные бумаги и сменить их на «мусорные». Для верного результата помутненное от яви и перспектив шикарной жизни сознание слушателей подвергалось окончательной полировке. Им являли какого-нибудь всенародно известного симпатягу-богача, добившегося ошеломляющего успеха (скажем, Теда Тернера из CNN) и тот простодушно признавал, что всем в своей жизни он обязан именно «мусорным облигациям». На фестивалях, конечно, никто эти бумаги «мусорными» не называл — их величали исключительно «высокодоходными облигациями». Результат фестивалей превзошел всякие ожидания: в «мусорные облигации» потекли сотни и сотни миллионов долларов. На глазах изумленной публики расцветал революционный рынок. Новый и разрушительный, поскольку он не только уводил средства от зарекомендовавшего себя капитала, в основе которого лежала традиция и доверие, но и в прямом смысле сокрушал бизнес.

Когда восстал подвергшийся заспипному нападению солидный американский истеблишмент и начались судебные разбирательства, выяснилось, что вся схема доходности «мусорных облигаций» была выстроена на имитации сделок. Группа доверенных лиц, в которую входили и люди с самой одиозной репутацией в финансовом мире, покупала и продавала облигации друг у друга. Трансакции осуществлялись между сотнями и тысячами кодированных счетов без указания имен продавцов и покупателей. На дутых «мусорных облигациях», тем не менее, поднялось порядка 900 прикормленных компаний, расцвело кабельное телевидение (упомянутый уже CNN и его создатель Тед Тернер), телефония (MCI — главный конкурент монополиста AT&T), региональные авиалинии, биотехнологии, медицинское страхование и компании дистанционного обучения. Вербуй новых сторонников в ряде перспективных для себя сфер, «революционеры» использовали большинство «мусорных» денег вовсе не на цели процветания экономики, а на ее разрушение. Финансирование с помощью «мусорных облигаций» по большей части шло на так называемый «кредитный выкуп» — атаку на солидную отрасль экономики или крупное предприятие, попавшее в затруднительное положение. Суть кредитного выкупа: маленькая

и агрессивная компания скупает акции какого-нибудь столпа экономики с миллиардной капитализацией и столетней историей. При этом налетчик не использует свои деньги (их у него и нет), а берет их в кредит. Залогом под кредит служат сами акции компании-жертвы. Деньги на кредитный выкуп поступали от «мусорных облигаций». Был разработан механизм, который позволял после удачного налета с легкостью покрывать задолженность по «мусорным облигациям»: у атакованной «голубой фишки» тут же распродавались ее самые лакомые активы. Большая часть полученных денег оседала в карманах «революционеров», остальное шло на обслуживание долга. Как бы там ни было, но именно кредитный выкуп с помощью «мусорных облигаций» заставил весь экономический, финансовый и политический истеблишмент объединить усилия и выступить единым фронтом против Майкла Милкена со товарищи. Начались бесчисленные расследования, в результате чего уже в ноябре 1986 года в Конгрессе было проведено 30 законодательных инициатив, налагающих ограничения на инвестиции в безрейтинговые («мусорные») облигации. В 12 штатах приняли законы, запрещающие кредитный выкуп. Борьбу возглавил тогдашний молодой госпрокурор Рудольф Джулиани, прославившийся непримиримостью в пресечениях действий итальянской мафии, ныне кандидат в американские президенты от республиканцев. Королю «мусорных облигаций» дали 10 лет тюрьмы, из которых он отсидел меньше двух лет, а Питер Аккерман, выплативший в казну самый крупный из всех «товарищей» штраф, нашел себя в смежной области — бизнесе на «цветных революциях».

Нетрудно заметить, что при борьбе за советское наследство использовались те же манипуляционные схемы, что запускались при американском революционном подколе под рынок ценных бумаг и осуществлении психологической подмены реальных ценностей на «мусорные». К примеру, по аналогичной схеме «кредитного выкупа» приобрел питерские энергомашиностроительные предприятия «Интеррос» олигархов Потанина и Прохорова, больше известного по скандалу в ходе «фестиваля красивой жизни» в Куршавеле. На «мусорных» долговых обязательствах нажил многомиллионное состояние олигарх Аркадий Гайдамак, по примеру других прикармливающий для себя мощный инструментарий психологического захвата — медийный бизнес.

ФОРМУЛА ДЛЯ ЗАРАБОТКА НА РЕВОЛЮЦИЯХ

Еще в ходе судебных разбирательств по афере с «мусорными облигациями» по ряду эпизодов с мошеннической аферой всплывали знакомые имена из рейтингового агентства «Репп, Schoep and Berland», оказывающие услуги «товариществу» мусорщиков в их противостоянии рейтинговым агентствам с солидной репутацией. Сейчас поделочки «демократизаторов» американского фондового рынка тоже нашли себя на перспективном поприще скрытых переворотов. Отмечая выдающуюся роль «Репп, Schoep and Berland» при перевороте в Сербии, тогдашний госсекретарь США Мадлен Олбрайт, впоследствии руководитель выпестованного Национальным демократическим фондом Национального демократического института, в письме агентству от октября 2000 года, процитированном на официальном сайте «Репп, Schoep and Berland», пишет: **«Ваша работа с Национальным демократическим институтом и югославской оппозицией прямо и решительно способствовала недавнему прорыву к демократии в этой стране. Это может быть один из первых примеров, когда работа с избирателями сыграла столь важную роль в продвижении и обеспечении задач иностранной политики».** Отметим, что отличившееся в Сербии на поприще решения задач иностранной политики рейтинговое агентство вместе с представителями ОБСЕ осуществляло также широко транслируемые «экзит-пулы» на украинских выборах.

Подключение западных рейтинговых агентств с целью влияния на выбор избирателя путем широкого оповещения предварительных результатов опросов или возможного пересмотра итогов выборов под предлогом реальных или мнимых подтасовок — один из важных атрибутов джентльменского набора технологий «цветных переворотов». Не случайно в упомянутой в начале статьи книге канадского журналиста «Холодная война, революции, подтасованные выборы и нефтепроводная политика в бывшем СССР», автор выносит в название именно эту технологию по манипуляции выборами, рассматривая ее вместе с идеологией, не сменившей вектор со времен холодной войны, как ключевой шаблон для захвата перспективного, прежде всего энергетического, постсоветского рынка и зон бывшего советского влияния. Характерна и реакция Международного центра ненасильственных конфликтов, возглавляемого Питером Аккерманом, на анализ журналиста. В распространенном на сайте центра официальном «заявлении в ответ на ошибки в новой книге»¹ канадского исследователя вместо фактологического опровержения пресловутых «кошибок» сосредоточен столь откровенный набор подтасовок, демагогии, пренебрежения элементарной логикой и отрицания общеизвестных фактов, что впору задаться вопросом: с каким феноменом мы имеем дело? Не стало ли агрессивное отрицание очевидного составной частью манипуляций психологической войны, к разряду которой относится «ненасильственная» революция?»

«Опровержение» Международного центра ненасильственных конфликтов можно привести целиком и без комментариев, цитируя строки, говорящие сами за себя, без преувеличения, наугад:

«Господин Маккиннон утверждает, что Питер Аккерман распространял „формулу“ для революций „от Сербии до Грузии и Украины“. В действительности наш центр не существовал во время октябрьского (2000 года) падения Милошевича в Сербии, не снабжал никакими материалами Грузию до «революции роз» и не поставлял никаких материалов украинцам до «оранжевой революции». Ни в какое время наше руководство или сотрудники не общались с людьми, вовлеченными в эти события».

Неловко комментировать это и другие подобные заявления, когда по сотням публикаций, документальным свидетельствам и интервью участников «революций», книгам и официальным сайтам широко известно, что Питер Аккерман до создания собственного «ненасильственного» центра работал в Институте Альберта Эйнштейна вместе со своим наставником Джином Шарпом, чья «формула для революции» «От диктатуры к демократии: концептуальные основы для освобождения»² была напечатана тиражом в 5 тысяч экземпляров для распространения среди активистов «Отпора» в Сербии, а потом стала руководством к действию для оранжевых на Украине. Также широко известно, что ветеран американской армейской разведки полковник Роберт Хелвей, ключевая фигура «ненасильственных тренингов» Аккермана и Шарпа, не только натаскивал оппозицию на смену режима С. Милошевича на специальных семинарах в отеле Хилтон в Венгрии в марте 2000 года, но и, по некоторым данным, принимал непосредственное участие и в тренинге оранжевых на Украине³. Документальный фильм самого Питера Аккермана «Свалить диктатора»⁴, который и сейчас можно приобрести на сайте Института Альберта Эйнштейна, стал, по широко растиражированному в международной

¹ Statement Responding to Errors in a New Book // http://www.nonviolent-conflict.org/resources_ft.shtml

² Sharp G. From dictatorship to democracy: a conceptual framework for liberation // <http://www.aeinstein.org/>

³ Nazarenko E. Moscow and Washington confronting each other in Ukraine. Réseau Voltaire November 1st, 2004.

⁴ Bringing down a dictator. Producer York Zimmerman. Inc. 2001.

прессе мнению очевидцев грузинских событий, «наиболее важным звеном в победе „революции роз“».

Фильм препарировал методы, примененные сербским молодежным движением «Отпор» для отстранения от власти Слободана Милошевича. Каждую субботу в течение многих месяцев первый в Грузии «независимый» телеканал «Рустави-2» демонстрировал эту ленту, после которой следовали теледебаты, где жителям Грузии предлагалось обсудить конкретные уроки, которые они вынесли из просмотренных кадров для радикализации текущего момента грузинской «революции». В ходе решающих десяти дней, которые не столько потрясли мир, сколько привели к падению Эдуарда Шеварднадзе (23 ноября 2003 года), канал многократно увеличил количество включений с демонстрацией ленты «Свалить диктатора». **«Все манифестанты знали наизусть тактику, используемую в Белграде, потому что все видели фильм и каждый знал, что он должен делать»**, — сообщал один из руководителей движения корреспонденту «Вашингтон пост»¹. Оставим на совести Питера Аккермана и отрицание общения с другими, более видными фигурами, вовлеченными в смену режимов на постсоветском пространстве. До недавнего времени российских читателей питали разве что косноязычными откровениями из интервью Эдуарда Шеварднадзе программе «Вести недели» на телеканале «Россия», в которой экс-президент заявил буквально следующее: «Это план Сороса, все расписано: и деньги, сколько надо, какие неправительственные организации являются надежными, с кем надо сотрудничать. Большое внимание в отношении подсчета голосов».

По словам Шеварднадзе, Сорос сформулировал «целую концепцию — как проводить выборы, чтобы в правительство пришли другие люди, как создавать такие же организации, как в Югославии». «Правильно сделали, что прогнали Сороса из России, — запоздало сокрушался Шеварднадзе, — плохо он себя ведет. Не его дело политика, вообще-то». Тут бывший президент Грузии сильно ошибается. Джордж Сорос — человек современных геополитических горизонтов и прекрасно осведомлен, что для всякой экономической конкуренции первостепенной является конкуренция политическая. Что касается предположений Шеварднадзе о разработанной Соросом «концепции», то, хотя этот международный финансовый спекулянт и любит позиционировать себя как «философа» и даже публикует книги «философского содержания», тут экс-президент Грузии промахнулся. Для смен режимов на постсоветском пространстве у Сороса, как и у других заинтересованных лиц, есть оплаченные «концептуалисты» и прочие специально нанятые люди. Именно Джордж Сорос выделил первые средства на открытие Джином Шарпом его Института Эйнштейна — центра «ненасильственных действий» как способа ведения войны», по определению самого Шарпа. «Открытое общество» финансировало стажировку активиста грузинской оппозиции Гига Бокерия в Сербию по обмену опытом в проведении «бескровной революции», засыпало Грузию лепестками тех самых роз и проплачивало много чего еще, вплоть до зарплаты победившим «революционерам», правда, на паях с ООН.

Летом 2003 года деньгами Сороса финансировался десант «Отпора» в Грузию, где около тысячи студентов прошли тренинг по проведению уличных демонстраций. Сам Бокерия заявлял, что в свержении Шеварднадзе наиболее активны были три организации — телеканал «Рустави-2», молодежная организация «Кмара» («Довольно» или «Хватит»), созданная по типу сербского «Отпора», и партия «Национальное движение» М. Саакашвили. По сообщениям грузинской прессы того времени, все они в той или иной степени финансировались через фонды Сороса. За полгода до «революции роз» «Кмара» получила грант в полмиллиона долларов, «Рустави-2» из фондов Сороса были отпущены средства на раскрутку еще в 1995 году и

¹ См. также: <http://www.basango.com/Bringing-down-a-dictator-a609.html>

выделены новые субсидии за год до революции для «поддерживающего» информационного проекта — открытия газеты «24 часа».

По данным, приведенным Ричардом Карлсоном, руководителем вашингтонского исследовательского центра по контртерроризму «Foundation for the Defense of Democracy» и бывшего директора «Голоса Америки», «только за три месяца» предшествующие «революции роз», с августа по октябрь, Сорос выложил 42 миллиона долларов для устранения Шеварднадзе¹. Вынесенное Ричардом Карлсоном в заглавие его статьи словосочетание «потемкинская революция» для характеристики «цветных переворотов» на постсоветском пространстве как нельзя лучше отражает зыбкость спекулятивной конструкции, замешанной на манипуляциях с местным гражданским населением и «деньгах из воздуха» заморских авантюристов-заимодавцев. Стоит ли удивляться, что на поприще «кризисного управления», сопутствующем «экспорту революций», сошлись интересы Питера Аккермана, наперника короля «мусорных облигаций», и международного финансового спекулянта Джорджа Сороса, заинтересованного в оставшемся без присмотра после «запрета на профессию» для Милкена баснословного по масштабам комиссионных рынка мелких заемщиков и держателей «мусорных» долговых обязательств, которые так мощно проявили себя в кризисном менеджменте — науке сокрушать мировые компании. Кстати, в совете директоров одной из крупнейших лоббистских организаций по управлению мировыми кризисами, которую курирует Сорос (International Crisis Group) вместе с традиционными разрушителями России вроде Збигнева Бжезинского состоит и жена Питера Аккермана Джоан Лидом-Аккерман, чьи связи и доступ к мировым правительственным структурам как ключевой фигуры в медиа-сообществе (она же еще и директор престижного Международного центра журналистов, получающего гранты от Национального демократического фонда, Международного центра частного предпринимательства, Кока-Колы и Боинга) также чрезвычайно полезны для «общего дела» по кризисному менеджменту — сокрушению государств и правительств. Так или иначе, полученные мошенническим образом баснословные барыши годами подпитывают цинизм тех, в ком клокочет свирепая убежденность, что все, что помогает им разбогатеть, непременно хорошо для мира в целом. По большому счету, это и есть та «формула для революций», которая толкает такого рода людей управлять «мировыми конфликтами».

ОТКАЗ ОТ ЭТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ КАК НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Вряд ли мы погрешим против истины, если скажем, что нынешние «светила» «ненасильственных конфликтов» Джин Шарп и Питер Аккерман в академическом научном плане большого интереса не представляют, их «революционные» интересы скорее объединяет авантюрный склад ума и пренебрежение нравственными установками. Джин Шарп начинал свою карьеру как ответственный секретарь у известного американского троцкиста и лидера американского рабочего движения Абраама Иоганнеса Мюста (A.J. Muste), увлекшего будущего гарвардского профессора идеями ненасильственной борьбы с сильной примесью троцкизма и методов «прямого действия», что, по-видимому, и определило воинственную эклектичность «пацифистских» установок самого Шарпа и сблизило его с позицией американских неоконеров. Питер Аккерман в юности тоже баловался троцкизмом и не чурался радикалов, близких к «черным пантерам», в зрелости консервативно образумился, пока скандал на Уолл-стрит не выбросил его на тихую обочину «ненасильственных конфликтов». Нужно было где-то пересидеть позор — карикатуры тех лет изображали

¹ Carlson R. Georgia on His Mind — George Soros's Potemkin Revolution. The Weekly Standard, May 24, 2004.

Аккермана с мешком денег за спиной, с опаской под покровом ночи перелезающим через высокую стену. После крушения аферы с «мусорными облигациями» и тюремного приговора для шефа и партнера, Аккерман заплатил самый крупный штраф среди остальных членов «товарищества» — около ста миллионов долларов, но сохранил нажитое в лихую пору многомиллионное состояние. Своеобразное представление об этике — фирменный знак теоретиков «ненасилия». Об этой стороне теории можно узнать не только из манипуляционных методичек, но и из откровенных их создателя.

Приведем небольшую выдержку из интервью Джина Шарпа редактору журнала Pease Magazine М. Спенсер¹, представившей интервьюируемого, как «человека, знающего о ненасильственном сопротивлении больше, чем кто-либо еще на планете»: «Для меня стало настоящим открытием, — говорил Джин Шарп, — когда я понял, что народ Индии, участвующий в ненасильственной борьбе с британцами, не верил в идею непротivления как этического учения. Это пришло ко мне неожиданно, в подвалах архивов библиотеки Огайо. Я читал старые газеты о кампании Ганди 30-х годов. И я спрашивал себя: надо ли об этом писать? Лучше выбросить это из головы. Но я об этом написал. И потом меня осенило, что это не угроза тому, чем я занимался, а, напротив, новые возможности. Потому что это означало, что огромное число людей, которые никогда не верили в этические или религиозные принципы ненасильственной борьбы, могут использовать ее в практических целях. И такое могло случаться десятки и сотни лет до того, как чьи-то потомки приняли принципы ненасилия. Потом я нашел материал о ненасильственном сопротивлении в Самоа, Корее и американских колониях до Лексингтона и Конкорда, затем материалы о генеральных забастовках, о рабочих стачках и бойкотах. Это был золотой материал. И там просматривалась теория, которую пропагандировал Ганди, — что всякое правительство зависит от послушания населения. Это была интересная идея, хотя и не классическая. Я попытался приложить ее к различным народам. Ганди взял эту идею у Толстого — не этические принципы, а саму идею, что правительство зависит от послушания народа...»

Идеи Шарпа, в которых отказ от этических принципов неприемлемости насилия, диктатуры — лишь «новые возможности» для практического применения их кем угодно, включая самого диктатора, по сути, не что иное, как очередная манипуляционная антидемократическая методика. Неудивительно, что тот же Питер Аккерман, слово в слово повторяя выхолощенный Шарпом тезис о зависимости власти от послушания народа и силе движений, базирующихся на гражданском населении, «демократические благоглупости» произносит лишь для толпы. Это в «Бостон глоб» Аккерман вместе со своим приятелем по университету, бывшим морским офицером Жаком Дюволом, может написать об «оранжевой революции» на Украине, что «там победил народ» и что «украинцы предпочли жить не с олигархами, а с демократическими ценностями»². На профессиональных трибунах, таких, как открытый форум Госдепартамента США, Аккерман продвигает иные идеи, которые должны заинтересовать в первую очередь военных. В своем докладе, озаглавленном «Между твердой и мягкой властью: подъем борьбы гражданского населения и демократические перемены» он уверял профессиональную аудиторию, что «практику молодежных движений, наподобие тех, что смели Милошевича, можно использовать в Иране, Северной Корее и для завершения операции в Ираке, чтобы разгрузить там чисто военную составляющую. Аккерман проинформировал собравшихся о своей работе с лучшими американскими специалистами по разработке оружия в лаборатории Лоуренс Ливермор, занимающейся развитием новых коммуникационных технологий, кото-

¹ <http://www.archive.peacemagazine.org/v19n3p16.htm>

² Boston Globe. December 26, 2004.

рые можно использовать в качественно иных молодежных бунтарских движениях. «Речь не о том, что такие технологии могут быть «демократизирующими», — подчеркнул Аккерман, ссылаясь на возможное использование таких технологий для смены режима в Китае, — они устанавливают децентрализующую деятельность. Они создают, если хотите, цифровой концепт права на собрания»¹.

МОЛОДЕЖНЫЙ РОЙ И ИСТЕРИЯ БУНТАРСТВА

Когда в России президентская администрация создает и поддерживает молодежные организации типа «Наших», такие действия можно как-то понять, хотя бы как временную меру для защиты от импорта «оранжевых революций». Иначе такие, как Джин Шарп, в соответствии с их теориями, в вакууме реальной молодежной политики не преминут протиснуть свою подмену. Кажется, труднее разъяснить что-либо российским согражданам, упорно отказывающимся верить в реальность угрозы «цветных переворотов» для их страны.

В уже цитированном интервью Шарпа изданию Peace Magazine редактор М. Спенсер восторженно восклицает в ответ на его замечание о бескрайних просторах манипуляции гражданским обществом: «Это же восхитительно! Только потому, что народ не верит, что это возможно, он не видит даже того, что происходит у него на глазах». Реплика редактора — реакция на тезис Шарпа, что «от насилия нельзя избавиться просто так». Насилие по Шарпу — это не просто жестокость или агрессия. Это способ управления конфликтом. Как и ненасилие. Есть ценности, по поводу которых люди не допускают компромисса, и конфликт не уйдет сам собой. **Ненасильственное решение — невидимая глазу подмена ценностей с использованием как простейших, так и самых изощренных технологий, которые проще всего опробовать на людях с несформировавшимися ценностями — подростках, молодежи.**

Как перспективный объект для апробации новых коммуникационных технологий, потенциал «сердитой молодежи» всюду используется, по меньшей мере, последние четыре десятка лет. Еще в 1967 году доктор Фред Эмери, тогдашний директор Тавестокского института, считающийся экспертом по «гипнотическому воздействию» телевидения, определял как новый феномен «синергетику подросткового роя» на рок-концертах и считал, что это явление может быть эффективно использовано для разрушения государства-нации к концу 90-х. В архивах издаваемого институтом журнала Human Relations² можно разыскать доклад Фреда Эмери «Ближайшие тридцать лет: концепты, методы и предвидения», где потенциал «сердитой молодежи» рассматривается как оружие психического поражения — «истерия бунтарства».

Британские военные создали Тавестокский институт как инструмент психологической войны еще после Первой мировой войны, но поистине второе рождение институт обрел в период войны холодной, когда теории доктора Эмери стали широко применяться в психоперациях НАТО для дестабилизации правителей Западной Европы, проводящих самостоятельную политику. Только сейчас ряд британских исследователей склонен рассматривать именно как пример такой дестабилизации «подростковым роєм» свержение генерала де Голля в 1967 г., хотя история молодежных бунтов конца 1960-х, в мае 68-го в Париже, синхронизированные студенческие волнения в ряде университетских центров Италии, последовавшие за ними события в Чехословакии должны были бы и раньше навести наблюдателей на напрашивающиеся аналогии. По прошествии многих лет можно смело утверждать, что

¹ <http://www.state.gov/s/p/of/proc/34285.htm>

² <http://www.tavinstitute.org/humanrelations>

многие методы нынешних «цветных революций» пилотно запускались и в СССР как раз в конце 60-х. Катализатором был не только так называемый «план Маршалла для умов» — западная идеологическая вакцина умело инъецировалась как тайными операциями, скупкой ведущих журналистов, созданием неформальных клубов «агентов влияния» и финансированием ряда изданий в Европе, так и легальным расширением межгосударственных культурных обменов для «невидимой подмены понятий». Масса потенциально подрывных, прежде всего экуменических молодежных организаций, проникала в Советский Союз по разным каналам молодежного обмена под самыми невинными культурологическими наименованиями. Та же французская «Молодежь и реконструкция», работавшая в составе интернациональных студенческих строительных отрядов в Петродворце под Петербургом, относилась к филиалам УМСА — глобалистской ассоциации христианской молодежи, исповедующей экуменические (если не антиправославные) идеи и распространяющей их через партнерство с университетами Европы, наличие системы индивидуальных «тьюторов» и т.п.

Устанавливались, говоря языком современных исследователей информационно-психологического терроризма, глобалистские методы основной конкурентной борьбы — борьбы за человеческое сознание. Многие из французских студентов, приезжавших в СССР в 1968 году, были участниками студенческих волнений в Сорбонне. «Интернациональное сопереживание» молодежи, зараженной «истерией бунтарства», инцидента с вводом СССР танков в Чехословакию должно было стать «предтечей» создания «глобального события» для трансформации сознания. Этот тезис позже сформулирует, в частности, ученик доктора Эмери Говард Перлмуттер (Howard Perlmutter), профессор «социального инжиниринга» в британской Wharton School. Сферой исследований Перлмуттера был анализ способов дестабилизации государств традиционной культуры для создания возможности утверждения «глобальной цивилизации». Идеи Тавистокского института нашли широкое распространение в Америке. С ноября 1989 года в Школе западного резерва в Кливленде (Case Western Reserve. Cleveland, Ohio) началась серия конференций из цикла «Программа для социальных инноваций в глобальном менеджменте», где тот же профессор Перлмуттер детализировал стратегию дестабилизации государств-наций с помощью глобальной (понимай, западной) цивилизации. В этом процессе «трансформации» профессор различал две основные составляющие — «строительство международной коммуникационной сети, состоящей из международных и местных организаций» и «создание глобальных событий» через «трансформацию местного события в явление глобального масштаба через мгновенную виртуальную интернационализацию события посредством СМИ»¹.

НЕНАСИЛИЕ — КАК СПОСОБ ВЕДЕНИЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Даже в добротных западных исследованиях о «цветных революциях» присутствует некий элемент недоговоренности, продиктованной самим предметом анализа, вынуждающего представителя традиционной культуры спастись перед тем, что современные психологи называют **психологическим терроризмом**, когда недопустимое становится допустимым, и исследователи, что называется, не верят глазам своим. В свое время еще Герберт Уэллс в книге «Открытый заговор» пытался продвигать несвойственное христианской цивилизации стремление добиться цели, уничтожая ближнего или создавая ему проблемы, мотивируя злые помыслы благом для государства. «Именно нежелание мыслить в категориях зла может в будущем

¹ См. Perlmutter on the origin of the concept of globalization // <http://www.tavinstitute.org/humanrelations>

вычеркнуть британцев из числа значимых наций», — утверждал Герберт Уэллс в «Опыте автобиографии». Этот разрушительный вектор зла имеет отнюдь не абстрактные очертания, если отдавать себе отчет в том, что, по меньшей мере, за все время, прошедшее после Второй мировой войны, позиция евроатлантистов по отношению сначала к Советскому Союзу, а потом и к России качественно не менялась и рассматривалась, по сути, в прифронтовых характеристиках взаимоотношений с геополитическим и идеологическим противником. Этим же геополитическим и идеологическим вектором прочерчиваются и нынешние шаблоны «цветных революций».

Военный аспект «ненасильственного» шаблона легко просматривается, начиная с первых работ патриарха «бескровных революций». Одна из ранних работ Джина Шарпа называлась «Как сделать Европу непобедимой: потенциал сдерживания и обороны, основанных на гражданском населении»¹. Книге, изданной в 1985 году, предшествовало предисловие знаменитого Джорджа Кеннана, архитектора холодной войны, стоявшего и у истоков организации секретных операций в странах НАТО. В книге Шарп рассуждает, что оборона, организованная на базе гражданского населения, может снизить советскую угрозу благодаря способности «сдерживать и отбивать атаки, делая общество неуправляемым для потенциальных агрессоров и сохраняя способность саморегуляции даже перед лицом чрезвычайных угроз и текущей агрессии». В свою очередь Кеннан отдает должное Шарпу за то, что тот показал «возможности сдерживания и сопротивления силами гражданского населения» как «частичную альтернативу традиционной, чисто военной концепции национальной обороны». Книга была переведена на немецкий, норвежский, датский, итальянский и другие языки стран НАТО. В предисловии к итальянскому изданию² (за год до сенсационных разоблачений Джулио Андреотти по поводу секретных армий НАТО и оккультном «Гладио», дестабилизировавшем Италию в годы так называемой «стратегии напряжения», активности «красных бригад», убийства Альдо Моро) политолог Джанфранко Пасквино призывает коллег мобилизовать массы для гражданского сопротивления вероятному советскому вторжению в Италию.

Удивительно, что мало кто усматривает в деятельности радетелей «ненасильственных» переворотов прямое продолжение пресловутых секретных подразделений НАТО «stay behind», которые, в свою очередь, цинично выстраивались по принципу движений Сопротивления, а часто и с тем же составом, только уже против недавних союзников. Сербский «Отпор» — это своего рода психооперативный «update» традиционной политики «двойного удара» евроатлантистов. «Гладио» в буквальном переводе «двусторонний меч», а «Отпор» переводится на многие языки НАТО как «Резистанс», и поэтому ассоциирующееся с французским движением Сопротивления. В эту логику вполне укладывается шарповское «ненасилие — как способ ведения войны».

ПРАВДА КАК ЗАЩИТА ОТ МАНИПУЛЯЦИЙ

В анализе экспорта «цветных революций» большинство отнюдь не сочувствующих бывшему СССР и России западных исследователей приходит почти к полному консенсусу, оценивая негативную роль в «революционном» процессе мнимых правозащитников, международных неправительственных организаций, продажной прессы, устраивающей черные пиар-кампании для создания одноразовых «глобальных событий» из заведомо мелкой местной несуразицы или откровенной фальшивки и дезинформации. Политологи в унисон бичуют связанные с правительствами и

¹ Sharp G. Making Europe Unconquerable: The Potential of Civilian-Based Deterrence and Defense, 1985.

² Verso un'Europa Inconquistabile, 1989.

транснациональными корпорациями гуманитарные организации и СМИ, выступающие в век политических, экономических и психологических войн заменителями пушек и снарядов для интернационализации критики домашней политики государства-мишени и облегчения условий иностранного влияния и вмешательства¹.

Кажется, экспертное сообщество вполне осознает, что «цветная революция» — это спланированная смена режима в результате психологической операции по обработке гражданского населения, осуществляющаяся как бы самим гражданским обществом под видом демократизации и в интересах третьих лиц. Лица эти, чаще всего чужеродные и поддерживаемые военными, заставляют «гражданских» таскать для себя каштаны из огня по тщательно продуманной технологии. По рецептам Джина Шарпа, таких методов 198, но реально на постсоветском пространстве применяют весьма усеченный набор. Межэтнические и другие провокации устраивают ближе к выборам. А там уже наготове «иностранные наблюдатели», «экзит-пулы», которые подтвердят «жульничество» на выборах, заготовлены палатки, где будут жить протестующие, проплачена походная кухня с дармовой едой для «митингующих», натренирована сердитая молодежь, оснащенная современными коммуникационными технологиями, проинвестированными иностранным военно-промышленным комплексом. Мобильные телефоны, СМС-сообщения, блоги и сайты для взаимодействия в реальном времени и корректировки операций, мобильной перегруппировки «роя», превращения местного события в глобальное мировыми СМИ. Словом, спланированное и профинансированное извне нападение на законные властные институты государства-нации, подрывная и, по сути, антидемократическая деятельность, потому что на системном уровне она практически не оставляет власти права быть нецентрализованной, размыть властную вертикаль. Не случайно примерами не удавшихся Шарпу (и тем, кто за ним стоит) переворотов становятся государства-мишени с наиболее недемократичными правителями — трагедией закончилось выступление студентов на Тяньаньминь, провалилась «цветная революция» по свержению Чавеса в Венесуэле, беззубым оказался белорусский «Зубр», натренированный по методике сербского «Отпора» против Лукашенко.

Ситуация приводит западных исследователей в уныние: экспорт «революций» приватизируется, в этот бизнес, как в «мусорные облигации» с огромным комиссионным доходом, втягиваются все больше людей. Кто же откажется резать курочку, несущую золотые яйца? Да и есть ли альтернатива? Не выбирать же между плохим и хорошим деспотом, как советовала покойная Джин Киркпатрик, предлагая делить диктаторов на «авторитарных» и «тоталитарных»? Не сокращать же межгосударственные связи, научный и культурный обмен? Не отказываться же в принципе от построения гражданского, демократического и справедливого общества?

Да что унывать? Ведь схватили за руку участников авантюры с «мусорными облигациями», и покачулась внушенная людям манипуляционная вера, что не реальные ценности, а бросовые бумаги приносят наибольший доход. Не от мира нужно отгораживаться, а разъяснить собственному народу и миру, с каким явлением они имеют дело, пресечь доступ в свой дом торговцам бросовыми ценностями, выставить против них реальную гражданскую оборону, но главное — решать насущные проблемы людей, не подменяя их обманными заменителями. Как это сделать — в принципе понятно, когда знаешь, природу угрозы, не строишь иллюзий, не впадаешь в крайности и думаешь о ближнем в категориях добра. Если в общество вернут его истинные ценности, никакими «цветными переворотами» народ не одолеть.

¹ См. выдержки из исследований десятка западных авторов в подборке: *Chaula S. Democratisation, NGO's and "color revolution"* // <http://www.globalresearches.ca>

Петр Ильченков
(Москва–Будапешт–Белград)

4

«ЭКСПРЕСС-РЕВОЛЮЦИЯ» В СЕРБИИ

ВВЕДЕНИЕ¹

Несколько молниеносных государственных переворотов, совершенных в начале XXI века на территории Восточной Европы и Средней Азии, вызвали оправданную обеспокоенность у правящих элит тех государств, которые не находятся в полной и открытой вассальной зависимости от США. Ведь они могли в любой момент превратиться в объект импорта «оранжевых технологий» с целью утверждения более лояльных Вашингтону режимов.

Настоящая статья призвана выявить характерные черты этих технологий, определить основные методики «экспресс-революций», а также объяснить, почему традиционные методы борьбы с ними не могут быть признаны удовлетворительными. Первой в Восточной Европе страной, подвергшейся подобному эксперименту, стала Югославия (СФРЮ). В силу ряда исторических факторов, жители Словении и Хорватии уже в 70-е годы были сторонниками независимости, исходя из имевшихся экономических, исторических и культурных противоречий. Подобные стремления не могли быть реализованы до тех пор, пока существовали СССР и Организация Варшавского договора, т.к. распад Югославии в то время мог привести к интервенции со стороны ОВД и/или НАТО и непредсказуемым последствиям в случае столкновения этих противников на и без того напряженном европейском пространстве. Кроме того, еще был жив патриарх балканской политики — мудрый Й. Броз Тито. К середине 80-х годов рассеялись чары долголетнего правителя Югославии Тито (он умер в 1980 г.), а с приходом к власти М.С. Горбачева стала слабеть ОВД и начался обратный отсчет жизни СССР. Сепаратистские идеи в западных югославских республиках, Хорватии и Словении, стали популярны в высших эшелонах коммунистических партий этих республик. В самой Сербии также крепла идея преобразования СФРЮ на принципах, более соответствующих интересам государствообразующего народа — сербов. Во главе Союза коммунистов Сербии встал человек с опытом работы в администрации и партийном аппарате, Слободан Милошевич, которого народ называл коротким именем «Слоба». Милошевич в нескольких своих выступлениях выразил недовольство притеснениями, которым подвергались сербские жители Косова и Метохии, и таким образом снискал всеобщую популярность среди сербов, проживавших во всех республиках СФРЮ. С 1989 по 1997 год Милошевич был президентом Республики Сербия, а с 1997 по 2000 год — президентом Югославии.

После распада Союза коммунистов Югославии С. Милошевич образовал Социалистическую партию Сербии (в июле 1990), принял новую конституцию (сентябрь 1990), усилившую вертикаль власти и резко уменьшавшую сте-

¹ События 2000 года в Сербии не совсем корректно называть «оранжевой» или «цветной» революцией, т.к. идея использования цвета в маркетинге подобной политической кампании появилась несколько позднее. Поэтому мы пользуемся термином «экспресс-революция», который попытаемся объяснить ниже. Фактически, «экспресс-революции» стали преемниками методик, апробированных в Югославии (1996), Словакии (1998) и Хорватии (2000). Впоследствии успешно были проведены операции в Грузии (2003), на Украине (2004), в Киргизии (2005). В 2005 году наблюдались попытки применения подобных технологий в России, Белоруссии, Молдавии, Азербайджане, Узбекистане и Монголии.

пень независимости автономных краев (Косова и Метохии, Воеводины). Была усилена и роль президента. Однако баланс сил между президентом и парламентом все-таки сохранялся. Сочетание социалистической риторики, а также действий и высказываний, направленных на защиту интересов сербов во всей Югославии, принесли лидеру сербских коммунистов невиданную народную поддержку. Он смог собрать миллионный митинг (огромное число для 10-миллионной Сербии) в свою поддержку, его фотографии и книги появлялись в иконных лавках православных церквей, а народная поддержка, оказанная Милошевичу на первых многопартийных выборах в Сербии в декабре 1990 года, составила 80,5%.

В июне 1991 года Словения и Хорватия заявили о выходе из состава Югославии, в сентябре 1991 года независимость провозгласила Македония, а в марте 1992-го — Босния и Герцеговина. Компактно проживавшее сербское население в Хорватии (580 тыс. чел.) и Боснии и Герцеговине (1 360 тыс. чел.) заявило о стремлении получить автономию в составе этих республик, а в рамках этих автономий отстаивать свое право сохранить занимаемые ими территории в составе Югославии. В результате этого этнически однородные Македония и Словения практически безболезненно обрели независимость, а в Хорватии и Боснии и Герцеговине разгорелась жестокая междоусобная война. Помощь югославской армии, в массе своей оставшейся верной Белграду, способствовала успехам сербов, защищавших идею единой Югославии.

С 1991 года в югославские события стали все активнее вмешиваться США и их союзники по НАТО (Германия, Великобритания и др.) Они испытывали открытую неприязнь к существовавшему на Балканах крупному¹ коммунистическому государству с прорусской элитой, православным большинством населения и государственной идеей славянского единства (до конца существования Югославии ее официальным гимном был гимн славянского единства «Гей, славяне»). Единственный теоретически возможный союзник этого государства, Россия, о попытках ориентации на которую свидетельствовала внешняя и культурная политика С. Милошевича, находилась в фарватере «козыревской дипломатии», и занимала сервильное положение по отношению к США и НАТО. Вследствие этого США и НАТО смогли успешно провести в жизнь политику экономической блокады, сочетавшуюся с бомбовыми ударами по позициям боснийских сербов, а также с оказанием финансовой и военной (вооружение, инструкторы) помощи Хорватии и мусульманам Боснии. Экономика Сербии разваливалась под давлением экономической блокады, гиперинфляции и значительных расходов на ведение затянувшейся войны.

Народные массы ощутили резкое падение жизненного уровня (искусственно завышенного в бывшей Югославии) и стали утрачивать симпатии к войне и самому Милошевичу. Милошевич попытался заставить лидеров боснийских и хорватских сербов сесть за стол переговоров, оказывая на них давление с помощью санкций. Однако это вызвало лишь ослабление доверия к Милошевичу и со стороны радикально настроенных сербских националистов.

В ноябре 1995 года, на базе ВВС США Райт-Пэттерсон вблизи Дейтона были подписаны так называемые «дейтонские соглашения», решившие судьбу Боснии и Герцеговины и завершившие четырехлетнюю войну на ее территории. Договор зафиксировал целостность и независимость этого государства, которую должен был гарантировать оккупировавший территорию этой страны натовский ИФОР (Implementation Force). С сербской стороны этот договор подписал С. Милошевич. Он формально отказался от тех лозунгов защиты сербского населения вне

¹ В момент пика «Югославии Милошевича» в 1993 году ее население составляло свыше 12 миллионов человек, т.е. было самым многочисленным Балканским государством.

Сербии, которые приносили ему успех у националистически настроенной части электората.

В отличие от выборов 1990 года (и утвердивших положение дел выборов 1992 года), на новых выборах в 1996 году Милошевича ожидала реакция избирателей, разочарованных резким падением жизненного уровня, психологическим давлением блокады и санкций и, что самое главное, подавленных поражением в войне, сделавшим все принесенные жертвы бессмысленными. Милошевич больше не был долгожданным новым лицом после надоевшей за 40 лет «попостной физиономии коммуниста-интернационалиста». Его речи о социализме воспринимались как нечто устаревшее и немодное на фоне перемен в других странах Восточной Европы.

Тем не менее, Милошевичу удалось сохранить голоса части своих сторонников в сельской местности. Дело в том, что в результате особенностей аграрной политики югославских коммунистов после 1948 года крестьянство состояло из крестьян-единоличников. Когда-то роспуск насильственно образованных и непопулярных колхозов послужил причиной нападков советской пропаганды и обвинения Сербии в «предательстве дела коммунизма». Парадоксально, но сейчас эти самые одиночники стали последним оплотом неокommунистов в Сербии. В отличие от горожан, пострадавших от резкого падения заработной платы, сербские крестьяне сохранили крепкое хозяйство и не переживали столь остро последствия санкций. Жизнь среднего крестьянина в годы СФРЮ была вполне сносной, и поэтому идея свержения социалистов не вызывала симпатий у осторожной и не склонной к резким переменам крестьянской массы. Большую роль играла и ясность речей, с которыми С. Милошевич обращался к народу, как и выбор им подходящих проводников своей политики, импониовавших простому народу своей понятностью и доступностью.

В результате «грубой манипуляции» на выборах в местные законодательные собрания в 1996 году, зимой 1996/97 по Сербии прокатилась волна протестов, где основной ударной массой были студенты и городская интеллигенция. Демонстрации, начавшиеся в ноябре во втором по величине городе Сербии, Нише, были поддержаны студентами Белградского университета и продолжались с переменным успехом по всей Сербии до марта 1997 года. В Белграде на улицы выходили около 200 тыс. человек, несмотря на угрозу подвергнуться санкциям вплоть до увольнения. В организации демонстраций участвовала политическая коалиция «Заедно» («Вместе»), сформированная из представителей различных оппозиционных политических партий демократического спектра.

Наконец, Милошевич сдался и 11 февраля 1997 года подписал особый указ (“*lex specialis*”), которым признал победу оппозиции на местных выборах в нескольких крупных городах. Кроме того, 22 марта 1997 года С. Милошевич сменил часть руководства Белградского университета и вернул университетам Сербии автономию, которую незадолго до этого попытался отменить. Эти выступления показали не только силу (неожиданную для С. Милошевича), но и слабость оппозиции:

- студенты протестовали одновременно, но отдельно от горожан;
- студенческие кружки носили исключительно элитаристский характер и не имели тенденций к расширению;
- Милошевич, хотя и позволил оппозиции захватить муниципальную власть в ряде городов, не признал факта нарушений на выборах;
- коалиция «Вместе» распалась в результате умелого манипулирования С. Милошевичем посулами и угрозами и не попыталась развить успех наступления и «дожать» потерявшего популярность президента, использовав захваченную в ряде городов власть в качестве плацдарма.

В результате, разочарованные внешние наблюдатели из США и других стран «либеральной демократии» поняли, что С. Милошевич сумел перенести удар, нанесенный ему военным поражением в Хорватии и Боснии, а также жесточайшей бло-

кадой. Согласно Конституции Сербии, Милошевич не мог оставаться на своем посту более двух сроков и передал пост главы Сербии своему стороннику Милану Милутиновичу, а сам занял пост президента Югославии. Прекращение войны и (минимальное) ослабление санкций привело к экономической стабилизации Сербии.

Поэтому было решено продолжить процесс «дезинтеграции» Югославии. В Черногории широкую поддержку Европы (точнее попустительство контрабандным операциям с ввозом в Италию сигарет без уплаты акцизных сборов) получил клан Мило Джукановича, бывшего сторонника, а затем лютого противника Милошевича. В Косово и Метохии начались вооруженные выступления албанских сепаратистов, стремившихся к независимости края. Тем не менее, военные и военно-морские базы югославской армии на территории Черногории оставались надежной защитой от сепаратистских поползновений Джукановича, не имевшего в то время массовой поддержки. Уровень заработной платы в Сербии рос параллельно с лояльностью представителей государственного аппарата, в особенности силовых структур. Наконец, и албанские боевики в Косово и Метохии были на грани полного поражения в результате слаженных и успешных действий сербских силовых ведомств, прошедших хорошую школу в предыдущих конфликтах в Косово. Представители оппозиции показали очевидные пробелы в управлении доверенными им на выборах городами, и в некоторых из них к власти вновь стали приходиться сторонники С. Милошевича. Западу стало очевидно, что режим Милошевича необходимо сломить.

В целом, решение о бомбардировке Югославии весной 1999 года привело, несомненно, к куда более масштабной гуманитарной катастрофе (сотни тысяч албанских, сербских и цыганских беженцев покинули край после начала конфликта, во время него и после его окончания), нежели убийство десятков боевиков при оказании вооруженного сопротивления в Косово и Метохии в 1997–1998 годах. Бомбардировки авиацией НАТО страны, находящейся в непосредственной близости от границ ЕС, можно понять лишь исходя из стремления США и его союзников решить проблему неподконтрольного режима на Балканах раз и навсегда. Непродолжительное и достаточно эффективное применение высокоточного оружия не привело к желаемому результату. Идея покушения или похищения Милошевича была отвергнута как трудновыполнимая, хотя и возникавшая в головах аналитиков ЦРУ¹. Но в конце июня 1999 года подход к проблеме Милошевича был изменен, на сцене появилась новая методология «экспресс-революции».

«Полноте, — мог бы воскликнуть нетерпеливый читатель, — что же тут нового?» Разве само выражение «экспорт [контр]революции» не является ровесником

¹ *Maršal Tim, Igra senki*, Beograd, 2002, с. 167. — Похищения лиц, обвиняемых Гаагским трибуналом, с территории Сербии до 05.10.2000 случались неоднократно. Волна ликвидаций высокопоставленных лиц, контролировавших силовые центры режима Милошевича захлестнула Сербию в течение года, предшествовавшего его падению. 27 ноября 1999 года был застрелен Зоран Шиян, бывший чемпион Европы по кик-боксингу, лидер влиятельного сурчинского клана. 15 января 2000 года был расстрелян Желько Ражнатович (Аркан), бизнесмен и политик, стоявший на стыке силовых структур и сербской мафии, командовавший военизированным добровольческим отрядом, участвовавшим в вооруженных конфликтах на постюгославском пространстве. 7 февраля 2000 года был застрелен министр обороны Югославии Павле Булатович, черногорец, ярый противник выхода Черногории из союза с Сербией, решительный политик, пользовавшийся властью в Черногории и в рядах югославской армии. 25 апреля — приближенный Милошевича, генеральный директор «Югославского авиатранспорта» Жика Петрович. Наконец, 13 мая 2000 года, в День Безопасности (праздник органов безопасности социалистической Югославии) был застрелен молодой и амбициозный председатель правительственной автономной области Воеводина и одновременно глава горкома Нового Сада Бошко Перошевич, пользовавшийся, по сведениям опроса общественного мнения, проведенного неправительственным агентством «Скан», исключительно высокой поддержкой населения в области. Убийца последнего был пойман на месте преступления, обыск места проживания и допрос задержанного показали, что убийство имело политический подтекст.

XX века? Ведь даже В.И. Ленин прибыл в немецком пломбированном вагоне. Да и деньги на нужды партии от иностранцев получал¹. СССР с разной степенью результативности совершил массу попыток «облагодетельствовать» пролетарской революцией государства на всех континентах. По окончании Второй мировой войны эти революции для стран Третьего мира получили название «национально-освободительных», а с другой стороны, конкурирующая фирма из-за океана также усердно «впаривала» отдельным туземным государствам, стонущим под игом «красного империализма», либерально-демократические ценности. Наконец, и сам развал СССР (и его плюшевое эхо в виде бесчисленных бархатных революций) до смешного напоминал «оранжевые» технологии в гигантском масштабе, с агентами влияния, поддержкой упомянутого классиком «Запада, который нам поможет», а также обезумевшими толпами, которые в массе своей начали кусать локти и горестно сожалеть о случившемся, спустя всего пару лет после «победы демократии». А сам ненасильственный протест помог добиться независимости Индии еще больше полувека назад.

С начала XX века события ни раз разворачивались по сценариям, напоминающим «оранжевые» технологии. Однако последние являются их усовершенствованным вариантом, причем сумма произведенных в них опытными политехнологами перемен способствовала переходу количественных изменений в качественные. Наибольшее сходство они имеют с технологиями, применявшимися США в Латинской Америке во второй половине 80-х и в 90-е годы. Технологии, примененные в Европе, отличаются от подобных технологий (использованных, например, в 1990-х послом США в Никарагуа Майклом Козаком, впоследствии ставшим послом в Белоруссии), тем, что ... они применялись в Европе. То есть, имелось образованное (постиндустриальное), хотя и находящееся в тяжелых экономических условиях общество, имеющее массовый доступ к электронным средствам массовой информации, где традиции гражданской войны и вооруженного сопротивления властям были достаточно слабыми, в сочетании с давними традициями молчаливого саботажа решений авторитарной власти. По сути дела, это технологии экспорта «революции» нового поколения, отличающиеся от предыдущих тем же, чем отличался «Форд-Т» от своих многочисленных предшественников — типологической удобностью модели и возможностью ее запуска в массовое производство.

Попытаемся выделить основные отличия «оранжевых» технологий:

1. Самое очевидное отличие — экспрессивный характер действий. За счет массивного применения финансовых и информационных ресурсов удается сократить период от начала активных действий до удачного завершения операции до 1,5–2 лет. Таким образом, нет места длительному выращиванию в пробирке диссидентов, разъедания поколений граждан осторожной и неспешной неприятельской пропагандой. Все эти этапы проходят в предельно ускоренном режиме, с использованием новых возможностей постиндустриального и информационного общества. Вследствие этого перемены происходят быстро, но существует вероятность полного или частичного отката назад, невозможного в условиях классической и неспешной пропагандистской работы против «вероятного противника».

2. Ставка на укрепление блока сильных демократических оппозиционных партий, в силу чего правящий режим сталкивается с сильным противодействием на выборах и оказывается перед неизбежным искушением «подправить» результаты выборов, что, в общем-то, свойственно демократической системе, но является исключительно действенным обвинением в глазах неискнутого избирателя.

3. Активный и целенаправленный поиск сторонников перемен, в первую очередь, в силовых структурах, обеспечивающих правопорядок в стране (органы Ми-

¹ См. подробнее достаточно взвешенную и объективную монографию д.и.н. Г.Л. Соболева «Тайна „немецкого золота“» (Русская революция и «немецкое золото»). СПб, 2002.

нистерства внутренних дел и государственной безопасности), с использованием концентрированного экономического ресурса и уязвимости интересов значительного числа лиц манипуляциями не только внутри страны, но и за ее пределами. Возможность «купить» отдельных важных представителей государственных структур, показывая им в качестве кнута международный суд, а в качестве пряника — возможность беспрепятственно поучаствовать в перераспределении ценностей, сконцентрированных режимом в своих руках.

4. Последнее, и наиболее броское нововведение — создание с использованием технологий «сетевых маркетинга», «безлидерных движений» и «рекламного менеджмента» гигантских «партий-големов», охватывающих значительное число простого электората всех спектров, привлеченных различными, зачастую полностью противоречащими друг другу обещаниями. Отсутствие единого открытого руководства позволяет этим движениям обрести высокую степень неуязвимости, позволяет собрать под одним флагом необъединимое любым другим способом число сторонников. Эта «партия-голем» может быть разбужена в момент кикс при появлении необходимости вывести народ на улицы для проведения массовых акций гражданского неповиновения. А по достижению целей переворота может быть полностью ликвидирована благодаря встраиваемому механизму самоуничтожения, мешающему этим массовым, но безголовым партиям превратиться в «гегемона» или в партии диктаторско-популистского типа, что является реальной опасностью для любой крупной партии, совершившей удачный переворот. **Механизм самоуничтожения скрывается в постыдной и скрываемой до победы переворота тайне их возникновения и финансирования, а также в исключительной широте спектра участников, которые могут примириться лишь до момента победы над ненавистным диктатором, а вот «светлое будущее» представляют совершенно по-разному.**

Этот новый подход к решению старых проблем — смене неугодного режима в одной отдельно взятой стране — особенно выпукло и наглядно виден на примере событий 2000 года в бывшей Югославии. Операция эта проводилась в сравнительно небольшой стране (в Черногории в то время у власти находился оппозиционный режим М. Джукановича, в Косово и Метохии стояли оккупационные войска ООН, поэтому фактически речь шла о Сербии и Воеводине, т.е. о населении численностью чуть менее 8 миллионов человек). Произошедшие события уже отделены от нас значительной временной дистанцией, и потому многие из обстоятельств стали доступны общественному мнению.

Еще одна важная особенность Сербии как трамплина для «экспресс-революций» была отмечена рядом англо-американских журналистов в 2003–2004¹ годах. Они указали на чрезмерно высокие затраты США на белградский переворот — 41 млн. долларов² (с момента начала операции осенью 1999 года), отметили схожесть сценариев и методик событий в Восточной Европе, а также выделили наличие общих режиссеров и вспомогательного персонала. Во-первых, это был Ричард Майлс (Richard Miles), посол США в Белграде (а впоследствии в Тбилиси во время «революции роз»). Эти журналисты описали и помощь в организации революции со стороны основанного в 2003 году небольшого консультативного агентства CANVAS (Centre for Applied NonViolent Action and Strategies — Центр прикладного ненасильственного действия и стратегии), располагавшегося в то время в центре сербской

¹ *Traynor Ian, US campaign behind the turmoil in Kiev // The Guardian, Friday, November 26, 2004; Peter Baler, Tbilisi's 'Revolution of Roses' Mentored by Serbian Activists // Washington Post, November 25, 2003.*

² Кроме расходов США, были еще расходы Германии и Великобритании. Таким образом, общая сумма затрат со стороны всех стран, вовлеченных в операцию, составила около 60 млн. долларов. *Maršal Tim, Igra senki, Beograd, 2002, s. 179.*

столицы на улице Князя Михаила, 49 и бывшего прямым наследником некогда массового движения «Отпор». Именно Белград и Сербию посещал будущий президент Грузии Михаил Саакашвили в 2003 году накануне решающих для него выборов. Именно из Сербии приезжали инструкторы вышеупомянутого центра в Прибалтику для обучения своих подопечных из белорусского «Зубра» и на Западную Украину для проведения тренингов с ребятами из «оранжевого» движения «Пора». Один из них, Александр Марич, даже был выдворен за пределы Украины. Конечно, все это делалось на деньги и при планировании со стороны более влиятельных сил (Национального демократического института Демократической партии США, Международного республиканского института Республиканской партии США, «Дома свободы», Института открытого общества, Национального фонда в защиту демократии, Госдепартамент США и т.д.). Тем не менее, не стоит забывать, что сербские инструкторы все-таки послужили наставниками¹ для украинских, белорусских и грузинских бойцов за демократию². Словом, как сказал один из лидеров «экспресс-революции» в Грузии Иван Мерабишвили, «все демонстранты знали тактику революции в Белграде наизусть, благодаря показанному фильму³... каждый знал, что ему делать»⁴.

ПОДГОТОВКА ПЕРЕВОРОТА

Рецептура «экспресс-революции» включает в себя: объединение оппозиции вокруг одной ключевой фигуры; вербовку силовиков-офицеров средней руки; формирование партии массового народного движения — сильного, но бездумного «голема» для участия в акциях гражданского неповиновения (ненасильственного сопротивления); проведение после пересчета голосов массированного митинга, перетекающего в переворот. Все эти составляющие имеют большое значение, мы в данной работе не будем уделять им всем внимание в равной степени.

Понятно, что деятельность по поиску тайных сторонников среди руководства силовых ведомств относится к классическим методам и лежит вне рамок нашего исследования. Все информация подобного рода базируется лишь на неподтвержденной и косвенной информации. Пожалуй, наиболее интересна в этом отношении книга Тима Маршалла «Танец теней», в которой он с удовольствием демонстрирует свою близость с источниками из британской МИ-6. Активные действия по поиску «танталов» (термин Маршалла) в Югославии западноевропейские спецслужбы предприняли во второй половине 1999 года. Дело доходило до того, что не только оперативникам или журналистам, но даже и министрам югославского правительства делали «интересные предложения» в их собственных домах, используя простую логику: «Песенка Милошевича все равно спета, а вам надо думать о собственном спасении»⁵. Стоявший с начала 90-х на посту главы сербской госбезопасности и

¹ См., например, последнюю разработку белградского центра, спонсированную Институтом мира США (USIP). *Popovic Srdja, Milivojevic Andrej, Djinovic Slobodan*, Nonviolent struggle. 50 crucial points. A strategic aproach to everyday tactics, Belgrade, 2006. Еще один продукт бывшего «Отпора» — красочная стратегическая компьютерная игра «A Force More Powerful» 2006 года, позволяющая игроку почувствовать себя организатором «экспресс-революции», обучающая азам экспресс-технологий и внушающая уверенность в возможности победы, если следовать рецептами «Отпора».

² *Vujčić M., Ivan Marović*, jedan od lidera nekadašnje studentske organizacije «Отпор»... Feral tribune, 06.02.2006.

³ «Bringing Down a Dictator» — одночасовой документальный телефильм о событиях 5 октября 2000 года, снявшийся в ноябре 2000 года в Белграде. Режиссер, оператор и продюсер — Стив Йорк (Steve York) из компании «Йорк Циммерман Инк» (York Zimmerman Inc.)

⁴ *Peter Baler*, Tbilisi's 'Revolution of Roses' Mentored by Serbian Activists // Washington Post, November 25, 2003.

⁵ *Maršal Tim*, Igra senki, Beograd, 2002, s. 168.

снятый с этого поста в 1998 году Йовица Станишич принял участие в этих переговорах. В дальнейшем его содействие оказало большое значение, т.к. в ходе событий 2000 года способствовало пассивности на тот момент самого подготовленного, обеспеченного и во всех отношениях элитного подразделения Сербии — «красных беретов», («части для специальных операций» — спецназ государственной безопасности)¹. Со временем в переговоры включились и офицеры военной разведки Армии Югославии. Согласно Маршаллу, с целью зондирования почвы МИ-6 контактировала с представителями югославской военной разведки летом и осенью 2000, приезжавшими в Великобританию во время аэрошоу в Биггин-Хилле (Biggin Hill), в которых участвовали югославские самолеты и пилоты. Впрочем, военные были более осторожны, и речь тут шла лишь о том, что появилась уверенность «... что армия не будет стрелять в народ»². Согласно заявлению одного из высокопоставленных югославских офицеров, сделанному им уже после переворота, «военная разведывательная служба знала о том, что иностранцы готовят почву для свержения Милошевича. Мы знали об их организациях, пропаганде, вложениях, встречах в Сегедине в Венгрии и Благоевграде в Болгарии. Мы предприняли все законные меры, чтобы раскрыть это, и данные мы передавали по инстанции, но на политическом уровне решение принято не было»³. Окончательно точки над «і» были расставлены накануне событий — 4 октября 2000 года при встрече в Боснии в приграничном боснийском селе Лакташи неподалеку от Баня-Луки. Прибывшие на встречу представители югославской военной разведки заверили: «Даже если Милошевич прикажет армии выйти на улицу, верховное командование не будет ему послушно»⁴.

Конечно, все вышеперечисленные случаи сотрудничества офицеров югославских спецслужб с англо-американскими коллегами не могут быть признаны действительно имевшими место лишь на основании сообщений журналиста «Скайньюз», пусть даже и осведомленного настолько, что его работа издана существующим на деньги западных спонсоров рупором либеральной демократии издательством «Самиздат Б92». Однако, следует отметить, что другие данные, которые приводит Маршалл, достаточно точно совпадают с фактами. Что еще более важно, успешность заключенных договоренностей отразилась и в самом невыполнении силовиками (военными и «красными беретами» госбезопасности) приказов руководства страны о безжалостной борьбе с «экспресс-революционерами» на этапе организации массовых движений-«големов», а также приказов об использовании оружия в момент перехода митинга протеста в «народное восстание».

Объединение в одном движении большинства политических противников Слободана Милошевича осуществлялось с использованием скрытых методов финансового и делового давления, далеких от глаз широкой общественности. Информации об этой части операции достаточно.

Появление сербских оппозиционных партий началось незадолго до возникновения многопартийного режима в бывшей СФРЮ. На пресс-конференции 11 декабря 1989 группа сербских интеллектуалов заявила о возрождении действовавшей до 1945 года Демократической партии (ДП) и призвала желающих вступать в первую оппозиционную партию Сербии. Официально Демократическая партия была основана на своем первом съезде 3 февраля 1990 года. На первых многопартийных выборах 1990 года эта партия получила 7 из 250 депутатских мандатов. На тех же выборах впервые выступила и получила 19 мандатов еще одна мощная партия де-

¹ *Maršal Tim, Igra senki*, Beograd, 2002, s. 188.

² *Maršal Tim, Igra senki*, Beograd, 2002, s. 188, 191, 194.

³ *Maršal Tim, Igra senki*, Beograd, 2002, s. 193.

⁴ *Maršal Tim, Igra senki*, Beograd, 2002, s. 198, 199.

мократического направления — Сербское движение обновления (СДО) под руководством Вука Драшковича, защищавшая достаточно популярную в то время идею возрождения в Сербии конституционной монархии. В 1992 году от ДП отделилась более национально-ориентированная и менее прозападная Демократическая партия Сербии (ДПС) под руководством Воислава Коштуницы. На съезде Демократической партии в 1994 году лидером партии стал Зоран Джинджич. Летом 1996 года была предпринята первая попытка объединить всю оппозицию в Сербии. Коалиция «Заданно» («Вместе»), сформированная из членов СДО, ДПС и еще одной небольшой элитистской демократической партии — Гражданского союза Сербии, участвовала в выборах на федеральном уровне. На местном уровне ДПС участвовала самостоятельно и вплоть до 2000 года оставалась в тени политического процесса, избегая выходить на демонстрации. Трехчленная коалиция развалилась почти сразу же после того, как местные выборы принесли первые положительные результаты (после победы в нескольких муниципалитетах, увенчавшейся дележом добычи между вождями «Вместе»).

На новом, значительно более важном уровне объединение всех оппозиционных партий было проведено 9 января 2000 года. Коалиция включала уже 18 партий. Не имеет смысла перечислять всех ее лидеров и членов. Стоит отметить, что в коалиции были включены партии самых различных направлений: условно можно выделить несколько групп внутри коалиции — радикальные либерал-демократы, христианские демократы, социал-демократы и сепаратисты. Кроме понятных программных расхождений между либеральными антитрадиционалистами и православными верующими, монархистами и сепаратистами существовал и личный антагонизм между лидерами двух крупнейших оппозиционных партий — харизматическим сторонником «православной и монархической Сербии» В. Драшковичем из СДО и резким в суждениях радикалом З. Джинджичем из ДП.

Предчувствуя неладное, Милошевич начал оказывать давление на наиболее важную (по его мнению) партию. В октябре 1999 года представителями сербских спецслужб было совершено покушение на лидеров СДО, закончившееся гибелью нескольких высших функционеров партии¹. Спустя некоторое время оперативники сербских спецслужб организовали еще одно покушение на лидера СДО Вука Драшковича. После стрельбы 15 июня 2000 года в его летней резиденции в Будве (Черногория), дело дошло до раскола. СДО начало выдвигать намеренно завышенные требования к коалиционным партнерам, пошло на выборы самостоятельно и с треском их проиграло (3,3%). Опасения Милошевича вызывал и его старый оппонент — Иван Стамболич. Лидер либерального течения в сербской компартии, чрезвычайно популярный в узких кругах белградской либеральной интеллигенции, он оставался в тени на протяжении всего периода правления Милошевича и имел репутацию «серого кардинала сопротивления». Поэтому (а может быть и вследствие сообщений в прессе о возможности его участия в президентской гонке) Стамболич 25 августа 2000 года был похищен группой лиц, служивших в госбезопасности Сербии. Его останки были найдены лишь спустя три года, 28 марта 2003 года в лесопарке Фрушка Гора.

Выбор первого лица коалиции был сложен и не обошелся без западных менторов, использовавших результаты экспресс-опросов, обрабатываемых профессиональными аналитиками². Национальный демократический институт Демпартии США

¹ Более подробно о покушениях, т.е. происшествиях, получивших название «Ибарский автопут», «Будванское покушение», стало известно спустя несколько лет после свержения С. Милошевича, в ходе расследования, открытия архивов спецслужб бывшей Югославии и осуждения на длительные сроки тюремного заключения участников этих событий.

² *Dobbs Michael, U.S. Advice Guided Milosevic Opposition. Political Consultants Helped Yugoslav*

заказал американской компании по изучению общественного мнения «Пенн, Шон и Берланд» («Penn, Schoen and Berland Associates») провести исследование по выявлению профиля человека, который смог бы составить в Сербии конкуренцию Милошевичу на президентских выборах. Дуглас Шон¹ лично прибыл в Будапешт на встречу собравшихся там осенью 1999 года сербских оппозиционных политиков, чтобы огласить результаты. Кандидатура должна была обладать определенными параметрами: «быть националистом, иметь чистое прошлое; это мог бы быть кто-то, кто никогда не имел отношения к режиму или деньгам из-за границы и не был замаран мелкой грызней между лидерами оппозиции». Фактически, такие требования выводили из игры всех более или менее известных оппозиционных лидеров.

Согласно результатам опроса, Милошевич имел 70-процентный негативный рейтинг среди избирателей, что сулило ему мрачные перспективы. Проблема заключалась в том, что почти такие же уровни негативного рейтинга были и у его главных оппонентов. Оказалось, что на первую роль не могли претендовать ни имевший слишком много открытых противников, склонный к политиканству В. Драшкович, ни З. Джинджич, занимавший во время бомбардировок 1999 года неприкрыто прозападную позицию. Конечно, на первые роли не подходили ни традиционно непопулярные представители карликовых партий крайних либералов, социал-демократов или сепаратистов, взятых в коалицию для полноты спектра и обеспечения максимальной ширины охвата электората. Шон предложил выдвинуть на это место Воислава Коштуницу². Коштуница был лидером сравнительно небольшой Демократической партии Сербии, ему была присуща типичная для университетского профессора мягкость и интеллигентность, сочетающаяся с железной уверенностью в собственной непогрешимости. Но важно было другое — согласно результатам опроса, его негативный рейтинг был равен всего лишь 29%, а позитивный — 49%, что давало надежды на успех³.

Так на месте кандидата в президенты появился Воислав Коштуница — человек из тени, с мягкими манерами, занимавший умеренно национальную и умеренно демократическую позицию, не участвовавший в шумных и безуспешных демонстрациях в течение последних нескольких лет и не снискавший сомнительной славы уличного смутьяна. Интересно, что потом (спустя несколько лет после переворота) развитие политической ситуации показало, что он лучше всего из лидеров объединенной демократической оппозиции Сербии смог находить общий язык с лицами, отвечавшими за государственную безопасность и ставшими его верными партнерами в борьбе с течением, представленным ДП и ее лидером Зораном Джинджичем. В начале 2000 года все выглядело достаточно идиллически, чему способствовал и последовавший выход из коалиции склонного к завышенному самонмиению и интригам Драшковича. Коштуница должен был стать президентом Югославии, а Джинджич — премьером Сербии, что соответствовало и амбициям первого, и рациональности второго, понимавшего, что Югославия дышит на ладан и место премьера Сербии (а Сербия, по конституции, парламентская республика) имеет многообещающие перспективы.

Opposition Topple Authoritarian Leader // Washington Post Monday, December 11, 2000.

¹ Дуглас Шон (Douglas E. Schoen) — выпускник юридического факультета Гарварда и доктор Оксфордского университета. В течение последних 30 лет выполнял удачные проекты в области «стратегических оценок» и пиара в США, Латинской Америке, на Балканах, в ЮАР, Корее, Индонезии и Украине, а также для крупных международных корпораций «AOL Time Warner», «Procter & Gamble», «Major League Baseball», «AT&T», «Frito Lay» и «Citibank». В 1994–2000 политический советник президента США Б. Клинтона.

² *Marsal Tim, Igra senki, Beograd, 2002, s. 186–188.*

³ *Dobbs Michael, U.S. Advice Guided Milosevic Opposition. Political Consultants Helped Yugoslav Opposition Topple Authoritarian Leader // Washington Post Monday, December 11, 2000.*

Этим фактически исчерпывается открытая информация о создании единого оппозиционного блока, свергнувшего в октябре 2000 года лидера сербских социалистов С. Милошевича. Значительно больше информации, чем стандартные методы налаживания контактов с югославскими спецслужбами и взятие под контроль официальной оппозиции, содержится в новаторской стороне «экспресс-рецептуры» — о создании широкого народного движения-«голема», получившего в сербском варианте название «Отпор» («Спротивление»).

Эта организация, согласно воспоминаниям участников, была основана малочисленной группой студентов 10 октября 1998 года¹. В феврале 1999 года состоялось первое публичное выступление организаторов «Отпора», проведенное во Дворце молодежи в центре Белграда, после которого в рядах организации оказалась уже около 25 человек. Это была не первая и не единственная в то время подобная группа, однако ее характеризовал намеренный отказ от элитаризма, от которого страдали все прочие интеллигентские кружки. Второй важной особенностью была изначальная ориентированность не только на иностранную финансовую, но и организационную, и методологическую помощь, т.к. среди членов группы существовало открытое осознание того, что свержение контролировавшего все финансовые потоки Сербии всесильного президента невозможно без активной помощи из-за границы².

Впрочем, эта помощь пришла не сразу. В марте 1999 года были начаты бомбардировки Югославии, приведшие к гибели военнослужащих и мирных граждан, в таких условиях было сравнительно трудно поддерживать контакты с западными спонсорами. Кроме того, и режим С. Милошевича потерял терпение и перешел к силовым действиям, высшей точкой эскалации которого стала ликвидация в апреле 1999 года владельца оппозиционной газеты и журналиста Славка Чурувии, чья деятельность вызывала открытую неприязнь у супруги президента Югославии М. Маркович. По окончании военных действий западная помощь не замедлила появиться.

Спустя несколько дней после прекращения бомбардировок в Новом Саде в издании «Гражданская инициатива» вышла небольшая (84 страницы) книга Джина Шарпа³ с говорящим названием «От диктатуры к демократии». Первоначально написанная для распространения среди диссидентов Бирмы эта книга была переведена на многие языки мира. В Новом Саде книга была опубликована тиражом в несколько

¹ *Cohen R., Who Really Brought Down Milosevic? New York Times Magazine, November 26, 2000.*

² *Nenadic Danijela supervisor dr Laszlo Bruszt, «Отпор» From social movement to political organization. // M.A. in Political Science. Open Society University, Budapest, 07.06.2006.*

³ Джин Шарп (Gene Sharp) — один из наиболее авторитетных людей в области ненасильственного сопротивления. Получил диплом бакалавра социологии в Государственном университете Огайо (1949), стал магистром социологии (1951), а потом и доктором политологии в Оксфорде (1968). После нескольких лет, проведенных в Великобритании и Норвегии, Шарп вернулся в США. С 1965 он выполняет исследовательские проекты в рамках Гарвардского центра международных отношений. Автор нескольких монографий. Стала классической его монография «Политика ненасильственного сопротивления» (1973). Вышедшее на сербском языке (переведенное среди прочего и на русский, украинский, белорусский, киргизский) сочинение является выжимкой из его работ, посвященной популярному изложению практики ненасильственного сопротивления. В 1983 году в рамках своей деятельности в Гарвардском университете Шарп основал Институт Альберта Эйнштейна, где является ведущим исследователем. Институт занимается глобальным применением ненасильственных технологий и финансируется Институтом открытого общества и Национальным фондом в защиту демократии. Во главе этого учреждения стоял полковник Роберт Хелвей, находящийся с 1991 года в официальной отставке офицер армии США, имеющий 30-летний опыт работы. Хелвей до отставки был офицером РУМО (разведуправление Министерства обороны США), а позднее в качестве военного атташе пребывал в различных странах в Юго-Восточной Азии. Занимался обучением бирманцев и китайцев акциям гражданского неповиновения. Проводил семинары в Гонконге по обучению «ненасильственному сопротивлению» студенческих вожakov, позднее участвовавших в событиях в июне 1989 года на площади Тяньаньмынь.

тысяч экземпляров и раздавалась бесплатно, при этом ее активно распространяли в студенческой среде. Вместе с книгой неофициально распространялись и несколько страниц фотокопированного приложения — «Методы ненасильственного сопротивления». Этот комплект имел ореол опасной (и притягательной для молодежи) запрещенной литературы, привлекательной для тех, кто в дальнейшем будет составлять ряды демонстрантов.

По словам Пауля Б. Маккарти¹, чиновника расположенного в Вашингтоне Национального фонда в защиту демократии, в поле зрения его коллег «Отпор» попал достаточно рано: «Сначала мы были испуганы флагом, который напоминал по своему виду фашистский. Но вскоре настроения изменились». Для американцев, стремившихся насадить «демократию» в Сербии, «Отпор» был привлекателен по ряду причин: его размытая организация не давала возможности подконтрольным Милошевичу спецслужбам нанести точечный удар; его стойкость по отношению к арестам и избиениям со стороны полиции могла послужить укором постоянно ссорившейся сербской оппозиции; эти же качества могли помочь сербскому обществу побороть страх перед репрессиями; он без оговорок поддерживал идею нормализации Сербии и свержения Милошевича; он мог вдохновить на сопротивление поколение родителей и увлечь за собой поколение детей. Именно поэтому, по словам Маккарти, с августа 1999 года доллары в довольно значительном объеме потекли в «Отпор». Эти деньги ложились на иностранные счета «Отпора». В то же время Маккарти провел серию встреч с руководством «Отпора» в Подгорице (Черногория), Сегедине и Будапеште (Венгрия). Главным контактным лицом Маккарти был 28-летний Слободан Хомен, один из руководителей «Отпора». На состоявшемся в Берлине в июне 1999 года рандеву Хомен узнал, что М. Олбрайт «желала бы увидеть Милошевича не в президентском кресле, и даже не в Сербии, а в Гааге». Кроме того, он был представлен Уильяму Д. Монтгомери, опытному американскому дипломату, который провел много лет на Балканах, будущему послу США в Сербии. В то время Монтгомери закончил осуществление сложного гамбита в Хорватии, где исполнял обязанности посла США², и встал во главе размещенной в Будапеште группы американских чиновников, занимавшейся «мониторингом» Сербии. При встрече Монтгомери сказал, что «Милошевич является личным неприятелем М. Олбрайт, приоритетной целью». Поэтому у рвавшегося в бой «Отпора» теперь были и деньги, и всевозможная поддержка. Кроме всего этого, Монтгомери выразил надежду на то, что новое поколение лидеров Сербии придет из колыбели «Отпора». Активисты «Отпора» уже в августе 1999 года провели акцию публичного празднования-обвинения дня рождения югославского президента³. К сентябрю 1999 года сеть агентов влияния Запада в Югославии была полностью восстановлена. В то время как «независимые» издания и оппозиционные политики вернули себе уверенность в собственных силах, «движения молодежного сопротивления» стали набирать все большую силу.

На «Отпор» сразу же пролился золотой дождь: по сведениям сотрудника Агентства международного развития США (USID) Дональда Прессли, этой организацией было выдано представителям «Отпора» несколько сотен тысяч долларов на

¹ Подробное и вполне правдоподобное описание закулисной работы менторов «Отпора» дал в своей пространной статье тогдашний шеф берлинского бюро «Нью-Йорк Таймс». *Cohen R., Who Really Brought Down Milosevic? New York Times Magazine, November 26, 2000.*

² Деликатность ситуации в Хорватии заключалась в том, что Хорватия была союзником США, но режим и президент этой страны сильно отдавали авторитаризмом, неуместным в благоприятной атмосфере Центральной Европы. Задача была успешно решена уходом клана Ф.Туджмана от власти и превращением страны в парламентскую республику.

³ *Popovic Srdja, Miliivojevic Andrej, Djinic Slobodan, Nonviolent struggle. 50 crucial points. A strategic approach to everyday tactics, Belgrade, 2006, c. 34.*

пропагандистский материал; определенные суммы выплачивались на текущие расходы; Международный институт Республиканской партии, по словам его сотрудника Дэниела Калингера, потратил около 1800 тыс. долларов на Сербию, причем большинство из них на «Отпор». Калингерт сообщил, что, начиная с октября 1999 года он встречался с руководителями «Отпора» 7–10 раз в Венгрии и Черногории. По словам Калингера, его организация оплатила размещение и проведение с 31 марта по 3 апреля инструктивного семинара (и, как это обычно бывает, дорогу и карманные расходы) для 25 активистов студенческой организации «Отпор» в роскошном отеле в центре Будапешта¹. Прекрасный вид на величественный Дунай, обрамленный живописными набережными, роскошная обстановка отеля и добротная венгерская кухня соответствовали важности происходившего. Активистов убеждали в том, что сменить Милошевича можно и нужно, и сделать это следует именно сейчас. Председательствовал на встрече полковник Роберт Хелви, вешавший молодежи о «столпах поддержки» и «пироге лояльности»². Семинары по «ненасильственной борьбе» повторялись еще несколько раз на территории Черногории, Венгрии и Болгарии³. Молодые люди возвращались в Сербию не только с головой, набитой информацией, но и с портмоне, набитыми пачками хрустящих новеньких банкнот.

Бывшие члены руководства «Отпора» официально признали факт своего участия в семинарах под руководством полковника Хелви лишь в 2004 году. Они упорно отрицают контакты с ним или его коллегами до марта 2000 года, когда, по словам Александра Марича, был проведен первый однодневный семинар при участии полковника Хелви⁴. Эти высказывания вызывают подозрение⁵. Во-первых, в действиях «Отпора» в марте 2000 года не наблюдается значительных изменений в стратегии, что свидетельствует либо о том, что стратегические вопросы были решены ранее (что возбуждает недоверие к словам Марича), либо о том, что встреча с опытным специалистом подкованной борьбы имела меньшее значение, чем гениальные озарения молодых студентов (во что трудно поверить). Во-вторых, финансирование «Отпора» до этого явно проводилось со стороны, что было невозможно без определенного иностранного менторства. В-третьих, сразу после событий 5 октября 2000 года руководство «Отпора» (из корыстных соображений — надеясь остаться в серб-

¹ *Dobbs Michael*, U.S. Advice Guided Milosevic Opposition. *Political Consultants Helped Yugoslav Opposition Topple Authoritarian Leader* // Washington Post Monday, December 11, 2000; *Cevallos Albert*, Whither the Bulldozer?: Nonviolent Revolution and the Transition to Democracy in Serbia, USIP Special Report No. 72, 06.08.2001.

² Политологический жаргон, который используют в своих работах как сам Хелви, так и его ученики из Белграда. Сравни: *Helvey Robert L.*, On Strategic Nonviolent Conflict: Thinking About the fundamentals, Boston, 2004 и *Popovic Srdja, Milivojevic Andrej, DjinoVIC Slobodan*, Nonviolent struggle. 50 crucial points. A strategic approach to everyday tactics, Belgrade, 2006, с. 35. Интересно отметить, что и первая, и вторая работы были профинансированы Институтом мира США (USIP). Выражение «столпы поддержки» является лексической аллюзией на любимого (и часто цитируемого) Хелвеем Лоуренса Аравийского и его «столпы мудрости». А вот вожаки студентов, собравшиеся в конференц-зале «Мариотта», Томаса Эдварда Лоуренса не читали и поэтому вряд ли знали, о чем говорится в последней главе этого труда, носящей характерное название «Сколачивание кабинета»: «Мы приступили к работе. Нашей задачей было образование... правительства с достаточно широкими полномочиями и преобладанием туземцев, чтобы использовать энтузиазм и самопожертвование... восстания, переключив их в обстановку мира. Мятеежники, в особенности победившие мятеежники, являются, естественно, дурными подданными и еще худшими правителями. Печальным долгом... было избавиться от своих... друзей, заменив их... элементами, которые в прошлом добросовестно служили... правительству». (Лоуренс Аравийский. Семь столпов мудрости. СПб., 2001, с. 333).

³ *Lić V.*, «Отпор» — više ili manje od politike, Beograd 2001, с. 50; *Монитор*, София, 28.08.2000.

⁴ *Милосављевић М.*, Јањичари глобализма. «Отпор» и извоз револуције // НИИ, 2.12.2004.

⁵ *Maršal Tim*, Igra senki, Beograd, 2002, с. 179.

ской политике как отдельная сила) отрицало факт контактов с американцами вообще, поэтому можно также усомниться и в более поздних признаниях Марича¹.

Как бы то ни было, полученные в Венгрии деньги превращались в баллончики с краской и наклейки, плакаты и листовки, шли на аренду помещений и оплату путевых расходов странствующих агитаторов. Как подсчитали составлявшие смету кампании, было потрачено около 5 тыс. баллончиков краски для создания антигосударственных граффити и свыше 2,5 миллионов наклеек с лаконичным, но броским призывом, напоминавшим о судьбе президента Югославии — «Он готов» («Готов је»). Кроме того, щедрые спонсоры ввозили необходимую для оборудования мини-офисов «Отпора» технику через представительства западноевропейских стран в Югославии. Все это сделало возможным разрастание и укрепление массового народного движения — партии-«голема» «Отпор».

УЧАСТНИКИ ДВИЖЕНИЯ «ОТПОР»

Движение «Отпор» было первым в ряду партий-«големов», возникших в качестве неперемного компонента «экспресс-революций». К моменту переворота это была политическая организация с крайне разветвленной структурой, скрытым руководством, неприметной, но строгой иерархией и крепкой внутриорганизационной цензурой. Важнейшие стратегические решения принимал узкий круг далеких от глаз общественности лиц². В качестве представителя «Отпора» при контактах со средствами массовой информации выступал Иван Марович, кроме него в руководстве были Слободан Хомен, поддерживавший контакты с иностранными менторами, Срджка Попович, занимавшийся кадрами, Иван Андрич, ответственный за разработку слоганов и маркетинг, Предраг Лечич, курировавший транспортировку и распространение десятков тонн материалов по подпольным каналам³.

С другой стороны, несмотря на кажущуюся широкой публике размытость руководства, была очевидна высокая степень внутренней коммуникации, особенно скорость реакции на внешние факторы, т.е. молниеносность, с которой реагировали на действия местных властей представители районных отделений. Кроме того, высокая степень заинтересованности участников движения в конечном результате не давала организации заплывть «жиром бюрократии» и позволяла избежать надменности, свойственной длительно существующим иерархическим структурам. Важно отметить и такой дополнительный резерв живучести, на случай полицейских операций или других помех, как концентрический, а не лучевой характер иерархии.

Ключевым фактором интеграции «Отпора» была объективно существовавшая в сербском обществе и умело раздуваемая «независимыми» средствами массовой информации неприязнь к С. Милошевичу, который к концу лета 2000 года стал восприниматься оппозиционно настроенными гражданами как абсолютное зло, средоточие всех пороков и первоисточник всех бед Сербии в целом и каждого ее конкретного жителя в частности. В таких условиях широта охвата «Отпора» увеличивалась. Движение могло привлечь под свои знамена представителей самых различных убеждений и членов разных оппозиционных партий (движение было надпартийным). Популистский и расплывчатый лозунг «Отпор — потому, что люблю Сербию» стал воплощением этой широты охвата. Такую же объединяющую особенность протестного характера движения несла и его графическая символика — сжатый для борьбы кулак, заклю-

¹ Кое-кто и до сих пор умудряется отрицать присутствие иностранных менторов при подготовке «Отпора». *Vujičić M., Ivan Marović, jedan od lidera nekadašnje studentske organizacije «Отпор»..*, Feral tribune, 06.02.2006.

² *Павловић М.*, «Отпор» се не зауставља, Политика, 10.10.2000.

³ *Cohen R.*, Who Really Brought Down Milosevic? New York Times Magazine, November 26, 2000.

ченный в объединяющий круг (использовалось привлекающее внимание сочетание цветов, белое на черном). Именно эта скрытая семантика, вероятно, заставляла депутатов Социалистической партии в своих выступлениях в парламенте Сербии необоснованно связать эмблему «Отпора» с нацистским символом заключенной в круг агрессии, передаваемой в похожей цветовой гамме: красное, черное и белое. Эту объединительную тенденцию «Отпора» выражала эволюция под влиянием семинаров «Отпора» по линии студенческого — молодежного — народного движения.

К лету 2000 года майка с символикой «Отпора» уже была популярным способом эпатажа и привлечения симпатии оппозиционно настроенных сограждан, поэтому настоящие члены «Отпора» должны были пройти ряд вступительных процедур. После того, как за них ручались их друзья, уже состоявшие в движении, им предстояло заполнить анкету, особый акцент которой был сделан на прикладных способностях, полезных как для подготовительной фазы деятельности, так и для того момента, когда скоординированность и стремительность должны будут решить судьбу непопулярного режима. Второй, более важной формой инициации было посещение семинаров по «ненасильственному сопротивлению». Эти семинары носили характер концентрического переноса знаний, напоминающий технологию сетевого маркетинга, однако денег за обучение, конечно, не брали, а наоборот, старались материально поддержать привлеченного сторонника (в зависимости от близости к центру «иерархической мишени», эта поддержка колебалась от оплачиваемых семинаров в роскошных отелях сопредельных стран и щедрых суточных до прохладительных напитков, ручек и блокнотов). Только после этого нового члена ставили на довольствие. Например, в декабре 1999 новому члену движения, который предложил основать новую ячейку «Отпора» в одном из провинциальных городков, выдавали 130 долларов на организационные расходы¹, мобильный телефон для поддержания связи и пропагандистский материал (несколько стопок листовок и флайеров, скатанные в трубку плакаты, упаковку баллончиков краски, форменные майки с логотипом «Отпора»). Согласно заявлениям представителей «Отпора», им удалось основать 130 региональных представительств с общей численностью в 70 тыс. членов, что является явным преувеличением².

Социологический профиль участника движения был создан на основании обширного исследования В. Илича, проведенного спустя несколько месяцев после событий 5 октября 2000 года, «по горячим следам», и обладающего достаточной степенью объективности, переходящей в доброжелательное отношение к движению³. Среди участников было 61% мужчин и 39% женщин, около трети участников «Отпора» были на пороге совершеннолетия (18 лет) или моложе, 41% попадал в категорию от 19 до 24 лет, остальные были старше. Тенденция к омоложению движения появилась на более позднем этапе существования движения (с мая 2000 года). Социальный статус членов движения соответствовал возрастному статусу: 51% студентов, 30% школьников, 5% рабочих, 4% безработных и 3% служащих. Национальный состав соответствовал этнической структуре Сербии — 82% членов были этническими сербами⁴. Достаточным в сербских условиях маркером социального происхождения В. Илич считает профессию отца. Данные (35% людей с высшим образованием, 31% — квалифицированных рабочих, 15% — служащих) свидетельствуют о том, что члены движения, в основном, относились к среднему классу

¹ Этого было достаточно для начала, учитывая то, что зарплата рабочего была в то время около 28 долларов, а зарплата полицейского — 65 долларов в месяц.

² Cohen R., Who Really Brought Down Milosevic? New York Times Magazine, November 26, 2000.

³ Ilić V., «Отпор» — više ili manje od politike, Beograd 2001.

⁴ Сербями являются 82,86% населения Сербии (с учетом Воеводины и без учета Косова и Метохии).

городского населения с невысоким материальным статусом. На основании исследования успеваемости и свободного времени, в среднем проводимого в движении, Илич пришел к выводу о том, что доминировали студенты и школьники с недостаточной степенью прилежания и низкими оценками. Интересно, что, несмотря на невысокие достижения в учебе, 56% респондентов связывали свое будущее с продолжением образования и видели в нем путь к жизненному успеху. О том, что на «Отпор» его члены глядели без излишнего фанатизма, свидетельствует тот факт, что в качестве инструментов для решения проблем Сербии его члены видели: оппозиционные партии (26%), собственные усилия (19%) и лишь на третьем месте само движение (16%). Отношение к религии также заслуживает внимания: 24% считали себя верующими и 36% религиозными без соблюдения всех требований исповедуемой ими религии, а вот количество лиц, согласившихся назвать себя противниками религии и атеистами, составило всего 4%. Важную роль в таком, неожиданно высоком, уровне популярности Церкви сыграла проводимая официальным режимом политика просвещенного атеизма, когда религию фактически лишь терпели. Синкретизм и скрытая противоречивость движения выразились и в том, что 50% членов движения были категорически против участия Церкви в политической жизни Сербии «после победы демократии», а 34% желали бы, чтобы Церковь играла видную роль в политической жизни Сербии после свержения Милошевича.

Еще более неожиданные (на первый взгляд) ответы давали активисты «Отпора» на вопрос об основных проблемах Сербии. Большинство из них, разумеется, поставили на первое место экономические (38%) и политические (20%) проблемы. Однако крайне интересно (для спонсируемого и организуемого странами НАТО движения) выглядит низкий рейтинг таких политизированных проблем, как национализм (всего 5%) и нормализация отношений с внешним миром (уникальные 3%).

О значительной степени ксенофобии рядового члена «Отпора» свидетельствует и то, что на помощь неправительственных организаций (6%) и заграницы (1%) надеялись лишь считанные единицы (вероятно, те самые, которые знали или догадывались об источниках финансирования движения). Все остальные утешали себя идеей о том, что «Отпор» финансирует сербская диаспора или наиболее приемлемое и нейтральное иностранное государство — Греция. Геополитические воззрения членов движения были далеки от того, что считается классикой «коранжевых» движений. Так, несмотря на ту позицию, которую Россия занимала на Балканах в девяностые годы, и несмотря на то, что в официальной риторике тогдашнего югославского режима Москва изображалась как союзник Милошевича, Россия занимала второе место (9%), после православной и балканской Греции (22%) при ответе на вопрос о том, какая страна является наиболее близкой Сербии. В то же время при ответе на вопрос о трех наиболее враждебных Сербии странах США фигурировали в 45% ответов, страны Западной Европы в 42%, опережая недавних военных противников Албанию (36%) и Хорватию (32%) и полностью затмевая Россию (11%), заслужившую негативные очки благодаря мнимой поддержке Милошевича.

Более отрадную для западных спонсоров картину представляло единодушно отрицательное отношение к однопартийной системе как противнику демократии, преследователю Церкви, разрушителю национального сознания и др. Куда более неприятными для сторонников неолиберализма оказались взгляды членов движения на экономическое устройство. Для более сбалансированной картины и устранения ассоциаций, которые вызвал бы термин «социализм», находящийся в столь опасной близости с названием партии «врага №1», Илич попросил респондентов оценить два утверждения — «без материального равенства не может быть справедливости» и «общественное устройство может быть надежно устроено только при условии существования частной собственности». Первую констатацию одобрило 29% и не одобрило 53%, вторую приняли 38% и отбросили 32%, что показывает от-

носителю высокий уровень эгалитаристских убеждений в среде активистов «Отпора». Пиком таких, далеких от Адама Смита, настроений явился тот факт, что лишь 35% опрошенных поддерживали высказывание о том, что «диапазон минимальных и максимальных доходов в обществе должен быть неограничен», при этом 13% были настолько радикальны, что выступали за полное уравнивание по уровню доходов.

Пробного шара либеральной демократии — отношения к меньшинствам — активисты победившего движения также не выдерживали. Лишь 10% считали необходимым предоставить меньшинствам особые права, в то время как 31,64% считали, что этих прав у меньшинств и так слишком много, а остальные и вовсе выразили разную степень равнодушия к вопросу. Еще более показательными были ответы по трем конкретным вопросам, которые являются ключевыми для определения степени национальной сознательности/сервильности перед Западом. Лишь 1% опрошенных людей согласились с идеей предоставления независимости Косову, 28% считали, что Республика Сербская (сербская часть Боснии и Герцеговины) должна быть присоединена к Сербии, лишь 36% поддерживали идею сотрудничества с Гаагским трибуналом. Конечно, вышеприведенные цифры следует рассматривать, не упуская из вида общего уровня антиамериканских настроений, который был исключительно высок в Сербии в конце прошлого века. Среди активистов «Отпора» идеи либерализма и евро-атлантического направления вызвали, конечно, значительно большие симпатии, чем среди остальной молодежи тогдашней Сербии. С другой стороны, идеи эгалитаризма и демократизма коррелировались с преобладавшими в обществе настроениями.

Суммируя результаты социологического исследования В. Илича, можно прийти к выводу, что, в среднем, члены движения «Отпор» были умеренно националистически и традиционалистски настроенными демократами, чувствительными к идее социальной справедливости. Свойственный молодым людям радикализм в сочетании с этими качествами делал из них удобных рекрутов для борьбы с режимом, но не должен был принимать крепкие организационные формы после свержения диктатора. Это обеспечивалось, как мы уже отметили выше, встроенными механизмами политического самоуничтожения. Спонсоры хотели (и получили) годных для временного употребления хунвейбинов, а не новый «Талибан».

МЕТОДИКА И ПРАКТИКА «ОТПОРА»

Основным методом политической деятельности «Отпора» была ненасильственность его действий. В сохранившихся с лета 2000 года «скриптах»¹, использовавшихся на семинарах в Сербии, можно найти подробное объяснение этой методики.

В ходе проведения акций их участникам предлагалось: «Не наносить никому физического вреда, не отвечать ударом на удар, не выражать ненависти к стражам порядка и вообще выражать протест, а не ненависть, избегать личных оскорблений и насилия, не делать угрожающих жестов в ходе демонстраций, избегать похищений чужой собственности по политическим мотивам, не носить оружия, не употреблять в ходе акций алкоголь и наркотики, соблюдать договоренности (партийную дисциплину), не скрывать своего участия в акциях в случае задержания». Та же инструкция содержит и вольный пересказ второй части классического труда Д. Шарпа, посвященной конкретным методам ненасильственных действий².

¹ Так на молодежном жаргоне называют фотокопии сжатого конспекта лекций, распространяемые среди студентов. В данном случае — 3 листа фотокопий, тесно и с обеих сторон заполненных кириллическим компьютерным текстом 10 кегля без подписи и названия. «Скрипта» использовалась в качестве «шпаргалки» на семинаре в пригороде Белграда летом 2000 года.

² *Sharp Gene, The Politics of Nonviolent Action, Boston, 1973.*

Анонимный автор конспекта обрисовал весь спектр методов ненасильственной борьбы: методы ненасильственного протеста и убеждения (официальные заявления, общение с широкой аудиторией с использованием носителей информации, символические групповые акции, символические общественные акции, ненасильственное давление на отдельных людей, привлечение театральных и музыкальных средств, процессии, общественные собрания, демонстративный уход и отказ), методы отказа от социального сотрудничества (остракизм, неучастие в общественных событиях, выход из социальной системы), методы отказа от экономического сотрудничества (бойкоты и забастовки), методы отказа от политического сотрудничества (отказ от лояльности властям, снятие знаков уличной разметки, неповиновение властям, акции госслужащих), методы ненасильственного вмешательства (самодеструкция, использование подсудимыми суда для обвинения обвинителей, психологическое изнурение сторонников режима, физическое нарушение деятельности институтов и транспортных сетей, экономическое и политическое вмешательство). Конечно, весь набор этих действий не мог быть использован в Сербии и приводился лишь для убедительности всей методики, а также оживления интереса аудитории использованием предложений вроде «отказа от исполнения интимных обязанностей для политической переориентации партнера», квалифицировавшегося как метод отказа от социального сотрудничества. Более широко и подробно был освещен первый пункт, касавшийся методов ненасильственного протеста и убеждения, применявшихся в большинстве случаев активистами «Отпора».

Автор конспекта уделил значительное внимание методике поведения в случае задержания полицией с целью избежания шока и поддержки духа молодых людей, впервые в жизни попадавших за решетку. Это направление лекций соответствовало стратегической линии семинаров в Будапеште и Сегедине.

Решения о принятии конкретных шагов в рамках кампаний, как и начало новых кампаний, принимались лишь после консультаций с Агентством по исследованию общественного мнения. По словам члена руководства «Отпора» Ивана Андрича, с самого начала было решено сосредоточиться на адресной группе — молодежь от 18 до 30 лет. Исследования проводились сильной, подготовленной командой, занимавшейся исследованием общественного мнения в Сербии с начала девяностых: Институтом стратегического маркетинга и исследования средств массовой информации. Анализ проводился на высокопрофессиональном уровне на 16 фокусных группах в 8 населенных пунктах, включавших городское и сельское население различных возрастов и интересов. В результате за год работы было получено около 9 тыс. страниц целевых обзоров, опросов и профилей различных фокусных групп. Представитель агентства по стратегическому маркетингу регулярно передавал ежемесячные отчеты по каждой из групп. Поэтому ошибок в пиаре практически не было, выбор лозунгов и целей кампаний соответствовал массовым настроениям и приносил максимальный эффект¹. Стоит признать успешной и стратегию «Отпора», предполагавшую постепенное увеличение давления на режим, а не попытки немедленной организации массовых демонстраций. Люди, создававшие стратегию движения, хорошо понимали, что попытка провести многочисленную демонстрацию «сразу и сейчас» в любом случае пагубна для молодой организации — как в случае провала (потраченные даром ресурсы и усилия, полученная репутация неудачников), так и в случае успеха (массовое скопление народа — большая сила, но если масса недовольных лишь соберется и лишь прослушает очередные призывы, а потом спокойно разойдется без продолжения и перспективы, это приведет к массовой фрустрации, разо-

¹ Андрич Иван. Интервью, данное Стиву Йорку для фильма «Свержение диктатора». 30.11.2000.

чарованию и апатии). Более действенными были многочисленные, целевые и скоординированные небольшие акции в крупнейших городах Сербии (Белград, Ниш, Новый Сад, Крагуевац). Важную роль в этом должны были сыграть местные средства массовой информации, где цензура режима была не такая сильная, и где могли существовать неподконтрольные режиму периодические издания, радиостанции и даже отдельные телестанции местного вещания¹.

Попытаемся в общих чертах осветить хронологию деятельности «Отпора», используя материалы, содержащиеся на ныне закрытом сайте этого движения, а также на сайте его преемников². В период августа/октября 1999 года «Отпор», бывший до того времени одним из студенческих оппозиционных кружков, получает возросшее финансирование и перенацеливается на нечто большее, чем борьба за демократизацию университетской жизни. Отныне его мишенью становится весь режим. Характер публичного провозглашения нового движения носила кампания **«Декларация будущего Сербии»**, в ходе которой собирались подписи в защиту европейского «светлого будущего». Эта декларация стала публичной программой движения, определившей задачи, цели и методы «Отпора». Одновременно было начато формирование Палаты советников «Отпора», выступавшей как официальный мозговой трест движения и служившей для связи «Отпора» с авторитетными людьми старшего поколения из рядов оппозиции. В это время были проведены массовые и яркие юмористические акции, привлекавшие внимание к движению. Например, в августе 2000 года в городе Нише был «отмечен» день рождения президента Югославии. Активисты «Отпора» предложили собравшимся горожанам написать свои пожелания имениннику на гигантской открытке (листе ватмана), один из активистов движения разложил «подарки» президенту (билет в Гаагу в один конец, полосатую робу заключенного, книгу Миры Маркович, наручники и огромный торт, украшенный красной звездой). В финале акции торт поделили между присутствовавшими. В ходе акции «Динар сдачи» в местах скопления молодежи всем желающим предлагалось заплатить символическую сумму (1 динар) за право дать пинка по пластмассовой канистре с нарисованным на ней портретом С. Милошевича. Менее зрелищный характер имела целевая акция «Он гнилой и упадет», в ходе которой отпоровцы пропагандировали этот лозунг, относящийся к президенту Югославии.

В ноябре–декабре 1999 года была проведена кампания по рекламе символики движения «Привет — кулак», где в различных формах обыгрывался главный символ движения — сжатый кулак. В рамках этой кампании на плакатах появлялись известные сербские актеры, поднявшие правый кулак в том же приветствии, с тем же слоганом «Привет — кулак». Кампания, закончившаяся в декабре, логически увенчалась распространением плаката с изображением Деда Мороза, поднимавшего кулак в приветствии и желавшего всем «Нового Отпорного Года». В то же время начала распространяться самая массовая серия плакатов, отпечатанных движением, **«Отпор — потому что я люблю Сербию»**.

В январе–апреле 2000 года была начата кампания «Это тот самый год» с распространения многочисленных плакатов, несших этот призыв. Она началась акцией «Не время праздновать!» На традиционном месте празднования Нового Года в центре Белграда в день праздника представители «Отпора» призвали присутствовавших разойтись, так как не время праздновать. Среди всеобщего веселья, в праздничной атмосфере с помощью мощного видеопроектора на стене внезапно пустили ролик о жертвах режима С. Милошевича. Активисты кричали: «Пойдем домой и подумаем, как сделать так, чтобы в следующий Новый Год был повод праздновать!» В толлу на площади было внедрено около 3 тыс. активистов движения, «спонтанно»

¹ Там же.

² <http://www.otpor.com>; <http://www.canvasopedia.org>.

откликнувшихся на призыв о прекращении праздника. В результате возникло «групповое настроение», сорвавшее торжественное празднование последнего праздника, который традиционно объединял всех граждан Югославии. В тот же период был проведен Первый всеобщий съезд движения, который провозгласил его превращение во «Всенародное движение». Были объявлены массовые акции по вступлению в движение и борьба за численность рядов. Эта борьба за придание движению «Отпор» массового характера велась в двух направлениях, отражавшихся в двух типах распространяемых плакатов. Первое направление под лозунгом **«Отпор» распространяется** было связано с доставкой и расклейкой крупноформатных плакатов во всех населенных пунктах, даже маленьких и удаленных, чтобы донести информацию и привлечь потенциальных сторонников, где бы они ни жили. Второе направление **«Отпор» в вашем дворе** было ориентировано на создание ячеек по месту жительства и вовлечение в движение друзей, родственников и соседей активистов. В марте в Новом Саде провели акцию «Великаны, великаны», когда с целью противопоставления были выставлены рядом несоизмеримые портреты классиков сербской литературы и С. Милошевича с соратниками. В течение апреля было проведено множество акций. В Белграде под лозунгом «Против бешенства, новой мобилизации и войны» была отмечена дата расстрела королевской полицией студенческих демонстраций в Королевстве Югославия между двумя мировыми войнами. В Белграде «Отпор» принял участие и в открытии мемориальной доски в память убитого журналиста С. Чурувии. В Пожаревце и Врнячка-Бане были проведены акции «Красная звезда летит в Гаагу», когда в воздух запускали большую красную звезду (символизировавшую Милошевича), привязанную к наполненным гелием надувным шарам. В Белграде была проведена акция объяснения «Как противостоять мобилизации, репрессиям и чрезвычайному положению». В Крагуевце была проведена акция «Думай своей головой», когда прохожим предлагали ответить на 4 вопроса: «Кто продал Краину? Кто предал Косово? Кто украл пенсии? Кто шлет ваших детей на войну?»¹

В мае–июле 2000 года движение начало ощущать первые массовые силовые акции режима, направленные на устрашение его участников, и дало ответ в форме кампании «Это лицо Сербии», которая должна была помочь оппозиционно настроенной части общества преодолеть страх от репрессий. Фотографии избитых полицией активных участников движения крупным планом появились на этих плакатах. Выгодным пиар-ходом было и использование отчаянных девушек, выдвигавшихся в первые ряды в случае полицейского нападения и державших в левой руке цветы, а правую поднимавших в форме приветствия «Отпора» — сжатого кулака. Вследствие волны закрытия средств массовой информации движение было вынуждено проводить массовые митинги и демонстрации, которые должны были возмещать ослабление информационного покрытия действий «Отпора». **Поводами для этих акций были сами факты закрытия средств массовой информации или жестокого обращения с задержанными активистами. Таким образом, чем больше активных действий предпринимал режим, тем больше было акций, а новые акции влекли новые жертвы полицейского притеснения, все сильнее накаляя обстановку.** Помимо проведения митингов, движение стало оказывать лицам, подвергшимся санкциям со стороны режима, юридическую и информационную помощь. Количество пропагандистских акций в мае не уменьшилось. В Крагуевце была проведена акция празднования Первого мая как праздника трудящихся, а не присвоившего праздник «паразитирующего режима», в рамках акции не только произносились речи, но и жарился традиционный первомайский роштиль для угощения участников. В Ужице было отмечено двадцать лет со дня смерти Тито и проведена акция «Тито передумал» с символическим принятием в

¹ *Lić V.*, «Отпор» — više ili manje od politike, Beograd 2001, с. 67–68.

ряды «Отпора» памятника Тито. В Новом Саде провели акцию под традиционными лозунгами югославских партизан-коммунистов «Смерть фашизму (Милошевич) — свобода народу». В июне было проведено несколько акций, укрепивших связи «Отпора» и Церкви — участие в поминальной службе по убитым в бомбардировке 1999 года (ответственным за которую активисты «Отпора» представляли... Милошевича) и получение благословения на подвиг за свой народ, которое они получали у местных священников и некоторых епископов¹.

После того, как в конце июля 2000 года С. Милошевич решил прервать срок своего мандата и назначить выборы раньше положенного времени (т.е. на 24 сентября), начался последний период борьбы «Отпора» против президента Югославии и его окружения. Были запущены две параллельные кампании, носившие различные цели. Первая — под лозунгом **«Время пришло!»** носила название **«Пойди и проголосуй!»** и была направлена на активизацию массы молодых избирателей 18–27 лет, критически настроенных по отношению к режиму, но традиционно пренебрегающих посещением выборных участков. В 60 городах страны прошли рок-концерты, привлекая десятки тысяч молодых жителей Сербии. Была также проведена акция «Караван звезд», в которой приняли участие известные спортсмены и актеры, посетившие 53 города и призывавшие оппозиционно настроенных граждан выйти на выборы и бороться.

Таким образом, удалось достичь большой широты охвата. Молодежь с удовольствием собиралась на рок-концерты, причем эти собрания были массовыми и стали прекрасным поводом даже для далеких от политики молодых людей как в провинции, так и в городах встретиться, потанцевать и хорошо провести время в разнополой компании, употребляя умеренное количество алкогольных напитков на открытом воздухе, где возводились импровизированные сцены, снабженные качественной звукоаппаратурой. Для завоевания симпатий среднего и старшего поколения большее значение имело появление пользовавшихся авторитетом работников образования, популярных спортсменов и актеров, которые носили значок или майку, гласившие, что «Время пришло»².

Появилась новая эмблема — часы, стрелки которых показывали 23.55 и надпись «Время пришло — 24-09-2000». Немалые средства были потрачены на раздачу ручек с надписью «Для голосования». На концертах и митингах раздавали майки с символикой «Отпора» и кассеты с песней югославского поп-певца Джордже Балашевича. Аудио кассеты-пятиминутки содержали песню «Жить свободно», которая призывала бороться против изоляции, против черных хроник, против бессмысленных войн, против несвободы, за лучшее завтра, за перспективу в родной стране, а не эмиграцию в Торонто или Сидней, воспевала молодежь, открывшую глаза и вселяющую храбрость родителям, призывала «разбить бижутерию ложных надежд и дать бульварам запомнить музыку шагов». Ставшая в мгновение ока суперхитом, песня зазвучала на всех перекрестках, во всех студенческих общежитиях и клубах.

Второй, параллельной кампанией, которая должна была отвлечь на себя внимание силовых структур и внести элемент дезориентации и падения духа в рядах сторонников президента, была кампания «Он готов». В ходе нее лицам, симпатизировавшим президенту, а также колебавшимся пытались внушить мысль о том, что дни режима С. Милошевича сочтены. Инструментом стало множество наклеек, баллончики с краской, а также некоторые листовки и плакаты, содержавшие вышеупомянутый призыв. По заявлению «Отпора», в кампании участвовало почти 20 тыс. новых активистов, влившихся в движение в результате интенсивной работы по мо-

¹ *Lič V.*, «Отпор» — više ili manje od politike, Beograd 2001, с. 68.

² *Попович Срђжа.* Интервью, данное Стиву Йорку для фильма «Свержение диктатора» 30.11.2000.

билизации кадров. Основной целью было «исправление» официальных плакатов, расклеивавшихся социалистами и объединенными левыми, путем написания короткого слогана «Он готов».

Обе кампании были строго разграничены между собой. Разделение кампаний выразилось даже в разнице символов (кулак и часы) и в том, что активисты «Отпора», хотя и появлялись со своими эмблемами на акциях «Пойди и проголосуй», но старались не фигурировать в них в качестве главных организаторов. Для этого было использовано около 37 неправительственных организаций-партнеров, которые формально соучаствовали в проведении этой кампании, при этом руководство всегда оставалось в руках «Отпора». За всем этим скрывалась попытка придать второй кампании («Он готов») видимость беспристрастности, будто «коррективы» в предвыборные плакаты и приговор С. Милошевичу выносит не партия-конкурент, а сама история, руками непартийного движения. Кроме того, «Отпор» уже снискал себе славу агрессивного борца с режимом, против которого полиция может применить силу. Поэтому лишение массовых митингов ауры «Отпора» помогало преодолеть страх (или негативное отношение) и привлечь на концерты и встречи со звездами более широкую аудиторию¹. После голосования обе кампании были объединены, и на массовых концертах-демонстрациях, предшествовавших событиям 5 октября, организаторы носили черные майки «Отпора» с белым кулаком.

В результате успешного проведения кампаний, «Отпор» выполнил черновую работу по борьбе с прорежимной пропагандой и дал возможность демократической оппозиции Сербии сконцентрировать свои усилия на выдвижении положительной программы. Были выведены из апатии все оппозиционные ресурсы и слои сербского общества, все противники Слободана Милошевича со всех сторон политического спектра. Кроме того, в обществе был создан определенный климат, обстановка накалена до грани массовой истерики. В итоге, накануне выборов (в сентябре) вне стен государственных учреждений стало, в буквальном смысле слова опасно выражать симпатии к действовавшему президенту.

БОРЬБА ОФИЦИАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ ПРОТИВ «ОТПОРА»

Описание первой «экспресс-революции» в Европе было бы неполным без упоминания тех мер, которые предпринимались окружением С. Милошевича для борьбы с этим движением. Эти меры содержали в себе большую часть тех особенностей в подходе и методике, которые позднее повторялись другими режимами, подвергшимся атакам «цветных революций». Отношение властей к движению «Отпор» можно условно разделить на три неодинаковых по продолжительности периода: с осени 1998 года по весну 2000 года — презрение и, как следствие, недостаточное внимание; с весны 2000 года до конца лета 2000 года — ненависть и резкое усиление санкций; сентябрь-октябрь 2000 года — парализующее собственную активность опасение за свое будущее в случае вероятной победы оппозиции.

Сразу стоит отметить, что даже на пике противостояния «Отпора» и полиции власти вели себя по отношению к членам движения сравнительно гуманно. Согласно данным, приводимым Фондом гуманитарного права, в Сербии в ходе полицейской кампании против «Отпора» подвергалось задержанию около 2 тыс. лиц, причастных к движению, большинство из которых вскоре было отпущено. Около 200 задержанных были несовершеннолетними в возрасте от 16 до 18 лет, 300 человек задерживались 5 и более раз (т.е., судя по всему, были активистами движения). Эти данные, как и характеристика мер, предпринятых полицией против «Отпора», содержатся в специально посвященном данной теме издании, выпущенном на основании монито-

¹ Андрич И. Интервью, данное Стиву Йорку для фильма «Свержение диктатора». 30.11.2000.

ринга, а также с привлечением документов, полученных после 5 октября 2000 года из Министерства внутренних дел Республики Сербия¹.

Поводом для кампании послужила состоявшаяся 2 мая в Пожаревце драка между несколькими членами движения «Отпор» и их политическими оппонентами из влиятельной правительственной партии «Югославские левые» (ЮЛ), во главе которых стояла супруга С. Милошевича — Мирьяна Маркович. В результате больше пострадали члены «Отпора» (все три нападавших попали в больницу), а дело сводилось к типичному противостоянию молодежных хулиганских группировок в провинциальном городке. Однако этому делу было решено придать большой политический резонанс. В тот же день МВД Сербии и партия ЮЛ в своих пресс-релизах сообщили, что речь шла о «попытке политического убийства молодых сторонников „Югославских левых“, проведенного группой громил с фашистским символом „Отпора“».

Особый интерес представляет приведенный в вышеупомянутом сборнике документов приказ №33/2000 для внутреннего пользования о борьбе с молодежными экстремистскими организациями. Этот приказ подписал 11 мая 2000 года заместитель министра внутренних дел, главный полицейский страны — генерал-полковник Властимир Джорджевич, выдвинувшийся в ходе борьбы с сепаратистами в Косово и Метохии в 1998–1999 годах, а в 2007 году попавший в Гаагу после нескольких лет безуспешного бегства от Карлы дель Понте. Приказ был продолжением приказов и инструкций МВД Сербии от 25.10.1997, от 20.10.1999 и от 24.01.2000, определявших действия сотрудников сил правопорядка по отношению к участникам «неформальных групп (скинхеды, «Соколы» и др.), религиозным сектам и радикальным болельщикам спортивных клубов, члены которых выражают агрессивность в поведении и одежде, совершают правонарушения и уголовные действия с элементами насилия, с использованием орудий, приспособленных для нанесения телесных повреждений». Интересно, что в качестве наиболее опасного противника (которого стоит добить) выделены скинхеды — объективно говоря, почти незаметное в Сербии движение. Лишь в качестве проблемы №2 выделена «отмеченная в последнее время активность движения «Отпор», чьи члены одеждой (черные бейсболки, банданы, штаны и майки с символом «Отпора» и сжатым кулаком в середине круга и т.д.) и агрессивным поведением на улицах, площадях и других общественных местах крупных городов нарушают общественное спокойствие и порядок». Надо отметить, что, по мнению генерал-полковника Джорджевича, «Отпор» не был первым основанным НАТО для достижения политических целей молодежным движением, ему предшествовало движение «Соколы»².

В виду всего вышеизложенного, всем сотрудникам МВД (инспекторам, ППС и оперативникам) было приказано в сотрудничестве с представителями государственной безопасности принять следующие меры:

1 — продолжить идентификацию членов неформальных групп (скинхеды, «Соколы», радикальные болельщики и члены религиозных сект);

2 — идентифицировать членов движения «Отпор», собирать информацию об их численности, намерениях и склонностях, месте и времени проведения сборов, передвижении и другой деятельности;

3 — после идентификации членов и сторонников неформальных групп и религиозных сект (скинхеды, «Соколы», движение «Отпор» и др.) провести их криминалистически-техническую обработку³, осуществлять за ними и в дальнейшем надзор,

¹ OTPOR u nadležnosti policije, Beograd, 2001.

² Очевидно, имеются в виду «Соколы» — движение СДО Вука Драшковича, которое последний инициировал после покушения на Ибарском автопути. Движение оказалось мертворожденным проектом, не получившим особого развития.

³ Т.е. в данном случае — завести досье и взять отпечатки пальцев.

наблюдать за деятельностью и предотвращать насильственное и другое противозаконное поведение с энергичным применением предписанных законом мер.

4 — вступить в необходимое сотрудничество с центрами социальной защиты и воспитательно-образовательными учреждениями, а также обратить внимание родителей малолетних членов этих групп на негативное поведение их детей и вменить им в обязанность усилить за ними надзор.

Автор приказа подчеркивал необходимость сразу же подробно сообщать в главное полицейское управление МВД в случае получения новой информации, касающейся деятельности членов вышеупомянутых групп¹.

К репрессиям, которые, по мнению авторов сборника, пережили члены движения «Отпор», были отнесены различные действия властей. Во-первых, общего характера — отказ в регистрации движения, несмотря на то, что формально все юридические требования были соблюдены. Также сюда можно отнести попытку властей принять в федеральном парламенте закон о противодействии терроризму. Этот (в наше время совершенно нормальный во многих переживших террористические акты странах) закон, предусматривал превентивное задержание, право выдвижения обвинения без предварительного расследования, право содержания под стражей в течение определенного времени лица, отказывающегося дать свидетельские показания, введение в официальный полицейский арсенал работы агентов-провокаторов. Наконец, при достаточно свободном толковании понятия «противоуголовственная деятельность», любой участвовавший в общественных акциях оппозиционер мог бы, по новому закону, быть заключен в тюрьму на тридцать и более дней. Надо сказать, что закон этот так и остался официальным пугалом для оппозиции, т.к. ему воспротивились все политики, не только входившие в ДОС, но и представители СДО В. Драшковича, и даже радикалы Воислава Шешеля, опасавшегося превращения С. Милошевича в диктатора. Поэтому на заседании федерального парламента 30 июня принятие закона было отложено.

Подписанный 11 мая 2000 года приказ В. Джорджевича совпал с вышеупомянутым убийством главы Воеводины Б. Перошевича. Формально убийство совершил внепартийный, неуравновешенный, живший в снятой квартире без семьи человек, служивший охранником на выставочном центре и застреливший Перошевича во время посещения им этого центра. Однако при обыске была найдена пропагандистская литература и материалы «Отпора», из чего властями был сделан вывод о террористическом характере движения, так что в результате давление полиции на «Отпор» сильно возросло.

Причиной задержания могли быть: майка или значок (большеразмерный, круглый типа «бейдж»), участие в публичных (ненасильственных) акциях «Отпора», распевание и скандирование частушек антиправительственного содержания. Проводилось и профилактическое задержание известных местных активистов в случае прибытия членов окружения С. Милошевича в провинциальные города на торжественные мероприятия. К задержанным применялась стандартная процедура: задержание, личный обыск и изъятие, выдерживание в КПЗ, допрос, фотографирование, взятие отпечатков пальцев и заведение личного досье.

Допрос в полиции проводился с использованием типового формуляра для получения и классификации информации об экстремистской организации: дата и причина вступления в «Отпор», цели движения, контакты движения с лицами из заграницы, источники финансирования, деятельность движения, члены руководства, политические воззрения допрашиваемого и членов его семьи. Ставились и вопросы о наличии в рамках «Отпора» экстремистских фракций и террористических групп. Этот формуляр использовался и при допросе несовершеннолетних. После допроса

¹ OTPOR u nadležnosti policije, Beograd, 2001.с.8.

задержанные в абсолютном большинстве случаев отпускались сразу же или после нескольких часов пребывания в КПЗ. После задержания активистов и сочувствующих «Отпору» полиция производила изъятие плакатов, значков, листовок, знамен, а также предметов, носивших эмблему движения и распространявшихся в рекламных целях (спичечные коробки, календари и майки).

На основании собранной информации в июне 2000 года Управление аналитики отделения общественной безопасности при МВД Сербии опубликовало для внутреннего пользования небольшую брошюру, носившую гриф «Строго секретно»¹. В ней было указано (бездоказательно, неконкретно и с большим количеством пропагандистских штампов) на факт организации и финансирования «Отпора» иностранными разведслужбами. «Отпор» был назван «рукой натовских агрессоров, вытянутой для осуществления своих мрачных планов в наших свободных краях». **Не приводилось никаких конкретных имен, дат и даже названий стран, финансирующих «Отпор» или служивших местом проведения семинаров.** Было лишь отмечено, что «терроризм и преступность забрасывается извне — из Республики Сербской, частично из Черногории и нашего окружения». Вторая часть работы была посвящена описанию деятельности организации. Большая часть этого описания сводилась к перечислению правонарушений, совершенных членами «Отпора»: драк и столкновений, в которых участвовали люди, носившие значок или майку с эмблемой «Отпора», случаев обнаружения наркотиков (вероятно, конопли) у членов движения и т.д. Лишь в конце брошюры внимание работников правоохранительных структур было обращено на второстепенную деятельность членов организации по распространению «вражеско-пропагандистских материалов, прежде всего, бюллетеня «Отпора», плакатов, памфлетов, листовок, брошюр, бейджей и других материалов, а также нанесению граффити с призывами «Отпора», которые призывают граждан к насилию, провоцированию хаоса, насильственной смене легально избранного руководства, гражданскому неповиновению и другим незаконным формам протеста ради приведения к власти марионеток НАТО». Эта заключительная часть снабжалась пересказом лозунгов и скандированных частушек-призывов антиправительственного содержания с упоминанием даты и места их оглашения. В сущности, эту брошюру вряд ли можно назвать удачной: из-за переполненности трескучей риторикой, не подкрепленной конкретными фактами (которые имели место быть), она оказывала слабое пропагандистское воздействие на читавших ее полицейских; концентрация внимания полицейских на наркоманах и хулиганах в рядах «Отпора» (которые бывают в любой партии), а также лишь на носивших открыто террористический характер лозунгах «Отпора» мешали правильной оценке его главного оружия — «не насильственного сопротивления».

После убийства Б. Перошевича полиция начала применять тактику обыска в квартирах наиболее активных членов «Отпора», целью обысков было изъятие пропагандистских материалов. Лишь в начале сентября полиция перешла к обыскам в канцеляриях «Отпора» и других неправительственных учреждений («Центр за наблюдением над голосованием», «Женщины в черном», профсоюз «Независимость» и др.). Полицейские действовали без ордера на обыск и без свидетелей, на изъятые при обыске не выдавались квитанции, протокол обычно не составляли.

Параллельно с этим полиция не чуралась и неформальной классики правоохранительных действий, т.е. оскорблений, запугивания и физического насилия по отношению к демонстрантам, участникам акций и задержанным. Следует признать, что все эти случаи, подробно документированные и описанные Фондом гуманитарного права (ФГП), не имели характера пыток, инструментализированной или чрез-

¹ Информација о противзаконитим делатностима фашистичко-терористичке организације «Отпор», МУП РС Ресор јавне безбедности — Управа за аналитику, Београд, 2000.

мерной жестокости, дело ограничивалось одиночными толчками, ударами дубинки или кулака, что свидетельствовало скорее о невыдержанности или недостаточной профессиональной подготовке отдельных представителей правоохранительных органов, нежели о планомерной деятельности. Эти меры могли лишь временно напугать задержанных и в долговременном плане возбудить у жертвы насилие и у ее близких скорее возмущение и обиду за перенесенные унижения, чем реальный страх. Более того, среди полицейских встречалось значительное число сотрудников, недовольных вмененными им обязанностями, которые проводили мероприятия достаточно мягко и ссылались лишь на служебные обязанности и вынужденный характер своих действий ради сохранения рабочего места.

Более эффективным был использованный режимом Милошевича метод нападения «неизвестных» лиц в гражданском и в масках, применявшийся к особо активным членам «Отпора». Судя по рассказам рядовых участников движения, этот метод вселял страх не только в «подвергнувшихся обработке», но и в их окружение. Негативной стороной этих мероприятий было накалывание общей обстановки в стране, которая обоснованно воспринимала эти меры как симптомы слабости режима, вынужденного прятать лица своих сотрудников за масками. Собственно говоря, на это и были рассчитаны провокации со стороны «Отпора». В рамках «серой» (не авторизированной) пропаганды ту же анонимность, которая свидетельствовала о слабости, имели появлявшиеся с июля по сентябрь 2000 года наклейки и плакаты, гласившие: «Выбирает Народ, а не НАТО», изображавшие значок «Отпора» на нацистских плакатах времен Второй мировой войны или символ движения — кулак, — сжимающий пачку долларов. Хотя все это и было близко истине, контрпропаганда отдавала казенщиной и была лишена истеричного духа правдоискательства, который бил с пропагандистских плакатов оппозиции, проникая в души граждан Сербии, измученных тяжелыми экономическими потрясениями и военными поражениями.

Законодательная база, позволявшая преследовать сторонников «Отпора», была довольно шаткой. Закон об общественном порядке (небольшие публичные акции), закон о проведении общественных собраний и шествий (более крупные публичные акции), закон о политических организациях (выступление от лица «несуществующего» в официальном регистре движения), муниципальные решения о поддержании опрятности зданий (расклейка плакатов и рисование граффити), закон о регистрации места жительства (практически недействующий в Сербии закон, формально дающий возможность привлечь к административному наказанию любого гражданина, не зарегистрированного по месту жительства) не могли оказать серьезного противодействия финансируемому иностранными государствами движению, ставившему официальной целью смещение на выборах правящего президента и его партии. Административная ответственность, предусмотренная этими законами, ограничивалась небольшими штрафами (от 2 до 10 долларов). Максимально возможным обвинением была попытка привлечь к уголовной ответственности отдельных активистов «Отпора» за порчу чужого имущества (при написании граффити на частных домах), а также за призывы к насильственному свержению конституционного строя. Это давало возможность завести на них уголовные дела и подвергнуть штрафу в 50–150 долларов. Конечно, эти штрафы были суммами, не ощущавшимися в условиях мощного иностранного финансирования, но дававшими хороший повод для усиления пропагандистской кампании, призванной подчеркнуть зверства режима. Более того, подобная профанация борьбы с «Отпором» придавала сил и храбрости его сторонникам, которые привыкли к безнаказанности. Пара тумачков (ФГП не приводит данных ни об одном случае долговременного расстройств здоровья в связи с травмами, полученными активистами «Отпора» от сотрудников МВД Сербии) и ночь в КПЗ (без агрессивных сокамерников), а также фиктивное наказание давали

возможность снискать в своей среде славу и уважение, а также вдохновляли на продолжение борьбы. Власти Югославии не смогли (или их спецслужбы не захотели) вычислить схему руководства движением, пресечь потоки финансирования и места производства пропагандистского материала. Хрестоматия ФГП, а также периодика (как проправительственная, так и оппозиционная) того времени не сообщает о случаях нападения правоохранительных органов на места производства пропагандистского материала, который тоннами расходился в период весны-лета-осени 2000 года. Возможно, разгадка этого «неуспеха» кроется в словах анонимного собеседника Тима Маршала из югославской военной разведки: «Военная разведка знала, где находится типография, но не оповестила другие службы, так как национальный консенсус сводился к тому, что Слоба должен уйти»¹.

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ 5 ОКТЯБРЯ 2000 ГОДА

День 5 октября 2000 года стал кульминацией всей подготовительной работы, результатом, ради которого были потрачены миллионы долларов, организованы многочисленные кампании и акции «Отпора» и других неправительственных организаций, моментом триумфа Демократической объединенной оппозиции, скрепленной усилиями американских политтехнологов и днем, когда своего босса предстояло предать всем, кому он так доверял.

Хронология событий 5 октября 2000 года в Белграде и его пригородах по горячим следам была воссоздана в журналистском расследовании Драгана Бойшевича и Ивана Радовановича и получила положительные оценки лиц, стоявших по разные стороны политического фронта². Эта книга была составлена на основании интервью, которые дали: кандидат ДОС и президент Югославии после октября 2000 года Воислав Коштуница, президент Сербии из партии социалистов Милан Милутинович, начальник Генштаба армии Югославии Небойша Павкович, начальник государственной безопасности Сербии Радомир Маркович, президент Демократической партии и после октября 2000 года премьер Сербии из ДОС Зоран Джинджич, а также Небойша Чович (после октября 2000 года — вице-премьер правительства Сербии из ДОС) и министр иностранных дел из ДОС Горан Свиланович. Кроме того, интервью давали лидеры ДОС Велимир Илич, Милан Ст. Протиц, Владан Батич, Душан Михайлович, министры правительства Сербии до 5 октября 2000 года Слободан Черович («Югославские левые») и Бранислав Ивкович (Социалистическая партия Сербии), а также рядовые участники переворота, полицейские начальники, простые полицейские и спецназовцы, пожарные, сотрудники парламента и телецентра...

Хотя С. Милошевич в интервью газете «Вашингтон пост», данном им 12 декабря 1998 года, обещал, что не будет менять Конституцию, чтобы попытаться остаться на следующий срок в кресле президента Югославии, это обещание к лету 2000 года было основательно забыто. На заседании парламента Югославии 6 июня 2000 года ускоренными темпами была изменена Конституция СРЮ, и тем самым была создана возможность переизбрать Милошевича на место президента этой изрядно к тому времени сократившейся страны, чья территория практически совпадала с территорией Сербии. Уже 27 июля Милошевич подписал указ о проведении осенью выборов, причем не только в югославский парламент и в местные муниципалитеты, срок для которых уже пришел, но и на пост президента Югославии. Мандат Милошевича истек лишь 23 июля 2001 года и он мог бы еще оставаться у власти целый год, но решил, исходя из собственных соображений, ускорить дату своего окончательного поединка с объединенной оппозицией, назначив ее на 24 сентября. На выборах со

¹ *Maršal Tim, Igra senki*, Beograd, 2002, c. 192, c. 179.

² *Bujošević Dragan, Radovanović Ivan*, 5. oktobar: dvadeset i četiri sata prevrata, Beograd, 2001.

значительным отрывом лидировал В. Коштуница, что признал и сам С. Милошевич. ЦИК (подконтрольный Милошевичу) заявил, что Коштуница имеет менее 50% голосов и необходим второй тур, в который войдут два кандидата, набравшие больше всего голосов. Победу Коштуницы уже в первом туре (т.е. то, что он набрал более 50% голосов) признали не только независимые наблюдатели и ДОС, но и самостоятельно участвовавшие в выборах СДО Драшковича и радикалы Шешеля. Милошевич был непреклонен — в ночь с 3 на 4 октября ЦИК сообщает, что Коштуница получил 48,22%, а Милошевич 40.25 % голосов. Второй тур назначен на 8 октября 2000 года.

Оппозиция не дремала. Сразу же после оглашения предварительных результатов выборов был организован огромный концерт в центре Белграда — «Праздник победы», а 29 сентября начинается попытка организовать Всеобщую и бессрочную забастовку под лозунгом «Закрыто из-за ограбления» (на выборах). Начальные и средние школы, кинотеатры и театры, а также многочисленные частные фирмы торжественно закрывают свои двери, вывесивая однотипный, напечатанный в одной и той же типографии плакат «Закрыто из-за ограбления». К забастовке присоединились и шахтеры из расположенного вблизи Белграда угольного бассейна Колубара. За 5 дней Коштуница дважды посетил этот находящийся в 60 километрах от столицы центр скопления недовольных рабочих. В воздухе витал привкус насилия, а по ночам чудились прогуливающиеся на пыльных улицах Белграда, покрытые багровыми пятнами призрачные пары Александра и Драги Обреновичей, за которыми следовали Николае и Елена Чаушеску.

С. Милошевич, который прежде не баловал сограждан своими телеобращениями, в течение 3 дней дважды (!) обращается к народу. Его слова звучат неожиданно искренне, но, тем не менее, слишком поздно. У народа уже нет времени их понять, а тем более внять им и изменить свои настроения. В массе своей сербы устали бороться, устали от ощущения, что весь мир их ненавидит, и поэтому они остались глухи к пророческим словам Милошевича: «Я считаю своим долгом предупредить о последствиях деятельности, которую поддерживают и финансируют страны НАТО... Каждому должно быть ясно, что они нападают не на Сербию из-за Милошевича, а на Милошевича из-за Сербии»¹.

Гигантский митинг, назначенный оппозицией на 5 октября в центре Белграда, должен был закончиться массовыми столкновениями, в которых победит сильнейший. Это было настолько ясно, что туристические агентства откладывали отправку туристов, назначенную на 6 октября. Как сказал по этому поводу сотрудник «Доброчинства», туристического агентства Сербской Православной Церкви: «Дай Бог, переживем 5 октября, а там уж посмотрим, кто поедет в монастырь на экскурсию, а кого и повезут отпевать...»

Оппозиция заранее и намеренно готовилась к вооруженному противостоянию с силами правопорядка. Организаторами этой вооруженной акции были лидеры ДОС: Зоран Джинджич, 48-летний глава ДП, имевший в охране десяток вооруженных автоматическими ружьями хорошо подготовленных людей; Чедомир Йованович², 24-летний лидер молодежного крыла Демократической партии, появившийся 5 октября в бронжилете и с «воки-токи»; Воислав Илич, мэр Чачка, среднего по размерам города в Центральной Сербии, организовавший отряд кикбоксеров. Около 130 бывших полицейских, уволенных за их оппозиционные взгляды, собрал в пригороде Белграда, Железнике, и вооружил крупный бизнесмен и владелец спортивного клу-

¹ Говор председателя СР Југославије Слободана Милошевића на промоцији потпоручника ВЈ, Политика, 01.10.2000.

² *Bujošević Dragan, Radovanović Ivan*, 5. oktobar: dvadeset i četiri sata prevrata, Beograd, 2001, с. 24.

ба, бывший соратник Милошевича Небойша Чович, организатор забастовки шахтеров Колубары. Среди этих «бывших» находился и Слободан Паич, отслуживший в полиции 16 лет и проявивший героизм в борьбе против албанских сепаратистов в Косове. Угрызения совести за переданное натовцам без боя Косово заставили его отказаться от ордена, к которому его представили 13 января 2000 года. После этого он ушел из полиции и встал в главе личной охраны Човича¹. В запасе у магнаста из Железника было огромное количество огнестрельного оружия, а вокруг принадлежавшего ему спортивного комплекса столпилось несколько тысяч человек². Готовился к вооруженному сопротивлению полиции и расположенный в пригороде Белграда Борче отряд добровольцев под руководством Боголюбa Арсениевича Маки, неудачно пытавшегося занять муниципалитет провинциального города Валева летом 1999 года (отца пятерых детей и успешного художника при задержании зверски избилa полиция, и он был вынужден бежать из тюремной больницы в марте 2000 года).

Единственный белградский небоскреб — это бизнес-центр «Белградка», на части этажей которого находится крупная муниципальная радио- и телестанция Белграда «Студия Б». В ночь с 4 на 5 октября Драган Василькович («Капитан Драган»), человек с богатой биографией, один из основателей спецназа государственной безопасности Сербии, сохранивший старые связи и проживавший с 1995 года в Австралии, тайно разместил 130 преданных ему, обученных и вооруженных людей в канцеляриях своего интернет-центра на одном из этажей 24-этажного небоскреба. Кроме всех вышеперечисленных, силовое крыло существовало и в рамках «Отпора»³. В течение нескольких дней эта самая многочисленная группа, которая должна была выставить значительное количество людей для обеспечения массовости, тренировалась и закрепляла пройденное: место каждого в момент столкновения, обязанности ударной группы, функции тыловой группы поддержки, вооруженной камнями на случай столкновения с полицией, оказание первой помощи, коммуникация во время столкновения, использование подручных средств. В тренировках принимали участие руководители десятков, которым заранее объясняли пути отхода и место нового сбора в случае, если полиции удастся разогнать нападающих⁴. Готовясь к неминуемому кровопролитию, лидеры «экспресс-революции» не забыли и о военно-полевой медицине — несколько бригад врачей, хирургов и анестезиологов были подготовлены для развертывания полевых госпиталей в ключевых точках города⁵. Наконец, важным ресурсом в потенциальном вооруженном противостоянии с силами правопорядка в стране были вооруженные силы НАТО, окружавшие Сербию со всех сторон, и напомнившие об угрозе интервенции в случае начала столкновений в стране словами британского министра иностранных дел Робина Кука, заявив-

¹ Там же, с. 270.

² Там же, с. 27–29; *Maršal Tim, Igra senki*, Beograd, 2002, с. 202.

³ Надо сказать, что также, как лидеры ДОС-а после 05.10.2000 г. упорно отрицали (и отрицают) помощь западных менторов, эти лидеры отрицали и отрицают, что готовили вооруженное выступление против режима на 5 октября 2000 года. Эта тайна стала (как и первая) секретом полишинеля. Особенно ясно это видно по интервью, данному опьяненным победой и известным своей несдержанностью В. Иличем, а также по многочисленным видео- и фотоматериалам, изображающим происходившее перед парламентом, где видны прибывшие вместе с демонстрантами закрытые грузовики с оружием, слаженность действовавших в первых рядах нападающих, где проскальзывают люди с головными телефонами, а стоящие рядом с обращавшимися к народу ораторами люди постоянно ведут переговоры по «воки-токи». *Maršal Tim, Igra senki*, Beograd, 2002, с. 179, 197, 200, 202, 203, 212, 213.

⁴ *Bujošević Dragan, Radovanović Ivan*, 5. oktobar: dvadeset i četiri sata prevrata, Beograd, 2001, с. 67–68.

⁵ Там же, с. 99–100.

шего, в частности, что Белграду «не стоит забывать о постоянном и значительном присутствии» НАТО по соседству¹.

Важным фактором в организации «экспресс-революции» стал элемент, который дает возможность называть «цветные революции» «автобусными». Стержневую роль в успехе массовых демонстраций играла концентрация рядовых оппозиционеров, достигавшаяся переводкой всех недовольных режимом бесплатными автобусами, которые собирались в центре города. Утром 5 октября на Белград должны были выдвинуться пять колонн автобусов и грузовиков, по всем крупным автомагистралям: Ибарскому автопути с юго-запада Сербии; Нишскому автопути с юга Сербии; Новосадскому автопути с севера Сербии; к Панчевскому мосту с северо-востока Сербии; автопути «Белград-Загреб» из западной части Сербии.

План восстания был готов и объяснен исполнителям уже 3 октября. Были назначены шефы ударных колонн, в грузовиках, двигавшихся с автобусами, находилось оружие, взрывчатка и бульдозеры для преодоления непредвиденных препятствий. Были распределены цели ударов: западная колонна — белградский аэродром Сурчин, северная колонна — здание федерального правительства, северо-восточная — здание полиции и государственной безопасности на улице «29 ноября», южная — здание радио и телевидения Сербии, наконец, самая мощная, юго-западная колонна, предназначалась для взятия парламента Югославии. Скоординированным ударом штурмующие должны были занять указанные точки, после чего лидеры ДОС должны были пройти в здание парламента и занять там оборону. Контролировавший «Студию Б» отряд Драгана Васильковича должен был обеспечить выход в эфир обращения Коштуницы к нации. Кадры «Отпора» должны были начать акцию ненасильственной блокады полицейских участков и военных казарм по всей Сербии и провести «братание» с людьми в формах²... На этом авторы, дававшие Д. Буйошевичу интервью, лидеры ДОС, умалчивают. Однако, исходя из еще одной целевой точки захвата, выбивающейся из общей картины, — аэродрома Сурчин, можно логически достроить картину. Ускользнуть из Белграда можно не только через аэродром Сурчин, т.к. рядом с Белградом находится еще один крупный аэродром — Батайница. Значит, целью захвата аэродрома было не помешать кому-то покинуть страну, а, наоборот, обеспечить прибытие. Кого? Журналистов международных СМИ? Иностранных посредников для переговоров с Милошевичем? Или аэромобильных групп быстрого реагирования НАТО? На этот вопрос ответа нет, но есть основания для определенного рода сомнений.

С другой стороны, подготовка режима к событиям 5 октября и возможному кровопролитию была минимальной. Накануне, 4 октября, не было проведено даже заседание правительства³. Не ожидавшая кровопролития полиция была ориентирована на классические массовые демонстрации, для разгона которых по заранее подготовленному плану должны были использоваться дубинки и слезоточивый газ⁴. На пути каждой, следующей в столицу колонны демонстрантов, было выставлено по три отдельных кордона, что было неверным стратегическим решением — первые могли надеяться на последних, а последние имели оправдание, ссылаясь на первых. Кроме того, отряды полицейских рассредотачивались, не могли оказать достойного сопротивления, что усиливало у демонстрантов психологически важное чувство многочисленности и силы, которое нарастало с каждым новым пробитым кордоном и при-

¹ *Maršal Tim, Igra senki*, Beograd, 2002, с. 197.

² *Bujošević Dragan, Radavanović Ivan*, 5. oktobar: dvadeset i četiri sata prevrata, Beograd, 2001, с. 52–53.

³ Там же, с. 210.

⁴ Там же, с. 54–57.

ближением к Белграду. Согласно воспоминаниям нескольких очевидцев, лишь в 00.00 5 октября министр полиции Влатко Стоилькович передал приказ полковнику бригады быстрого реагирования МВД: «Третий вариант, возьмите с собой тяжелое вооружение»¹. Третий вариант включал использование против вооруженных оппозиционеров как табельного, так и тяжелого вооружения².

С утра на пути следования колонн стояли полицейские кордоны, однако полиция уже показала свою слабость и неготовность применять оружие против демонстрантов. Накануне, 4 октября 2000 года командир полицейской бригады³, посланной для разгона бастующих шахтеров, Бошко Буха не стал применять силу и отступил, достигнув договоренность с координатором забастовки Н. Човичем. Информация об этом событии имела большой пропагандистский эффект и была передана по радио, причем боевики оппозиции смогли помешать работе аппаратов «глушилок», размещенных в частном «карате-клубе», принадлежавшем члену ЦК «Югославских левых» Драголюбу Кочовичу. В кулуарах полиции передавали из уст в уста слова верного защитника Милошевича, отличившегося в Косово, генерала Властимира Джорджевича, по должности — главного «полицейского в форме»: «Он проиграл выборы и должен уйти. Легче убрать его, чем весь народ». Такое же мнение выразил при личной встрече с Зораном Джинджичем начальник отряда специального назначения государственной безопасности Милорад Улемек («Легия»), еще один человек богатой биографии в рядах сербских спецслужб. Основное условие вступавших в переговоры силовиков — чтобы демонстранты не применяли огнестрельного оружия в столкновениях с силами правопорядка.

Самая мощная колонна, как и планировалось, двигалась из центра Сербии Ибарским автопутем с юго-запада. Она состояла из 52 автобусов с демонстрантами, 230 грузовиков, сотен автомобилей. Хотя большинство демонстрантов было вооружено камнями и дубинками, среди колонны затерялись и несколько автомобилей, пассажиры которых держали прикрытые охотничьи карабины «Застава» со снайперскими прицелами, пистолеты, автоматы Калашникова, пистолеты-пулеметы «Скорпион» с глушителями, гранаты и одноразовые гранатометы «Золя». Чуть слабее вооруженные, но все равно многочисленные колонны двигались и с других четырех сторон. Они проходили через кордоны полиции, не желавшей использовать оружие и не имевшей других сил для того, чтобы остановить идущих. Лишь в нескольких местах дошло до избиения полицейских, пытавшихся силой оружия преградить движение колонн. Вид избитых и униженных стражей закона вызвал в толпе пьянящее чувство силы. После того, как колонны вошли в город, мосты и главные магистрали стали перекрывать контейнерами с мусором, автобусами, трамваями и мусоровозами. Были подготовлены вооруженные автоматическим оружием и противотанковыми гранатометами мобильные группы, целью которых было не дать армии войти в город⁴.

Впрочем, последняя мера была пустой предосторожностью, т.к. главный военный в стране — начальник Генштаба армии Югославии генерал Небойша Павкович заперся в здании Генерального штаба в центре города вместе с супругой и детьми и окружил здание военным спецназом из 63-й бригады ВДВ армии Югославии. Павкович решил оставить армию «вне политики», о чем оповестил лидеров ДОС.

Пока колонны приближались к Белграду, в самом городе был организован заранее запланированный митинг протеста против манипуляций на выборах. Он пос-

¹ Там же, с 23.

² Т.е. 7,62-мм пулемет М-84; 64-мм одноразовый гранатомет М-80 «Золя»; 90-мм гранатомет М-79 «Оса». Милошевић В. и др., Наоружање и опрема полицији и војске, Београд, 1998.

³ Около 700 человек на БТРах и джипах, с тяжелым и легким стрелковым вооружением.

⁴ *Bujošević Dragan, Radovanović Ivan*, 5. oktobar: dvadeset i četiri sata prevrata, Beograd, 2001, с. 87.

лужил началом сбора народных масс в центре города на площади перед парламентом. Прибывшие около 12 часов на площадь демонстранты, не дожидаясь концентрации главных сил, выскочили из автобусов и с ходу, голыми руками попытались занять здание парламента Югославии, однако уже на ступеньках были отбиты с применением дубинок и слезоточивого газа. Это остудило их пыл и привело к временному отступлению. Возлованные лидеры ДОС внесли в план коррективы, — распыление сил было признано бессмысленным. Демонстранты, распевая националистические песни и антиправительственные частушки, стали концентрироваться в одной точке — в центре города вокруг парламента и телецентра. В 15.23 собравшиеся на площади массы демонстрантов пошли в атаку во второй раз и к 16 часам захватили здание парламента Югославии. В 16.23 началось нападение на здание радио- и телевидения Сербии. Тут впервые применили табельное оружие. Это был жест отчаяния одинокого полицейского, пытавшегося неприцельными выстрелами остановить наседавшую на него массу людей. Взволнованный Милошевич понял, что сил одного МВД недостаточно, и приказал генералу Павковичу принять меры, так как «...подожен государственный символ».

— Подожен, но жертв нет... — хладнокровно ответил Павкович.

— Ты не выполнил ни одного моего приказа, — не повышая тона, закончил разговор президент Югославии¹.

В 17.05 президент Сербии Милан Милутинович позвонил лидерам ДОС и попросил начать переговоры. Милошевич последний раз перезвонил Павковичу и вновь услышал отказ подчиниться ясно отданному приказу. В 17.35 в центр города прибыли части отряда спецназа государственной безопасности. Несмотря на сброшенные им на головы 4 горшка с цветами и 29 пулевых отверстий, украсивших первый в колонне «Хаммер», они продвигались, не обнажая оружия и не проявляя признаков враждебности. Прибыв к зданию телецентра, командир спецназа Улемек снял маску, поднял к небу три пальца в сербском национальном приветствии и сказал: «Не стреляйте, братья!» Когда на волне его «воки-токи» раздался голос отчаявшегося Милошевича, Улемек от души запустил об асфальт несчастной рацией, разлетевшейся на несколько бесполезных обломков. Окружавшая спецназовцев толпа приветствовала эту выходку аплодисментами и восторженными возгласами.

В 18.00 прекратил работу штаб МВД, координировавший борьбу с массовыми беспорядками. В центре города воцарилась вакханалия победы, на погром и разорение были отданы расположенные в центре магазины, были разграблены полицейский участок вблизи Скупщины, здание горкомов СПС и ЮЛ, а также расположенные в центре Белграда райкомы этих партий. Иссушенные криком и обожженные слезоточивым газом глотки демонстрантов охладил потоки пива и маслянистого югославского бренди — виньяка, для ожидавших их дома подруг заботливая рука прихватила недоступный еще вчера пузырек «Шанель» или яркий шелковый платок. Кому не досталось этого, стремился принести домой хотя бы какой-нибудь, пусть самый экзотический и ненужный трофей, свидетельствовавший об участии в этой знаменательной битве. Революция в стране окончательно победила. В эфире появилось телевещание под руководством победивших оппозиционеров.

В 2 часа ночи посол РФ в Югославии обратился к В. Коштунице с предложением договориться о встрече с министром МИД РФ Игорем Ивановым, разговор с которым состоялся 6 октября в 12 часов дня. В 20.30 6 октября Коштуница прибыл на виллу к Милошевичу и провел с ним переговоры. В 22.00 Небойша Павкович и Милорад Улемек встретились с шефом государственной безопасности Сербии Раде Марковичем. В 22.39 6 октября Слободан Милошевич признал свое поражение в телеобращении, переданном на телестудии «Ю-инфо». Ранним утром 7 октября бла-

¹ Там же, с. 161.

гоухавший запахом пожаров и перевернутых мусорных контейнеров Белград вошел в новую эру. Первая «эксpress-революция» стала историей¹. Она завершилась без массовых перестрелок и кровопролития², призраки братоубийственной гражданской войны и открытой иностранной интервенции остались лишь страшными призраками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Методика свержения неугодных правительств с использованием массовых и хорошо организованных акций гражданского неповиновения в полном блеске и совершенстве была обкатана в 1999–2000 гг. в Сербии. Этот рецепт мог быть применен только в средне-авторитарном обществе, где уже отсутствовало взаимное доверие между властями и гражданами, но где независимые средства массовой информации, хотя и вели ежедневную борьбу за свое существование, все еще не были уничтожены. Из разнородных, спеченных в единую смесь популистских идеологий, с использованием сетевых технологий была создана большая, но «безголовая» (со скрытым руководством, указывающим лишь направление движения, а не отдающим конкретные приказы) партия-«голем». Стоит еще раз подчеркнуть, что, вопреки распространенному мнению, основным стержнем идеологии такого движения не являлись проамериканские (и уж тем более — антирусские) настроения, как и вообще «космополитические» настроения, особенно на уровне сочувствующих и рядовых активистов. Это движение накаляло страсти в обществе и было главным фоном переворота, имевшего и свои тайные пружины. После свержения «диктатора» движение естественным образом отмерло, оставив место для избранных в новом политическом руководстве страны. Дальнейшие события показали, что подход югославских властей к проявлениям «эксpress-революции» повторялся в той или иной мере и другими режимами авторитарного типа, подвергшимися подобным нападениям. Выше мы рассмотрели основную методику «эксpress-революций», а также конкретику и хронологию ее осуществления в Сербии.

Кроме того, события 1999–2000 гг. в Югославии показали, что надежды достичь устойчивого компромисса с Западом путем соглашений и половинчатых мер тщетны. Ослабление давления на Югославию в 1996–1998 годах, выглядевшее так, будто Союзную республику Югославию решили оставить в покое и забыли, было обманчивым³. Это время было с успехом использовано НАТО для освоения оккупированных районов Боснии и Герцеговины и укрепления своих вассалов — Хорватии и других сопредельных стран — для того, чтобы нанести последний удар и сделать свою власть на Балканах абсолютной.

Ситуация уже не могла быть решительным образом изменена после 1995 года. Весь вопрос был лишь в том, когда и как это случится. Выбор у Слободана Милошевича был лишь в начале девяностых годов прошлого столетия. Либо полностью подчиниться всем решениям США и безоговорочно отказаться от сербских территорий вне границ того, что впоследствии стало Союзной Республикой Югославией. В таком случае, Черногория, с высокой степенью вероятности, и, безусловно, Косово и Метохия остались бы под контролем Белграда, при этом удалось бы избежать колоссаль-

¹ *Bujošević Dragan, Radovanović Ivan*, 5. oktobar: dvadeset i četiri sata prevrata, Beograd, 2001, с. 278–290.

² В результате событий 5 октября 2000 года были ранены 107 человек, 17 из них были полицейскими, 5 получило огнестрельное ранение. Два человека погибли, оба были демонстрантами — один умер от инфаркта, одна девушка оказалась под колесами грузовика.

³ *Maršal Tim, Igra senki*, Beograd, 2002, с. 192, с. 197.

ных людских и экономических потерь. Более рискованной, но единственной альтернативой этому была борьба за сербские национальные интересы и попытка защищать их как единое целое в границах, в которых это было стратегически возможно.

Вместо всего этого Милошевич постепенно сдавал сербские территории в Хорватии, Боснии и Косово, покупая себе годы отсрочки перед неминуемой потерей власти. До своего последнего дня на посту главы государства Милошевич отстаивал призрачный, абстрактный государственный патриотизм (югославский), а не естественный национализм (сербский). О том, что он был лидером именно сербов, Милошевич вспомнил лишь перед тем, как навсегда покинул родную страну. Входя в назованный вертолет, в котором он начал свою дорогу в Швенген, Милошевич обернулся к сопровождавшим его официальным лицам и сказал: «С Богом, братья сербы!»

Политика компромисса закончилась для него трагической смертью на тюремной кровати вдали от родных и близких. Он ассоциировался с исключительно непопулярной политической идеологией¹ и был выдан в руки своих противников теми спецслужбами, которые он так холил и лелеял. Хуже этого, он оставил Сербию в тяжелейшем положении экономической и технической отсталости, отбросившей ее на одно из последних мест в регионе. Итогами катастрофического для сербов десятилетия, на протяжении которого Милошевич безраздельно властвовал в Сербии, стало значительное сокращение сербского населения Боснии и почти полное исчезновение сербов в Хорватии и в Косово. Кроме того, значительное число образованных, активных и молодых людей навсегда покинули Сербию в поисках лучшей жизни. Это факты. Хотя его трагическая и мужественная кончина в застенках Гааги и вызвала уважение, у сербского народа были причины предъявить Милошевичу свой счет. Многие считают: будь он по-настоящему популярен и идеологически близок большинству его сограждан, ни один, даже самый хитроумный и дорогостоящий план, не смог бы привести к его свержению².

Дальнейшая судьба участников «экспресс-революции», в массе своей, незавидна — и тех, кто ее осуществлял, и тех, кто лишь глубокомысленно бездействовал в самый решительный момент. Арестованы за военные преступления в югославских войнах и находятся в тюремных камерах Небойша Павкович, Властимир Джорджевич, бывший шеф государственной безопасности Йовица Станишич и капитан Драган. Застрелен при невыясненных обстоятельствах 10 июня 2002 года в центре Белграда командовавший полицейской бригадой Бошко Буха. Милорад Улемек осужден за организацию убийства премьер-министра Сербии Зорана Джинджича, застреленного из снайперской винтовки 12 марта 2003 года. Любимое детище Улемека — отряд специального назначения государственной безопасности — распущен, причем напоследок большинство средств массовой информации полили этот злитный отряд и его бойцов ушатами грязи. Партия Небойши Човича проиграла выборы, и сам он находится на обочине современной политической жизни. Самый молодой и амбициозный лидер ДОС Чедомир Йованович находится под угрозой возбуждения против него уголовного дела и возглавляет маленькую радикальную партию. «Отпор» развалился после выборов, как только стала очевидна противоречивость его обещаний, а его лидеры не нашли себе места в первых рядах политической элиты Сербии и превратились в наемников и инструкторов по проведению «экспресс-революций»

¹ Идеологическое направление, которое олицетворял Милошевич («неокоммунизм»), практически исчезло из общественной жизни Сербии. Партия Милошевича, крупнейший представитель этой части политического спектра, превратилась после 2000 года в карлика, с трудом перебирающегося через 5%-ный барьер. Это притом, что оппозиция евро-атлантическому направлению в обществе достаточно сильна, но она базируется на идее сербского национализма.

² Ackerman P., Skills or Conditions: What Key Factors Shape the Success or Failure of Civil Resistance? // Presentation at the Conference on Civil Resistance and Power Politics St. Antony's College, Oxford, 15–18 March 2007.

от Киргизии до Ливана. Исключение, пожалуй, составляет политик, сумевший уцелеть благодаря своему недюжинному чутью, неспешности и видимой интеллигентской мягкости в суждениях и поступках, кандидатура которого была оглашена в октябре 1999 года в Будапеште представителем американской фирмы «Пенн, Шон и Берланд».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Отдельные издания

1. *Bujošević D., Radovanović I.*, 5. oktobar: dvadeset i četiri sata prevrata, Beograd, 2001.
2. *Ilić V.*, «Отпор» — više ili manje od politike, Beograd 2001.
3. *Maršal T.*, Igra senki, Beograd, 2002.
4. ОТПОР u nadležnosti policije, Beograd, 2001.
5. Информација о противзаконитим делатностима фашистичко-терористичке организације «Отпор», МУП РС Ресор јавне безбедности — Управа за аналитику, Београд, 2000.

Периодика

1. *Cevallos A.*, Whither the Bulldozer?: Nonviolent Revolution and the Transition to Democracy in Serbia, USIP Special Report No. 72, 06.08.2001.
2. *Cohen R.*, Who Really Brought Down Milosevic?, New York Times Magazine, November 26, 2000.
3. *Dobbs M.*, U.S. Advice Guided Milosevic Opposition. Political Consultants Helped Yugoslav Opposition Topple Authoritarian Leader // Washington Post Monday, December 11, 2000.
4. *Baler P.*, Tbilisi's 'Revolution of Roses' Mentored by Serbian Activists // Washington Post, November 25, 2003.
5. *Traynor I.*, US campaign behind the turmoil in Kiev // The Guardian, Friday, November 26, 2004.
6. *Милосављевић М.*, Жањичари глобализма. «Отпор» и извоз револуције // НИН, 2.12.2004.
7. Монитор, София, 28.08.2000.
8. *Павловић М.*, «Отпор» се не зауставља, Политика, 10.10.2000.
9. Говор председника СР Југославије Слободана Милошевића на промоцији потпоручника ВЈ, Политика, 01.10.2000.

Методическая и учебная литература по ненасильственному сопротивлению

1. *Ackerman P. Kruegler C.*, Strategic Nonviolent Conflict: The Dynamics of People Power in the Twentieth Century, Westport, 1993
2. *Ackerman P., DuVall J.* A Force More Powerful: A Century of Nonviolent Conflict?, New York, 2001.
3. *Ackerman P.*, Skills or Conditions: What Key Factors Shape the Success or Failure of Civil Resistance? // Presentation on the Conference on Civil Resistance and Power Politics St. Antony's College, Oxford, 15–18 March 2007.
4. *Helvey R.*, On Strategic Nonviolent Conflict: Thinking about the Fundamental, Boston, 2004.
5. *Nagler M.*, Is There No Other Way? The Search for a Nonviolent Future, Berkeley, 2001.
6. *Popovic Srdja, Milivojevic Andrej, Djinovic Slobodan*, Nonviolent struggle. 50 crucial points. A strategic approach to everyday tactics, Belgrade, 2006.

7. Schock S., *Unarmed Insurrections: People Power Movements in Nondemocracies*, Minneapolis, 2004.
8. Sharp G., *Waging Nonviolent Struggle: 20th Century Practice and 21st Century Potential*, Boston, 2005.
9. Sharp Gene, *The Politics of Nonviolent Action*, Boston, 1973.
10. Tarrow S., *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics*, Cambridge, 1998.
11. Zunes S., *Nonviolent Social Movements: A Geographical Perspective*, Malden, 1999.

Электронные носители информации

1. Сайты наследников «Отпора»:
  - <http://www.canvasopedia.org>
  - <http://www.otpor.com> (в настоящее время закрыт).
2. Сайты авторов тренажеров:
  - <http://www.aforcemorepowerful.org>
  - <http://www.yorkzim.com>.
3. Сайт Института Альберта Эйнштейна с богатой электронной библиотекой:
  - <http://www.aeinstein.org>.
4. Сайт «Пенн, Шон и Берланд»
  - <http://www.psbresearch.com>.
5. Другие сайты по теме:
  - <http://www.nonviolent-conflict.org>
  - <http://www.nonviolentpeaceforce.org>
6. Steve York, «Bringing Down a Dictator», York Zimmerman Inc., 2000. Документальный фильм о событиях 5 октября 2000 года в Белграде.
7. «A Force More Powerful», York Zimmerman Inc., 2006. Комплект для подготовки: компьютерная игра-тренажер; DVD с 3 часовым обучающим фильмом; книга-приложение (см. раздел «Учебная литература»).

Общая литература

1. Г.Л.Соболев. Тайна «немецкого золота» (Русская революция и «немецкое золото»). СПб, 2002.
2. Лоуренс Аравийский. Семь столпов мудрости. СПб., 2001.
3. Милошевић В. и др., Наоружање и опрема полиције и војске. Београд, 1998.
4. Department of the Army, Field Manual 3-05.30. Psychological Operations, 2005.
5. Department of the Army, Field Manual 33-1-1. Psychological Operations Techniques and Procedures, 1994.

Эдуард Полов
(Ростов-на-Дону)

5

УКРАИНСКИЕ НПО: ОТ «ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ» К ЭКСПОРТУ «ДЕМОКРАТИИ» В ПОСТСОВЕТСКИЕ СТРАНЫ

Российская Федерация вступила в переходный период. Состоялись выборы депутатов Государственной Думы, впереди выборы президента. Несмотря на объявление преемника, сохраняется элемент нестабильности. Не вызывает сомнений, что ситуацией неопределенности не преминут воспользоваться геополитические противники России, которые уже сегодня ведут активную кампанию по дискредитации правящей российской элиты и лично президента Путина, обвиняя последних в коррупции, авторитаризме, в попытках возродить в новой форме имперский статус России. Не подлежит также сомнению, что одним из важных инструментов давления на Россию выступит деятельность неправительственных и некоммерческих организаций в духе модной и доказавшей свою эффективность стратегии сетевых войн. Об угрозе национальной безопасности России со стороны подобного рода структур давно предупреждали ведущие отечественные эксперты.

В сентябре 2006 г. был обнародован распространенный в Государственной Думе Федерального собрания РФ закрытый доклад экспертов В. Фалина и Г. Евстафьева «О вероятном сценарии действий США в отношении России в 2006–2008 годах». Авторы доклада — бывший посол СССР в ФРГ Валентин Фалин (один из ведущих отечественных аналитиков в области внешней политики и внутриполитической борьбы во властных группировках) и бывший генерал СВР Геннадий Евстафьев, — фигуры достаточно известные, что предопределило тот широкий резонанс, вызванный появлением этого документа. Доклад написан, по замыслу авторов, с целью предупредить власти России об опасности, грозящей России со стороны США, которые готовят «тихую оранжевую революцию». Администрация Дж. Буша, по мнению авторов доклада, будет добиваться скрытой перегруппировки политических сил и элит России за счет международно-правовой изоляции руководства страны и с подключением к данному проекту ряда российских политических деятелей. Не собираясь пересказывать содержание этого хорошо известного и высокопрофессионального с точки зрения политической аналитики доклада, обратим внимание на одно из важных упущений его авторов.

В документе совершенно неоправданно оказался обойден высоко значимый в нынешних российских условиях украинский фактор. По мнению ряда украинских и российских экспертов, к которым принадлежит и автор настоящей статьи, украинские НПО и украинский опыт окажут (или потенциально способны оказать) серьезное влияние на возможный исход внутриполитической борьбы в РФ. Хотя на сегодняшний день и на ближайшую перспективу вероятность «цветной революции» в России представляется достаточно маловероятной, нельзя исключить дестабилизации социально-политической ситуации в стране. Мощный социальный и национальный протест может выплеснуться на улицы, и здесь сверхзначимую роль сыграют не выпестованные в бюрократических лабораториях безыдейные «Наши» или «Молодая гвардия», а имеющие богатый опыт уличных боев украинские сетевики. Тем более, если учесть, что предпосылки экспансии украинских НПО на сопредельные территории наблюдаются буквально с первых дней после победы «оранжевой революции» на Украине.

О роли финансируемых западными центрами неправительственных организаций (НПО) в проведении уличных протестов и подготовке государственных переворотов в Сербии, Грузии, на Украине, Венгрии известно достаточно много. Особый интерес в этом плане представляют украинские НПО, ставшие в свое время ведущей формой мобилизации сил переворота. Сыграв свою еще далеко не завершенную роль в Киеве, они готовятся в настоящее время к масштабным операциям за пределами Украины. Главными объектами их деятельности должны стать соседние Белоруссия и Россия, а также ряд других «авторитарных» государств на постсоветском пространстве (Азербайджан, Киргизия и др.). В свою очередь, украинские НПО прошли достаточно долгий путь подготовки, прежде чем стать «эталоном» для целого ряда других сетевых структур, участвующих в подготовке «бархатных» революций на бывшем советском и социалистическом пространствах.

«Оранжевая революция» на Украине, пик которой пришелся на октябрь-декабрь 2004 г. и завершившаяся победой команды В. Ющенко — Ю. Тимошенко, в значительной мере была подготовлена именно усилиями неправительственных организаций на Украине, действующих благодаря финансовой подпитке, политической и технологической поддержке ряда западных стран и, прежде всего, Соединенных Штатов Америки. О деятельности сетевых структур по осуществлению государственного переворота на Украине в 2004 г. будет сказано ниже. Гораздо менее известна подготовительная стадия этой разрушительной работы, которой необходимо уделить определенное внимание.

«Оранжевая революция» должна рассматриваться в более широких хронологических рамках, далеко выходящих за 2004 год. По сути, начальным этапом или стартом этой революции стали события конца 2000 — начала 2001 гг., связанные с реализацией комплексных и целенаправленных мероприятий по дискредитации действующего президента Украины Леонида Кучмы — кампания «Украина без Кучмы». В ходе этой кампании удалось объединить широкие протестные слои и разнохарактерные политические силы — от ультранационалистов до социалистов, коммунистов и анархистов, — а также мобилизовать достаточно многочисленных рядовых участников. Акция «Украина без Кучмы» стала первой генеральной репетицией «оранжевой революции», в ходе которой были отрежиссированы многие технологии управления уличными массами и психологического давления на власть. Одновременно ее проведение позволило создать образ мучеников и борцов за правое дело (учитывая крайне низкий уровень популярности президента Л. Кучмы) многим будущим лидерам или попутчикам «оранжевой революции» — Юлии Тимошенко (в 2001 г. — лидер партии «Батькивщина»), Александру Морозу и Юрию Луценко (лидеры Социалистической партии Украины), Андрею Шкилю (лидер военизированной организации УНСО) и др. На Запад активно ретранслировалась «картинка», незамысловатый сюжет которой сводился к простой, даже примитивной дилемме: «реакционный» Кучма — «прогрессивная» оппозиция. В то время будущий лидер украинской оппозиции Виктор Ющенко еще находился по другую сторону баррикад, поддерживал действующего президента (являясь председателем Кабмина) и осуждал действия «мятежников». За роль лидера всеукраинской оппозиции боролись сразу несколько политиков (Ю. Тимошенко, А. Мороз, лидер коммунистов Петр Симоненко), поэтому персонализация образа «светлых сил», противостоящих Кучме, произошла несколько позднее и была связана с отставкой В. Ющенко и переходом его в оппозиционный лагерь.

Как известно, акция закончилась победой легитимной, хотя и непопулярной, власти и сопровождалась арестом многих активистов и разгромом региональных структур некоторых оппозиционных организаций (так, сильный удар был нанесен

по УНСО, наиболее боеспособной на то время структуре радикального украинского национализма). Однако антикучмовские силы на Украине получили богатый опыт достаточно долгого и успешного противостояния власти. Главное же, украинская проблематика постепенно стала вызывать повышенное внимание со стороны Запада. То, что Украина в течение долгого времени (с начала 1990-х по середину 2000-х гг.) находилась на периферии внимания Запада, объясняет и относительно пророссийский курс президента Л. Кучмы (дрейфовавшего в сторону НАТО и ЕС, но слишком медленно и с постоянной оглядкой на Россию). Однако когда Запад и США решили первоочередные внешнеполитические задачи (организовали государственный путч в Югославии, сменив законного президента С. Милошевича на диссидента В. Коштуницу и свергнув режим С. Хусейна в Ираке), появилась возможность заняться реформативным постсоветского пространства. «Цветные революции» в Югославии и Грузии одновременно дали мощный внешнеполитический толчок, ослабив российские фланги, и послужили полигоном для отработки технологий захвата власти. Хорошо известный факт: в организации украинской революции был широко использован опыт предшествующих типовых кампаний, а сербский «Отпор» и грузинская «Кмара!» послужили типовым образцом для формирования аналогичной украинской структуры — гражданского движения «Пора!».

Следующим этапом подготовки «оранжевой революции» на Украине после относительного провала акции «Украина без Кучмы» стала кампания по выборам депутатов Верховной Рады 2002 г. Следует отметить, что до этого времени большинство политологов склонны были проводить параллели между российской и украинской внутриполитической ситуацией, акцентируя внимание на типологической близости общественно-политических систем двух стран. Попытка администрации Л. Кучмы создать успешный клон российского «Единства» в лице сформированного при участии российских политтехнологов блока «За Единую Украину!» («ЗаЕдУ!») не увенчалась успехом: первое место на выборах досталось оппозиционному блоку «Наша Украина», созданному «под Ющенко». Технологическую помощь деятельности оппозиционеров оказали западные (прежде всего, американские) государственные и неправительственные структуры и отдельные политики. В их числе можно назвать главу украинской миссии Агентства США по международному развитию (USAID) Кристофера Краули, впоследствии переведенного в Казахстан, где его появление вызвало дипломатический скандал и проверки со стороны налоговых и правоохранительных органов. В американском Конгрессе озвучивалась информация, что правительство США при посредничестве USAID предоставило миллионы долларов многочисленным украинским неправительственным организациям, что представляет собой откровенное вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Отдельно указывалось на то, что многие из этих грантополучателей на Украине являлись откровенными приверженцами кандидата Виктора Ющенко. Географически американская помощь распределялась, в основном, в Западном и Центральном регионах страны, где располагается основной массив электората «оранжевых» партий. Финансовую помощь получают и сетевые структуры, дислоцируемые на востоке и юге страны. Все вместе они являются частью общей мозаики сетевых организаций, спонсируемых западными (преимущественно американскими) фондами.

Соединенные Штаты в период политического доминирования неоконеров из администрации Дж. Буша-младшего (то есть с начала 2000-х гг.) стали проявлять повышенный интерес к происходящему на Украине. Не следует, однако, думать, что правительство республиканцев пошло на разрыв во внешнеполитической стратегии, осуществлявшейся в период правления демократов. Напротив, внешнеполитическая и геополитическая стратегия США вне зависимости от партийной принадлежности президентских администраций демонстрирует завидную последовательность и преемственность. Ниже будет показано, какую значимую и даже определяющую

роль сыграли в подготовке и организации «оранжевой революции» на Украине структуры и идеологи, традиционно считающиеся представителями Демократической партии (Зб. Бжезинский, Дж. Сорос, М. Олбрайт и др.). Следует уточнить, что **повышение интереса США к Украине вызвано не изменением стратегии, а изменением условий** (то есть решение первостепенных задач в Югославии и Ираке), что позволило активизировать усилия американской политики в этой стране.

Цель американской политики, проводимой республиканской администрацией Белого дома, сформулирована в начале 2004 г. Мадлен Олбрайт, госсекретарем США в администрации Б. Клинтона. Хорошо известно, что М. Олбрайт несет огромную долю ответственности за бомбардировки Югославии. В этом отношении важно проследить последовательность американской политики и в отношении Украины. В формулировке М. Олбрайт, «Соединенным Штатам не важно, кто именно станет президентом Украины, но нас крайне интересует вопрос о том, каким путем будет одержана эта победа». Поскольку арсенал средств, предлагаемый для суверенного государства, весьма специфичен, народу Украины фактически не оставляли альтернативы: его выбор был заранее предопределен. Администрацию США не устроила бы никакая иная победа, кроме победы «своего» кандидата.

Каким же путем предстояло осуществить эту победу и какая роль отводилась в американском сценарии неправительственным организациям?

В конце марта — начале апреля 2004 г. произошла резкая активизация предвыборной гонки на Украине. Хотя еще не началась регистрация кандидатов, обозначились два основных претендента на пост президента: В. Ющенко и В. Янукович. Последний, как известно, считался официальным кандидатом власти. Это позволило его оппоненту аккумулировать значительную часть протестного электората, в противном случае никогда не проголосовавшего бы за Ющенко.

В. Ющенко встретился в начале апреля с Дж. Соросом. К приезду американского миллиардера и политика, близкого к финансово-политическим кругам правящей Демократической партии, в Киеве в последних числах марта была организована и проведена многотысячная акция протеста (приблизительно 10–12 тыс. человек), спонсором которой выступил поддерживаемый Соросом международный фонд «Возрождение». Мероприятие проводили блок «Наша Украина» и Конгресс украинских националистов, политическая структура Организации украинских националистов (ОУН). Участники акции «Хватит обворовывать народ!» требовали вывести из «бюджетной тени» 10 млрд. гривен (1,88 млрд. долл.) и за счет этих средств увеличить на 30% пенсии, зарплаты учителей, врачей и ученых. Некоторые наблюдатели небезосновательно считают, что акция «Хватит обворовывать народ!» была показательным выступлением оппозиции для своего спонсора Джорджа Сороса, дабы он наглядно убедился, что не зря вкладывает деньги в дестабилизацию обстановки перед президентскими выборами на Украине. На средства фонда «Возрождение» 31 марта был проведен правозащитный форум «Права человека на выборах». В киевском форуме приняли участие около 120 представителей от 82 оппозиционных политических и общественных организаций из большинства областей Украины. Его организаторами являются Совет украинских правозащитных организаций, Соросовский фонд «Возрождение». На форуме Дж. Сорос сообщил, что «Возрождение» будет проводить опрос участников голосования на выходе у избирательных участков. Для этого запланировано привлечь многотысячных активистов к мониторингу хода избирательной кампании, тогда возможности «партии власти» по применению административного ресурса даже на «своих» территориях будут серьезно ограничены.

Намерения Дж. Сороса не составляли тайны для его политических противников на Украине. Именно с этим связывают инцидент, произошедший накануне открытия форума: активисты организации «Братство» облили Сороса майонезом, а

затем водой. В заявлении СМИ представители движения объяснили свой поступок вмешательством американского бизнесмена во внутренние дела Украины, стремлением произвести в ней революцию по югославскому и грузинскому сценариям. Сам Дж. Сорос связал деятельность «Братства» с администрацией президента Украины и лично Л. Кучмой. Впрочем, сам президент на состоявшейся 1 апреля встрече с американским гостем заявил, что нацелен на конструктивное сотрудничество с ним. На встрече были обсуждены перспективы украинского присутствия в евроатлантическом пространстве, иными словами, атлантистская (антироссийская) модель развития новой Украины. Фактически официальная украинская власть в лице президента Л. Кучмы заранее капитулировала перед американским представителем. Это дало повод уже в то время заподозрить Кучму в двойной игре, что предопределило исход президентских выборов на Украине.

Сорос отрицал собственную причастность к осуществлению революций, но ни для кого не секрет, что именно он стоит за организацией деятельности оппозиции в Югославии (движение «Отпор»), Белоруссии (БНФ, «Зубр»), Грузии («Кмара!»), Армении, Азербайджане, уже приведшими или долженствующими привести к смене политической власти. На Украине главным получателем соросовской помощи стала «Наша Украина» (НУ) В. Ющенко, как основная оппозиционная сила в республике. Этот блок объединяет националистов из Галиции и Центральной Украины (Конгресс украинских националистов, Всеукраинское объединение «Свобода» и др.) и ультралибералов. Определенную помощь получают и более радикальные националистические организации и даже левацкие структуры, включая группы анархо-коммунистов. Главным критерием отбора объектов финансирования является оппозиционная направленность и способность вывести на улицы определенное количество людей. Как отмечалось наблюдателями, «приезд Джорджа Сороса действительно может означать его причастность к деятельности и финансированию оппозиции. Ввиду ее кризиса координатор вынужден был лично прибыть в страну, чтобы оценить обстановку и направить все силы на приостановку прохождения конституционной реформы и параллельно обеспечение победы Виктора Ющенко на президентских выборах».

Активная работа велась и со средствами массовой информации. К началу 2004 г. подавляющее большинство телеканалов, большинство электронных и печатных СМИ находилось под контролем президентских структур. 17 февраля 2004 г. была прекращена трансляция популярных программ Радио «Свободная Европа»/Радио «Свобода» на украинском языке, которая велась в частотном диапазоне в сети радиостанций «Довира». По мнению американской стороны, «удар по Радио „Свободная Европа“/Радио „Свобода“ был нанесен потому, что эта радиостанция делала то, что боялись делать многие местные СМИ. Она рассказывала правду о правительстве Украины». Это дало повод М. Олбрайт, в начале марта посетившей Украину, сделать заявление, что «федеральные налоговые органы почему-то расследуют деятельность именно тех фирм, что поддерживают оппозиционных кандидатов. Правительственные организации, особенно группы, занимающиеся „просвещением“ и мобилизацией избирателей, подвергаются постоянному давлению». Отвечая на вопрос, что могут сделать Соединенные Штаты для поощрения демократии на Украине, экс-госсекретарь предложила следующий набор мер: «усилить поддержку независимых СМИ и гражданского общества, что потребует значительных финансовых расходов, а также помощи демократических государств-соседей Украины, которые смогут обеспечить объективные передачи СМИ и центры для подготовки людей, занимающихся мобилизацией избирателей и мониторингом».

В смене режима на Украине принимали участие Национальный демократический институт США, Международный республиканский институт Республиканской партии США, Информационное агентство США (ЮСИА), «Фридом Хаус» (Freedom

House), институт «Открытое общество» Джорджа Сороса. Финансирование «Поры» проводилось децентрализованно, через «Правэкс-банк» и «Вестерн-Юнион», деньги перечислялись Агентством США по международному развитию, Фондом Фридриха Эберта, Фондом Джорджа Сороса и другими организациями.

Любопытно, что на Украине Дж. Сорос, по некоторым данным, осуществлял финансирование не только либеральных (точнее, национал-либеральных, учитывая специфику Украины) организаций, но и известных своим антисемитизмом крайних украинских националистов, входивших в блок В. Ющенко «Наша Украина» (такие, как Конгресс украинских националистов). Еврейский капитал, представителем которого является Сорос, широко использовался крайне правыми (так на Украине определяют крайний спектр национализма; согласно же общемировой терминологии их следует определить как политическую силу, идеология которой представляет симбиоз левых и националистических идей) для разжигания на Украине не только русофобских, но и антисемитских настроений. Это противоречие — лишь видимое. Исторически украинский национализм густо замешан на зоологической русофобии и антисемитизме. Временами у бандеровцев и ненависть к полякам достигала уровня ненависти к «москалям» и «жидам». Это привело, в частности, к уничтожению в период Великой Отечественной войны части польского населения Вольни и Восточной Галиции (историки называют цифру от 100 до 200 и даже 300 тыс. мирных граждан польской национальности). Сегодня украинские националисты предпочитают не вспоминать об организованном ими холокосте польского народа, рассуждая вместо этого о «голодоморе».

Американские спонсоры «оранжевой революции» тщательно просчитывали все побочные эффекты украинского национализма. Они не без оснований полагали, что, только соединив русофобию и антисемитизм, можно будет мобилизовать оппозиционно настроенное в отношении режима Кучмы националистические слои общества на свержение действующей власти.

* * *

Накануне переворота сетевые структуры, поддерживающие оппозицию, прозывали все украинское общество. На Украине в 2004 г., как ранее в Югославии и Грузии, наглядно были продемонстрированы преимущества, которые дает использование неправительственных организаций в сравнении с «классическими» институтами демократического общества — политическими партиями. Гибкость, децентрализация, высокая степень мобильности, разнонаправленная деятельность, как правило, не ограничиваемая сугубо политической работой, — эти и другие особенности НПО как инструмента «сетевых войн» значительно затрудняют противодействие им со стороны правоохранительных органов и спецслужб.

Как резонно отмечал С. Марков, революции НПО «готовятся на виду у всех и проводятся не из единого центра, а сетью не управляющихся из единого центра, но единых в идеологии НПО... Можно сказать, что «оранжевая революция» была реализована украинскими филиалами международных сетей НПО». Новые технологии манипуляции общественным сознанием доказали свою эффективность в сравнении с традиционными мерами полицейского характера.

На Украине было налажено тесное взаимодействие местных НПО (называлось общее количество последних — около 900) с единомышленниками из стран победивших «цветных революций». Руководящие сотрудники «Поры» прошли стажировки и курсы молодежных политических активистов в Сербии и Грузии. Костяк молодежного движения — незарегистрированная группировка «Пора» (до 10 тыс. активистов, подчиненных строгой иерархии) — готовился к проведению массовых акций в тренировочных лагерях. На тренировочных семинарах и сборах, отрабатыва-

лась методика государственного переворота. Ряд сюжетов об этом на украинском и российском ТВ (сделанных вскользь и не получивших развития) вызвали большой скандал в разгар «оранжевой революции».

Организация «Пора» (позднее переросла в политическую партию ПРП-Пора, успешно провалившуюся на выборах в Верховную Раду 2006 года), безусловно, заслуживает особо пристального изучения. Она возникла в конце июля 2004 г. путем объединения 340 региональных и общегосударственных организаций, в основном из западных и центральных регионов страны. Ядром «Поры» был блок объединений либерального и национал-либерального толка — «Свобода выбора» во главе с Владиславом Каскивым. Руководители «Свободы выбора» к этому времени имели уже солидный опыт оппозиционной борьбы. Как отмечалось в специальной литературе, «Пора» взаимодействовала с такими крупными украинскими националистическими группировками, как УНА-УНСО и «Тризуб». «Тризуб имени С. Бандеры» на сегодняшний день является наиболее боеспособной военизированной организацией украинского национализма (в 90-е годы эту нишу прочно занимала УНА-УНСО). Последняя, напротив, переживает не лучшие времена, распавшись на три соперничающие между собой партии, каждая из которых, по мнению украинских источников, не превышает нескольких десятков членов. При этом лидеры «Поры» стремились обычно скрыть доминирование откровенных националистов внутри своей организации, чтобы раньше времени не отпугнуть колеблющуюся массу.

По словам одного из наблюдателей «оранжевой революции» на Украине, «работа неправительственных и некоммерческих организаций развертывается заранее, ведется мониторинг различных слоев общества. Фактически, это развернутые резидентуры разведслужб иностранных государств. Клиентура, как правило, — отечественная интеллигенция, которая, не находя работы внутри страны, готова служить хоть дьяволу, хоть врагам собственной страны. Они ведут сбор информации, поиск слабых мест системы власти, подсказывают, куда побольнее и эффективнее ударить. Они ведь страну знают изнутри. Они же ведут работу с чиновниками госаппарата для вербовки и подкупа ключевых чиновников, ведут работу с армией и полицией. Ведут работу с неопытной молодежью, вербуя и обучая на семинарах и курсах будущих организаторов толпы. Их расчет на то, что в детей силовые структуры стрелять не будут. Детей и молодежь они потом пустят впереди себя, когда пойдут на «мирный» захват правительственных учреждений. Именно контроль улицы несколькими тысячами проплаченных сторонников и есть решение вопроса о власти».

Примерная схема работы неправительственных организаций такова. На первом этапе в стране, где предполагается смена власти, под вполне благовидным предлогом (как правило, предлагается помощь в демократизации общества) разворачивается деятельность ряда координирующих структур, каждая из которых действует строго в своем секторе. Отдельно стоит отметить тех, кто делает информационный срез на территории, где предстоит организовать «революционную ситуацию». Им положено выполнить вполне конкретную задачу — узнать, изучить, проанализировать. Недаром, те фонды, которые были замечены в финансовых вливаниях в Грузию, Украину и Кыргызстан, щедро спонсировали аналитиков и экспертов, составляющих для США общую картину происходящего в этих странах.

Весьма интересный и малоизвестный аспект технологий «цветных революций» — роль религиозных организаций. Известно, что в руководстве «оранжевых» структур (особенно Блока Юлии Тимошенко) очень высок процент представителей неправославных конфессий. Речь идет как о греко-католиках (униатах), так и о представителях протестантских сект. В частности, отмечалось, что «встречи с избирателями» кандидата в президенты В. Ющенко организовывались по стандартам так называемых харизматических Церквей — пятидесятников и др. Ряд технологических приемов: целенаправленное доведение «паствы» до экзальтированного состоя-

ния, демонизация политических оппонентов, крайний примитивизм и поляризация в постановке проблем, нахождение «простых» ответов на сложные вопросы и др. — все это взято из арсенала американских протестантских проповедников. Следует признать, что эти методы доказали свою эффективность в православной стране, коей является Украина.

Важнейшая и даже решающая роль неправительственных организаций в «оранжевой революции» известна. Гораздо менее известна та роль, к которой готовятся украинские НПО, получившие боевое крещение в Киеве, в настоящее время. Речь идет об экспорте идей и технологий государственного переворота в сопредельные с Украиной страны, — прежде всего, в Белоруссию и Россию (в меньшей степени, в Азербайджан). Будучи сами учениками «старших» югославских и грузинских коллег, сегодня члены украинских НПО рассматривают себя как армию, несущую на своих штыках революцию «отсталым» народам. Их идеология представляет собой поразительный коктейль из либерализма, национализма и троцкизма с его идеями «перманентной революции».

Неправительственные организации как движущая сила «цветных революций» на территории бывшего СССР представляют собой широко разветвленную международную сеть глобального действия. Еще в разгар «оранжевой революции» на Украине в числе ее участников были замечены представители «дружественных» структур из стран СНГ — российские либералы, белорусские националисты, представители азербайджанской оппозиции (последние являют собой диковинную смесь националистов, западников и исламистов, одинаково недовольных властью клана Алиевых). Получив в свое время помощь от «коллег» в Грузии и Югославии, украинские «оранжевые» несут этот опыт дальше.

Создано азербайджанское отделение движения «Пора». Собственно украинская «Пора» обратилась с письмом-ультиматумом к президенту Азербайджана Ильхаму Алиеву, призвав его стать гарантом соблюдения демократических прав граждан Азербайджана и создать условия для деятельности азербайджанских оппозиционеров. «Готовы бесплатно предоставить необходимые консультации для развития демократии, так как она является необходимой ценностью для всех цивилизованных народов мира», — предлагают авторы письма.

Оставили след украинцы и в Белоруссии. Еще до «оранжевой революции» на Украине они приняли участие в акциях, направленных на свержение Александра Лукашенко. В Минске были даже созданы ячейки УНА-УНСО, — организации, принимавшей участие в этих акциях. «Белорусские оппозиционеры („Белый легион“, Белорусский народный фронт, Белорусская партия свободы и др.) предпочли „забыть“, что именно украинские националистические формирования (батальон СС под командованием Р. Шухевича) в годы Великой Отечественной войны принимали участие в борьбе с партизанским движением, в уничтожении Хатыни и других белорусских сел. Между тем о правопреемстве с украинскими коллаборационистами, Степаном Бандерой и тем же Шухевичем заявляют сегодняшние украинские националисты от КУН до УНА-УНСО».

Ни в Белоруссии, ни в Азербайджане легкого успеха украинским «оранжевым» сетевикам добиться не удалось. Власть в этих республиках усилила контрразведывательные мероприятия и перекрыла каналы финансирования и подготовки «цветных революций» у себя дома. К тому же, как показывает практика, сетевые организации эффективны в качестве тарана для свержения режима, но удерживать власть они не могут (пример украинской «Поры», проигравшей выборы в Верховную Раду в марте 2006 года, а в преддверии парламентских выборов-2007 переживающей раскол и клонирование, тому подтверждение).

Украинские НПО работают как «дворники», расчищающие территорию структурам, руководящие центры которых находятся за пределами постсоветс-

кого пространства. Сейчас главный удар этого тарана направлен против России. Ослабление тех же Белоруссии или Азербайджана для них желательно, но не является главным. Сверхзадача — водрузить знамя победившей «оранжевой революции» над Кремлем.

Мы привыкли считать, что на «большой шахматной доске» против России действуют американцы, союзные им англичане, турки, арабы-ваххабиты. В известном смысле, это так. Все они действительно присутствуют в общественно-политическом пространстве России, спонсируя даже научные учреждения, как, например, Институт этнологии и антропологии РАН, российские НПО, даже ваххабитские мечети. Психологически гораздо труднее свыкнуться с возможностью того, что основной удар по России может быть нанесен представителями народов, которых мы привыкли называть братскими. Конкретно — украинцами. После избрания президентом Украины В. Ющенко действительно резко активизировалась деятельность украинских сообществ в РФ. Этот факт еще слабо осознан в российском экспертном сообществе и органах государственной власти, что облегчает деятельность украинских НПО на территории нашей страны. К тому же следует учесть, что на территории РФ постоянно находится около 2 млн. трудовых мигрантов из Украины. Украина имеет теснейшие культурные, исторические, торгово-экономические связи с Россией. Все это также облегчает задачу беспрепятственного проникновения «оранжевых революционеров» на территорию России и организации опорных пунктов для массовых акций протеста против действующей власти.

Еще задолго до «оранжевой революции» в российской печати и в изданиях русских патриотических организаций на Украине появлялись публикации, в которых указывалось на существование в России влиятельного украинского лобби, имеющего разветвленную сеть и представленного во властных структурах (вплоть до правительства Москвы и правительства РФ), общественных организациях, СМИ. Сегодня эта сеть укрепляется. Наряду с традиционными формами лоббирования интересов посредством чиновничьих связей и коррупции на авансцену выходят НПО. Цели этих организаций, зачастую не афишируемых, идут вразрез с национальными интересами России. С поанной уверенностью можно говорить о руководстве действующими в России объединениями украинцев из единого координационного центра на Украине. Важную роль в осуществлении планов этой сети призваны сыграть приграничные с Украиной российские регионы, прежде всего, Ростовская область и Краснодарский край. Большое значение придается также западносибирским (Тюменская область) и дальневосточным регионам, где имеются значительные по численности украинские землячества. Так, по информации кольца патриотических ресурсов, один из самых активных деятелей Украинской Греко-Католической Церкви епископ Василь Медвид, заявил в интервью Львовской греко-католической газете «Вірую» о том, что «в Сибири проживают 10 млн. потенциальных греко-католиков». Деятельность подавляющего большинства украинских организаций в России отличается антирусским экстремизмом, подпитываемым и поощряемым украинским государством. Так, в «географическом атласе истории Украины» для 5-го класса средних школ «украинскими этническими территориями» объявлены Кубань, Дальний Восток и Омская область. А территориальные претензии на Кубань, часть Воронежской, Брянской областей включены практически во все учебники истории и картографическую продукцию, издаваемую на Украине. Наиболее последовательно эта политика осуществляется по отношению к Краснодарскому краю. Еще в 1990-е гг. был создан «Комитет по возвращению Кубани», курируемый, по некоторым сведениям, лично директором службы военной разведки Украины генералом Скипальским, который тесно контактировал с Дж. Дудаевым и участвовал в пересылке украинских боевиков в Чечню для ведения боевых действий против российских войск.

В течение сравнительно короткого периода времени учредительные собрания различных украинских общественно-культурных образований прошли на территории более чем 60 субъектов Российской Федерации. В их организационном оформлении приняли активнейшее участие представители государственных структур и националистических организаций Украины. 9–10 апреля 2005 года в Москве, в Культурном центре Украины на Арбате (ул. Арбат, д.9), прошел Конгресс объединения украинцев России и Федеральной национально-культурной автономии «Украинцы России». В его работе приняли участие видные представители Всемирного конгресса украинцев и руководства ОУН (Организации украинских националистов). Идеология этих организаций пропитана ничем не маскируемой русофобией. Их деятельность, направленная на культивирование украинского национализма, очевидным образом имеет целью экспорт «оранжевой революции» в Россию. **Захват власти в Киеве был лишь первым актом незавершенной «оранжевой революции». Второй акт ее лидеры и технологи планируют разыграть в России. В частности, в их планы входит приращение территории Украины за счет так называемой Казакки — Дона и Кубани.**

Попытки экспансии Украины на территорию России, особенно ее южных регионов наблюдаются уже в 1990-е гг. В тот период «наконечником копья» украинской экспансии служили националистические организации, прежде всего, наиболее боеспособная и активная на то время УНА-УНСО. Помимо Северного Кавказа (напомним, боевики УНСО принимали участие в первой чеченской кампании, сражаясь против российских войск) уже в начале-середине 90-х прослеживается тенденция распространения деятельности УНА-УНСО на приграничные с Украиной территории России. Для успеха работы в этом направлении националисты даже сменили внешнюю идеологию с агрессивной русофобии на идею панславизма — создания общеславянского государства со столицей в Киеве и борьбы против нынешней российской системы. Уже сейчас они смогли вовлечь в свою деятельность некоторую часть украинцев, проживающих в приграничных с Украиной областях России. И те под прессингом пропаганды УНА-УНСО начинают активно выступать за образование украинских культурных автономий на территории данных районов. Харьковское отделение УНСО организует работу в Белгороде, Воронеже, Курске; Луганское — в Ростове-на-Дону, Донецкое — в Краснодаре, Черниговское отделение — в Брянске.

Особенно активны экспансионистские устремления украинских сетевиков и националистических организаций на юге России — на территории Ростовской области и Краснодарского края. 22 января 2005 года состоялось организационное собрание представителей украинской диаспоры Ростовской области, на котором было объявлено о создании Союза украинцев Ростовской области (СУРО). Организация была создана под эгидой тогдашнего генерального консула Украины в Ростове-на-Дону П. Андриенко. В руководство организации вошли, в основном, граждане России украинского происхождения (главным образом, галичане, в том числе дети репрессированных за националистическую деятельность). Первым руководителем СУРО стал предприниматель, гражданин Украины Александр Большаков. Официально цели СУРО обозначены как возрождение и поддержка украинской культуры на Дону, декларируется отсутствие интереса к политической деятельности. Однако, активная деятельность СУРО и с П. Андриенко по награждению украинскими наградами деятелей культуры и искусства Ростовской области, исходя из единственного критерия — этнической принадлежности, есть не что иное, как попытка искусственной «украинизации» Дона, подавляющее большинство жителей которого являются носителями русского национального самосознания. В настоящее время СУРО переживает период раскола. Большинство руководителей организации не признают А. Большакова, обвиняя последнего в деятельности, противоречащей целям устава.

Отдельную группу неправительственных и некоммерческих организаций составляют структуры, специализирующиеся на работе с научными организациями и вузами. Одну из подобных структур представляет Американский совет научных сообществ (American Council of Learned Societies — ACLS), который реализует в Белоруссии, России и на Украине специальную программу поддержки гуманитарных исследований, предусматривающую гранты ученым этих стран, работающим «в трудных условиях». Программа финансируется Корпорацией Карнеги (Нью-Йорк). Всей работой Американского совета научных сообществ (АСНС) на белорусско-российско-украинском направлении руководит американец польского происхождения, директор международных программ АСНС Анджей Тымовский.

С 2001 года распоряжением правительства РФ за подписью М. Касьянова АСНС включен в перечень международных и иностранных организаций, гранты которых не подлежат налогообложению. Ежегодно с 1999 года в одном из городов, охватываемых программой «Беларусь — Россия — Украина», АСНС проводит свою региональную встречу. Стартовали эти встречи не в белорусском, российском или украинском городе (и даже не в Нью-Йорке, откуда поступают деньги), а в Варшаве. Далее география ежегодных встреч под эгидой АСНС захватывала Львов, Петербург, Киев, Минск, Москву (площадку для встречи предоставил РГГУ).

Курирующий программу Анджей Тымовский известен как ведущий автор крупного международного проекта АСНС **«Официальные и местные идентичности, формирующие современный мир»**. Проект был реализован в 2000–2003 гг. с участием американских, западноевропейских, тайваньских специалистов, и сейчас полученные результаты вводятся в работу АСНС по восточным славянам. 3 марта 2006 года, в Нью-Йорке состоялась конференция **«Российская идентичность в условиях модернизации»**, организованная Институтом Гарримана при Колумбийском университете; отобранные для участия в конференции 9 российских ученых были приглашены как в офис АСНС на Третьей авеню, так и на «смотрины» в святая святых американской внешней политики — Совет по иностранным делам.

Главная цель украинских организаций РФ — консолидация 5-миллионной украинской общины в России, повышение у ее представителей градуса «национальной свидомости», перенос «оранжевого» вируса на территорию Российской Федерации. Активность украинских НПО в России будет возрастать по мере приближения к рубежу очередного политического цикла в конце 2007 — начале 2008 гг. Пик активности придется на период кампании по выборам президента России. «Оранжевые» готовятся встретить и провести эти «свои» выборы президента России во всеоружии. Как отмечалось в одной из публикаций аналитического интернет-журнала «РП-монитор», наблюдение за выборами в Государственную Думу РФ готовился осуществлять украинский филиал «Польско-американской инициативы сотрудничества» (PAUCI), еще недавно финансируемой Freedom House, а сегодня перешедшей под крыло USAID, которая, напомним, являлась одним из ключевых акторов «оранжевой революции» на Украине и серии удавшихся и провалившихся «цветных революций» в СНГ. Среди учредителей PAUCI — один из главных архитекторов киевской «оранжевой революции» Адриан Каратницкий и заместитель главы фракции БЮТ в Верховной Раде, политолог Григорий Немыря, которого не без оснований считают подлинным автором статьи Юлии Тимошенко «Сдерживание России» в журнале Foreign Affairs. Получив от Госдепа подряд на мониторинг российских выборов, PAUCI проводит на территории Украины курсы обучения активистов российских НПО и НКО, которым преподаются технологии «выявления нарушений» избирательного законодательства. Предполагается, что созданные из числа таких «наблюдателей» мониторинговые сети станут базой для создания оппозиционных структур в РФ по украинским схемам 2001–2004 гг. По некоторым данным, в ситуации, когда в России законо-

дательно ужесточен контроль за финансированием НПО и НКО из-за рубежа, на ПАУСИ возложено создание нелегальных каналов передачи денежных средств через российско-украинскую границу. Передаточными звеньями этой системы могут стать дочерние организации украинских структур.

События на Украине, связанные с указом президента В. Ющенко о роспуске Верховной Рады от 2 апреля 2007 г. и последующим противостоянием правительства и парламента, с одной стороны, и президента, с другой, привели к роспуску Верховной Рады и досрочным парламентским выборам. По их итогам была сформирована правящая «оранжевая» коалиция и создано коалиционное правительство. Председателем украинского кабинета вновь была избрана Ю. Тимошенко, в деятельности которой на посту премьера уже сейчас прослеживаются элементы президентской избирательной кампании. «Оранжевая революция» фактически поменяла своего лидера. Вместо слабого и теряющего популярность В. Ющенко приходит волевая и харизматичная Ю. Тимошенко, которая в своем популизме и радикализме не остановится перед самыми агрессивными целями и методами.

Состоявшиеся выборы в украинский парламент, можно быть уверенным, не принесут политической стабильности на долгосрочный период. Вероятным развитием внутриукраинской ситуации станет экспорт «оранжевой революции» в Россию, который приведет к частичному переформатированию политической системы РФ. «Оранжевая» Украина, являя собой огромную зону нестабильности, активно поддерживаемая Западом, будет экспортировать «стратегическую нестабильность» (термин покойного А.С. Панарина) в Россию. В реализации этой задачи, по нашему мнению, заключается одна из главных причин антиконституционного переворота на Украине 2 апреля 2007 года.

Для США выгоден уход В. Путина и его команды, — смена ведущих фигур в правящем слое в условиях неустойчивой политической системы всегда обещает сползание к хаосу. Однако внутривнутриполитические позиции путинской команды сегодня достаточно прочны, а шансы на успешную организацию «оранжевой революции» в России, напротив, *пока еще* очень невысоки. Остается добиваться максимума уступок со стороны правящей российской элиты. И здесь украинский фактор (особенно в свете президентских выборов) оказывается одним из самых значимых, хотя эта значимость все еще недостаточно оценена правящей элитой РФ.

УКРАИНА СЕГОДНЯ: ВОЗМОЖНО ЛИ ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ «ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ?»

Время, прошедшее после президентских выборов 2004 года на Украине и событий, получивших название «оранжевой революции», пока еще недостаточно для выявления всех исторических последствий. Но уже сейчас можно и нужно обсуждать некоторые выводы и наблюдения, которые могут вызвать сомнения и споры, но необходимы для понимания политических процессов и на Украине, и на постсоветском пространстве.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ «ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ»: ПОКА ИСТОРИЯ ЕЩЕ НЕ СТАЛА ИСТОРИЕЙ

С момента политико-правового оформления победы «оранжевой революции» прошло несколько непродолжительных этапов политической жизни Украины: этап монополии «оранжевых» сил на политическую власть на Украине (конец 2004 года — начало 2005 года вплоть до начала избирательной кампании в Верховную Раду 2006 года), этап баланса основных политических сил (весна 2006 года — весна 2007 года) и, наконец, этап перехвата полномочий парламента, судебных органов и правительства Украины, совершенный президентом В. Ющенко (апрель 2007 года — настоящее время). Различение этапов, на мой взгляд, дает возможность увидеть главное в современном украинском политическом процессе: не просто перипетии политической борьбы, но и всех ее основных участников, — и обоснованно предположить наиболее вероятные перспективы развития политических процессов. Кризисы, сопровождавшие все три этапа, стали неотъемлемой частью украинской политической жизни.

Первый этап был характерен упрочением власти политиков «оранжевого блока», институционализацией власти его лидеров и разделом сфер влияния. Практически была произведена ускоренная реформа государственного управления в центре и на местах. В этот период серьезной «чистке» подвергся весь государственный аппарат, новая администрация так основательно занялась гонениями и преследованиями политических противников, что это явление стало предметом обсуждения европейских чиновников по правам человека. Безраздельное на западе политическое господство «оранжевых», однако, наталкивалось на негромкое и эффективное противодействие самодостаточных олигархов на востоке и юге страны и части олигархов в центре. На этом же этапе основная конкуренция складывалась между президентом и правительством (кабинетом министров), возглавляемом несравненным популистом Ю. Тимошенко, председательство которой запомнилось «крутым» регулированием цен и нормативов, пересмотром прав собственности, кризисом и развалом «оранжевого» блока. Забегая вперед отметим, что в рамках третьего этапа политическая конкуренция окончательно приобрела характер войны между идеологическими антиподами — Партией регионов (ПР) и «нашеукраинским» истеблишментом.

Постепенное ослабление технологически созданной с помощью «оранжевой революции» в 2004 году легитимности президента В. Ющенко привело к правлению меньшинства, к распрям в правящей «оранжевой коалиции», а это повлекло иные важные последствия для реального политического положения президента «не чувствующего страны». Уже итоги парламентских вы-

боров 2006 года зафиксировали кризис доверия избирателей президенту и новое соотношение основных политических сил. Это окончательно подорвало перспективы В. Ющенко на создание прочной поддержки со стороны всей или большей части украинской политической элиты и поддержки со стороны большинства политических партий. Многие помнят, что избранная Верховная Рада после парламентских выборов марта 2006 года никак не могла приступить к работе, шел торг ПР, социалистов и коммунистов с президентом, стремившимся привести результаты выборов к предпочтительному для него варианту соотношения персон, должностей и властных полномочий. Бесконечные маневры президента, переговоры и договоренности, клятвы на чернилах не привели к успеху, Верховная Рада начала активно действовать, осваивая властные полномочия, набирая реальное политическое влияние, а возможности президента и его легитимность стремительно уменьшались. Троянский конь политической реформы начатой в 2004 году, сокращение полномочий президента в силу новых положений Конституции, последовательность Партии регионов и ее союзников в освоении новых властных полномочий и институтов постепенно могли придать правлению Ющенко бессодержательный, символический характер. Хотя парламентская коалиция не приобрела «антипрезидентской» направленности, сам факт ее существования ставил под сомнение легитимность власти президента в прежнем объеме. Политическая самостоятельность БЮТ, утрата прежних позиций такими партиями как «Наша Украина», «Пора» свидетельствовали о том, что постепенно сужается сектор политических сил, на который опирался президент. Это становилось тенденцией. Надо было что-то предпринимать для спасения легитимности президентской власти. Нельзя забывать, что в недавних украинских событиях 2004 года решающее значение сыграли различные техники и технологии перехвата власти, в том числе — техника «внешней легитимации» (о ней ниже). Вероятно, этот же набор техник и технологий было решено использовать и в текущем кризисе. Настойчивое присутствие европейских и американских дипломатов в украинском политическом процессе, как только возникали кризисы, (например, 23 мая 2007 года ими инспектирована ЦИК, регулярно проводились иные встречи), тем не менее, не предотвратило отмеченных тенденций. Серьезные усилия западных деятелей в период президентских выборов 2004 года были нивелированы результатами парламентских выборов, а дальнейшая деятельность парламента в рамках второго из рассматриваемых этапов и характерный для него баланс политических сил привел к опасной границе делегитимации власти Ющенко.

Второй из рассматриваемых этапов концентрирует наше внимание на результатах выборов в Верховную Раду в марте 2006 года. Результаты выборов создали условия для возвращения на общеукраинскую сцену Партии регионов как политической силы, которая смогла не только сохранить свои позиции, но и при поддержке других партий (социалистов и коммунистов) постепенно восстановить и увеличить влияние. Попытка В. Ющенко сразу после выборов оформить рамки «дозволенного» для конкурентов (ПР с союзниками) известной политической конвенцией с историческим названием «Универсал национального единства» также не привели ни к стабильности отношений сторон, ни к уменьшению политической конкуренции, да и не сохранили саму конвенцию, что впрочем, органично политической жизни и нравам. «Универсал» сыграл историческую роль, им был зафиксирован некий динамический баланс политических сил на тот момент, но как конвенциональный документ он обладал незначительным нормативным и проектным потенциалом и, в конце концов, был забыт сторонами. Универсал был также попыткой редактирования измененной Конституции в идеологии стабилизации и закрепления властных функций за каждой из институциональных политических сил, хотя практическое значение «Универсала» явно состояло в обеспечении преобладания президентской компетенции. Легитимирующее значение этих событий для всей системы публичной власти труд-

но переоценить. Реальная власть В. Ющенко, «блока оранжевых» в некоторой степени была уравновешена активно действующим парламентом. Преследования политических конкурентов прекратились, наиболее экзотичные формы политической борьбы вышли из моды. Этот период был характерен действительной демократизацией общественной жизни.

Каждая из политических сил воспользовалась передышкой и стремилась нарастить кадровые, экономические, организационные ресурсы. Например, секретариат президента стал активнее проводить партийную работу, обновляя кадры и идеологию «Нашей Украины», не смущаясь мыслью о несоответствии такой практики демократическим стандартам политической жизни и, например, статье 37 Конституции Украины. Кабинет министров, сформированный на компромиссной основе, из представителей основных политических сил, придал на этом этапе стабильности политической ситуации. Персонально он формировался как на основе статей 114 и 115 Конституции Украины, предусматривающих право президента предложить парламенту кандидатуры премьер-министра, министров иностранных дел и обороны, так и на базе Универсала. Остальные посты в кабинете были замещены проверенными партийцами — сторонниками В. Януковича, Р. Ахметова, также в соответствии с «Универсалом» и политическими договоренностями между ПР и ее союзниками. Практически соотношение политических сил в кабинете министров соответствовало и Конституции и конвенциональным нормам. По другому — наглядно и сенсационно происходила в парламенте консолидация сил вокруг ПР. Депутаты — сторонники «оранжевого» блока постепенно выходили из него политически, сохраняя, впрочем, фракционные связи. Они присоединялись к коалиции с ПР и координировали с ней свою деятельность. От умеренного большинства ПР в парламенте, а именно ПР стала основой формирования парламентского большинства, эта партия становилась все более мощной силой, вполне освоившей парламент.

Примечательны результаты соцопроса проведенного в сентябре 2006 года Фондом общественное мнение (ФОМ) Украина. Доверие граждан к президенту В. Ющенко резко снизилось, недоверие президенту высказали в общей сложности 59,5% респондентов. Доверяли президенту 29,7% опрошенных, а затруднились ответить на вопрос — 11,3%. Работу президента с момента прихода к власти негативно оценили 29,9% опрошенных, крайне негативно (очень плохо) — 14,9%, удовлетворительно — 32,6%, хорошо — 12,9%. Напротив, доверие к В. Януковичу возросло в 2 раза. Премьер достиг показателя аналогичного опроса, проведенного в преддверии президентских выборов. Уровень доверия В. Януковичу, зафиксированный в результате опроса, составил 38,2%, его оппонента Ю. Тимошенко — 23,3%. В. Янукович стал единственным политиком, положительные отзывы о котором превалировали над отрицательными. Самый высокий уровень недоверия респонденты испытывали к Ю. Тимошенко — 32,6%. Соответственно к В. Януковичу негативно относились 19,9% опрошенных. Респондентам также задавался вопрос, за кого они бы проголосовали, если бы выборы президента Украины состоялись 20 августа 2006 года. За В. Януковича проголосовало бы 36,2% опрошенных, за В. Ющенко — 15,5%, за Ю. Тимошенко — 15,3%. Против всех проголосовали бы 5,9%, не участвовали бы в выборах — 6,4%¹.

Новое соотношение политических сил, утрачиваемая легитимность, очевидно, не устраивали президента и «оранжевый блок» вместе с Ю. Тимошенко и не только потому, что ставили под сомнение верховное положение В. Ющенко. Он оставался представителем одной из партий, находившейся в состоянии войны с другими партиями и не мог допустить даже тактического проигрыша.

¹ <http://www.regnum.ru/news/699320.html%2004.09.2006>.

Объективно основные политические силы, занятые борьбой, не сделали попытки выработать единую идеологию для всей страны, не добились формирования общегражданских и общеполитических ценностей, не стали пересматривать основные пункты антироссийских, «антинеосоветских» пропагандистских программ, использованных еще в 2004 году и отказались от разработки философии новой Украины на иных началах кроме отказа от прошлого, не стали модернизировать идеологию, основанную на зависимости от ЕС, борьбе с Россией и на неприязни общей исторической судьбы. К этому этапу относится, например, пропагандистская кампания «Голодомор на Украине», которая фактически возложила ответственность за сталинские репрессии на Россию, в формате предвыборных кампаний проводились другие общеукраинские политические акции, направленные против долговременных отношений с Россией (гонения против Черноморского флота), внятно звучал отказ президента от планов экономического сотрудничества с Россией, например, исключение из политической повестки дня ЕЭП и активизация участия в ГУАМ.

Вслед за В.Ющенко, Ю.Тимошенко и В.Януковичем политическая элита оказалась в противостоящих по линии фронта окопах, на брустверах которых написаны важнейшие лозунги дня, например, «В НАТО!» и «НЕТ НАТО!». В перебежчиков стреляли на поражение. Эта линия разделила и значительную часть избирателей, регионов Украины. Фиксирование внимания на идеологической разности не только политических сил, но и избирателей и углубленное обсуждение этой разности приобрело столь значительное влияние, что на этом этапе вполне востребованными оказались идеи федерализации Украины, особенности ее регионов, «навсегда разделенных» исторически и культурно. В такой ситуации президент выбрал путь обострения борьбы и посчитал возможным использовать явно неконституционные указы и меры, в том числе — издание указа о роспуске Верховной Рады. Собственно с этого времени начинается последний из анализируемых этапов, когда полномочия высших государственных органов Украины используются не в конституционных, а в политических целях и даже не для политической или партийной конкуренции, а в целях прекращения полномочий парламента, выборочного приостановления деятельности судебных инстанций, минимализации полномочий исполнительной власти. Инстанции рассматриваются как мишени для атак, как подлежащие уничтожению ДОТы и ДЗОТы противника, а не государственные институты. Поэтому я бы назвал этот этап прологом новой «оранжевой революции».

Основные политические события 2007 года и результаты внеочередных парламентских выборов хорошо известны, поэтому я рискну указать на наиболее важные, с моей точки зрения, итоги второго издания «оранжевой революции». Официальные результаты выборов, по которым регионалы получили большинство голосов, но заняли меньше мест в парламенте, чем у них было до этого, создали необходимые условия для перехода властных полномочий от прежних центров, концентрации их в руках президента, правительства и «оранжевой» парламентской коалиции. Динамический баланс политических сил был разрушен, новое соотношение властных полномочий и преобладание «оранжевых» политических сил ежедневно укрепляет новые политические тенденции и новые центры власти. Партию регионов поставили в положение политической силы, осмысливающей глубокий кризис, в рамках которого раскол и выход значимых фигур уже не кажутся самыми трагичными последствиями выборов. Сегодня определенно существует иной вызов: возможна ли эффективная политическая оппозиция действующему триумвирату, какая из политических сил может противостоять планам вступления Украины в НАТО, отгораживания от России, вплоть до торговой или холодной войны с ней, наконец, планам языковой и культурной изоляции Украины от России. Итог этих тенденций очевиден в самом недалеком будущем.

Мы имеем право предположить, что политические технологии окажутся решающими при проведении «консультативного», то есть неконституционного референдума о вступлении Украины в НАТО. Уже сейчас очевидно, что небольшой перевес голосов «за вступление в НАТО» вызовет настоящий политический кризис, который, возможно, станет прологом открытых столкновений и силового противостояния «оранжевых сил» и их противников. Вероятна географическая линия такого разлома — по Днепру с севера на юг. В свою очередь, внешние силы вмешаются в конфликт, результатом которого может стать такое же расчленение Украины, которое постигло Югославию, затем Сербию. Реальные акторы, наконец, лично выйдут на политическую сцену Украины, спасая мир и благополучие (безусловно, лучшей!) части украинцев, и сооружают необходимую оборону против агрессивного северного соседа. Прямое противостояние вооруженных сил НАТО и неНАТО по Днепру, собственно, и есть один из искомых результатов «оранжевой революции». Это создает новую и выгодную для США ситуацию в Восточной Европе. Сообщество новых членов НАТО вокруг России, таким образом, увеличится, значение России и Евросоюза снова несколько уменьшится, вплоть до того, что евро значительно ослабнет вместе с экономикой Европы.

Общественное мнение в России и на Украине зачастую приписывает нынешнюю полную политическую победу «оранжевым» силам. Так ли это на самом деле? На мой взгляд, важно посмотреть на недавние события с точки зрения реальных движущих сил, стремясь увидеть действительных организаторов «оранжевой революции».

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ НАВСЕГДА

Политическая жизнь Украины рассматриваемых этапов сохранила стиль избирательной кампании 2004 года — такой же высокий накал и публично-пропагандистское сопровождение любых акций — даже рутинных совещаний, брифингов и выступлений чиновников. Политическая борьба приобрела институциональный характер и окончательно перешагнула конституционные рамки. Действия президента Ющенко напоминают действия претендента на пост президента в предвыборной кампании, как если бы они были продиктованы девизами бескомпромиссной политической борьбы за власть: «все или ничего» и «победителя не судят». Средства и способы политической борьбы явно заимствованы из арсенала современных предвыборных кампаний и более уместны для перехвата власти, компрометации конкурентов, для целей агитации и пропаганды и промывки мозгов избирателей. Но этот момент (продолжение активной борьбы за власть со стороны В. Ющенко и его союзников), на мой взгляд, составляет существо украинского политического процесса сегодня. Отсюда понятны вполне определенно политические тенденции и цели властвующей элиты «оранжевого блока»: концентрация властных полномочий, отказ от разделения властей, отказ от парламентско-президентской формы правления и конституционной реформы в целом. Теперь в повестке дня создание новой Конституции, по явно неконституционной процедуре и игнорируя требования действующей Конституции. Можно не сомневаться, что новая Конституция будет обсуждена и принята минуя парламент, в компетенции которого находится изменение основного закона. Весьма вероятно, что новая Конституция поставит точку на перераспределении властных полномочий в пользу парламента и восстановит президентско-парламентскую форму правления.

Парламент также не остался без внимания, внеочередные выборы призваны способствовать его новой конфигурации, учреждению более удобной для «внешнего управления» бикамеральной структурой, сокращению числа парламентариев, возникновению института делегированных (неизбираемых) сенаторов и проч., что практически означало бы превращение его в русле новой политической тенденции стран СНГ в департамент действующей власти. Авторы управляемого кризиса в рам-

как третьего этапа явно полагают, что Конституция и законодательство Украины не станут препятствием для достижения этих целей и изданной серии неправомερных указов президента отменивших парламентские полномочия, а соображения о незаконном характере парламентского большинства и вольные интерпретации президентских полномочий стали обоснованием не соблюдать дух и букву Конституции.

УТРАТА РЕАЛЬНОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВЛАСТИ

Продолжительность и накал борьбы имели неожиданные последствия для власти президента.

Смею утверждать, что одно из следствий состоит в том, что **В. Ющенко не стал политическим лидером всей страны, не стал всеукраинским президентом.** Его легитимность ограничена кругом его сторонников — даже если в их числе послы империй, губернаторы, чиновники и спецслужбы. Легитимность требует выраженной поддержки большинства избирателей, а не большинства политиков. Обострение политической борьбы на последнем этапе было вызвано прямым участием президента в конфликте с явно деструктивными и противоправными инициативами. Сегодня он является одним из политиков, «одним из»... С его действиями и актами не согласны не только его политические оппоненты, но и значительная часть избирателей. Он остается лидером ищущей сторонников «Нашей Украины», одним из политиков с программой, похожей на другие программы, его деятельность направлена на исключение активности других политиков в том же масштабе. По данным одного из соцопросов (был опрошен 1981 респондент) проведенного 16–23 июня 2007 года во всех областях Украины, Автономной Республике Крым и городе Киеве, за лидера Партии регионов В. Януковича на президентских выборах проголосовали бы 29% населения, за действующего главу государства В. Ющенко — 17%, за лидера БЮТ Юлию Тимошенко — 14%. Опрос проводился Украинским институтом социальных исследований и центром «Социальный мониторинг»¹.

На мой взгляд, здесь уместна почти историческая аналогия. В ноябре 2004 года избранный во втором туре на пост президента Украины В. Янукович был принужден политическими авторитетами — Кучмой, Соланой, послами США и Великобритании на Украине, чиновниками ЕС, Квасьневским, к участию в «круглом столе» (подробно об этом ниже). Такой формат и участие в работе «круглого стола» В. Януковича мгновенно уравнило в политическом горизонте проигравшего президентские выборы В. Ющенко и В. Януковича, выигравшего их. Если цель организаторов «круглого стола» состояла в том, чтобы «обнулить» результаты выборов, то они ее вполне достигли. Без предварительных условий войдя в переговоры о результатах голосования, оба политика фактически согласились с непризнанием результатов выборов, исходящем от инициаторов обсуждений и на смену официальным итогам выборов в повестку дня явочным порядком были поставлены вопросы о преодолении этих итогов. Так ситуативно возникшее равенство двух политиков стремительно трансформировалось умелыми игроками за столом в их политическое равенство перед силой и влиянием, на основе неконституционных договоренностей превратившееся в юридическое равенство по отношению к суду, который был призван разрешить спор об итогах голосования и определить возможность повтора выборов.

Аналогия состоит в том, что В. Ющенко, поставил себя в положение политика, использующего верховные полномочия против политического противника В. Януковича чем, безусловно, ослабил свою харизму, утратил легитимность президента всей Украины. Он стал равен ситуации конфликта, выступил как одна из его сторон,

¹ <http://www.news.gala.net/>

употребляя всю силу, весь объем полномочий в этой борьбе и не соизмеряя свои действия и акты с Конституцией. В. Ющенко не столько применял конституционные властные полномочия, сколько властвовал так, как считал нужным, используя все полномочия, какие смог употребить. Ход политической борьбы с очевидностью демонстрировал: один из игроков на политической сцене, обладающий должностными преимуществами захватил инициативу, эффективно применяет все полномочия и средства, разворачивает технологически обеспеченный план прекращения начатой в 2004 году политической реформы и нетрудно предугадать, что предусматривается отказ от парламентско-президентской формы правления, перераспределение властных полномочий между государственными институтами в недалеком будущем.

В ПОИСКАХ НОВОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ

И все же, что стало причиной принятия явно неконституционных указов о прекращении полномочий Верховной Рады 5-го созыва? На мой взгляд, важнейшей причиной необходимо признать тот факт, что В. Ющенко, получивший полномочия президента из рук суда, а не в результате голосования, нуждался в масштабной и повседневной легитимации своего положения высшего должностного лица.

Политические силы, памятуя о том значении, которое сыграли высшие суды в президентских выборах-2004, обжаловали конституционность этих указов, положились на Конституционный Суд в надежде, что его полномочия по конституционному контролю и признаваемый всеми статус суда позволят опровергнуть весьма вольное понимание Конституции и не позволят легализовать неконституционные политические действия. Однако ряд отставок судей Конституционного Суда, травля спецслужбой судьи-докладчика сделали невозможным судебный вердикт и признание указа неконституционным. На мой взгляд, произошло это по причине приостановления деятельности Конституционного Суда. Логичным в этой цепи событий выглядит выступление В. Ющенко 23 мая 2007 года в форме обращения к народу с единственным тезисом о том, что Конституционный Суд утратил свою легитимность. Почти синхронно в ночном прайм-тайме 5 канала украинского телевидения «говорящая голова» БЮТ депутат Винский заявил, что КС превратился в политическую силу, используемую противниками президента в своих целях. Дальнейшая «зачистка» Конституционного Суда стала неизбежной, а значение любого из его вариантов решения (кроме решения о самороспуске) заранее объявлено политически ничтожным со ссылкой на «утрату легитимности», а потому было обречено на неисполнение. Появление серии указов о назначении внеочередных парламентских выборов, корректирующих друг друга в деталях, опубликование указов, фактически наращивающих полномочия президента приостановили действие Конституции, нормы которой заменили указы и воля президента.

Лишенная инициативы Верховная Рада заняла выжидательную позицию, позволив перевести центр событий в кулуарное пространство узких переговоров В. Ющенко, В. Януковича, А. Мороза и других, на которых в неопределенном статусе присутствовали американские и британские дипломаты. Возникли также «согласительные» инстанции в виде «антикризисных групп» переговорщиков. Все это почти мгновенно разрушило властные полномочия Верховной Рады и существенно уменьшило политическое влияние Партии регионов. Можно было констатировать практическое прекращение деятельности парламента.

Это позволило одной из сторон конфликта закрепить за собой фактически исключительные полномочия и совершать политические действия, подкрепляя их изданием общеобязательных указов, окончательно закрепить за собой инициативу выдвижения важных интерпретаций и смыслов, привлекать к ним внимание и, тем самым, заставлять слушать, смотреть и повиноваться.

ВЕРОЯТНО ЛИ «ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ „ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ“?»

Стоит, на мой взгляд, оглянуться назад, в недалекое прошлое 2004 года, чтобы увидеть некоторые важные причины повтора украинской «оранжевой революции». Приход к власти в 2004 году новой политической элиты сопровождался прямым вовлечением во внутривнутриполитические украинские процессы агентов европейских и трансатлантических институтов. Активно действовали официальные и авторитетные международные структуры, освоившие реальный статус надгосударственных инстанций влияния и власти — в нашем случае — бюро и миссии ОБСЕ, неправительственные и правозащитные организации.

Влияние и власть таких структур основывается не только на общепризнанных нормах международного публичного права, но и в фактически предъявленном национальным государствам стремлении влиять «в целях развития демократии», в действительности — в избранном направлении на политической элиты, на граждан через институты гражданского общества и средства массовой коммуникации.

Существует мнение, что полномасштабным суверенитетом обладают незначительное число стран (например, Россия, США, Китай). Украина, по мнению ряда специалистов не принадлежала и не принадлежит к их числу в силу реальной внешней сырьевой и экономической зависимости, в силу исторической традиции. Трудно не согласиться с этими утверждениями, вместе с тем, надо отметить следующее. Украина не принадлежит к клубу ядерных стран, не исповедует доктрину ядерного сдерживания и не ведет внутренних и внешних войн. Ее экономический потенциал велик, но внутренний экономический кризис, случись он, не станет причиной системного регионального или мирового кризиса. Во время второго срока президента Кучмы Украина пережила экономический рост, который обеспечил улучшение экономического положения населения. Политическая жизнь тогда отличалась активностью всего спектра политических сил, практикой формально и фактически свободных от цензуры СМИ, высоким уровнем политической толерантности. На Украине активно действовала система представителей международного сообщества — организации ООН, Европейского союза, а также большое число общественных, грантовых организаций, не поддающихся квалификации с обычной точки зрения неправительственных организаций (НПО).

В таких условиях государственному суверенитету как власти основанной на правовых и конституционных началах не угрожает внешнее стеснение или ограничение. Иное дело — самоограничение власти и суверенитета, которое может состояться под внешним политическим давлением. Украинскому обществу известны реальные исторические примеры создания вне Украины политических планов деятельности украинской оппозиции смысл которых — противопоставление легитимности властных институтов легальной власти.

Вот как описывает один из таких исторических примеров, его можно было бы назвать «механизмом влияния», В. Малинкович, бывший эмигрант и сотрудник «Радио Свобода»: план содействия правой оппозиции (на Украине — С.М.) разрабатывался и поддерживался в Америке. Не правительством США, а влиятельными людьми, включенными в такую примерно цепочку: «ястребы» в руководстве Демократической партии, в целом довольно либеральной, — влиятельная часть украинской и польской диаспоры в Америке — лобби демократов в Госдепе и спецслужбах — обычно поддерживающий эту же партию крупнейший профсоюз АФТ-КПП — тесно связанный с этим профсоюзом «Дом свободы» (Freedom House), организация, которая спонсирует проекты в поддержку демократии по всему миру». «Дом свободы» (Freedom House) и ряд других американских и европейских фондов финансировали на Украине главным образом те политологические, социологические и медийные проекты, которые преимущественно работали на Ющенко». «...Директор Института

политики, спонсируемого этими фондами, М. Томенко был главным организатором «оранжевых акций» на Майдане (теперь он экс-вице-премьер по гуманитарным вопросам), а президент Украинского центра экономических и политических исследований, также получавшего серьезные подпитки из-за рубежа, А. Гриценко руководил аналитическим штабом в команде Ющенко (теперь он министр обороны). ...Институт Гриценко был одним из двух центров, проводивших так называемый национальный экзит-полл. Гриценко первым, сразу после завершения второго тура объявил, что Ющенко победил с перевесом в 11%. Эта цифра никогда потом не была подтверждена (как потом не подтвердились и 15% преимуществ Ющенко в третьем туре, объявленные тем же Гриценко). Но именно эти 11% появились в виде... лозунга на Майдане уже вечером 21 ноября, когда реальные результаты еще никому не были известны¹.

Трудно найти юридические доказательства непосредственного и решающего влияния на государственный суверенитет как на легальную форму и содержание власти со стороны подобных структур, но все же, факт состоит в том, что в определенный момент запущенные ими механизмы влияния и исполнения разработанных планов сыграли ключевую роль в ослаблении суверенитета и перехвате власти.

По моим наблюдениям, действовали эти структуры на Украине легально, всегда заботились о своем официальном статусе и о юридическом оформлении действий, документов и контактов. Эти структуры обосновывали свою деятельность нормами международного права и нормами права международных организаций, ссылались на свои уставы и стандарты, в том числе — не имеющие силы международно-правовых норм. Международно-правовые институты прав и свобод человека, международно-правовые акты об организациях предоставляют возможности по оказанию эффективного давления на избирательный процесс, на политические элиты, на государственные органы власти. Эти структуры имеют возможность отстаивать свое легальное положение и деятельность и свою международную легитимность, которая возникает благодаря молчаливому или активному признанию авторитета их самих или их «материнских» организаций, например, Европейского союза, США, других стран. Практическое или фактическое допущение их участия или молчаливое признание правомерности их участия в политических и избирательных процессах принимающих государств также повышает возможности их влияния.

Деятельность этих структур в странах СНГ, например, в форме публичных заявлений и оценок, путем координации ими мировых СМИ, в особенности распространяемых интерпретаций, а также пропаганда норм и стандартов европейской политической жизни, финансирование политической оппозиции, финансирование законопроектной, исследовательской и иной гуманитарной деятельности принимающих государств, финансирование деятельности субъектов внутренней политической жизни — все это направлено на легитимирование как самих этих структур и их деятельности, так и, главным образом — легитимирование продукта их деятельности, в чем бы он не состоял.

Казалось бы — в чем проблема, пусть работают во благо гуманитарной сферы и гражданского общества, не нарушая законов принимающей страны. Существует, однако, отмеченная тенденция: деятельность этих организаций объективно ведет к сворачиванию суверенитета принимающего государства.

Неизменно деятельность этих структур в странах СНГ связана с властью, с оценкой ее легитимности, а события на Украине показали, что их деятельность может быть нацелена на легитимацию или на делегитимацию отдельных фигур и процессов. Такая деятельность, исходя из ее реальной цели, может быть названа вменен-

¹ *Малинкович В. О причинах оранжевой революции // Оранжевая революция. Украинская версия. М.: Издательство «Европа», 2005, с. 58–59.*

нием внешней легитимности, поскольку организация привносит во внутреннюю жизнь страны чужие образцы, нормы и стандарты. Например, исходя из европейских стандартов выборов европейская же НПО или международная организация, а также наблюдатели за выборами сравнивают увиденное в первую очередь не с законами Украины, а с европейскими стандартами, после чего следует безапелляционное заключение, основной смысл которого состоит в призыве: «следуйте нашим, то есть внешним образцам демократии, потому что они здесь в Европе аутентичные, а в вашей стране демократии нет и образцам взяться неоткуда». Признание арбитром или, хотя бы, консультантом для внутривнутриполитической жизни такого субъекта неизбежно приводит к утрате собственной легитимности.

Мои наблюдения позволяют говорить об имеющемся арсенале политтехнологических, организационных и медийных средств и о приемах их использования для привнесения этой внешней легитимности. Украинская практика «оранжевой революции» предъявила пример использования ресурсов международного права и признанных в Европе политических стандартов выборов. Содержательные источники используются и как средства, и как формы переноса образцов, и как проект новой, внешней легитимности. Для вменения внешней легитимации требуется сила, мощь, влияние, исходящие от агента легитимации, соразмерные суверенитету страны, власти и политика которой подвергаются воздействию. Также необходим авторитет международных организаций, союза государств, сверхдержавы. Деятельность, направленная на делегитимацию политических соперников, избранных фигур, институтов и процессов, в конечном счете, в такой ситуации может способствовать победе одной из сторон в борьбе за власть.

Вряд ли кто-нибудь после событий «оранжевой революции» рискнет утверждать, что эти структуры не служат целям легитимации фактического перехода власти.

Активное и осмысленное влияние на таком фоне осуществляют международные чиновники, главы и спикеры органов власти иностранных государств. Однако пока наше внимание приковано к негосударственным организациям или организациям, возникшим в качестве консультативных или исполнительных при международных организациях.

Основу таких структур составляют коллективы профессионалов и специалистов, объединенных для оказания влияния на сферы медийную, политическую, гуманитарную с помощью указанных средств. Ряд таких структур «засвечен» как инструмент финансирования и организационной поддержки «цветных революций» и влияния на избирателей, и как тесно работающих с разведками, внешнеполитическими ведомствами европейских стран и США.

Эти факты лишней раз доказывают возможность политической и профессиональной международной деятельности внешних центров влияния и власти в разных странах как *ad hoc*, так и проектно, а также вменение с их помощью внешней легитимности. По справедливому замечанию выдающегося немецкого политолога и юриста К. Шмитта «суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»¹. Эта дефиниция суверенитета является предельной, т.е. такой, которая отражает свободу не производной, а самостоятельной инстанции власти использовать полномочия в ситуации политического конфликта в интересах государственного целого. Обострение политической ситуации, выборы президента, как исключительный повод обсуждения вопросов власти, разворачивание процедур избирательного процесса как процесса перехода власти, актуализируют вопрос о субъекте власти и о государственном суверенитете, а значит — о самом суверенитете. Субъект суверенитета, по справедливому замечанию Шмитта для правовых государств и обществ с развитыми демократическими институтами, имеет монополию не на власть, не на

¹ Шмитт К. Политическая теология. М., 2000, с. 15.

принуждение, а на принятие решения. Эта монополия должна быть реализована в случаях, не терпящих отлагательства.

Необходимо добавить, что суверенная власть оформлена конституционным законодательством и ограничена правовыми принципами разделения властей, уважения прав и свобод человека, признанием соответствия властной деятельности генеральному вотуму доверия, полученному от народа по результатам выборов. В этом смысле суверенитет является правовым явлением, опирается на специальные законы о власти, ее организации и деятельности. Если принять за отправную точку эти суждения, то динамика развития событий в промежутках между вторым туром голосования по выборам президента Украины 21 ноября 2004 года и «повторным» голосованием второго тура 26 декабря 2004 года, явно указывала на критический дефицит и государственного суверенитета Украины и суверенитета власти.

22 ноября 2004 года, на следующий день после второго тура выборов, областные и муниципальные органы власти приняли решения, прямо противоречащие Конституции страны. Львовский городской Совет до официального объявления итогов выборов и до подведения их итогов единогласным решением признал В. Ющенко «законно избранным» президентом и выразил готовность исполнять его указы и распоряжения. Аналогичные решения в этот же день приняли Ивано-Франковский, Тернопольский, Винницкий горсоветы. 23 ноября 2004 года сторонники В. Ющенко блокировали здания администрации президента и кабинета министров. По счастью, призывы Ю. Тимошенко к митингующим в Киеве захватить здание администрации президента не возымели действия. А уже 23 ноября Ивано-Франковский, Львовский, Волынский областные Советы, горсоветы Хмельницкого, Ровно, ряда районных центров западного и центрального регионов Украины признали В. Ющенко законно избранным президентом. На этот момент Центральной избирательной комиссией Украины (ЦИК) технически было обработано 99 % бюллетеней для голосования, а итоги выборов все еще не были объявлены. Только на следующий день на заседании ЦИК Украины были объявлены официальные итоги голосования, согласно которым победил В. Янукович (49,46% голосов), В. Ющенко получил 46,1%.

Объявление итогов второго тура крайне обострило политическую ситуацию, привело к активизации представителей иностранных государств и их союза, и их вмешательству в политический процесс, усилило дефицит государственного суверенитета Украины настолько, что можно было констатировать его отсутствие в течение нескольких недель. Если уже и говорить о революции на Украине, то ее внешнее проявление состояло отнюдь не в оранжевой символике и стоянии на Майдане, а в утрате Украиной суверенитета, в активном вмешательстве иностранных государств в ее внутренние дела.

В соответствии с Конституцией Украины президент является гарантом государственного суверенитета, территориальной целостности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Отсутствие действенных шагов и мер со стороны президента для разрешения политического кризиса неизбежно привело к его углублению, превращению его в системный, т.е. такой, в котором действующая власть стремительно утрачивает легитимность, а законодательство перестает действовать.

Так проявилась связь суверенитета с легитимностью власти, иных субъектов политической жизни, некоторые иные примеры будут показаны ниже.

Критический дефицит суверенитета был настолько очевиден, что это отметила Верховная Рада Украины в своих постановлениях от 27 ноября и 1 декабря 2004 года. В них, в частности, обращаясь к местным органам исполнительной власти и органам местного самоуправления, Верховная Рада предложила пересмотреть, т.е. отменить решения, принятые в нарушение конституционного разделения властных полномочий между центром и местами. Вместе с тем, Верховная Рада объявила заранее вне закона «применение силы», в том числе любое, даже правомерное при-

нуждение к исполнению норм действующего законодательства. С таким решением субъекты политической жизни не могли не считаться, поскольку парламент на этот момент не утратил своей активной роли, по-прежнему оставался в центре событий, оставался и легально действующим и легитимным органом государственной власти. Заседания парламента неизменно оказывались в центре общественного внимания, а за счет присутствия всего спектра депутатов, и очной политической борьбы Верховная Рада не утратила своей роли парламента.

В ходе заседаний политическая элита и представители штабов всех рейтинговых кандидатов на пост президента имели возможность продолжать предвыборную борьбу прямо в сессионном зале, привлекая внимание избирателей, апеллируя к ним, критикуя конкурентов. Это предоставляло возможности для продолжения эффективной деятельности Верховной Рады, обеспечивало правомерность ее решений и принимаемых актов (часто по принципу «нарушая букву закона, но соблюдая дух закона»), легитимность ее фактического положения как одного из верховных органов публичной власти страны. Однако, даже такое положение парламента не компенсировало дефицита суверенитета. Оставаясь в рамках своей компетенции, парламента не присваивал полномочия высшего должностного лица страны — президента, тем самым оказываясь не в состоянии восполнить недостаток власти.

Верховная Рада не смогла стать инстанцией, в которой происходила бы легитимация, скорее она стала местом, подобно Майдану, в котором происходили отдельные акции (акты) внешней легитимации. Закон и регламент деятельности Верховной Рады позволяли народным депутатам ставить и обсуждать любые вопросы. Однако решения по ним, в силу того же регламента могли приниматься по специальной процедуре. Обратить на самих себя процедуру делигитимации никто из народных избранников, видимо, не пожелал.

В стенах Рады имел место примечательный эпизод, когда В. Ющенко в сессионном зале попытался в рамках заседания парламента произнести присягу президента «досрочно». Однако «ускоренной» процедуры присяги не получилось по причине закрытия заседания парламента. Отлаженный прием легитимации нелегального в данном случае не сработал.

Картина событий была бы не полной без упоминания о прямом вовлечении международных, государственных и общественных структур европейских стран, США и Канады в процесс углубляющегося кризиса украинского суверенитета.

Уже 20 ноября Совет национальной безопасности США анализировал на своем заседании ситуацию на Украине и принял решение, в случае фальсификаций второго тура ввести персональные санкции в отношении более чем 120 представителей украинской государственной и административной элиты. Для владельцев предприятий, продающих продукцию по всему миру и имеющих счета в зарубежных банках это заявление прозвучало весьма грозно. Вечером 21 ноября вице-спикер Европарламента Сариуш-Вольски, находясь в предвыборном штабе В. Ющенко, заявил, что в случае недемократичности выборов на Украине Европарламент может применить к ней те же санкции, что и к Белоруссии. Даже неспециалисты вспомнили термин «страна-изгой» и печальный ряд таких стран — Северная Корея, Куба, Беларусь, их исключенность из международного общения. Эти заявления, как и предшествующие, имели воздействие на внутреннюю жизнь на Украине.

22 ноября специальный представитель президента США на выборах на Украине сенатор Лугар заявил, что в ходе голосования при содействии власти были допущены фальсификации. Он предложил избегать насилия и сказал, что «все еще существует возможность для президента Кучмы овладеть ситуацией и осуществить такие меры, которые все-таки дали бы смелому народу этой страны ощущение победы». Ночью этого же дня заместитель официального представителя госдепартамента США Эрели заявил о глубокой озабоченности в связи с президентскими выборами

и не исключил введения санкций против нее. 24 ноября 2004 года госсекретарь США Пауэлл заявил, что США считают президентские выборы на Украине «незаконными». Он предупредил, что если официальные итоги выборов не будут пересмотрены, это приведет к серьезным «последствиям» в американско-украинских отношениях. В этот же день председатель Еврокомиссии Баррозо предупредил украинские власти об экономических последствиях нарушения принципов честных выборов и «потребовал пересмотра результатов второго тура. Практически одновременно канцлер ФРГ Шредер в бундестаге осудил «массовые нарушения» во время украинских выборов. А министр иностранных дел Великобритании Стро призвал украинские власти к честному подсчету результатов выборов.

Значение всех отмеченных фактов состояло в том, что Запад громко заявил о непризнании итогов голосования, о нежелании видеть кого-либо президентом Украины, кроме В. Ющенко. Однако, чтобы итоги выборов можно было бы дезавуировать, необходимо было создать условия для правомерной, то есть легальной и легитимной отмены итогов голосования, а также легитимные и легальные основания проведения нового тура голосования.

Логичным и последовательным (хотя и несколько поспешным) в этом направлении выглядел прозвучавшее 23 ноября 2004 года предложение Л. Кучме президента Польши Квасьневского об организации при участии международных посредников переговоров между Ющенко и Януковичем «для урегулирования кризиса». Поспешным потому, что официально объявление итогов голосования, состоялось вечером 24 ноября, однако имплементация итогов голосования, согласно закону, осуществляется посредством опубликования итоговых протоколов ЦИК в прессе. С этой публикацией закон связывал и вступление в полномочия избранного кандидата.

По приглашению Ющенко 25 ноября в Киев приехал экс-президент Польши Л. Валенса, который, уже находясь в Киеве, узнал, что он назначен уполномоченным от ОБСЕ для переговоров между Л. Кучмой, В. Ющенко и В. Януковичем. Одним из важнейших результатов этих встреч стало вступление международных посредников в политический процесс на Украине и активное их участие в фактическом приостановлении избирательного процесса. Только очень наивный человек мог ожидать имплементации установленных ЦИК итогов голосования в ситуации начавшегося переговорного процесса между Л. Кучмой, принявшим 25 ноября предложение президента Литвы Адамкуса «содействовать» урегулированию ситуации на Украине, и международными посредниками. Де-факто законная имплементация итогов голосования была отложена. В тот же день Верховный суд Украины по жалобе Ющенко специальным определением запретил ЦИКу публиковать итоги голосования. Это окончательно изменило политическую ситуацию и дало возможность прибывшим 26 ноября в Киев верховному представителю ЕС по внешней политике Солане, генеральному секретарю ОБСЕ Кубишу, президентам Квасьневскому и Адамкусу запустить процедуру переговоров «всех между всеми» — Кучмы, Литвина, Януковича, Ющенко, Грызлова с другими. Формат встреч назвали достаточно определенно — «круглый стол». Тем самым его создатели стремились подчеркнуть внеинституциональный, небюрократический характер новой инстанции. Однако эта внеинституциональность не означала антиинституциональности «круглого стола», напротив, противопоставив деятельность международных посредников и их активное взаимодействие с Кучмой, Януковичем и Ющенко, «круглый стол» стал ответом на бездеятельность президента Украины в ситуации острого кризиса.

Стороннему наблюдателю «круглый стол» мог показаться неким общественным форумом, объединившим авторитетных представителей самых разных государств — соседей Украины по континенту и планете Земля. Они высказывали свою озабоченность кризисом в стране, предлагали ценное в такой ситуации: услуги по посредничеству между конфликтующими сторонами, налаживание переговорного

процесса, предотвращение открытых форм борьбы. Могли ли оказаться в качестве третейских судей представители этих стран, способные вмешаться в нее с самыми благородными целями? Только тогда, когда их призывали к роли третейских судей, в остальных случаях речь может идти о вмешательстве и навязывании своей воли. Третейский суд должен был показать свою независимость и равное отношение к обеим сторонам конфликта, если конфликт был между ними. Очевидно, что конфликт сложился не только между ними, а на более высоком уровне и круглый стол в таком составе не имел реальной возможности выступать в роли посредника в конфликте, где он был скорее стороной.

Если попытаться взглянуть на происходящее с точки зрения соотношения легального и легитимного, внимание неизбежно привлекает стремление инициаторов круглого стола создать легитимную, пусть и не предусмотренную законом инстанцию власти и влияния на Украине. На мой взгляд, это удалось в полной мере. Динамика соотношения легального (правовой сферы) и легитимного отчетливо продемонстрировала зависимость: подобно тому, как сон разума рождает чудовища, дефицит государственного суверенитета порождает новые надгосударственные властные центры и инстанции, эффективно действующие несмотря на их формальную нелегальность и не соответствие действующему украинскому законодательству. Создателям таких центров и инстанций оставалось, пожалуй, позаботиться об обеспечении легитимности, что собственно, и происходило.

Нелегальность «круглого стола» как инстанции в значительной степени компенсировалась активным легитимированием самой себя. Здесь и сейчас легитимирование может быть охарактеризовано как деятельность круглого стола по позиционированию себя инстанцией, способной действовать властно, то есть эффективно в критической ситуации. Ей удалось навязать свою волю, проекты и решения другим участникам политического процесса, и тем самым, обеспечить, пусть на время, свое командное положение в кризисе, который действительно угрожал открытым конфликтом с конституционными властями. Перехват власти, властного влияния и возможностей осуществлялся членами «круглого стола» для победы Ющенко. Его положение в период с 21 ноября до 9 декабря 2004 года не позволяло объявить себя избранным президентом, однако он попытался себя объявить президентом. Например, на тридцать девятом заседании Верховной Рады 26 ноября 2004 года старейший депутат «торжественно перед Богом всевышнем и перед народом Украины» провозгласил, что «на основе истинного волеизъявления народа В. Ющенко избран президентом Украины» и предложил ему на Библии Острожской принять присягу. Заседание парламента к этому моменту было объявлено закрытым, однако Ющенко произнес присягу в присутствии депутатов и прессы. Юридически этот поступок Ющенко может быть расценен как попытка уголовно наказуемого деяния, достаточная для возбуждения уголовного преследования. Такой поворот событий, очевидно, не устраивал «международных посредников», стремившихся легитимировать Ющенко в русле и с помощью политических и юридических процедур. Очевидно поэтому история с «самопровозглашением» не получила развития, широкого освещения в мировой прессе. Фактическое лидирующее положение посредников обеспечивалось авторитетом международных инстанций, потребностью в разрешении кризиса, проблемами в украинском законодательстве, неудовлетворенностью уровнем политической деятельности Л. Кучмы. Реальная возможность массовых и «спонтанных» выступлений в Киеве и западной части Украины, раскол страны, в сочетании с пассивностью Кучмы и правоохранительных органов создали эсхатологический контекст. Апеллирование к ценности ненасильственных действий в этот момент и позже означали отказ президента применять закон и принуждение и легитимацию процесса перехвата власти у Кучмы.

Понятно, что необходимым условием для формирования такой ситуации становится дефицит государственного суверенитета, как власти легальной и легитим-

ной. Легитимирование новой персоны в качестве обладающей реальной властью происходило в процессе перехватывания политической инициативы, предъявления значимых предложений и решений, с которыми остальным участникам оставалось соглашаться или примириться. Альтернативой согласию перехода власти были борьба и отказ начинаться. Как отмечают независимые исследователи, и Л. Кучма, и В. Янукович, другие участники круглого стола были ознакомлены с иной альтернативой — развал Украины, хаос, гражданский конфликт, вероятная война. Наиболее подходящее слово для этого действия — шантаж, который, впрочем, сработал и в тот момент, и исправно срабатывал позже¹.

Уже после первого заседания «круглого стола» 26 ноября В. Ющенко заявил, что предметом переговоров «оппозиции», т.е. штурмующих власть с Януковичем и Кучмой может быть только повторное голосование в рамках еще одного тура («повторное голосование второго тура»). Заявления Соланы, Квасьневского, Адамкуса как участников «круглого стола» в основном сводились к признанию позитивности и значимости переговоров и надеждам на «разрешение конфликта», путем поиска некоего нового решения. Акты ЦИК от 24 ноября, таким образом, утратили свою легитимность, а приостановление их действия Верховным Судом создавало многозначительный контекст новой перспективы для итогов выборов, то есть их возможного пересмотра. Для судебной процедуры необходимо было найти повод. В частности, контекст состоял в том, что «оппозиционные» СМИ предприняли атаку на руководство ЦИК и обнародовали тексты перехваченных телефонных переговоров, из которых следовало, что руководитель администрации президента, вице-премьер и представители избирательного штаба Януковича могут быть причастны к воздействию на ЦИК, на каналы связи и на информационную базу данных о выборах.

Информационная атака удалась, значение решений и действий ЦИК Украины по проведению второго тура выборов политически и юридически девальвировалось, Комиссия как орган государственного управления катастрофически теряла легитимность. Напротив, значение заявлений «круглого стола» возросло.

Заявления Соланы, Квасьневского и других решали важную задачу легитимирования посредников путем учреждения пусть и временной институции, практическая власть и влияние которой состояла в том, что она принимает решения, создает практику политически внепроцедурного и внеправового действия (не предусмотренного законом варианта развития событий). Неважно, что некоторые решения «круглого стола» игнорировались, например, блокада администрации президента и кабинета министров так и не была снята отрядами штурмующих власть. Важно, что «круглый стол» позволил превратить политическую позицию внешних акторов и их непринятие и несогласие с результатами второго тура выборов в факт внутривнутриполитической жизни Украины, а немногим позже — в содержание действий по легитимированию «повторного голосования» второго тура 26 декабря 2004 года.

Участники «круглого стола» посчитали возможным не заметить легальную нелепость ситуации» обсуждения шли вокруг ультиматума В. Ющенко о срочной организации и проведении нового голосования в рамках все еще не завершенного избирательного процесса. Несуразица состояла в том, что, согласно действующим законам Украины, никто не имел правовой возможности назначить повторное голосование второго тура выборов президента. На этот момент такой юридической формулы просто не существовало.

Практически это означало непризнание итогов голосования 21 ноября, а также создавало ситуацию юридической неопределенности, т.к. подобный сценарий вмешательства посредников в избирательный процесс по понятным причинам вов-

¹ Куликов Д., Сергеев Т. Профиль, № 22/11, июнь 2007, с. 36.

се не предусматривался действующим законодательством. «Правовой пробел» компенсировался активной осмысленной политической деятельностью международных посредников, как они себя называли. Ими были предприняты все возможные на тот момент меры по легитимации своего положения: выдвинутые инициативы нашли поддержку носителя суверенной власти — президента Кучмы, председателя Верховной Рады и главных конкурентов избирательной кампании, уштурмующих власть, т.е. у наиболее активной части населения на тот момент.

Вряд ли кто-то всерьез будет обсуждать ход переговоров между Ющенко и Януковичем, поскольку их в собственном смысле слова не было. Также мало кто обратил внимание на юридически нелепое, но политически обеспеченное отношение «посредников» к требованию В. Ющенко провести новое голосование — оно было расценено как справедливое и обоснованное, хотя и обставленное позже ссылками на необходимость решения Верховного Суда Украины. Заседания «круглого стола» проходили в равном присутствии избранного президентом Януковича (де-юре) и не согласного с этим Ющенко, что фактически их уравнивало в статусе. Такой формат возвышал Ющенко и посредников, демонстрировавших готовность участия в переговорах и, безусловно, лишал легитимности легальный факт избрания Януковича. Активность международных посредников и заседания «круглого стола» стали явлениями политическими, с результатами «круглого стола» связывали свои надежды, по меньшей мере, трое из пяти участвующих сторон.

Присутствие на заседаниях «круглого стола» действующего президента Кучмы, международных европейских посредников стало заметным и результативным. Вечером 1 декабря по итогам второго заседания «круглого стола» резюме выглядело следующим образом: в основу разрешения конфликта будет положено решение Верховного Суда; политическая реформа будет инициирована согласно имеющемуся в Верховной Раде совместному законопроекту о конституционной реформе, внесенному правой и левой оппозицией и известному под названием «проект №3702-1». Вместе с этим законопроект в парламент, согласно резюме, будет внесен законопроект о порядке голосования чудесным образом назначенного нового дня голосования. Этот момент раскрывает еще одну грань происходящего: Верховному Суду только предстояло рассмотреть жалобу Ющенко о нарушениях в день голосования 21 ноября, а «круглый стол» как «генератор легитимности» уже принял решение об основах и порядке улаживания конфликта, и решению суда отводилось хотя и почетное, но второстепенное место юриду-технического обеспечения намеченной процедуры перехода президентской власти к Ющенко. Резюме, как решение «круглого стола» получило политическое признание со стороны всех значимых участников избирательного и политического процессов. «Выигрыш» Кучмы состоял в том, что с помощью «круглого стола» было преодолено противодействие Совета Европы политической реформе. Широко известна деятельность г-жи Северинсен, от имени ПАСЕ осуществлявшей контроль исполнения обязательств Украины перед Европейским союзом, которая лыгалась повлиять на то, чтобы законопроект о политической реформе не был принят Верховной Радой.

В этой новой политической ситуации все отряды уштурмующих власть — организованная парламентская оппозиция, В. Ющенко и его ближайшие соратники, политики и часть правящей элиты, примкнувшие к нему, активисты и избиратели — сторонники В. Ющенко получили шанс на эффектный выигрыш благодаря сочетанию дефицита суверенитета и настойчивой деятельности агентов внешней легитимации, которая стала всем: мерилом событий, регулятором деятельности многочисленных участников событий, основанием для оценок и источником интерпретаций. Фигуры политиков, присутствующих в конфликтном процессе стали символическими, каждый из них способен вымолвить только то, что задано внешней легитимностью. Западные, в том числе, польские политики твердили о необходимости отмены итогов

голосования, их дружный хор никто не в состоянии был перекричать, в том числе — российские политики. Боюсь, что даже личный визит В. Путина (если бы он на него решился) не смог бы повлиять на ситуацию ни на йоту. Главы государств, международные чиновники, международные наблюдатели и даже главы дипломатических миссий не остались в стороне, неустанно твердили с экранов, страниц газет о нелегитимности решений ЦИК об итогах голосования.

К началу рассмотрения жалобы В. Ющенко в Верховном Суде ситуацию можно было бы охарактеризовать таким образом: легально избранный Янукович не имел необходимой легитимности, а юридически проигравший выборы В. Ющенко наращивал свою легитимность с помощью усилий ЕС, США, иных стран и действий иных отрядов, штурмующих власть. Эта ситуация стала кризисной и конечной для соотношения легального и легитимного и разрешилась с помощью широко известного вердикта Верховного Суда, вручившего полномочия президента Виктору Ющенко.

Вернемся, однако, в наши дни. Некоторые события на Украине поразительно напоминают деятельность «круглого стола», хотя и вынесенного за пределы Украины. Все главные действующие лица «оранжевого блока» — президент В. Ющенко, лидер БЮТ Ю. Тимошенко, «оппозиционер» Ю. Луценко, новый менеджер «Нашей Украины» В. Кириленко незадолго до публикации президентских указов о роспуске парламента провели интенсивные встречи и переговоры. С кем? В конце февраля 2007 года Ю.Тимошенко в ходе визита в США приглашена на беседу с высокопоставленными чиновниками американской администрации, такими, как вице-президент Д. Чейни, госсекретарь К. Райс, сенаторы, с координатором и идеологом НПО М. Олбрайт. По возвращении из США Ю. Тимошенко озвучила идею досрочных выборов парламента, а уже потом, видимо, взялась за дело. В конце марта часть членов ЦИК Украины гостит в США, его главу вновь принимает Д. Чейни. 30 марта 2007 года посол США проводит совещание, в котором приняли участие В. Ющенко, Ю. Тимошенко В. Кириленко, Ю. Луценко. А уже 2 апреля 2007 года был опубликован первый из длинной серии президентских актов — Указ о роспуске Верховной Рады. Нет оснований не соглашаться с независимыми исследователями, считающими эти события подтверждающими вывод о запуске нового издания «оранжевой революции»¹.

Последовавшие события не опровергают этот вывод. Коротко укажем лишь на важнейшие из них. Деятельность В. Ющенко по изданию многочисленных указов, — пока их 7, — направлена на лишение политических противников ресурсов, способных повлиять на итоги голосования. Попутно президент осуществил ряд кадровых перестановок и переподчинил некоторые силовые структуры. Кабинет министров столкнулся с необходимостью учитывать занятость губернаторов, исполняющих указания президента, Верховная Рада перестала исполнять функции высшего органа представительной власти. Многие политики нашли себя в фактически начавшейся предвыборной кампании, оставив свои бессодержательные должностные полномочия. Некоторые государственные органы перестали функционировать нормально — Генеральная прокуратура, Конституционный Суд, до недавнего времени — ЦИК, столкнувшись с необходимостью бороться за свое существование.

Власть неуклонно концентрируется в руках В. Ющенко и не видно никаких препятствий этой тенденции. И если уж соглашаться с выводом о новом издании «оранжевой революции» на Украине, то надо смело предположить, что рано или поздно появится жупел расчленения страны и международные авторитеты, шантажирующие всех и любого, противостоящего отмене политической реформы, выступающего за сохранение парламента-президентской формы правления. Такие действия, очевидно, станут прологом для установления новой власти и государственной идеологии, возводящей в ранг ценностей и общенациональных задач анти-

¹ Куликов Д., Сергейцев Т. Ук. соч.

российскую миссию как историческую миссию Украины. Объявленная Ю. Тимошенко в США программа борьбы против России вполне сгодится для того, чтобы стать ее предвыборной программой на президентских выборах. Они уже не за горами.

«Оранжевая революция» 2004 года, как может показаться, вполне удалась, но с важной оговоркой: ее целью вовсе не была демократизация украинского общества или, скажем, укрепление конституционного строя, или проведение политической реформы, предполагающей разделение властей и иные институты, предотвращающие узурпацию власти.

Это не была социальная революция, захватывающая массы людей, движение которых свергает существующий строй и приводит к власти новых лидеров. «Оранжевая революция» — технологический политический проект и его истинной целью были институционализация новой политической силы, конституирование новой политической элиты, определение новых геополитических целей и новых стратегических партнеров Украины. Решающее значение для этого проекта имели западные акторы, международные организации, иные весьма специфичные субъекты.

Очевидно, что Украина призвана под ружье как активный член антироссийско-го содружества, ее политическая и экономическая элита определенно должна быть ориентирована на Запад (ЕС и США), экономика должна быть перестроена таким образом, чтобы в полной мере зависеть от Запада. А многочисленные лозунги относительно украинской демократии, вырастающей из воли народа (избирателей) и из оранжевой революции нами расцениваются как пропагандистские, как и вся «оранжевая» риторика, сопровождающая технические действия по перехвату власти и легитимации новой элиты. Таковы очевидные проектные параметры «оранжевой революции».

Возникшая в последние месяцы 2007 года конфигурация политических сил весьма схожа с первым из описанных периодов, когда происходило превращение «оранжевой коалиции» в верхний слой правящей элиты. Деятельность нового кабинета министров под председательством Ю. Тимошенко по существу еще не развернулась. Состоялась широко разрекламированная акция по компенсации вкладов населения в советском Сбербанке, основной пропагандистский смысл которой состоял не только в раздаче денег практичным обывателям новым-старым премьер-министром (уж слишком невелика сумма), сколько в прощании с советской эпохой навсегда. Теперь Украину и Россию в сознании обывателя не должны связывать даже общая история государственных и социальных институтов. На очереди новые и, нельзя сомневаться, яркие акции нового правительства. Впереди повторение одного из этапов, который я уже кратко охарактеризовал: популистские решения, нарастающая зависимость от западных институтов, использование мощи исполнительной власти для решения политических и пропагандистских задач.

Триумвират (В. Ющенко, Ю. Тимошенко, А. Яценюк) поспешил определиться с политическими приоритетами и от имени всей Украины направил руководству НАТО предложения о сотрудничестве. Акция была столь же поспешной, сколь и нелегальной. Верховная Рада, от имени которой подписал документ А. Яценюк, не рассматривала документ и даже не осведомлена (по сегодняшнему дню!) о его содержании.

Сегодня контуры украинской политической жизни проводятся умелой рукой, и очевидно, что цель создателя (с маленькой буквы), двигающего людьми, деньгами и ресурсами — не столько Украина и ее будущее, сколько геополитические интересы и имперское положение США и зависимость от них Европейского союза. Украина вновь переменялась политически: сегодня часть бывших политических оппонентов «оранжевых» демонстрирует лояльность не столько национальному президенту, сколько международному финансовому порядку и мировому рынку. Все многообра-

зие текущих событий укладывается в описание двух трендов: отрыв во всех аспектах Украины от России и формирование новой, вполне поддающейся внешнему управлению украинской политической системы.

Отвечая на вопрос, вынесенный в заголовок, можно сказать, что под «оранжевой революцией» многие обоснованно имеют в виду не выступление народа, меняющего политическую власть, а внешнее технологически и проектно обеспеченное масштабное политическое воздействие на становящуюся политическую сферу постсоветских государств. Воздействие осуществляется из центров, устроенных по принципу разделения функций «think-tank», политического действия и политической пропаганды. Как правило, такие центры находятся вне страны, избранной для несилового вторжения, они используют ресурсы политических фигур и партий, ресурсы бизнеса, зависимого от глобальных регуляторов и финансовых инструментов (чем крупнее бизнес, тем большая зависимость). С такой точки зрения, очевидным становится существо украинских событий 2004 года вплоть до начала 2008 года. Поэтому изданий у «оранжевой революции» может быть много и разных, пока не будет достигнута возможная при этих обстоятельствах цель.

Политическая деятельность «оранжевого истеблишмента» оказалась проще и пошлее проекта. Запущенный в политическое пространство «оранжевый» экипаж явно не справился с управлением в самостоятельном полете. Но есть и еще одна причина, почему «оранжевая революция» не состоялась вполне, и объективно и, вероятно, с точки зрения действительного актора. Понадобилась вторая попытка или второе ее издание, чтобы ликвидировать неудобное и ненужное последствие первого издания, когда наряду с «оранжевой» выросла и окрепла новая политическая сила, воплощенная в широкой антиоранжевой коалиции, действовавшая успешно, хотя и в роли только набирающей опыта и впервые проявляющей волю политической силы. Выдержит ли страна Украина эти издания, останется ли она в мире, спокойствии и не подвергнется ли расчленению, как слишком сложный для технологии «оранжевых революций» объект, как не поддающаяся внешнему управлению страна в ее целостности?

7 РЕЖИМ СААКАШВИЛИ: ДИКТАТУРА ВМЕСТО ДЕМОКРАТИИ¹

Согласно официальной грузинской версии, «революция роз» представляла собой стихийный протест населения против фальсификации режимом парламентских выборов. Именно этот массовый протест против попиравшего демократические нормы режима якобы вылился в политическое восстание, которое заставило президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе уйти в отставку 23 ноября 2003 г.

По сути, свержение второго президента Грузии было таким же насильственным и антиконституционным, как и свержение первого — Звиада Гамсахурдия. Но на этот раз произошедшее в Тбилиси получило на Западе исключительно положительные и даже восторженные оценки: «победа народного волеизъявления», «торжество демократии», «стремление гражданского общества выйти из спячки постсоветского авторитаризма», и, наконец, как «поражение российского империализма на постсоветском пространстве». Подобная трактовка до сих пор продолжает оставаться наиболее распространенной не только в среде политической элиты, но и в либеральных кругах, в среде творческой и научной интеллигенции Запада.

Восторженно-идеалистическая оценка грузинской «розовой революции» вызывала большие сомнения с самого начала. Произошедшие в Тбилиси события поразительно напоминали Сербию, а позднее — Украину и Киргизию. Очевидно, что события развивались по одному и тому же шаблонному сценарию, который имел общий первоисточник. Он хорошо известен — это книга американского политолога Джина Шарпа «От диктатуры к демократии», которая была впервые опубликована в Бангкоке в 1993 г.

Как считает Дж. Шарп, политическая борьба в конституционных рамках против диктаторских в западном понимании режимов не имеет смысла. Поэтому он предлагает ориентированной на Запад демократической оппозиции отказаться от легальных методов и целиком сосредоточиться на организации массового политического неповиновения властям.

По сути, книга Дж. Шарпа представляет собой практическое руководство по захвату власти. В ней излагается тактика и стратегия борьбы оппозиции против тоталитарных и авторитарных режимов, а также наиболее действенные формы пропагандистской и организационной работы в различных социальных слоях населения, в том числе в армии и полиции.

Не удивительно, что книга Дж. Шарпа превратилась в Библию всех современных «цветных революционеров». Именно по содержащимся в ней рецептам свергли С. Милошевича в Сербии, а затем была организована «розовая революция» в Тбилиси и «цветные революции» на Украине и в Киргизии.

Массированная политическая и финансовая поддержка извне является столь же неременным условием успеха прозападной оппозиции, как и непопулярность правящего режима (об этом Джин Шарп в своей книге предпочел не упоминать). Эта поддержка оказывается как в форме дипломатического и экономического давления на правящий режим, которое его частично или полностью парализует, так и в виде его всемерной дискредитации и демонизации в средствах массовой информации. Все это имело место в Грузии накануне парламентских выборов 2003 г. Так что победа «розовой револю-

¹ Выполнено при поддержке РГНФ по проекту № 06-02-02024а.

ции» в Тбилиси была результатом не столько «стихийного народного выступления», сколько хорошо организованного и оплаченного массового протеста против действительно непопулярного режима Э. Шеварднадзе.

Особенностью «розовой революции» было то, что в Грузии одновременно претворялись в жизнь два конкурировавших друг с другом проекта отстранения Э. Шеварднадзе от власти. Это стало результатом того, что за кулисами грузинской политической сцены действовало множество различных организаций, в первую очередь американских. Сюда относились Госдепартамент и посольство США в Тбилиси, Агентство международного развития США, Республиканская и Демократическая партии (они действовали через Национальный демократический институт при Демократической партии и Международный республиканский институт при Республиканской партии). Наряду с ними действовали многочисленные неправительственные организации — Фонд Сороса, «Дом свободы» (Freedom House) и др. В результате на роль повивальной бабки «розовой революции» с полным основанием претендовали, по крайней мере, два человека: посол США в Грузии Ричард Майлз и американский бизнесмен Джордж Сорос.

Вскоре после своего свержения Э. Шеварднадзе и министр иностранных дел России И. Иванов публично обвинили посла Р. Майлза и Дж. Сороса в том, что переворот в Тбилиси был организован именно ими. Посол предпочел не делать никаких заявлений на эту тему. Да и было бы странным, если бы он публично признал свою причастность к свержению правительства в столь дружественной США стране, как Грузия.

В отличие от американского посла Дж. Сорос не был связан никакими дипломатическими стереотипами и ограничениями. В начале 2004 г. на экономическом форуме в Давосе он откровенно признал, что именно на его деньги грузинские «младодемократы» свергли обанкротившегося «белого лиса». «Я горжусь совершенной в Грузии революцией», — заявил Сорос и пообещал, что его фонд поможет М. Саакашвили бороться с коррупцией, в частности, путем выделения средств на зарплаты грузинским министрам и чиновникам.

Как свидетельствуют опубликованные в прессе документы, Дж. Сорос финансировал деятельность Международного общества справедливых выборов (ISFED) и молодежную организацию «Кмара» («Довольно!»). Деятельность первой из них была сосредоточена на создании компьютерных списков избирателей и мониторинге процедуры выборов. «Кмара» должна была стать организатором демонстраций, забастовок и других акций массового неповиновения, голодовок, блокирования информационных линий, отказа от уплаты налогов, отказа от контактов с государственными органами и т. п.¹ Работа Международного общества справедливых выборов со списками избирателей оказалась эффективной. Именно неверные списки стали одной из основных причин политического кризиса в ноябре 2003 г. Закономерно, что М. Саакашвили высоко оценил заслуги исполнительного директора фонда Сороса в Грузии Кахи Ломая, который был назначен министром образования. Не менее важную роль в свержении Э. Шеварднадзе сыграла молодежная «Кмара».

Общезвестно, что одним из главных действующих лиц любой «цветной революции» выступают молодежные штурмовые отряды. Часто ими манипулируют внешние силы: активисты молодежного сербского «Отпора» обучались «науке побеждать», а затем курировались работниками Госдепартамента США (об этом сообщала американская «The Washington Post» и другие СМИ). Не было особой тайны и в том, что ударные отряды грузинской оппозиции в виде молодежного движения «Кмара» проходили специальную подготовку в финансируемых США лагерях на территории Сербии. Американские власти этого факта никогда не признавали, лидеры розовой

¹ <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1080106500>

революции в один голос твердили о том, что их сторонники не нуждались в повышении собственной квалификации на зарубежных курсах.

Лидер сербской студенческой организации «Отпор» Слободан Джинович (подобно Дж. Соросу) не стал скрывать своего участия в тбилисских событиях. Вскоре после победы розовой революции он с гордостью признал, что активисты его организации «работают с гражданским движением в нескольких странах». Как заявил С. Джинович, «Грузия — это лишь начало».

11 ноября 2004 г. (то есть до победы розовой революции в Тбилиси) другой лидер «Отпора» Александар Марич в интервью «Немецкой волне» заявил: «у нас есть специальная группа, обучающая активистов на местах, прежде всего в самой Сербии, но также и за границей. Уже несколько месяцев «Кмара» и «Отпор» сотрудничают на разных уровнях. Самым важным в их сотрудничестве является то, что активисты «Отпора» делятся опытом и знаниями, накопленными ими в ходе политической борьбы в нашей стране. Представители «Кмары» восхищались работой, которую проделал «Отпор», а также его структурами. По его образцу они и строили свое движение, позаимствовали и эмблему — сжатый кулак...»¹.

Как свидетельствует другое интервью Александра Марича, опубликованное во французской прессе, «Отпор» действовал на территории Грузии, причем финансировалась подобная деятельность за счет Фонда Сороса. По словам А. Марича, «весной 2003 г. Фонд Сороса отправил его команду в Грузию, они должны были стать советниками лидеров зарождающейся группы протеста»². Сотрудничество оказалось результативным: следуя советам сербских отпоровцев «Кмара» провела успешную пропагандистскую кампанию по раскрутке собственной организации на грузинской политической арене. В результате небольшая и никому неизвестная группа юных оппозиционеров быстро приобрела популярность и превратилась в массовую организацию (в 2004 г. «Кмара» насчитывала более 13 тысяч членов).

Попытки осуществления новых «цветных революций» продолжаются. Правда, чем дальше — тем они менее успешны. Большую роль в прогрессирующей деградации идей «цветных революций» на постсоветском пространстве играет не внушающая оптимизма картина, которую ныне представляют собой страны победившей розово-оранжевой демократии. Это в полной мере относится к современной Грузии. На ее примере можно наглядно видеть политические и социально-экономические результаты деятельности режима, который пришел к власти в результате победы «цветной революции». Что же принесли Грузии те несколько лет, в течение которых в стране торжествует «розовая демократия» под руководством президента М. Саакашвили?

Инаугурация третьего по счету президента постсоветской Грузии состоялась 25 января 2004 г. Тогда многие грузинские политологи высказывали надежду, что с новым лидером Михаилом Саакашвили Грузия вырвется из «затхлого болота СНГ» и скоро войдет в число цивилизованных стран. Оптимизм поддерживался убеждением, что хуже, чем при Эдуарде Шеварднадзе быть уже не может. Пессимисты же предрекали возможность провала Саакашвили и высказывали опасение, что в этом случае он приведет Грузию к катастрофе.

Мне довелось побывать в те дни в Тбилиси и увидеть, что уже в то время никакой эйфории по поводу победы «революции роз» в городе не наблюдалось. Вопреки горячему национальному темпераменту рядовые грузинские граждане никак не демонстрировали свои эмоции на улицах Тбилиси. Люди не выражали ни восторгов, ни негодования, выглядели уставшими и молчаливыми.

Об уровне жизни жителей столицы наглядно свидетельствовало то, что многие из них донашивали одежду советской поры: дешевые видавшие виды куртки из

¹ Немецкая волна, 10.01.2004.

² «Le Nouvel Observateur», 27.05.2005.

кожзаменителя, плащи «болонья» из далеких 1960-х и т.п. Пожалуй, наибольший оптимизм в день инаугурации нового президента продемонстрировали местные курды, которые после церемонии устроили собственную шумную демонстрацию по проспекту Руставели под курдскими и грузинскими флагами. Правда, целью этой акции было не выражение ликования по поводу инаугурации Саакашвили, а демонстрация существования и активности местной курдской общины.

По оценке самого Саакашвили, первый год его правления был самым успешным за всю историю независимости Грузии, причем, как свое главное достижение он рассматривал восстановление контроля над Аджарией. Для столь высокой самооценки у бывшего лидера розовой революции были определенные основания.

Новое правительство быстро приняло новый Налоговый кодекс, который был объявлен властями Грузии «самым либеральным на всем постсоветском пространстве и государствах бассейна Черного моря». Саакашвили попытался решить проблему коррумпированности местного ГАИ, деятельность которого вызывала большое раздражение населения. Впервые в СНГ эта коррумпированная и, скорее всего уже неререформируемая в принципе государственная структура была целиком расформирована с увольнением около 15 тысяч столь ненавистных грузинскому автомобилисту местных гаишников. По американскому образцу была создана новая мобильная дорожная полиция с конкурсным принципом формирования, достаточно высокими зарплатами и угрозой немедленного увольнения в случае, если кто-то вновь захочет превратить дорогу в собственную кормушку. В короткие сроки правительству удалось погасить часть внутреннего долга перед населением (около 123 миллионов долларов) и повысить доходную часть бюджета в 2,5 раза¹. Во многом этот рост был обеспечен за счет откровенного рэкета, к которому прибег Саакашвили по отношению к родственникам и сторонникам свергнутого Эдуарда Шеварднадзе. Без соблюдения «излишних» юридических процедур их отправляли в тюрьму и освобождали только после того, как в казну возвращались незаконно нажитые миллионы. Аналогичным образом был пополнен бюджет за счет арестованных средств и имущества бежавшего из страны «каджарского льва» Аслана Абашидзе. Новые власти сумели значительно сократить масштабы контрабанды и увеличить таможенные платежи. В 2004 г. Грузия впервые перешагнула в доходной части бюджета рубеж в миллиард долларов. Это дало грузинским властям основание заявить, что всего через 2–3 года по уровню доходов и упорядоченности жизни Грузия станет «настоящим европейским государством».

Впрочем, рядовые граждане Грузии были не склонны разделять подобный оптимизм, так как их повседневная действительность и социально-экономическое состояние страны в целом мало изменились по сравнению с прежним «авторитарным» режимом Шеварднадзе. Критики правительства подчеркивали, что новая власть отличается снобизмом и самолюбованием, что за шумным официальным пиаром не стоит реальных результатов.

Действительно, после победы «розовой революции» в политической надстройке мало что изменилось. Формально демократическая, власть на деле продолжала использовать старые авторитарные методы. Вся властная вертикаль была поставлена под жесткий контроль президента, было сделано все, чтобы подавить дееспособную оппозицию и те средства массовой информации, которые пытались сохранить свою независимость от властей.

Использование демократической фразеологии грузинскими розовыми революционерами имело откровенно пропагандистский характер. После их прихода к власти режим стал куда более авторитарным, чем при Шеварднадзе. Не было принято никаких шагов для формирования системы сдержек и противовесов. Наоборот,

¹ <http://www.d-dvv.ru/st/63.shtml>

политика юриста по образованию Саакашвили превратилась в откровенное издевательство над принципом разделения властей, независимости законодательных, исполнительных и судебных органов власти. После победы «розовой революции» законодательная ветвь грузинской власти быстро утратила какую-либо самостоятельную роль. Парламент стал фактически однопартийным и настолько управляемым президентом, что превратился в механизм одобрения принимаемых Саакашвили решений. Правительство формируется на основании симпатий президента, поэтому говорить о его профессионализме и самостоятельной роли не приходится. Судебная власть не играет никакой самостоятельной роли и используется властями для расправ над политической оппозицией и всеми инакомыслящими. После победы «розовой революции» руководящий аппарат начал формироваться исключительно по принципу личной преданности президенту. Но симпатии Саакашвили крайне переменчивы, так что характерной особенностью правления розовых демократов стала постоянная кадровая чехарда и острый дефицит квалифицированных руководителей во всех ветвях власти. Это в полной мере относится и к любимому детищу Саакашвили — Патрульной полиции Министерства внутренних дел Грузии. Как подчеркивает местная пресса, в настоящее время на руководящие посты вернулись прежние «пузатые гаишники» и теперь эта служба практически ничем не отличается от «дореволюционного» ГАИ времен Шеварднадзе. Патрульные без всякого на то основания останавливают граждан, без причины выписывают им штрафы, а в случае предъявления претензий могут задержать их «за хулиганство»¹.

Одним из немногих достижений правления Э. Шеварднадзе была свобода деятельности средств массовой информации, которые имели возможность жестко критиковать власти и самого президента. Что они и делали, и этим внесли свой большой вклад в свержение второго президента Грузии. Но после победы розовой революции свобода прессы была резко ограничена, а негодные властям СМИ начали подвергаться постоянным гонениям. По данным организации «Репортеры без границ» уже за первый год правления Саакашвили Грузия по уровню свободы средств массовой информации оказалась отброшена вниз на 23 рейтинговых пункта².

За 2004 г. долг Грузии достиг почти 2 миллиардов долларов и приблизился по своему объему к ежегодному внутреннему валовому продукту страны. Продемонстрированная розовыми демократами готовность бороться с коррупцией вылилась в банальное перераспределение активов и капиталов. Кампания борьбы с коррупцией быстро сошла на нет. В 2005 г. организация «Transparency International» отнесла Грузию к наиболее коррумпированным странам СНГ и поставила ее на 130-е место³.

Популистские заявления властей о скором улучшении социально-экономического положения населения так и остались заявлениями. Высокий уровень безработицы и низкий уровень жизни привели к усилению оттока из страны работоспособного населения. За годы независимости Грузии даже по официальным, сильно заниженным данным, пятиmillionное население страны сократилось на 1,1 миллиона человек. Оппозиция же говорит о том, что Грузию покинуло 1,5–2 миллиона (то есть, около трети населения), причем уехала наиболее трудоспособная и активная часть граждан. Призывы времен «розовой революции» к массовой реэмиграции остались политической демагогией и теперь окончательно отброшены.

Значительная часть населения до сих пор продолжает выживать за счет своих родственников, которые работают в России и других зарубежных странах. Объем ежегодных финансовых поступлений в виде наличных денег, переводов из РФ в Гру-

¹ <http://www.nregion.com/txt.php?i=13220>

² http://www.sakartvelo.info/result_cmi.php?key=64755

³ <http://www.regnum.ru/news/531015.html>

зию составляет не менее 1 миллиарда долларов, что вполне сравнимо с совокупной финансовой помощью со стороны стран Европы и США.

В настоящее время объем промышленного производства в Грузии едва достигает четверти того, что было до 1991 г. Новое руководство Грузии продекларировало намерение возродить экономику на основе радикального экономического либерализма. Началась приватизация тех экономических объектов и предприятий республики, которые еще продолжали оставаться в государственной собственности. В первую очередь приватизировались наиболее доходные объекты энергетики, транспортной инфраструктуры, в том числе, порты Батуми и Поти и т.п.

Заявленный Саакашвили курс на либеральные преобразования в экономике вылился в банальную распродажу госимущества. На пагубные для Грузии последствия подобного экономического курса недавно указала лидер оппозиционной партии «Путь Грузии», в недавнем прошлом министр иностранных дел республики, а еще раньше — крупный чиновник французского МИДА Саломэ Зурабишвили. По ее словам, «в Грузии сейчас происходит то, чего я в других странах никогда не наблюдала. Страна взяла курс на полную распродажу стратегических активов. Иностранным компаниям, нередко весьма сомнительным, отдается практически все, причем без четко оговоренных условий. Тем самым Грузия добровольно отказывается от контроля за принятием решений в таких важнейших сферах, как железнодорожный и морской транспорт. А это опасно, так можно утратить значительную часть самостоятельности»¹. Сельское хозяйство Грузии оказалось в еще более критическом состоянии, чем транспорт и промышленность. После независимости в собственность крестьян перешла лишь небольшая часть бывших колхозных земель, а также те небольшие наделы, которые и прежде находились в их пользовании в качестве приусадебных участков. Но, несмотря на малоземелье, частные крестьянские хозяйства продолжали производить от 80 до 95 % мяса, молока, зерновых, винограда, фруктов и овощей.

Объекты сельского хозяйства — виноградники, чайные и мандариновые плантации не вызывают сколько-нибудь значительного интереса у потенциальных инвесторов, так как антироссийская политика властей привела к потере традиционного рынка сбыта грузинской продукции. На ситуацию в сельском хозяйстве Грузии может оказать определенное положительное влияние новый Налоговый кодекс Грузии, по которому лица, владеющие земельным участком площадью до 5 га (а это подавляющее большинство сельских жителей) полностью освобождаются от уплаты налога на землю. Очевидно, что в условиях отсутствия рынка сбыта само по себе ослабление налогового бремени не может улучшить ситуацию коренным образом.

В аграрной сфере правительство М. Саакашвили фактически продолжает курс Э. Шеварднадзе на поддержку крупных государственных и коллективных хозяйств. Свои надежды на улучшение ситуации в сельскохозяйственной отрасли нынешнее грузинское руководство связывает с реанимацией машино-тракторных станций (МТС) советских времен. Теперь они именуется «агроинженерными центрами» и призваны обслуживать земледельцев своей техникой и поставлять удобрения. Намечается, что в будущем через них будет налажено снабжение крестьян семенным материалом, пестицидами, топливом и т.д. По замыслу чиновников грузинского Минсельхоза, фермеры после сбора урожая будут выплачивать стоимость проделанной работы натурой. По словам заместителя министра сельского хозяйства Н. Сарджвеладзе, всего за три года сеть агроинженерных центров должна охватить всю страну². Министерство сельского хозяйства заявило о своем намерении строго контролировать деятельность агроинженерных центров и расходование ими

¹ http://www.ng.ru/cis/2007-08-28/1_gruzia.html

² <http://www.polpred.com/country/ge/free.html?book=1200&country=47&id=2891&act=text>

полученных финансовых средств (они поступают из иностранных источников и распределяются на конкурсной основе грузинским правительством).

Отведенные правительством три года на создание сети агроинженерных центров подходят к концу. Судя по отсутствию в грузинских СМИ информации на эту тему данный проект, похоже, превратился в очередное средство «освоения» иностранной финансовой помощи грузинской бюрократией. Да и вряд ли подобные проекты могут стать жизнеспособными, так как для решения основных проблем сельского хозяйства Грузии необходимо решить проблему нехватки земли у значительной части грузинского крестьянства и обеспечить надежный рынок сбыта произведенной сельскохозяйственной продукции. Очевидно, что единственным таким рынком для Грузии может быть Россия. Но тут интересы грузинских сельских производителей имеют явно второстепенное значение по отношению к той внешнеполитической ориентации, которая избрана Саакашвили.

Одной из наиболее острых социально-экономических проблем Грузии продолжает оставаться энергетическая безопасность. Российские поставщики имеют возможность обеспечить энергетические потребности Грузии и после распада СССР делали это не по рыночным, а по льготным ценам. В 2005 г. Грузия платила за российский газ в два раза меньше, чем европейские потребители: по 64 доллара за 1 тыс. кубометров, в 2006 г. — по 110 долларов. Несмотря на это, правительство *независимой Грузии постоянно отказывалось оплачивать счета за поставленные из России энергоносители.*

Власти независимой Грузии брали в долг везде, где давали, а затем систематически не платили по своим счетам. Правительство объясняло это тем, что в силу тех или иных обстоятельств оно не в состоянии возвращать займы и выполнять свои финансовые обязательства. Или, когда приходило время платить, Тбилиси начинал требовать от России многомиллиардных компенсаций за якобы причиненный Грузии в советские и постсоветские времена ущерб. Таким незамысловатым способом Тбилиси довольно долго удавалось добиваться реструктуризации своих долгов, выплата которых даже по самым льготным условиям откладывалась на весьма отдаленное историческое будущее с реальной перспективой того, что, в конечном счете, кредиторы вообще ничего не получат. Очевидно, что подобная практика не могла продолжаться вечно, и в 2007 г. Россия заявила о намерении поставлять свои энергоносители в Грузию по рыночным ценам. В ответ грузинское правительство обвинило Россию в том, что она начала против республики «газовую войну».

По мнению премьер-министра Зураба Ногаидели, «Газпром назначил Грузии политическую цену»¹. И, по его словам, это была вовсе не реальная рыночная цена на российский газ, а цена «за свободу Грузии». Если отбросить характерную для официального Тбилиси высокопарную фразеологию, то грузинская позиция по газу состояла в следующем. Предложенная «Газпромом» цена в 230 долларов за 1 тыс. кубометров газа якобы не имела под собой никаких экономических обоснований, так как это цена газа для европейских стран (в данном случае восторгов по поводу своей принадлежности к свободному миру и цивилизованной Европе почему-то не последовало). Европа расположена «на тысячи километров» дальше от газовых месторождений, чем Грузия. А так как транспортная составляющая включается в цену поставляемого газа, то цена для Тбилиси и Берлина никак не может быть не то что идентичной, но и просто близкой по своим размерам. Так что, по мнению грузинских политиков, российские поставщики были просто обязаны поставлять в Грузию по цене в несколько раз меньшей, чем в Европу.

Грузинская позиция по вопросу энергоносителей нашла определенную дипломатическую поддержку в Европе. Европейская Комиссия призывала Россию провес-

¹ <http://www.gazetasng.ru/print1616>

ти консультации с Грузией относительно намерения повысить цену на поставляемый этой стране газ. ЕС «в принципе» поддерживал переход на рыночные цены на российский энергоноситель, но, как заявляли его официальные представители, этот процесс «должен происходить при консультации с партнером, которого это касается, и учетом его способности справиться с повышением».

На фоне начавшейся в Европе и США очередной пропагандистской кампании в защиту Грузии весьма некстати прозвучало заявление грузинского министра финансов Алекси Алексишвили о том, что повышение цены на газ до 230 долларов не скажется отрицательно на экономическом развитии страны. Дословно министр сказал следующее: «в отношении таких шоков экономика Грузии, фискальная обстановка и бюджет готовы, и они их вынесут. Это не окажет существенного влияния на экономическое развитие Грузии, хотя, возможно, приостановит рост ВВП на 1,1%»¹.

Аналогичную позицию заняли эксперты международного рейтингового агентства Standard and Poor's. По их расчетам, при планируемых на 2007 г. поставках газа в объеме 1,7 млрд. кубометров и стоимости в 230 долларов за 1 тыс. кубометров общая сумма всего объема составит 391 млн. долларов. Это всего лишь на 240 млн. долларов больше прежней стоимости и эквивалентно 2,9 % ВВП Грузии. Как и грузинский министр финансов, эксперты Standard and Poor's посчитали, что цена российского газа в 230 долларов «скорее всего, окажет лишь умеренное влияние на реальный рост экономики Грузии»². Негативное влияние от повышения цены на российский газ могло быть в значительной мере нейтрализовано альтернативными поставками из других стран. Планировалось, что уже в декабре 2006 г. по новому трубопроводу Баку — Тбилиси — Эрзерум в Грузию начнет поступать газ с азербайджанского месторождения Шах Дениз. В течение 2007 г. Грузия должна получить 5% от объемов перекачиваемого газа в качестве платы за транзит и еще 250 миллионов кубометров по цене 63 доллара за тысячу кубометров³.

Идеальным для властей Грузии способом решения газовой проблемы было бы полное замещение российского газа дешевым азербайджанским. Проблема в том, что Баку не проявляет желания продавать Грузии газ по демпинговым ценам (за исключением платы за транзит). К тому же Азербайджан не в состоянии удовлетворить даже собственные нужды и до последнего времени был вынужден закупать половину потребляемого газа в России. Весьма вероятно, что все утверждения о несметных газовых богатствах Азербайджана были изначально слишком оптимистичными и имели конъюнктурный характер. В противном случае сложно понять, почему после своего отказа закупать российский газ по рыночной цене азербайджанское правительство не заменило его собственным, а было вынуждено начать сложную и дорогостоящую процедуру перевода коммунального хозяйства с газа на мазут.

Потерпев неудачу в своих усилиях обеспечить энергетические нужды страны за счет поставок из Азербайджана и Центральной Азии Тбилиси предпринял большие усилия чтобы обеспечить энергетическую независимость страны за счет поставок газа из Ирана. Такая возможность имела, так как пропускная способность проходящего из Ирана через Азербайджан газопровода позволяет полностью удовлетворить потребность Грузии за счет иранского газа.

В начале 2006 г. грузинское правительство смогло наладить поставки иранского газа (тогда в результате терактов на российском газопроводе подача газа из России была на какое-то время прекращена). В январе 2006 г. Иран поставлял его

¹ <http://www.oilru.com/news/35489/>

² <http://finance.blotter.ru/news/article13902/default.asp?news=80130>

³ <http://www.mirtvu.ru/show.php?id=8371&templ=news>

по экстренно восстановленному газопроводу Астара — Кази Магомет — Газах. Официальный Тбилиси обвинил Москву в том, что она взорвала собственный газопровод для того, чтобы наказать свободолобивую Грузию и даже восстановить над ней свое «имперское иго». Поэтому Тбилиси высказывал твердое намерение перейти на потребление иранского газа и таким образом навсегда покончить со своей газовой зависимостью от России. Заключенное в конце 2005 г. соглашение о поставках в Грузию иранского газа было объявлено в Тбилиси огромным достижением в обеспечении энергетической безопасности страны. В нем предусматривалось, что в течение 30 дней в Грузию будет поставлено 30 млн. кубометров иранского газа. Стоимость этой партии газа составляла около 7 млн. долларов и эта сумма была выплачена Иранской национальной компании по экспорту газа на условиях предоплаты в рамках краткосрочного контракта.

В начале 2006 г. поставки иранского газа в Грузию осуществлялись по специальному решению высшего руководства Исламской Республики Иран с учетом кризисной ситуации, возникшей в связи с прекращением поставок газа в Грузию из России. Как подчеркивали иранские официальные лица, цена на газ объяснялась кризисной обстановкой в Грузии, срочностью поставок и малым объемом этой партии. По мнению Тегерана, стоимость иранского газа была льготной и выгодной для Грузии. При этом цена иранского газа для Грузии составляла 233,33 доллара за 1 тыс. кубометров¹. Российский же газ поставлялся тогда в Грузию по 110 долларов, но грузинское руководство ради обеспечения независимости от Кремля посчитало иранскую цену на газ более выгодной. С 30 января 2006 г. Иран ежедневно поставлял Грузии 2 млн. кубометров газа. Однако дальнейшему развитию грузино-иранского партнерства в газовой отрасли помешала не «имперская» Москва, а Вашингтон.

Госдепартамент США выступил с заявлением, которое, по сути, было директивным указанием грузинскому правительству: «долговременные договоренности между Грузией и Ираном, касающиеся природного газа и газопроводов, станут для правительства Соединенных Штатов источником озабоченности. Мы надеемся, что это соглашение носит временный характер, и в ближайшее время его срок действия истечет». Тбилиси было указано, что договор о покупке Грузией иранского газа должен утратить силу «после того, как возобновится подача российского газа»². После окрика из Вашингтона грузинское правительство было вынуждено прекратить импорт газа из Ирана. В итоге свобода Грузии от российского газа продлилась всего неделю: с 30 января по 6 февраля 2006 г.

История с иранским газом показательна и свидетельствует не только о вопиющем непрофессионализме нынешнего грузинского руководства, но и о его очень ограниченных возможностях принимать самостоятельные решения, то есть, о фактической утрате Грузией политического и экономического суверенитета.

Решение сложнейших социально-экономических проблем Грузии затрудняется большими военными расходами, которые тяжелым бременем ложатся на местную экономику. В настоящее время военные расходы Грузии явно неадекватны ее скромным экономическим возможностям.

Официальный Тбилиси оценил как свое большое достижение то, что в 2005 г. Грузия по размерам военного бюджета опередила куда более благополучные в экономическом плане Армению и Азербайджан. В бюджете 2006 г. наращивание военных расходов было продолжено: на нужды Министерства обороны было выделено 220 миллионов долларов, на нужды Министерства внутренних дел Грузии — еще 110 миллионов долларов (в 2005 году — 177,6 млн. и 85 млн. долл. соответственно).

¹ <http://www.regnum.ru/news/582317.html>

² <http://www.regnum.ru/news/586732.html>

В 2007 г. военный бюджет Грузии достиг беспрецедентных размеров и составил около 576 млн. долларов¹.

Проявляемое режимом Саакашвили повышенное внимание к МВД говорит о том, что в отличие от Баку и Еревана, здесь в качестве главного потенциального противника рассматривают не соседние страны, а Абхазию и Южную Осетию — бывшие автономии Грузинской ССР (уже давно фактически независимые от Тбилиси). Наряду с этим власти вынуждены реагировать на рост оппозиционных настроений, что также повышает в глазах правящего режима ценность именно внутренних войск, на которые возлагается функция подавления массовых беспорядков и выступлений протеста. В условиях нарастающей социальной напряженности и вероятных массовых протестов именно внутренние войска могут стать главным инструментом удержания у власти нынешнего правящего режима.

Национальные проблемы Грузии продолжают оставаться столь же острыми, как социально-экономические. Откровенный этноцентризм Саакашвили и проводимая им политика ущемления этнических меньшинств стали причиной обострения межнациональных отношений. Наряду с сохраняющейся напряженностью в зоне грузино-абхазского и грузино-южноосетинского конфликтов, имели место многочисленные инциденты в районах, где компактно проживает азербайджанское население. В преддверии вывода российской военной базы нарастает напряженность в населенной армянами Джавахетии, что чревато опасностью осложнения отношений между Грузией и Арменией.

При Э. Шеварднадзе единственным предлагавшимся Тбилиси вариантом урегулирования проблемы непризнанных республик было предоставление Абхазии и Южной Осетии автономного статуса внутри грузинского государства. Но грузинские власти предлагали начать обсуждение будущего государственного устройства страны и форм возможной автономии лишь после того, как Абхазия и Южная Осетия будут возвращены под контроль Тбилиси. Естественно, что для переживших трагедию войны непризнанных республик согласие с подобным подходом означало бы «сдачу на милость победителя» и было совершенно неприемлемым. При М. Саакашвили переговорный процесс зашел в окончательный тупик и был прерван из-за систематических нарушений Тбилиси всех ранее достигнутых договоренностей. Произошедшая после возврата под власть Тбилиси фактическая отмена автономии Аджарии и усиливающаяся дискриминация проживающих в Грузии армян и азербайджанцев явно не способствуют привлекательности идеи автономии и укреплению доверия к правящему в Тбилиси режиму ни у властей, ни у жителей Абхазии и Южной Осетии.

Проводимый Саакашвили курс на нагнетание напряженности в зонах абхазского и южноосетинского конфликтов свидетельствует, что он не стремится к мирному и компромиссному решению конфликтов. Вскоре после победы «розовой революции» грузинские власти заявили, что они не будут мириться с пребыванием на территории Грузии российских военнослужащих, и начали осуществлять комплекс мер, призванных максимально затруднить положение российских миротворцев.

М. Саакашвили крайне негативно оценивает присутствие миротворческих сил России в зонах межнациональных конфликтов, так как, по его мнению, «в прошлом Россия слишком часто увеличивала нестабильность в регионе, и ее «миротворцы» лишь пытаются удержать осколки старой империи»². Нынешнее грузинское руководство открыто заявляет, что оно не заинтересовано в сохранении статус-кво в зоне грузино-абхазского и грузино-южноосетинского конфликтов и в участии России в мирном процессе. Как заявил председатель парламентского комитета по обо-

¹ <http://account.spb.ru/news/other/280343/>

² <http://www.inopressa.ru/wsj/2004/02/24/16:16:25/gruzia>

роне и безопасности Гиви Таргамадзе, «Мы полностью исключаем участие России в процессе урегулирования и исключаем разговор с ней как с посредником. В ООН Россия уже не упоминается как посредник и миротворец, мы делаем все, чтобы она была признана дестабилизирующей силой». Он также подчеркнул: «Мы не станем, как прежние грузинские власти, учитывать рекомендации и советы России. Первая наша быстрая победа в Абхазии обусловлена именно тем, что мы не послушались российских советов»¹. Как видим, все усилия российского МИДа, направленные на предотвращение очередных внутригрузинских междоусобиц, остались не оцененными нынешними грузинскими лидерами и несколько не способствовали улучшению их отношения к России.

К разочарованию грузинских властей, мировое сообщество, в частности, ООН, положительно оценивают роль российских МС в стабилизации ситуации в зонах грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов, и пока не проявляет никакой заинтересованности в их выводе. Несмотря на это, грузинское руководство упорно добивается замены российских МС войсками других государств, что открыло бы путь для военно-силового решения абхазской и южноосетинской проблем.

Несмотря на проводимое М. Саакашвили ускоренное военное строительство, грузинская армия в ближайшей перспективе явно не в состоянии самостоятельно разгромить довольно боеспособные и пользующиеся поддержкой местного населения вооруженные силы Абхазии и Южной Осетии. Поэтому грузинское руководство рассчитывает на прямую военную помощь со стороны США и НАТО. Саакашвили неоднократно заявлял, что к 2006, в крайнем случае — к 2008 г. его страна при поддержке Евросоюза и США вступит в НАТО. К большому разочарованию розовых демократов представители евроатлантического сообщества не раз подчеркивали, что современная Грузия слишком далека от стандартов НАТО и высказывали большие сомнения в реальности подобных планов.

Западные союзники в довольно жесткой форме указали Тбилиси, что в современной международной ситуации рассчитывать на проведение военной операции по покорению мятежных республик с участием войск НАТО совершенно нереально. В конце 2006 г. не понявший этого воинственный министр обороны Ираклий Окруашвили был отправлен в отставку, вместе с ним были отброшены и планы быстрого военного реванша в Абхазии и Южной Осетии. После этого применяемые Тбилиси методы возврата непризнанных республик под свой контроль значительно изменились. Теперь Саакашвили не стремится достичь своей цели одним решительным «прыжком» (как в Абхазии), а идет к ней «мелкими шагами»: путем постепенного укрепления своих позиций в контролируемых грузинскими властями районах Абхазии и Южной Осетии.

В последние годы все возрастающее влияние на перспективы урегулирования абхазского и южноосетинского конфликтов оказывает «косовский фактор». Проведенный в ноябре 2006 г. в Южной Осетии повторный референдум о независимости был призван стать дополнительным аргументом за признание независимости этого государства в том случае, если западный мир пойдет на признание независимости Косово. До тех пор, пока не было «косовского фактора», грузинскому правительству было достаточно заявлять, что все проводимые в непризнанных государствах выборы и референдумы не законные и поэтому не имеют никакого юридического значения. Сейчас этого уже недостаточно, и официальный Тбилиси пытается найти собственный способ нейтрализовать влияние «косовского фактора».

В ноябре 2006 г. (впервые после распада СССР) грузинское правительство попыталось организовать собственный альтернативный референдум в Южной Осетии. Целью этой акции было продемонстрировать отсутствие в Южной Осетии единого

¹ <http://www.rosbalt.ru/2005/04/19/204773.html>

мнения в обществе, якобы имеющееся там двоевластие и наличие реальной оппозиции, которая выступает за вхождение Южной Осетии в состав Грузии. Парадоксальность данного мероприятия тбилисских властей состояла в том, что они не признают самого существования республики Южная Осетия, и это зафиксировано в конституции Грузии, где эта республика попросту отсутствует. Оглашенные результаты альтернативных выборов были совершенно недостоверными уже потому, что по данным грузинских властей за прогрузинского кандидата в президенты Южной Осетии Дмитрия Санакоева проголосовало более 40 тысяч избирателей (в реальности численность населения нескольких грузинских сел, где проходило голосование, в десятки раз меньше).

Сценарий создания параллельных госструктур на территории непризнанной республики проводится и в Абхазии. Для этого Саакашвили осенью 2006 г. установил контроль над Кодорским ущельем и переместил туда «легитимное абхазское правительство». Очевидно, что проявляемая грузинскими властями активность объяснялась тем, что, как многократно заявляли представители США и Европейского союза, до конца 2006 г. должно было состояться провозглашение независимости Косово и признание этого акта международным сообществом (или, по крайней мере, его частью).

Интересно, что сами непризнанные постсоветские республики отказываются признавать косовский пример в качестве приемлемого для себя прецедента. По их мнению, пример Косово не имеет с ними ничего общего, так как этот край был оккупирован войсками НАТО. Таким образом, Сербия лишилась этой территории не из-за того, что проявила себя как несостоятельное государство (как Грузия или Молдова), а в результате внешней агрессии. Но при всем отличии Абхазии, ПМР и Южной Осетии от Косово (разумеется, никто и не говорит о полном тождестве этих случаев) в случае признания независимости Косово речь идет о принципиально новом юридическом прецеденте в практике международных отношений.

Обещанное в 2007 г. признание независимости Косово не состоялось, но евроатлантическое сообщество продолжает настаивать, что оно должно состояться в самом скором будущем. Если мировое сообщество (или его часть в лице США и их союзников) пойдет на признание Косово (где был проведен собственный референдум о независимости), то впервые в международной практике независимость будет признана вопреки воле государства, в составе которого юридически находится эта территория. В прошлом же международное признание следовало лишь после того, как государство, в состав которого входила отделяемая территория, соглашалось признать независимость и отделение, как было с признанием Бангладеш или Эритреи. В случае же Косово отделение будет признаваться вопреки воле властей Сербии, и ее населения, которое выступило против отделения Косово на референдуме. В этом юридический смысл косовского прецедента для постсоветских непризнанных республик.

Отказ США и ЕС признавать Косово в качестве юридического прецедента для постсоветских непризнанных республик связан с тем, что у разных стран имеются разные, часто противоречащие друг другу интересы. Когда властям того или иного государства выгодно отделение какой-то территории и признание ее независимости, то находятся сотни аргументов в пользу законности и справедливости данного решения. Именно этим объясняется, например, признание Анкарой независимости Турецкой республики Северного Кипра и ее отказ признавать другие непризнанные государства. Если же для тех или иных государств признание отделения политически не выгодно, то находится другая сотня аргументов против отделения. Очевидно, что дело тут не в двойных стандартах, а в разности государственных интересов.

Для США и ЕС не выгодно, чтобы в результате признания Абхазии и Южной Осетии Россия усилила бы свои позиции на Кавказе. Для России же чрезвычайно важно сохранить в Закавказье достаточную степень влияния для того, чтобы гаран-

тировать стабильность на ее южных границах. Так что разные интересы государств и военно-политических блоков определяют разное отношение к проблеме непризнанных государств. Абхазия и Южная Осетия больше других заинтересованы в сохранении статус-кво в военном плане, в политическом же плане они, как никто другой, заинтересованы в признании своей независимости. В ожидании «косовского прецедента» все стороны стараются по возможности усилить свои дипломатические позиции. Но, в конечном итоге, все будет решать не юридическая казуистика, а та ситуация, которая складывается на международной арене. Она очень быстро меняется из-за прогрессирующего упадка однополярного порядка мироустройства, который строила администрация Джорджа Буша. Поэтому нельзя исключать, что нынешняя администрация США все же не пойдет на полноценное юридическое признание Косово, так как такое признание может вызвать эффект домино по отношению к постсоветским непризнанным республикам, и Россия получит возможность официально признать их независимость.

США и Европейский Союз могут ограничиться признанием Косово де-факто и, может быть, принятием каких-то законодательных актов по аналогии с актом сената США по отношению к Тайваню. Ведь хотя США не признают независимость Тайваня, они выстраивают с ним свои отношения на определенной юридической основе. Такой вариант возможен потому, что в настоящее время США и ЕС важно избежать именно юридического прецедента, которым может воспользоваться Россия. Проведенный в ноябре 2006 г. в Южной Осетии повторный референдум о независимости был призван не только еще раз напомнить о волеизъявлении местного населения, но и дать Москве дополнительные аргументы в случае грядущего признания Южной Осетии, Абхазии и Приднестровья как независимых государств.

В отличие от Э. Шеварднадзе, который стремился вернуть контроль над Абхазией и Южной Осетией путем массового и единовременного возвращения грузинских беженцев (а с ними — и грузинской армии и администрации), М. Саакашвили настойчиво создавал условия для внешнего военного вмешательства. В Южной Осетии был создан «Лиахвский коридор» по грузинским селам, в результате столица республики оказалась в полуокружении и лишилась прямого сообщения с Россией. Поэтому власти РЮО были вынуждены строить объездную дорогу, которая не проходит через грузинские села. То же самое происходило в Абхазии, на территории которой был создан Кодорский плацдарм. Суть замысла Саакашвили состояла в том, чтобы развязать локальную войну, потребовать вывода российских миротворцев и затем интернационализировать конфликт с использованием войск НАТО, своей союзницы по ГУАМ Украины или других государств, и с помощью внешних сил силовым путем решить абхазскую и южноосетинскую проблемы. Но в сложившейся международной ситуации военный путь стал для Грузии нереальным, так как он совершенно не подходит ни для ЕС, ни для США. Именно поэтому планы Саакашвили не нашли поддержки у его союзников, и об этом свидетельствовали многочисленные заявления представителей ЕС и США.

Отставка И. Окруашвили свидетельствовала о том, что первоначальные планы Тбилиси по силовому возврату Абхазии и Южной Осетии невозможно реализовать в современной международной ситуации. Но это вовсе не означает, что руководство Грузии отказалось от своих планов. Плацдармы на территории Абхазии и Южной Осетии сохраняются, и в случае изменения международной ситуации они могут быть задействованы. Другое дело, что обстановка в мире развивается совсем не в том направлении, в котором хотелось бы Саакашвили.

Несмотря на благоприятное для Абхазии и Южной Осетии изменение международной обстановки, очевидно, что в случае если их власти не найдут эффективного средства противодействия «ползучей экспансии» грузинских властей на свою территорию, то Саакашвили имеет все шансы и дальше расширять кодорский и лиахв-

ский плацдармы. Причем эти плацдармы не только усиливают военно-стратегические позиции Тбилиси, но и дают ему прекрасную возможность разыгрывать карту «параллельных» правительств Абхазии и Южной Осетии. И чем больше по площади будет территория, контролируемая этими «параллельными» правительствами, тем больше возможностей будет у Тбилиси для дипломатической борьбы против властей Абхазии и Южной Осетии. Такие аргументы, как наличие «параллельных» правительств и отсутствие у президентов Сергея Багапша и Эдуарда Кокойты полного контроля над территорией непризнанных республик становятся для Тбилиси особенно ценными в условиях наличия в международных отношениях «косовского фактора».

Похоже, нынешний грузинский президент продолжает сохранять надежду, что в Грузии может быть применен «косовский сценарий наоборот», и в обмен на его стопроцентную лояльность Грузия получит от США и НАТО военную помощь в решении внутривнутриполитических проблем, прежде всего абхазской и южноосетинской. Однако к настоящему времени возможности администрации Дж. Буша вмешиваться в ситуацию на постсоветском пространстве оказались сильно ограниченными. В условиях обострения ситуации на Ближнем Востоке, в Ираке и Афганистане есть основания полагать, что они будут продолжать сокращаться. Вашингтон имеет весьма ограниченные возможности влиять на ситуацию в Абхазии и Южной Осетии. И, разумеется, совсем нереалистично рассчитывать на прямое американское или натовское военное вмешательство, что означало бы неминуемую и жесткую конфронтацию с Россией.

Декларации Саакашвили о его стремлении нормализовать отношения с Россией всегда имели конъюнктурный и демагогический характер. С их помощью он сумел добиться российской дипломатической поддержки во время отстранения от власти Шеварднадзе, а затем обеспечить собственную легитимизацию в качестве законного президента Грузии. Саакашвили вновь использовал Москву во время своего противостояния с Асланом Абашидзе. Во многом благодаря первоначально достаточно благожелательной позиции уставшей от интриг Шеварднадзе Москвы, ситуация в Тбилиси и Батуми разрешилась без крови. Очевидно, что займи тогда Кремль другую позицию (отказ признавать легитимность государственного переворота в Тбилиси, действенная дипломатическая поддержка Шеварднадзе и Абашидзе и т.п.) сценарий «розовой революции» мог бы быть совсем иным. Но уже после установления контроля над Аджарией в конце 2004 г. Саакашвили наглядно продемонстрировал Москве, что ей не следует рассчитывать на благодарность и ответные шаги в плане учета российских интересов в регионе. Тбилиси в жесткой форме потребовал скорейшего вывода российских военных баз с грузинской территории. Саакашвили продолжает обвинять Россию в оккупации части территории Грузии — Абхазии и Южной Осетии и требовать вывода российских миротворцев. Уже много лет Тбилиси систематически нарушает все действующие соглашения о прекращении огня в зонах абхазского и южноосетинского конфликтов, регулярно проводит провокационные акции по отношению к российским миротворческим войскам. Это свидетельствует о том, что Саакашвили не оставляет надежд на силовое решение проблемы непризнанных республик.

Продолжающиеся попытки Саакашвили тем или иным способом вовлечь США в решение грузинских проблем вызывают раздражение в Вашингтоне и получают все более критические оценки в американской прессе. Показательной в этом плане была статья директора американского Центра экстремальной журналистики Йона Сойера (Jon Sawyer) под названием «Опасные игры Грузии», которая была опубликована осенью 2006 г. в американском журнале *Foreign Policy*. Его оценка политики нынешнего грузинского руководства оказалась на удивление схожей с той «антигрузинской пропагандой российских СМИ», от которой раньше презрительно отмахивались в странах «истинной» демократии и в самой Грузии. Как пишет этот автор,

«временами начинает казаться, что Саакашвили прямо-таки добивается войны с Россией. Если он все-таки ее получит, расплачиваться за последствия предстоит народу его страны». И, как подчеркивает Сойер, в случае оправдания его пессимистичного прогноза, «немалая часть вины за конфликт ляжет на плечи того, кто в нем вроде бы не участвует — на плечи Соединенных Штатов»¹.

Уже много лет — фактически со времен распада СССР — ситуацию на границе между Грузией и Россией нельзя назвать нормальной. Постоянные конфликты между российскими миротворцами и грузинскими военными в Абхазии и Южной Осетии также давно стали привычными. Конечно, нелепо всерьез рассуждать о реальности перспективы полномасштабной грузино-российской войны. В отличие от своих союзников по антитеррористической коалиции, Россия не составляет черных списков государств по аналогии с известной американской «кошью зла». Тем более, она не наносит по ним ракетно-бомбовых ударов и не свертает неугодные ей режимы посредством «бурь в пустыне» или «цветных революций». Но Йон Сойер совершенно прав в том, что Москва не может не реагировать на проводимую нынешним режимом Тбилиси антироссийскую политику. И эта реакция становится все более жесткой.

По мере выхода России из очередной смуты, число государств, готовых подобно Грузии проводить откровенно антироссийскую политику, неуклонно уменьшается. Уже не слышно о звучавших еще несколько лет назад территориальных претензиях со стороны некоторых наших соседей, о принадлежности российских месторождений энергоносителей «всему человечеству», о планах установления иностранного контроля над нашими АЭС, ядерным оборонным потенциалом и т. д. и т. п.

На этом фоне даже грузинский президент Михаил Саакашвили счел нужным продемонстрировать России свою добрую волю и заявил об отказе претендовать на город Сочи, у которого грузинское название, или на те грузинские села, которые находятся сейчас на территориях других стран². Вслед за этим в Москву был направлен министр иностранных дел Грузии с предложением в самом скором времени решить все имеющиеся проблемы путем грузино-российского диалога на высшем уровне. Однако у подобного диалога мало шансов на успех, и отказа Саакашвили от претензий на город Сочи (по сути, совершенно анекдотичного) тут явно недостаточно.

Главным препятствием нормализации грузино-российских отношений является позиция грузинского руководства, которое продолжает сохранять уверенность в том, что мировая геополитика диктует Грузии конфронтационный характер отношений с Россией. Произошло беспрецедентное ухудшение российско-грузинских отношений вплоть до введения Москвой экономических санкций против Грузии.

После победы «розовой революции» политика Тбилиси утратила те немногие остатки самостоятельности, которые сохранялись при Э. Шеварднадзе. Внешняя политика Грузии отбросила прежние попытки лавирования и приобрела однозначно проамериканскую ориентацию. Похоже, что М. Саакашвили продолжает верить в то, что американская внешняя политика в наибольшей степени отвечает государственным интересам Грузии, и это проявляется в курсе на максимально тесное сближение с США и НАТО. Хотя возможно и другое: политику Грузии определяет вовсе не нынешний грузинский президент, а те зарубежные кураторы, которые когда-то спонсировали «розовую революцию» в Тбилиси. Тогда вполне закономерно, что свобода действий Саакашвили заканчивается там, где она начинает противоречить интересам США/НАТО (об этом, в частности, наглядно свидетельствовал провал попытки Тбилиси перейти на потребление иранского газа).

Согласно результатам социологических опросов, через два года после победы «розовой революции» рейтинг президента Саакашвили и правящей партии «Единое

¹ <http://www.inosmi.ru/translation/230801.html>

² <http://www.newsgeorgia.ru/geo1/20061027/41832555.html>

национальное движение» катастрофически упал. В их поддержку высказалось всего 15,9 % населения страны¹. Ответом грузинских властей на рост оппозиционных настроений стало возрастающее давление на СМИ, ограничение гражданских прав и свобод, а также судебные расправы над оппозиционными политическими силами.

Для рядовых граждан Грузии вывод о том, что при Шеварднадзе было плохо, но при розовых демократах стало еще хуже, был все более очевидным. Разочарование в Саакашвили привело к массовым акциям протеста в Тбилиси в ноябре 2007 г. Власти сумели подавить выступления оппозиции, но им пришлось пойти на проведение досрочных президентских выборов. Однако выборы не способствовали решению застарелых проблем Грузии. Победа Саакашвили была обеспечена путем махинаций и фальсификации результатов голосования, что вызвало в обществе еще большее разочарование в былых идеалах «розовой демократии».

По мнению лидера влиятельной оппозиционной Республиканской партии Левана Бердзенишвили, «нынешняя власть отказалась от дальнейшего развития демократии и самоуправления. Правящая политическая сила Грузии не собирается серьезно рассматривать стоящие перед страной проблемы и, подобно режиму Шеварднадзе, продолжает унижать, игнорировать и обманывать народ. Разница между ними в том, что при Шеварднадзе можно было говорить о существующих проблемах, а в условиях новой власти степень свободы слова значительно понизилась². Такая оценка итогов «розовой революции» представляется вполне справедливой. И тем более показательной потому, что именно Л. Бердзенишвили был одним из идеологов и наиболее ярких вождей грузинской «розовой революции».

---

¹ http://www.ibk.ru/news/reiting_prezidenta_gruzii_mihaila_saakashvili_za_poslednie_dva_goda_umenshilsya_v_shest_raz-11437/print/

² <http://www.regnum.ru/news/367188.html>

«ОРАНЖЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ» В АРМЕНИИ: ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ И ВНЕШНЯЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ (2004–2007 гг.)

На сегодняшний день на постсоветском пространстве, пожалуй, не осталось ни одного государства, в котором не предпринимались бы попытки применить технологии «цветных революций». Республика Армения не является в этом плане исключением. Страна переживает очередной избирательный цикл: в мае 2007 года состоялись выборы в парламент республики — Национальное собрание, а 19 февраля 2008 года предстоят выборы президента. Одобренные в ходе референдума 2005 года конституционные поправки предполагают существенное перераспределение властных полномочий между исполнительной, законодательной и судебной властью, а также органами местного самоуправления. В частности, президент по-прежнему будет предлагать кандидатуру премьер-министра, но только после согласования с парламентом. Назначаемый при этом премьер должен пользоваться поддержкой парламентского большинства¹.

В этой конструкции есть как достоинства, так и определенные недостатки. Например, если лидер парламентского большинства будет вынужден довольствоваться должностью премьер-министра, в то время как президентом будет избран политик, не пользующийся поддержкой большинства депутатов, возникновение между двумя высшими лицами в государстве острого противоречия практически неизбежно. К чему это может привести, свидетельствует перманентный политический кризис на Украине, возникший практически сразу после избрания В. Ющенко президентом страны в 2004 году в результате «оранжевой революции» и усугубившийся в результате последующих парламентских выборов. В Армении в условиях неурегулированности карабахского конфликта такой кризис уже в среднесрочной перспективе вообще может поставить под вопрос само существование государственности. В свою очередь, передача части управленческих функций из центра в регионы, крайне необходимая для выравнивания уровня экономического развития, должна проходить только при наличии дееспособной центральной власти. В ином случае географические особенности страны, вкупе с последствиями разрушительной либеральной политики в период правления Армянского общенационального движения (АОД), могут создать предпосылки для территориальной дезинтеграции.

Лучшей гарантией от подобных рисков в условиях возрастающей роли парламента, органов судебной власти и местного самоуправления является устойчивая партийно-политическая конструкция. Именно поэтому при создании и продвижении двух наиболее массовых партий, которые имели бы «контрольный пакет» в Национальном собрании — Республиканской партии и «Прорывающей Армении» — были задействованы как определенные механизмы административного ресурса, так и средства частного бизнеса. Такое решение представляется наиболее оптимальным в армянских (да и не только в армянских) условиях, если принять во внимание, что практически целый год небольшая республика находится в процессе перманентной избирательной кампании. Это само по себе стало для нее серьезным испытанием.

¹ Армения реформирует Конституцию (полный текст проекта поправок в Основной закон) // <http://www.regnum.ru/news/539214.html>

Возросшие геополитические ставки в регионе придают внутривнутриполитическим процессам в стране еще большее внутреннее напряжение. Армения является тем недостающим звеном, без которого невозможно полное замыкание южнокавказского участка «санитарного кордона» между Россией и Ираном, что повышает интерес к ней со стороны ближних и дальних соседей. Республика Армения является важнейшим стратегическим партнером России в Закавказье, входит в организацию ОДКБ и другие структуры в рамках СНГ. От исхода президентских выборов в республике зависят характер отношений России со своим стратегическим партнером, позиции Москвы в чрезвычайно важном для нее регионе, который в последнее время является объектом серьезной геополитической конкуренции.

Во многих постсоветских государствах выборы главы государства сопровождались различного рода политическими потрясениями — массовыми столкновениями, бурными демонстрациями, которые в ряде случаев приводили не только к смене власти в стране, но и к понижению легитимности новых властей. В полной мере это относится и к Армении. Несмотря на то, что внутривнутриполитическая ситуация в республике внешне выглядит весьма стабильной, попытки «раскачать лодку» предпринимались неоднократно и, вне всякого сомнения, будут предприниматься в будущем, особенно — по мере приближения срока президентских выборов (февраль 2008 года). В связи с этим имеет смысл поподробнее рассмотреть соответствующие методы и технологии — как применявшиеся в прошлом, так и те, которые могут быть использованы в будущем. Практически все они основываются на стратегиях, описанных в свое время Джином Шарпом¹.

АПРЕЛЬ 2004 ГОДА: «РЕВОЛЮЦИЯ МЫЛЬНЫХ ПУЗЫРЕЙ»

Громкие акции армянской оппозиции обычно бывают приуроченными к важным событиям внутривнутриполитической жизни республики (парламентские и президентские выборы 2003 года, парламентские выборы 2007 года). Наиболее серьезные массовые беспорядки были организованы в апреле 2004 года силами нескольких радикальных оппозиционных группировок — «Национальное Единение», Народная партия и «Республика»².

Апрельские события в Армении следует рассматривать в контексте общей стратегии Запада по установлению военно-политического контроля над Закавказьем. Столкновения с участием оппозиционных группировок в Баку в октябре 2003 года сменились «бархатной революцией» в Тбилиси, приведшей к власти Михаила Саакашвили. В ходе выборов в январе 2004 года он получил около 97% поддержки избирателей. Эти цифры напоминают итоги выборов в советский период, и, тем не менее, они были безоговорочно признаны западными наблюдателями. На этом фоне сомнения в результатах выборов в Армении выглядят чистой воды политической конъюнктурой. В первом туре Р. Кочарян набрал 49,48% голосов, а его основные конкуренты — лидер Народной партии Степан Демирчян и руководитель партии «Национальное Единение» Арташес Гегамян соответственно 28,22% и 17,7% голосов. Во втором туре Роберт Кочарян набрал 67,5%, а Степан Демирчян — 32,5% голосов. По признанию главы Конституционного Суда Гагика Арутюняна, характер зафиксированных во время президентских выборов фальсификаций был таков, что

¹ Шарп Д. От диктатуры к демократии США, Кембридж, Институт им. Альберта Эйнштейна, 1993.

² Эту организацию не следует путать с Республиканской партией, одержавшей победу на парламентских выборах в 2007 году и возглавляемой премьер-министром РА Сержем Саркисяном.

даже если бы сомнительные голоса победившего на выборах кандидата были приплюсованы другому кандидату, «все равно, это ничего не меняло бы»¹.

Оппозиция в категорической форме не признала итоги выборов. Ситуация последовательно нагнеталась в марзах (регионах), включая второй по величине город республики Гюмри, а кульминацией стал большой митинг с основным требованием отставки президента Р. Кочаряна, который был собран в Ереване 9 апреля 2004 года. Воодушевляющим образом на организаторов акции подействовал успех грузинской «революции роз» в ноябре 2003 года и мощная поддержка, оказанная Западом пришедшему к власти триумvirату М. Саакашвили, З. Жвания и Н. Бурджанадзе. Армянские оппозиционеры, объединившиеся вокруг спешно созданного «триумvirата» (Степан Демирчян, Арташес Гегамян, Арам Саркисян), решили действовать по аналогичному сценарию, объявив о массовых фальсификациях в ходе президентских выборов в Армении в 2003 году. Показательно, что вспомнили они об этих выборах лишь через год после их проведения — когда это показалось кому-то нужным...

Около четырех часов дня на площади Свободы в Ереване начался несанкционированный митинг оппозиционного блока «Справедливость» и партии «Национальное единение». По оценкам организаторов, на площади собралось около 50 тысяч человек, по оценкам правоохранительных органов — от 5 до 8 тысяч. Постепенно митинг перешел в сидячую акцию протеста, а его участники выразили готовность оставаться на площади до тех пор, пока президент Армении не объявит об отставке. В последующие два дня численность участников акции значительно уменьшилась и не превышала трех тысяч человек. Отсутствие видимого прогресса и спокойная реакция властей вынудили оппозицию поднять противостояние на новый виток — ее лидеры объявили, что 12 апреля состоится шествие в направлении резиденции президента. *«Понедельник будет решающим днем нашей борьбы, — прямо заявил председатель политсовета партии «Республика», бывший мэр Еревана Альберт Базеян. — Мы должны любой ценой захватить проспект Баграмяна»*². Около 16 часов 12 апреля участники митинга двинулись к президентской резиденции. В этот момент их численность составляла 8–10 тысяч человек. Однако, встретив усиленные кордоны полиции, демонстранты были вынуждены ретироваться.

Несмотря на то, что к вечеру 12 апреля у здания Национального собрания оставалось не более тысячи человек, лидеры оппозиции давали понять, что не намерены покидать место дислокации перед зданием парламента до отставки президента. Таким образом, их действия стали представлять непосредственную угрозу внутриполитической стабильности, и ночью 13 апреля митинг был разогнан полицией. При этом применение силы носило строго дозированный характер, а президент Р. Кочарян неоднократно предупреждал, что в распоряжении властей имеются все необходимые средства для пресечения блокирования правительственных учреждений и дипломатических миссий, иных нарушений общественного порядка. Власти сохранили контроль над информационным пространством, которое, как показывает опыт Украины, является едва ли не ключевым полем битвы за умы граждан. В последующие дни ситуация несколько разрядилась, и различные массовые акции проходили уже в относительно мирной обстановке.

По некоторым данным, действия армянской оппозиции с самого начала координировались с западными миссиями, которые «отметились» таким образом отнюдь не только в Армении. Так, по мнению главы Армянской социологической ассоциации Геворка Погосяна, на деятельность оппозиции определенно влияет внешний

¹ Александров М. О нарастании политической напряженности в Армении // <http://www.materik.ru/print.php?section=analytics&bulsectionid=6748>

² Сообщение Радио Свобода // Обзор ИА Regnum от 13 апреля 2004 г.

фактор. «...Несомненно, присутствует и внешняя финансовая поддержка. Оппозиция ведет переговоры, консультируется, спонсируется — это не секрет»¹. По некоторым данным, оппозиционные активисты вместе с коллегами из Грузии, Украины, Молдавии и Азербайджана обучались методам работы с улицей в Сербии, в лагере, расположенном в 700 километрах от Белграда².

Западные наблюдатели изначально давали выборам оценки, выгодные исключительно оппозиции. По их мнению, выборы в Армении «не соответствуют демократическим стандартам». Об этом заявили руководитель миссии наблюдателей офиса демократических институтов и прав человека ОБСЕ (ODIHR/OSCE) Питер Айкер и глава наблюдательской миссии Парламентской ассамблеи Совета Европы, бывший председатель ПАСЕ Лорд Рассел-Джонстон. *«Были зафиксированы серьезные нарушения, однако окончательная оценка выборов будет во многом зависеть от процесса подсчета голосов и продуктивности процессов обжалования»*, — заявил Айкер. Они высказали мнение, что нарушения во время подсчета голосов могут стать основанием для отмены результатов выборов. В самих странах ЕС выборы проходят в соответствии с национальным законодательством, а вовсе не исходя из неких абстрактных «стандартов», правовая природа которых, мягко говоря, весьма расплывчата, или из международных обязательств той или иной страны³.

Во время искусственно созданного внутривнутриполитического кризиса в апреле 2004 года западные представители также всячески подуживали действия оппозиции и критиковали действия властей. 13 апреля в ходе пресс-конференции А. Гегамян сообщил, что разговаривал по телефону с некоторыми послами (в том числе — Германии и США), и их реакция на ночные события была резко отрицательной. Ранее посол США Дж. Ордуэй побывал в офисах оппозиционных партий. По словам Гегамяна, он направил письма в ряд международных структур, а видеозапись разгона митинга разослана во все аккредитованные в Ереване дипмиссии. Посол Великобритании в Армении Торда Эббот-Уотт выразила опасение, что произошедшие события могут негативно сказаться на авторитете Армении как демократической страны на международной арене: *«Мы озабочены тем, что произошло с людьми на улице»*.

Официальный представитель Госдепа США Ричард Баучер призвал *«все стороны уважать роль мирных митингов и предпринять все средства для предотвращения насилия»*. На предвзятость этой оценки сразу же указал министр иностранных дел Армении Вардан Осканян. *«Если бы Ричард Баучер вспомнил и о призывах армянской оппозиции к насильственной смене власти, я бы сам подписался под его заявлением»*, — отметил он. Посол США Дж. Ордуэй выразил желание и готовность США (!) способствовать восстановлению стабильности и налаживанию конструктивного политического диалога. По мнению посла, не упомянувшего провокационные действия оппозиции, именно разгон митинга оппозиции в ночь 13 апреля еще более накалил обстановку и осложнил процесс поиска путей выхода из создавшегося тупика. Заявление было выдержано в таком стиле, что фактически подтверждало осуждение Вашингтоном действий властей Армении, поощряя, таким образом, оппозицию к организации новых беспорядков.

Озабоченность событиями в Армении высказали также разнообразные еврочиновники (А. Гегамян на митинге 21 апреля поблагодарил их, а также и посла США за «правильную» позицию по поводу событий 13 апреля), а ситуация в стране стала

¹ Александров М. Ук. соч.

² Почепцов Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. М.: Европа, 2005. С. 216.

³ Мирзоев С. Гибель права. Легитимность в оранжевых революциях. М.: Европа, 2006. С. 88. В книге приводится пример, когда на выборах в бундестаг ФРГ в 2005 году в качестве избирательных урн применялись мусорные баки, и задается риторический вопрос — соответствует ли это «демократическим стандартам проведения честных и прозрачных выборов?»

предметом дебатов в ПАСЕ. Для внешнеполитических позиций Армении этот искусственно спровоцированный кризис имел долгосрочные негативные последствия.

Представляется, что следует ожидать значительной активизации оппозиционных сил по мере приближения именно к президентским выборам. Возможно, они будут иметь не такой лобовой характер, как в апреле 2004 года, однако попытки силового перехвата власти отнюдь не исключаются. Следует заметить, что рядом экспертов в числе теневых сил, стоящих за провоцированием беспорядков, упоминалось АОД, а сейчас эта организация выступает, что называется, с открытым забралом.

Остается заметить, что лозунги смены существующей власти заведомо выигрышны и имеют определенную популярность практически в любой стране, а тем более — в Армении, где очень многие по-прежнему недовольны тяжелым социально-экономическим положением. В последние годы наметились определенные положительные сдвиги, и вот уже 32% населения Армении, согласно данным Института Гэллапа, полагает, что страна движется в правильном направлении¹. Существует и четкое понимание того, что объективно существующие проблемы цинично используются для осуществления попыток неконституционного перехвата власти в интересах внешних сил. Более того, в случае успеха радикальных оппонентов нынешних властей эти проблемы не только не будут разрешены, но и, напротив, усугубятся.

АРМЯНСКАЯ ОППОЗИЦИЯ СЕГОДНЯ: ОСНОВНЫЕ ПАРТИИ И ГРУППИРОВКИ

Политическая оппозиция в Армении представлена несколькими раздробленными группировками, молодежными движениями, а также — пусть и в завуалированной форме — западными фондами, общественными организациями и сочувствующими им средствами массовой информации. Среди них есть организации, существующие уже относительно длительное время, такие как, например, бывшая правящая партия АОД, вызывающие острую реакцию отторжения у громадного большинства жителей республики. Можно также назвать партию «Республика» во главе с бывшим премьер-министром Арамом Саркисяном — братом другого экс-премьера Ваггена Саркисяна, убитого в результате теракта в армянском парламенте 27 октября 1999 года. Арам Саркисян принял активное участие в организации апрельских беспорядков 2004 года, а теперь показательно носит оранжевый галстук, который, по слухам, ему подарил посол Украины. Можно также упомянуть партию «Ориняц Еркир» во главе с бывшим председателем армянского парламента Артуром Багдасаряном; движение «Альтернатива», сформированное из представителей того же АОД и главных редакторов прозападных СМИ; блок «Импичмент», организации «Новый путь», «Свобода», недавно образованных «Арменофилов» и ряд других маргинальных организаций. Их характерной чертой является дублирование членства, когда один и тот же человек состоит в нескольких организациях. Многие активисты начинали свою политическую карьеру в рядах АОД. При этом некоторые организации не имеют фиксированного членства, являясь скорее клубами по интересам. Иные появлялись и исчезали, как, например, презентованное в 2005 году движение «Бекум» («Прорыв»); практически сошли на нет некоторые из группировок, принимавших активное участие в организации апрельских беспорядков 2004 года.

В арсенале используемых средств достаточно широкий набор — митинги, проведение съездов под открытым небом (практиковалось партией «Республика» в 2005 году), оранжевый («абрикосовый») цвет, присутствующий в символике большинства радикальных партий, разнообразные способы обработки массового сознания. О некоторых из них речь пойдет ниже. Конкретные сроки начала «революции»

¹ Кавказский эксперт. 2006. № 4. С. 32.

и свержения действующей власти объявлялись оппозиционерами неоднократно, однако носили достаточно карикатурный характер. Главным образом, это связано с их неспособностью объединиться между собой (каждый из лидеров подобных организаций непременно считает себя самым главным оппозиционером), а также с большим желанием покрасоваться перед телекамерами.

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И СМИ: НЕКОТОРЫЕ ПРИЕМЫ

Ресурсы воздействия прозападных группировок на общественное мнение в Армении достаточно широки и мало соотносятся с их реальным политическим весом. В республике зарегистрировано и действует немало аналитических центров и групп, получающих, преимущественно, американское или европейское финансирование. Функционирует масса периодических изданий и интернет-сайтов соответствующей направленности. Лишь в некоторых случаях они финансируются за счет армянской диаспоры за рубежом, в основном же существуют за счет средств, выделяемых из соответствующих разделов бюджета США или стран Евросоюза. Интересно, например, что информационный центр НАТО в Армении также имеет статус общественной организации. Руководитель центра является по совместительству директором агентства «Медиамакс» — официально зарегистрированного независимого СМИ Армении.

Американские уголки — небольшие библиотеки в американском стиле, где размещаются рассказывающие об Америке ресурсы на английском языке — действуют с 2005 года в Ереване, а также в Гюмри, Ванадзоре, Капане. С 1992 года в республике работает финансируемый Конгрессом США Американский корпус мира, представителей которого неоднократно обвиняли в шпионаже, в том числе и в России; действуют разнообразные сектанты. На волнах Общественного радио ежедневно по 2 часа в день вещает американская радиостанция «Свобода», а попытки властей исправить эту архаичную практику натолкнулись на апелляции к Госдепартаменту США и шумные протесты возмущенной «общественности»¹. Американские ценности пропагандируются рядом армянских телеканалов и т.д. Некоторые авторы прямо пишут о *«политизации НПО в контексте борьбы правительства и оппозиции»*, не совсем корректно отождествляя такие НПО с *«гражданским обществом»*².

Международные неправительственные организации и их представительства в Армении обычно активизируются в преддверии крупных политических событий, причём их деятельность зачастую принимает характер информационно-пропагандистского давления. Стараниями ереванского офиса американского Национального демократического института (NDI), возглавляемого Мадлен Олбрайт, 15 активистов «Республики» прошли в США спецкурсы «обучения принципам демократии», после чего в их сознании произошел соответствующий идеологический перелом. По словам главы ереванского офиса NDI Чэа Роджерса, его организация специализируется на «пророссийских» политиках: *«обучает их посредством тренингов и консультирует в подготовке к выборам»*. После одного из таких тренингов Арташес Гегамян заявил: *«Мы должны стать организованной силой, должны быть понятными, предсказуемыми для различных стран мира и, в первую очередь, для США»*³.

¹ Микаелян Л. На пути к независимости // Голос Армении. 30 июня 2007 г.

² Хасанов А., Исканян А. Наведение мостов: миротворческие инициативы гражданского общества // Пределы возможностей лидеров элиты и общества в нагорно-карабахском мирном процессе. 2005 (17-й выпуск программы публикаций «Аккорд» организации «Ресурсы примирения»)

³ NDI раскрывает «Национальное Единение» // Новое Время (Ереван) 7 мая 2005 г.

Накануне парламентских выборов 2007 года директор «Фридом хаус» по вопросам Кавказа Крис Уокер заявил: «Армения вплотную приблизилась к границе, которая разделяет «частично свободные» и «несвободные» страны, что является отражением слабых показателей в ряде важных сфер, в частности, свободы слова и прессы, возможности участия граждан в политических процессах»¹. Были срочно обнародованы данные международной «Транспэрэнси интернешнл» о том, что «90 процентов армянских чиновников коррумпировано». По словам руководителя ереванского офиса организации Амалии Костанян, 90% респондентов уверены, что самым коррумпированным институтом в Армении является избирательная система². Разумеется, коррупция действительно является большой проблемой, причем не только в Армении, но и, пожалуй, во всем мире (не исключая западной его части), и соответствующие данные имеют, на первый взгляд, большую степень достоверности. Однако мало кто помнит, что всего лишь годом ранее, по итогам 2005 года, та же «Транспэрэнси интернешнл» объявила Армению самой некоррумпированной страной СНГ (88-е место в мире), в то время как Азербайджан оказался на 137-м месте³.

Далее, эксперты Всемирного Банка срочно обнаружили, что в Армении, оказывается, «чрезвычайно дорогая сотовая связь» и чуть ли не самые дорогие авиабилеты в мире. Полномочный представитель Всемирного Банка Самы Митра сказал, что в республике не созданы условия для полноценной предпринимательской деятельности и развития частного бизнеса. При этом глупо было бы сравнивать Армению с Финляндией и Исландией, а показатели «предпринимательского индекса», также выставляемые различными международными организациями, были для Армении куда более благоприятными, нежели для ее соседей по региону. Оценки «авторитетных» международных организаций имеют свойство колебаться вместе с меняющейся политической конъюнктурой. Проблемы борьбы с коррупцией, защиты прав человека и гражданина необходимо отделить от попыток вмешательства во внутренние дела независимого государства, полной или частичной ликвидации его суверенитета и формирования извне системы органов государственной власти и управления⁴.

Социологические опросы также были поставлены на службу политическим целям. Согласно «объективным опросам», которые стали дружно проводиться прозападными СМИ в предвыборный период в Ереване, около двух третей опрошенных были настроены «революционно». При этом данные других опросов, проведенных американской организацией USAID годом позже, демонстрируют несколько иные результаты. Согласно полученным в мае и августе 2006 г. данным, к несанкционированным формам социального протеста готовы от 9 (захват зданий и учреждений) до 26 (несанкционированные забастовки) процентов респондентов. Лишь около 12 процентов опрошенных считают вполне вероятным совершение «цветной революции»⁵. Вряд ли за полгода протестные настроения выросли в несколько раз, однако соответствующие социологические «данные» были призваны убедить всех и каждого, что именно так и происходит.

¹ <http://www.a1plus.am/ru/?page=issue&iid=44400>

² Северный Кавказ. 20 февраля 2007 г.

³ http://www.transparency.org.ru/doc/CP_%202005_eng_01000_146.pdf

⁴ Подробнее см.: В.В. Красинский. Выборы как механизм захвата политической власти и реализации иностранной внешней политики // Военно-юридический журнал. 2006. № 3.

⁵ Результаты социологического опроса, проведенного среди 1200 граждан Армении в мае и августе 2006 года // Armenia poll presentation. 2006-10-12/ P/56/ Issued by the Gallup Institute by order of the International Republicfn Institute with support of the USAID and Armenia Sociological Association.

Особо следует сказать о так называемой Международной кризисной группе (МКГ), занимающейся «мировотворчеством» во многих уголках земного шара. Деятельность этой организации в Армении носит особенно деструктивный характер. Так, в документе с характерным заглавием «Армения: в преддверии внутривнутриполитической нестабильности» со ссылкой на армянского корреспондента сети «eurasianet.org» утверждается, что в апреле 2004 года «по приказу властей полицейскими отрядами был осуществлен насильственный разгон масштабных, но мирных митингов в центре Еревана»¹. В этом же документе муссировались слухи о намерении Роберта Кочаряна остаться на третий президентский срок. Делаются и более масштабные «заходы»: «Айастанцы, карабахцы, беженцы из Азербайджана, армянская диаспора — все это отдельные общины», — утверждают авторы доклада. Провоцирование раскола нации было опробовано на Украине («западнцы») и жители юго-востока), аналогичные технологии пытаются внедрить и в Армении², и это — прямой путь к тому, чтобы страна пошла вразнос...

В российской прессе появлялись сообщения о том, что МКГ является не только американской, но и турецкой лоббистской структурой³. Соответственно, становится более ясной мотивация ее деятельности в Армении и Карабахе. Тем не менее, с МКГ сотрудничает ряд армянских НПО, а ее представителем в Ереване является бывший пресс-секретарь Левона Тер-Петросяна Левон Зурабян, сохранивший связи с экс-президентом. Рецепты решения карабахской проблемы, предлагаемые некоторыми армянскими экспертами, поразительно схожи с «мировотворческими» инициативами МКГ. Так, Степан Григорян — член совета Центра развития демократии и гражданского общества «Армаг», председатель правления Аналитического центра по глобализации и региональному сотрудничеству — предлагает в качестве одного из элементов решения конфликта размещение в поясе безопасности по периметру границ Нагорного Карабаха «мировотворческих подразделений НАТО, имеющих мандат СБ ООН», а также более активную интеграцию Армении и Азербайджана в военно-политические структуры НАТО⁴.

Отношение к России у прозападных политических группировок, экспертных групп и СМИ аналогичной направленности — сдержанное, а все чаще ярко выраженное негативное. До поры до времени оно не озвучивалось открыто, так как с очевидностью привело бы к потере множества голосов избирателей — даже Тер-Петросяна и АОД с их политикой языковой дискриминации пытались объявить чуть не «друзьями» России⁵. С некоторых пор высказывания на «российскую тематику» стали носить более откровенный характер, все больше приближаясь к риторике «старших братьев» из Грузии и Украины. И это нельзя не оценить в контексте антироссийского информационного фона на Западе в целом, поддержания в актуальном состоянии старых и воспроизводства новых страхов и фобий относительно, так называемых, «имперских амбиций Москвы».

Скажем, по словам председателя правления АОД Арарата Зурабяна, «на всем постсоветском пространстве действует агентурная сеть, направленная на удов-

¹ Размещено на сайте <http://www.crisisgroup.org>

² Интересно, что попытки такого искусственного разделения на «айастанцев» и «карабахцев» активно предпринимались в 1996 — 1997 гг., непосредственно перед отставкой Левона Тер-Петросяна. Присутствуют они и сейчас в арсенале многих прозападных политиков и СМИ.

³ Арешев А. МКГ и Нагорный Карабах — Бжезинский, Пинчук, Явлинский и Турция // <http://www.regnum.ru/news/581623.html>

⁴ Карабахский конфликт: понять друг друга. Ереванский пресс-клуб. Фонд им. Фридриха Эберта. М. 2006. С. 56.

⁵ Петросян Д.: Тер-Петросян в качестве президента Армении устраивает и Запад, и Россию // Кавказский Узел. 15 августа 2007 г.

летворение российских интересов. Сегодня Россия всеми силами пытается сохранить действующую в Армении власть, поскольку, потеряв ее, она автоматически потеряет здесь и свое влияние»¹. Все это находит сочувственные оценки в статьях и репортажах западных, а также некоторых российских средств массовой информации, преимущественно — радикально-либерального направления.

Здесь нельзя не отметить следующий момент. Армения находится в чрезвычайно сложном геополитическом окружении. Высказывания и поступки армянской оппозиции неизменно являются предметом пристального внимания со стороны Турции и особенно Азербайджана. Каждое антироссийское заявление лидера очередной прозападной группировки целенаправленно подхватывается, тиражируется и выдается за общий поворот армянского общества от России в сторону Запада. Неудивительно, что в первую очередь это делает бакинская пресса, издающаяся на русском языке. Иногда доходит до курьезов. Например, некоторые «эксперты» начинают вдруг утверждать, что «стратегическое партнерство на Южном Кавказе России и Армении вряд ли имеет серьезную перспективу на долгосрочный период»... Далее говорится об усилиях «самой Армении вырваться из «крепких» объятий своего стратегического партнера и сблизиться с Западом. В Армении появились и крепнут политические силы, настойчиво и откровенно требующие «реформирования» внешней политики и ее переориентации с «опальной» (в глазах Запада) Москвы на перспективные Брюссель и Вашингтон». Утверждается, что «у Армении уже появились территориальные претензии и к России», и так далее. Соответствующий материал (без подписи) появляется на, казалось бы, армянском сайте², что, по идее, должно придать этой дезинформации дополнительную убедительность. При ближайшем рассмотрении оказывается, что за неназванным автором «аналитического обзора» скрывается политолог Сахиль Искандеров³. И это — лишь один эпизод информационного противоборства, с помощью которого хотят поссорить наши народы и государства, повысить авторитет антироссийских сил в Армении.

Словом, работа над изменением общественного мнения республики ведется достаточно изоциренно и кропотливо, при этом по полной программе используются реальные или мнимые промахи российской политики на Кавказе. Тем не менее, данные соцпросов неизменны: Россия по-прежнему остается бесспорным лидером в рейтинге общественного мнения, заметно опережая и Евросоюз, и США.

ВЫБОРЫ В АРМЯНСКИЙ ПАРЛАМЕНТ: РОЛЬ США И НАБЛЮДАТЕЛЕЙ

Все разношерстные прозападные сообщества в своей агитационно-пропагандистской работе в той или иной степени опираются на американское посольство, занимающее огромный по площади участок земли практически в центре Еревана. Роль этого посольства, как и некоторых других западных миссий в Ереване во внутривнутриполитической жизни Армении, далеко выходит за рамки роли обычного дипломатического представительства. Это ярко проявилось как в 2004 году, так и в период подготовки и проведения парламентских выборов 12 мая 2007 года.

Прежде всего, следует сказать, что причиной отставки в 2006 году посла США в Ереване Джона Эванса стали, по некоторым признакам, его тесные связи с руководством республики и нежелание участвовать в подготовке в Армении так называемой «оранжевой революции». До отъезда на родину в прощальном интервью армянским СМИ Джон Эванс косвенным образом это подтвердил, заявив, что «револю-

¹ Маркедонов С. Оранжевые перспективы Армении // Независимая газета. 2005. 26 сентября.

² http://hayinfo.ru/page_rev.php?tb_id=2&id=406

³ <http://newsazerbaijan.az/analytics/20070406/41695965.html>

ции и беспорядки являются не лучшими методами для демократических реформ»¹. Иначе говоря, американские власти заставляли своего посла провоцировать беспорядки в целях ускоренной «демократизации» Армении, однако он эту миссию провалил. Хотя ранее, в конце августа 2005 года, Эванс, несмотря на свою репутацию сравнительно мягкого арменофила, заявил, что возможная фальсификация итогов референдума по внесению поправок в армянскую Конституцию «станет началом массовых выступлений народа Армении».

Впоследствии долгое время на место посла в Армении Джорджем Бушем предлагалась кандидатура Ричарда Хогланда, гомосексуалиста и известного специалиста по «цветным революциям». В конце концов, эта кандидатура была отвергнута Конгрессом США в результате значительных усилий армянских лоббистских организаций. По мнению местных наблюдателей Хогланд вполне мог бы стать решительным инициатором объединения разрозненных прозападных сил республики в борьбе с официальными властями. Сейчас временным поверенным в делах США в Армении является Рудольф Перина, знакомый с регионом не понаслышке — с 2001 по 2004 год он был сопредседателем Минской группы ОБСЕ по Нагорному Карабаху.

С целью обеспечения «свободного и справедливого голосования» в ходе парламентских выборов армянским общественным организациям официально было выделено 6 млн. долларов. По неофициальным же данным, сумма превышала 22 млн. долларов и оказалась даже больше. Уже в январе 2007 года временный поверенный в делах США, вице-посол Энтони Годфри заявил, что в американском посольстве «действует команда специалистов, которая занята подготовкой к парламентским выборам в Армении»². Разнообразная как материальная, так и организационная помощь оказывалась не только общественным организациям, но армянской оппозиции, особенно наиболее радикальной ее части. С их представителями неоднократно встречались американские эмиссары, в том числе — сопредседатель минской группы ОБСЕ по нагорному Карабаху США, скандально известный Метью Брайза, женатый на турчанке, директоре евразийских программ американского Института Хадсона, Зейно Баран. В одном из выступлений Брайза высказал надежду «увидеть в Армении ту же череду демократических реформ», которые США, по его словам, «начали видеть в Азербайджане». В ходе конфиденциальной встречи Брайзы с руководителями партий «Республика», «Ориняц еркир» («Правового государства»), АОД и Национально-демократического союза, армянские политики просили у Брайзы, в частности, «...прислать как можно больше наблюдателей на выборы, чтобы на каждом избирательном участке было несколько западных наблюдателей, остальное обеспечим мы сами»³. Судя по всему, рассматривались также вопросы объединения оппозиции в единый блок. Лидеры радикальных оппозиционных партий друг за другом совершили турне по США, где в ходе встреч с представителями Сената, Конгресса, Госдепа, произносили пламенные речи о необходимости революции, более широкой интеграции с НАТО и «демократизации армянского общества».

После состоявшегося в феврале турне по США лидер самой радикальной оппозиционной партии Армении «Республика» Арам Саркисян выступил с характерным заявлением: «Заверяю вас, что к предстоящим парламентским выборам в Армении Соединенные Штаты отнесутся с гораздо большим вниманием, чем относились к ним в прошлом. На сей раз они не потратят долгие месяцы на разного рода воззвания и среагируют на процессы намного оперативнее и быстрее. В вопросе Армении

¹ Северный Кавказ. 16 января 2007 г. № 2.

² Маргарян Р. Вмешательство по-американски // Голос Армении. 16 января 2007 г.

³ Северный Кавказ. 6 февраля 2007 г. № 5.

отступлений уже не будет»¹. А по словам Артура Багдасаряна, совершенно случайно также находившегося в эти дни в США, «если выборы в Армении будут сфальсифицированы, страну ожидают большие потрясения». А вот еще одна цитата из выступления Арама Саркисяна в ходе одного из предвыборных митингов: «Наша цель — демократическая революция в Армении! Но если, не приведя Господь, выяснится, что власти и на этот раз пренебрегли нами, и на этот раз растоптали наши права, и на этот раз подтасовали результаты голосования, мы нашу духовную революцию превратим в революцию настоящую!»

Особое место в пропагандистской кампании заняла тема «свободы слова». Несколько международных журналистских организаций словно по команде призвали власти Армении прекратить преследование журналистов и восстановить в правах закрытые телеканалы и газеты. Одна из проамериканских журналистских организаций Еревана даже «наградила» президента Армении символическим призом «Врага прессы». Посол США в ОБСЕ Джулия Финли вслед за Госдепартаментом отметила непозволительное отношение Роберта Кочаряна к средствам массовой информации, осудив закрытие телеканала А1-плюс. В дополнение к этому власти США приняли решение о разработке многолетней программы сотрудничества с армянскими СМИ, нацеленной на укрепление финансовой независимости последних. В этих целях армянским газетам и телеканалам начали систематически предоставлять многочисленные гранты, журналисты стали чаще бывать в США и странах Западной Европы.

Действительно, в 2004 году был закрыт телеканал — А1-плюс (это — единственный случай подобного рода)². По некоторым данным, причины были скорее экономического характера: передача, представленная телеканалом на конкурс по предоставлению вещательной частоты, мягко говоря, не дотягивала до необходимого уровня, и его руководители решили оформить свой уход из эфира крупным скандалом. После апрельских событий 2004 года в центре Еревана на некоторое время была приостановлена трансляция российского телеканала НТВ, симпатии которого были целиком и полностью на стороне радикальных оппозиционеров.

20 февраля 2007 года организация «Альтернатива» организовала митинг на площади Свободы в центре Еревана, а позже — шествие к зданию общественного телевидения. Число митингующих, по официальным данным, составляло около 1000, по неофициальным же — от 2 до 3 тысяч человек. Акция была проведена с целью проверить реакцию властей, которые ее же санкционировали. В ходе митинга были озвучены данные журнала «Форбс», согласно которым личный капитал президента Роберта Кочаряна оценивается в 200 млн. долларов, министра обороны Сержа Саркисяна — в 150 млн., лидера партии «Прцветающая Армения» Гагика Царукяна — в 100 млн., главы Центробанка Тиграна Саркисяна — в 50 млн. и т.д. Характерно, что с обвинениями в коррупции выступили бывший спикер парламента Бабкен Араркцян, бывший мэр столицы Ваагн Хачатрян, репутация которых также небезупречна. Это явно не добавляет популярности прозападной оппозиции.

27 февраля Энтони Годфри на трехдневном семинаре, проведенном американским посольством с участием не менее 70 представителей генпрокуратуры, министерства внутренних дел, судебных инстанций и центральной избирательной комиссии республики, заявил: «Парламентские выборы в Армении имеют чрезвычайно важное значение для Соединенных Штатов, и мы не смирились с возможными нарушениями и фальсификациями в ходе избирательной кампании... Мы еще подождем

¹ <http://www.regnum.ru/news/816473.html>

² Мы не рассматриваем более мелкие инциденты наподобие поджогов машин, которые скорее имели характер «черного пиара» и напоминали «взрыв» возле квартиры московской журналистки Елены Трегубовой.

и посмотрим, каким будет освещение событий в средствах массовой информации. Я лично обратился ко всем телевизионным каналам с призывом обеспечить беспристрастное, нетенденциозное освещение избирательной кампании»¹. Сам факт, что посол иностранного государства вызывает к себе «на ковер» представителей силовых структур страны пребывания, говорит о многом.

В ежегодном докладе о правах человека в различных государствах мира, опубликованном 6 марта, Госдепартамент США объявил, что итоги президентских и парламентских выборов в 2003 году в Армении были подтасованы властями. Более того, авторы доклада высказали предположение, что сфальсифицированными окажутся результаты и парламентских выборов в мае нынешнего года, с чем правительство США на сей раз мириться не будет. Обвиняя армянские власти в многочисленных «нарушениях прав человека» — от женщин до сексуальных меньшинств, Госдеп США обвинил их еще и в том, что они «контролируют деятельность национальных органов безопасности»... Псевдоправозащитная риторика была дополнена требованиями от Еревана односторонних уступок в карабахском вопросе (замена подразделений Армии обороны НКР на территориях «пояса безопасности» вокруг НКР «международным миротворческим контингентом» и одностороннее возвращение азербайджанских переселенцев не только на эти территории, но и в пределы административных границ бывшей НКАО).

В марте несколько карликовых партий, объединившихся в предвыборный блок «Импичмент», провели в разных кварталах Еревана «точечные митинги» разведывательно-предупредительного характера. Наблюдатели миссии ОБСЕ, возглавляемой бывшим министром иностранных дел Словении Борисом Фрлцем, разделившись на 15 групп, поехали по всем районам Армении в поисках «нарушений демократических норм». При этом представители миссии не скрывали, что намерены «осуществить наблюдения» не столько за самими выборами, сколько за «поствыборными процессами». Симптоматично, что за ходом парламентских выборов в 70-миллионной Турции следили всего 5 наблюдателей ОБСЕ, в 3-миллионной Армении — больше 400, из которых 42 наблюдателя — с долгосрочной миссией². Мониторинг за ходом предвыборной кампании и процессом голосования осуществляли также более 4 тысяч местных наблюдателей организации «Выбор твой», причем этот проект финансировался Агентством по международному развитию США (USAID)³.

Итоги парламентских выборов 12 марта 2007 года выглядели следующим образом: из 2 285 830 зарегистрированных избирателей проголосовали 1 351 669, что составило 59,9 %. Республиканская партия набрала 32,8 % (457 032 голосов), Прогрессивная партия — 14,7 % (200 443) и АРФ Дашнакцутюн — 12,7 % (177 192). Две оппозиционные партии, прошедшие в парламент — «Ориняц Еркир» и партия «Наследие» — набрали 6,8 % (95 256 голосов) и 5,8 % (80 890) соответственно. Заметим, что оппозиционные партии получили в сумме около 30 % голосов, а продемонстрированные ими результаты свидетельствуют скорее об их договороспособности, о которой говорилось выше, чем о целенаправленном «зажиме демократии» властями. Заявляя о массовых фальсификациях, лидеры оппозиции в то же время признавали, что фактические доказательства у них отсутствуют⁴. Со стороны блока

¹ Северный Кавказ. 6 марта 2007 г. № 9.

² Северный Кавказ. 15 мая 2007 г. № 18.

³ «Замеченные нарушения не носили массовый характер и не могли существенно повлиять на результаты голосования», — заявила организация «Выбор твой» // ИА «Медиамакс», 14 мая 2007 г.

⁴ См., например: Лидер Народной партии Армении заявил о «массовых нарушениях», признав, что доказательств у партии нет // Сообщение ИА Медиамакс. Ереван, 14 мая 2007 г.

«Импичмент» предпринимались попытки вновь организовать массовые беспорядки, однако успехом они не увенчались.

Оценка голосования западными структурами весьма показательна и свидетельствует об их намерении пользоваться этим инструментом политического шантажа в течение максимально длительного срока. Первоначальные сдержанно-положительные заявления сменились более угрожающими заявлениями Б. Фрлеца¹. В промежуточном докладе небезызвестного БДИПЧ / ОБСЕ результаты голосования были поставлены под сомнение: якобы подсчет голосов аж на 35 % избирательных участков прошел с нарушениями. По опыту событий в других постсоветских государствах, в частности на Украине, известно, что европейские структуры призваны выполнять функцию легитимации/делегитимации выборов, поскольку оценки западноевропейских наблюдателей, этих жрецов демократии, имеют преимущественное значение среди других. Также замечено, что все миссии европейских наблюдателей отказываются от встреч, обсуждений и тем более консультаций с наблюдателями иных миссий². В период между парламентскими и президентскими выборами западные игроки стремятся «подвесить» внутривнутриполитическую ситуацию в республике, оставляя себе поле для маневра и пытаясь по максимуму использовать все возможные формы давления. Оценки как уже прошедших парламентских, так и президентских выборов в Армении будут смягчаться или ужесточаться в зависимости от того, будут изменены внешнеполитические приоритеты в республике или нет³. Несмотря на массивное, целенаправленное и хорошо скоординированное давление изнутри и извне, власти, очевидно, не намерены пересматривать основные ориентиры нынешнего курса, делая ставку на сохранение его преемственности. Выдвижение Сержа Саркисяна в качестве кандидата в президенты уже фактически состоялось, соответствующие формальности являются лишь вопросом времени. Эффективно именно Саркисян имеет наибольшие шансы на победу.

Что касается оппонентов властей, то они всеми своими действиями показывают: в стремлении прийти к власти любыми путями ставка ими делается, прежде всего, на внешние силы, а не на армянского избирателя. История с бывшим председателем Национального собрания Армении, лидером партии «Ориняц Еркир» Артуром Багдасаряном являет тому весьма характерный пример.

БРИТАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО: МИСТЕР ХАЙД КАК ЗЕРКАЛО «АБРИКОСОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Конфиденциальные переговоры Артура Багдасаряна с высокопоставленным представителем посольства Великобритании в Ереване Ричардом Хайдом были обнародованы в нескольких номерах весьма информированной газеты «Голос Армении»⁴. Некоторые пассажи ставшего достоянием гласности диалога оказались весьма характерными для обрабатываемой на постсоветском пространстве практики внедрения «демократии».

¹ <http://www.regnum.ru/news/833815.html>

² Мирзоев С. Ук. соч. С. 90-91.

³ Представляется обоснованным мнение Е.М. Примакова: «...Когда американцы видят, что устраивающая их фигура шатается, они ищут и находят связи с оппозицией. Работая с оппозицией, Вашингтон одновременно решает две задачи. Добивается, чтобы дальнейшие события развивались по выгодному ему сценарию, и не допускает прихода к власти непредсказуемых сил» (Цит. по: Лочелцов Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. М.: Европа, 2005. С. 112). Такой сценарий был осуществлен на Украине и в Грузии, но вряд ли подобного рода усилия будут эффективными в Армении.

⁴ № 43, 45 за 2007 год.

В ходе разговора Хайд просит своего армянского собеседника предоставить ему формальный повод для того, чтобы объявить предстоящие выборы «не соответствующими демократическим стандартам»: *«Нам нужно некое однозначное нарушение, чтобы Евросоюз выступил с подобным заявлением»*. Далее начинается судорожное обсуждение, как бы такое нарушение спровоцировать, да еще и под носом у иностранных корреспондентов. Выясняется, что тут у Багдасаряна все схвачено: *«У нас есть конкретные договоренности, что они [иностраные журналисты] придут»*. А *«если будут фальсификации, люди выйдут на улицу, и вы не сможете сказать, что все хорошо, если 100–200 человек арестуют, а это неизбежно. И Франция не сможет сказать, что все хорошо, если людей будут избивать»*. В общем, чем хуже, тем лучше, пусть, мол, людей избивают, лишь бы Англия и Франция заклеили «кровавый правящий режим». (Интересно, если бы некий армянский посланник уговаривал кого-нибудь из английских политиков скомпрометировать собственную страну путем провоцирования массового насилия и гражданского противостояния, и это стало бы известным, — какова была бы реакция «демократической общественности»?)

Однако даже этого недостаточно. Несостоявшийся «армянский Ющенко», употребляя все свое красноречие, убеждает своего британского визави, чтобы Европейский Союз еще до выборов 12 мая выступил с заявлением, в котором легитимность их результатов заведомо ставилась бы под сомнение. «Когда Семнеби¹ поднял этот вопрос, одна из стран — членов Евросоюза, но не Англия, была против, чтобы до выборов было сделано заявление», — информирует Хайд своего подопечного. «Но ведь мне обещали!» — недоумевает Багдасарян.

Хайд, в свою очередь, сетует на пассивность большинства иностранных миссий, которые (вот незадача!) *«постоянно считают себя друзьями Армении. И я не могу им разъяснить, что на одном уровне — друзья, а на другом — враги. Вы поняли, что я имею в виду между строк?»* Удивляясь нежеланию посольств Болгарии и Греции участвовать в травле армянских властей, англичанин объясняет это недоразумение следующим образом: *«У них много проблем с армянами. Армяне Стюрка играют весьма негативную роль для населения Армении и самой Армении...»* Не в пример несмышленным туземцам, роль западных представительств вообще и британской миссии в частности видится господину Хайду сугубо позитивной...

Из намеков британского «демократизатора» недвусмысленным образом следует: туманный Альбион весьма заинтересован в том, чтобы развитие событий после выборов в Армении проходило по грузинскому или украинскому сценарию.

Далее «высокие переговаривающиеся стороны» переходят к обсуждению предстоящих весной 2008 года в Армении президентских выборов. Багдасарян многозначительно намекает: *«очень важно, какие силы и с какими оценками выступят. Например, конкретно в Вашингтоне серьезные люди говорят, что для них очень важно, что наша партия скажет после выборов, (например, советник Джорджа Буша, мы встречались с ним), то есть что скажут те силы, которые уже доказали преданность этим ценностям, этой демократии... Мы встречались с некоторыми демократами, руководителем комиссии по иностранным делам Джозефом Байденом, и он сказал, что, если будут фальсификации, у демократов появится дубинка. То есть существуют и внутренние проблемы, то есть они устали от Армении...»* Багдасарян даже не скрывает, что он уже прошел соответствующую стажировку за океаном и теперь точно знает от «серьезных людей», что и как армянской оппозиции надлежит делать для того, чтобы «эта демократия» и «эти ценности» восторжествовали. Можно продолжать цитирование и далее, однако, думается, что и изложенного выше вполне достаточно...

Обнародование столь скандальной пленки вызвало бурную реакцию, досто-

¹ Специальный представитель ЕС по Южному Кавказу.

верность ее не вызвала никаких сомнений (это вынуждены были косвенно признать, в том числе, и участники судьбоносной беседы), а президент Армении Роберт Кочарян обвинил экс-спикера в предательстве¹. Посольство Великобритании выступило с недовольным заявлением. Однако именно такие разговоры «среди своих» не могут не представлять интереса, так как высвечивают истинные намерения западных «знаменосцев свободы» на постсоветском пространстве, в отличие от декларируемых ими на публику благостей, а также их подлинное отношение к подведомственному электорату.

Несмотря на относительный успех в ходе выборов, из партии начался массовый исход активистов, включая тех, которые участвовали в переговорах своего лидера с британским дипломатом, и в настоящее время «Ориняц Еркир» не представляет собой никакой мало-мальски значимой силы.

МОЛОДЕЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: «СКСЕЛА»

На смену дискредитировавшим себя группировкам приходят новые, в частности, ориентированные на молодежь организации. В организационно-финансовой поддержке некоторых из них также засветилось британское посольство. Так, молодежное объединение «Сксела» («Началось») было создано в 2003 году, причем в организацию были вложены серьезные деньги. Проводимые им шумные акции накануне парламентских выборов также привлекли немалое внимание. 18 февраля 2007 года члены организации, надев на голову сделанные из газет шапки, демонстративно маршировали мимо здания парламента, крича депутатам: «*Не ешьте много!*» Данные выкрики, очевидно, означали намек на масштабную коррупцию, имеющую место в высшем эшелоне власти. Однако не совсем понятно, каким образом можно победить коррупцию, если в ход идут только уличные выкрики. Не способствует общественному доверию к организации и тот факт, что среди лидеров «Сксела» присутствуют дети нескольких видных фигур из АОД, в период правления которого коррупция в Армении приняла особенно уродливые формы.

Очевидно, подобные акции проводятся исключительно с целью заявить о себе как о новой, «свежей» общественной силе. Немаловажно и то, что акция была приурочена к народному празднику Барекендан, который символизирует пробуждение природы и всего живого после зимней спячки. Однако деньги на акцию были выделены посольством Великобритании².

Поначалу представители «Сксела» заявляли, что не ставят перед собой никаких политических целей. Однако более поздние ее акции имели уже явно политический подтекст. Так, на 15 апреля «Сксела» запланировала проведение рок-концерта «Рок во имя свободы» на открытом воздухе, однако Ереванская мэрия разрешение на это мероприятие (финансировавшееся также через британское посольство) не дала. Представителями «Скселы» такое решение было расценено как имеющее непосредственное отношение к выборам и попыткам властей не допустить проведение оппозиционными группами различных публичных акций. «Если мэрия отказывает „Сксела“, значит, что-то против нас замышляют», — говорит один из членов движения Арсен Харатян.

Тогда активисты «Сксела» стали обращаться к столичным властям с заявками на проведение заведомо бессмысленных акций. Например, тот же Арсен Харатян обратился с призывом ко всеобщей молитве, Арпине Чалчян — с просьбой организовать концерт на тему «Роль Чингиз-хана в процессе формирования армянской

¹ <http://www.arminfo.info/index.php?show=article&id=1501>. Заметим, что записи гораздо более сомнительного содержания неоднократно становились инструментом в руках идеологов «цветных» переворотов — вспомним хотя бы знаменитые «Мельниченко Records» на Украине.

² http://sngnews.ru/frame_article/22/73528.html // Eurasianet.org.

армии», в котором должен был принять участие Жирайр Сефилян (находящийся, кстати, в заключении). Другой участник движения просил разрешить проведение рок-концерта «Подсолнух против бомб». Заявления составлялись прямо на месте, возле мэрии. После передачи заявлений, участники движения сказали, что, несмотря на свою уверенность в том, что «заявления эти читаться не будут, а если и будут, то все равно откажут», они намерены дождаться ответа мэрии. По их словам, мэрия должна ответить в течение 24 часов. *«Они откровенно „вижжат“ на нас, теперь мы будем на них „вижжать“». Мы обращаемся к ним с бессмысленными заявлениями, и не собираемся их выполнять, даже если позволят»,* — так объяснил Арсен Харатян смысл заявлений, подаваемых столичному мэру Ерванду Закарян¹.

Непосредственно накануне выборов армянскими СМИ фиксировалась возросшая активность «Сксела». Некоторые обозреватели уже пытались провести параллель между нею и грузинской «Кмарой» («Довольно») или украинской «Порой» — молодежными организациями, сыгравшими важную роль в революциях этих стран 2003 и 2004 годов.

5 мая целым рядом неправительственных организаций («Центр регионального развития / Транспэрэнси Интернэшнл-Армения», Хельсинкский комитет Армении, «Сксела», Клуб журналистов «Аспарез» г. Гюмри и ванадзорское отделение Хельсинкской гражданской ассамблеи) была организована широкомасштабная акция — пародия на покупку голосов избирателей. Целью этой акции был призыв к избирателям высказаться против коррупции накануне парламентских выборов. Желающие продать свои голоса в установленных в парке палатках получали фальшивые долларовые банкноты, с помощью которых можно было купить себе правительственную должность, место в парламенте или монополию в бизнесе. Хотя аукцион был объявлен беспартийным мероприятием, его тональность была критической в отношении правящей Республиканской партии Армении и партии «Процветающая Армения».

Интересно мнение Джеффри Туфенкяна, президента местной НПО «Леса Армении» и активиста американского экологического и правозащитного движения. Он полагает, что именно смесь бездумного веселья и серьезности на мероприятиях «Сксела» предоставляет столь необходимую возможность для «позитивной политической деятельности»². Однако в реальности деятельность этой организации по организации флэш-мобов, бессмысленных выкриков и препятствованию деятельности органов государственной власти вряд ли можно рассматривать в качестве элемента конструктивного политического диалога.

Однако среди активистов «Сксела», разумеется, нет политика, который смог бы претендовать на роль лидера, подобно Ющенко на Украине или Саакашвили в Грузии. В свою очередь, Арам Саркисян, Степан Демирчян, Артур Багдасарян, вряд ли являются теми фигурами, на которые можно делать серьезные ставки. В последние месяцы мы наблюдаем активные попытки «раскрутить» человека, который у абсолютного большинства граждан Армении ассоциируется с мрачным периодом новейшей истории третьей армянской республики...

НОВЫЕ ПОДХОДЫ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАНИМАЦИЯ ТЕР-ПЕТРОСЯНА

26 октября 2007 года экс-президент Армении Левон Тер-Петросян, выступая на Театральной площади Еревана перед своими сторонниками, заявил о намерении выдвинуть свою кандидатуру на президентских выборах 19 февраля 2007 года. Де-факто начавшаяся еще до официального старта предвыборная кампания носит со сторо-

¹ <http://www.a1plus.am/ru/?page=issue&iid=48679>

² http://sngnews.ru/frame_article/22/73528.html // Eurasianet.org.

ны экс-президента крайне агрессивный характер и сопровождается выдвижением против действующей власти многочисленных тяжких обвинений.

Фигура экс-президента Армении Левона Тер-Петросяна всегда привлекала силы, заинтересованные в смене внешнеполитического курса Армении. Основным препятствием здесь является его крайне низкая популярность — жители республики хорошо помнят масштабное разворовывание национального богатства, голод, холод, разрушение инфраструктур (некоторые из них не удается восстановить и по сей день) и «энерготеррор» со стороны властей в первой половине 1990-х годов. Массовые нарушения прав человека сопровождались закрытием неудобных газет и беспределом, творимым правоохранительными органами — то есть именно тем, в чем постоянно обвиняют «преступный режим Кочаряна» его прозападные оппоненты.

Процесс политической реанимации Тер-Петросяна был запущен после девяти лет «затворничества» его визитом в США в 2004 году. Сразу же по возвращении из-за океана неформальный лидер АОД пожелал победы на президентских выборах на Украине Виктору Ющенко. С тех пор его присутствие в информационном поле последовательно наращивается, а интерес к поездкам и заявлениям — умело подогревается. Посольство Соединенных Штатов в Армении 24 августа 2007 года подтвердило информацию о том, что временный поверенный в делах США в республике Рудольф Перина имел встречу с экс-президентом «по инициативе американской стороны». Экс-президент проводит интенсивные консультации, встречается с лидерами других партий, совершает поездки по республике (при организационной поддержке, в частности, Арама Саркисяна). Открываются новые оппозиционные СМИ, раздувающие кампанию тотального очернительства действующих властей. Создается впечатление, что готовится возвращение Тер-Петросяна в большую политику, — в пользу экс-президента высказываются лидеры многих партий и организаций, даже тех, которые доселе не были замечены в «оранжевых» настроениях.

Например, по словам лидера социал-демократов Людмилы Саркисян, в Левоне Тер-Петросяне есть *«большая политическая и человеческая воля»*. *«В ходе встречи стало очевидно, что экс-президент является именно тем кандидатом на должность главы государства, который может победить представителя нынешних властей»*, — отметила она. Руководитель вновь созданной в Армении общественной инициативы «Арменофилы» Левон Саакян заявил: *«Левон Тер-Петросян обязан вернуться в большую политику: так как он единственный, кто может победить нынешние власти»*¹.

«Выдвижение первого президента Армении Левона Тер-Петросяна кандидатом на пост главы государства уже поддерживают 10 политических партий. Но позвольте пока их не называть», — заявил член правления АОД Арам Манукян. По его словам, смена власти является настоятельной необходимостью. *«За последние 10 лет Армения стала инструментом в руках России. Но я уверен, что в стране найдется достаточно сил, благодаря которым очередная, 861-я годовщина основания Москвы в Ереване уже не будет отмечаться с помпезностью и на официальном уровне»*. 6 июля в ходе пресс-конференции Манукян заявил, что в Армении сейчас сложилась ситуация, когда сплоченная оппозиция должна совершить революцию и прийти к власти². В обращении «Конгресса политических партий, общественных организаций и гражданских инициатив, поддерживающих кандидатуру экс-президента Армении» говорится: *«Призываем каждого гражданина Армении присоединиться к всенародному движению, принять участие в со-*

¹ <http://www.regnum.ru/news/884049.html>

² <http://www.regnum.ru/news/853650.html>

творении общенародной победы во имя ответственности перед грядущими поколениями»¹.

Подобные заявления множатся подобно снежному кому и, разумеется, не могут быть случайностью. Они преследуют цель максимально раскачать внутривнутриполитическую обстановку, воздать необходимые предпосылки для инициирования новых массовых беспорядков. Представляется, что все возможные союзы будут иметь достаточно искусственный характер, а гипотетические союзы развалятся при первом же более-менее серьезном испытании на прочность, что особенно опасно в контексте постоянных притязаний их потенциальных участников на власть в республике.

Нынешнее армянское общество предпочитает более предсказуемых и реалистических настроенных политиков. Об этом свидетельствуют, в числе прочего, социологические опросы, проводимые по заказу изданий, которые никак нельзя назвать провластными. Так, с 9 по 14 января 2007 г. компания «APR Group» по заказу газеты «Аравот» провела телефонный опрос среди 663 ереванцев. Во-первых, 55,5% опрошенных участвовало в парламентских выборах 2003 года, а 68% собирается это сделать в нынешнем году. Если люди хотят идти на выборы, значит у них есть надежда, что именно таким путем можно изменить ситуацию в стране. 70,3% считает, что в Армении невозможны такие «акции протеста, какие происходили в Грузии, Украине и Киргизии». А какая политическая сила может организовать в нашей стране массовые митинги? По мнению 73,6% респондентов, такой силы нет. Партию «Национальное Единение» назвали в качестве потенциального организатора 2,6%, Народную партию — 1,5%, «Ориняц еркир» — 0,9%, Национально-демократический союз — 0,9% и даже объединение «Национальное самоопределение» Паруйра Айриkyана — 0,6%. 40,3% ереванцев ранее участвовало в массовых митингах, но в будущем это собирается сделать лишь 27,8%².

Следует понимать, что на психологическое оболванивание граждан республики могут быть брошены немалые силы, и оно является органической составляющей гипотетического «оранжевого» сценария. Для него вполне может хватить подкуженного извне, идеологически активного «заряженного» меньшинства. В продвижении Тер-Петросяна заинтересованы как некоторые группировки внутри Армении (это небольшая страна, где неформальные и родственные связи играют немалую роль), так и влиятельные внешние игроки.

Вероятный сценарий может заключаться в выдвижении «альтернативного» кандидата, сопровождаемого нагнетанием разрушительных эмоций, провоцированием (с использованием «старых связей») раскола в госаппарате и, возможно, даже в силовых структурах (как это срабатывает, показали события в Киргизии и на Украине). Здесь может пригодиться и усиленное муссирование темы о «карабахском клане», несмотря на то, что во всех звеньях государственного управления и в парламенте присутствуют уроженцы всех регионов Армении (не исключая и тех, которые остались вне пределов современных политических границ республики)³. В качестве же решающего аргумента может быть выпущено заявление соответствующих инстанций: мол, если по итогам выборов победит кто-либо иной, кроме Тер-Петросяна, они будут объявлены нелегитимными.

На следующем этапе могут иметь место попытки политико-дипломатической изоляции официального Еревана, вплоть до причисления его к сотрудничающим с

¹ «В Армении сформировалось всенародное движение», — заявили сторонники Тер-Петросяна // Сообщение ИА Медиамакс. 24.12.07.

² <http://www.regnum.ru/news/770565.html>

³ Так, Р. Кочарян является уроженцем Степанакерта, покойный премьер А. Маргарян происходил из семьи беженцев из Муша (Западная Армения), «родовое село» С. Саркисяна находится в Горисском районе и т.д.

Ираном государствам «оси зла». При этом ход самой предвыборной кампании, ее прозрачность и степень фальсификаций, как мы знаем по другим подобным случаям, никакого значения иметь не будут. В ходе своего выступления 21 сентября Тер-Петросян выступил с резкой критикой «мафиозного режима»¹, позиционируя таким образом себя в качестве очередного «армянского Ющенко» — несправедливо обиженного «борца с коррупцией» и сторонника «западных ценностей». Сценарий запущен?

В случае попыток расшатать внутривнутриполитическую ситуацию в Армении в предвыборный или поствыборный периоды позиция Москвы будет иметь принципиальное значение. Основные внешнеполитические позиции двух стран весьма близки или совпадают. По словам премьер-министра Армении Сержа Саркисяна, «...Россия сокращает свое присутствие в нашем регионе. Но это не означает, что другие должны его увеличивать. Мы считаем, что создание дополнительных разъединительных линий в регионе ничего не добавит структуре безопасности Армении».

Российское присутствие на Южном Кавказе, после успешного вывода войск из Грузии и форсированного дрейфа Азербайджана в сторону Запада, обеспечивается прежде всего благодаря союзническим отношениям с Арменией. Реализация крупных экономических проектов будет существенно затруднена при отсутствии достаточно прочных военно-политических позиций в регионе. Поэтому Россия заинтересована в сохранении стабильности в Армении, преемственности политики после президентских выборов, а также в том, чтобы у власти в стране по-прежнему находились силы, не пренебрегающие контактами с другими сверхдержавами и, в то же время, ориентированные на укрепление союзнических отношений с Москвой. В интересах России — поддержать в этот непростой период Армению и в информационном плане, и наблюдателями — содействуя легитимным внутривнутриполитическим процессам.

ВЫВОДЫ ДЛЯ РОССИИ

Армянские сюжеты представляются весьма актуальными и для России. При анализе действий прозападных группировок в Армении возникает стойкое ощущение «дежа вю». Неоднократно мы уже наблюдали телевизионную картинку, на которой хорошо организованные толпы захватывают именем «угнетенного народа» здания парламентов в Белграде и Тбилиси, парализуют массовыми беспорядками Минск и Будапешт, выкрикивают агрессивные речевки на киевском Майдане или громят центр Бишкека. При этом немалая ставка делается на молодежь. Вдохновители «цветных переворотов» умело используют свойственный этой категории населения радикализм, жажду эпатажа, стремление проявить себя в ходе массовых акций, получить результаты своего труда «здесь и сейчас» без четкого ощущения, что такого не бывает нигде в мире, недостаток жизненного опыта. Отсюда все эти громкие и с виду привлекательные, но на поверку совершенно пустопорожние лозунги о «свободе» и «демократии», завернутые в яркие розовые и оранжевые обертки, со знанием дела подобранная атрибутика — неотъемлемая часть любой секты².

Прошло несколько лет, чтобы можно было подвести некоторые итоги: гражданский раскол и угроза распада страны на Украине и в Киргизии, перманентная нестабильность в Грузии (а значит, и на всем Кавказе) и фактически потерянное для Сербии Косово³. А теперь, в полном соответствии с прогнозом, высказанным в до-

¹ <http://kavkaz.memo.ru/newstext/news/id/1197677.html>

² Цитируем слова Ч. Роджерса, обращенные к армянской молодежи: «Вы являетесь той новой силой, которая привлечет новых членов. Выйдя из зала, встретив своих друзей, близких, родственников, попытайтесь сделать так, чтобы и они стали вашими партийцами. Они, в свою очередь, должны записать в партию новых членов» // Новое Время (Ереван). 7 мая 2005 г.

³ Реже упоминают, что вместе с отделением Черногории прервался и выход этой страны к морю.

кладе В. Фалина и Г. Евстафьева¹, последовательно наращивается давление на руководство стран-союзников Москвы на пространстве СНГ, в том числе — Армении (а ранее был узбекский Андижан 2005 года, шантаж властей Казахстана и многое другое). «Демократические» эксперименты могут закончиться для небольшого закавказского государства, находящегося в непростой геополитической ситуации, и вовсе плачевным образом, может быть, еще хуже, чем для союзной Югославии — вплоть до изменения существующей конфигурации границ и превращения в полностью изолированный от внешнего мира нежизнеспособный анклав...

Бывшие армянские высокопоставленные чиновники, беседующие в приватной обстановке с британскими дипломатами, весьма похожи на некоторых свежеспеченных российских оппозиционеров, еще несколько лет тому назад вполне вольготно чувствовавших себя при власти. Бывший армянский президент, рассуждающий о «криминальном режиме», сильно напоминает некоторых членов ельцинской команды, в одночасье сделавшихся после ухода из власти яростными «борцами с криминальной приватизацией» и вообще за «народное счастье». Имеются в России и аналоги армянских прозападных партий, экспертных групп и СМИ, так что, вполне можно предположить: методы применяемые для дестабилизации обстановки в Армении, с успехом могут быть перенесены (и уже переносятся) на российскую почву. Вспомним хотя бы попытки организации массовых драк в центре Москвы. Аналогий становится еще больше, если вспомнить, что буквально через три месяца после парламентских выборов в нашей стране должны состояться выборы президентские. (В Армении этот временной промежуток, напомним, составляет меньше года, что не мешало Багдасаряну многозначительно намекнуть в его «судьбоносном» диалоге с Хайдом: *«самое главное, что в Армении не было до сих пор так сильно связанных друг с другом парламентских и президентских выборов»*). Активная деятельность западных посольств, их работа с «неправительственными» организациями зачастую на грани фола и вмешательства во внутренние дела, неоднократно попадала в фокус общественного внимания.

В послании президента Федеральному Собранию 26 апреля прямо говорится о существующих угрозах: *«не всем нравится стабильное поступательное развитие нашей страны. Есть и те, кто, ловко используя псевдодемократическую фразеологию, хотел бы вернуть недавнее прошлое: одни — для того чтобы, как раньше, безнаказанно разворовывать общенациональные богатства, грабить людей и государство, другие — чтобы лишить нашу страну экономической и политической самостоятельности»*.

Растет и поток денег из-за рубежа, используемых для прямого вмешательства в наши внутренние дела. Если посмотреть, что происходило в прежние, давние времена, то увидим, что еще даже в эпоху колониализма говорили о так называемой цивилизаторской роли государств-колонизаторов. Сегодня на вооружение берутся демократизаторские лозунги. Но цель одна — получение односторонних преимуществ и собственной выгоды, обеспечение собственных интересов»².

Поток денег из-за рубежа действительно немалый. Вот лишь один пример — на сайте National Democratic Institute приводится список организаций, получивших гранты в 2006 году³. Общая сумма, выделенная российским НПО, составляет около трех миллионов долларов. И это — только по линии одного института. Информация на 2007 год еще пока не представлена, однако нетрудно предположить: суммы, даже и те, которые вполне официально приводятся на сайте, должны возрасти на поряд-

¹ О вероятном сценарии действий США в отношении России в 2006–2008 годах // Политический класс. 2006. № 9.

² Российская газета. 27 апреля 2007 г. № 90.

³ <http://www.ned.org/grants/05programs/grants-eurasia05.html#Russia>

ки. Если говорить о той же Армении, то, согласно некоторым данным, оппозиционным группировкам и слившимся с ними в экстазе «общественным организациям» через посольство США перекачано почти 30 млн. долларов¹. Исходя из этого, можно представить себе, какие средства выделяются западными спонсорами на «демократизацию» нашей страны, ведь ставки тут велики, как нигде. Можно предположить, что будут задействованы все имеющиеся ресурсы для того, чтобы вернуть внутреннюю и внешнюю политику России к «славным» временам 90-х годов...

Организаторы так называемых «маршей несогласных», широко разрекламированных некоторыми СМИ, изначально делали ставку не на массовость протеста, а на столкновение с властями в лице милиции, на то, чтобы предстать жертвами перед объективами телекамер. Однако «несогласным» не удалось добиться своих основных целей. Они не сумели «изобразить жертву» и вызвать к себе таким образом сочувствие россиян. Они не привлекли к себе внимания молодежи и не получили поддержки жителей столиц, в которых и происходят судьбоносные для страны, в том числе, и «революционные», процессы. Несмотря на имеющиеся социально-экономические проблемы, участвовать в активных протестных акциях готовы не более 3% жителей России². Россия постепенно оправляется от смуты 90-х, положительные подвижки имеются и в Армении. В домах есть газ и электричество, на улицы вернулось ночное освещение, потоки автомашин (и даже пробки), восстанавливается инфраструктура, реализуются социальные программы, оживает сельское хозяйство, еще немного — и процесс развития станет необратимым.

В наших странах опять есть что разрушать. И предвыборный период — идеальное время, чтобы предпринять соответствующие попытки...

Любые провокации в Москве и регионах могут создать хороший информационный повод для непризнания результатов выборов любого уровня со стороны Соединенных Штатов и Европейского Союза. Вполне вероятно, что примерно так же, как и в Армении, подобного рода заявления будут подготовлены еще до проведения самих выборов с целью оказания дополнительного политико-дипломатического давления. Нельзя исключать и более изощренные методы...

Поэтому обеспечение внутриполитической стабильности в преддверии выборного цикла является важнейшей задачей властей любого суверенного государства. Безусловно, применение силовых методов всегда является крайне нежелательным сценарием. Однако ни у кого не должно быть никаких сомнений в том, что попытки неконституционного захвата власти в потенциально нестабильный выборный период могут иметь шансы на успех. Даже если они будут предприняты под аккомпанемент тщательно отрепетированных фраз на английском языке, сделанных под объективы телекамер мировых информационных агентств.

¹ Северный Кавказ (Нальчик). № 15 от 14 апреля 2007 г.

² Федоров В. Изображая жертву // Смысл. 2007. № 12–13. С. 140–141.

Ариф Юнусов
(Баку)

ЗАПАД КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

В советское время в Азербайджане понятие «Запад» в общественном сознании имело негативный оттенок, символизируя вражеский мир. Оно могло включать в себя как отдельную страну, так и группу стран, а также один (Западная Европа) или два континента (США и Западная Европа), либо международные политические и военные организации (Совет Европы, Евросоюз, НАТО). В постсоветский период в Азербайджане содержание понятия «Запад» осталось неизменным, но перестало символизировать враждебный мир. Наоборот, стало олицетворением надежды населения и местной политической элиты: «Запад нам поможет!». Фактически, речь шла о политической ориентации. При этом, если для подавляющего большинства постсоветских республик (кроме России) вопрос заключался в выборе между Западом и Россией, то у Азербайджана было еще третье направление — исламское. Именно потому в Азербайджане деление партий и политических сил на «пророссийские», «прозападные» и «происламские» превалировало над другими принципами определения политических программ.

На формирование общественно-политических взглядов в Азербайджане в отношении Запада оказали основное влияние два фактора: распад СССР и, особенно, карабахский конфликт. Еще в конце 80-х годов XX в., в последние годы пребывания Азербайджана в составе СССР, в азербайджанском обществе шли острые дискуссии об экономическом и внешнеполитическом направлении развития страны. Резко ухудшалось благосостояние населения, карабахский конфликт привел к появлению огромной армии беженцев и вынужденных переселенцев и потере значительной части территории. Все эти беды общество ассоциировало с политикой Москвы и потому северное, российское, направление воспринималось крайне негативно, как источник всех этих бед Азербайджана. Не вызывало особых симпатий также южное, иранское, и, шире, исламское направление. На этом фоне в 90-е годы Запад рассматривался как олицетворение всего самого наилучшего, своего рода «центра добра и надежды», контрастирующего с Россией и Ираном. При этом в обществе тогда понятие «Запад» носило даже несколько более широкий характер, включая Турцию. Считалось, что последняя тесно связана с Западом, в первую очередь с США, и является прозападной страной. Соответственно, в союзе с Турцией Азербайджан может без особых проблем наладить контакты с Западом и решить свои проблемы.

Образно говоря, в тот период история взаимоотношений Азербайджана с Западом была похожа на роман юной девушки с опытным и матерым ловеласом. В мечтах и чаяниях азербайджанцев Запад выглядел большим, сильным, богатым и добрым. От него ждали помощи и защиты. Ему жаловались на обиды, причиняемые Москвой. Именно с ним хотелось идти по жизни дальше. Иного пути, за редким исключением, никто не желал.

В тот период в Азербайджане полагали, что Запад обязательно обратит особое внимание на богатую энергоресурсами страну, и в обмен на доступ к месторождениям нефти и газа поможет в решении карабахского конфликта в пользу Баку. Именно потому в Азербайджане подписанный в 1994 г. нефтяной контракт был помпезно назван «контрактом века» и принят местным населением буквально на «ура». Царила атмосфера всеобщей эйфории.

Буквально накануне подписания нефтяного контракта, в Баку был проведен опрос населения в связи с этим событием. 61% респондентов приветствовали приход зарубежных нефтяных компаний в Азербайджан, и лишь 28% негативно восприняли этот факт. На вопрос, каким странам нужно отдать предпочтение в разработке нефтяных месторождений Азербайджана, 33% столичных жителей отдали предпочтение государствам Западной Европы и США, а также Турции и лишь 10% — России. Интересно, что большинство опрошенных были русскоязычные жители столицы.

В этот период в обществе нефть рассматривали как единственное оружие Азербайджана в борьбе за возвращение Карабаха и улучшение экономической ситуации. Безусловно, это было и результатом политики Г. Алиева. Именно он четко сформулировал идею, что иностранные нефтяные компании окажут политическую поддержку Азербайджану в карабахском вопросе. Ради этого Г. Алиев пошел при заключении нефтяных контрактов на ряд уступок как западным компаниям, так и России. И именно он впервые пообещал своим согражданам превратить Азербайджан «во вторую Кувейт». В той ситуации эти граждане жаждали чуда, почему так истоиво поверили в успех нефтяной политики Гейдара Алиева. Ведь в результате «нефтяного контракта века» должны были открыться рабочие места и решиться проблема безработицы, а огромная армия беженцев после решения карабахского конфликта вернуться в свои дома. Правительственная пропаганда работала тогда именно в этом направлении, внушая населению, что приход в Азербайджан иностранных нефтяных компаний улучшит экономическое состояние страны, и в то же время, эти компании станут проводниками азербайджанской политики, своего рода азербайджанским лобби, которые будут защищать интересы Азербайджана на Западе. Поразительно, но не только государственные чиновники, но и представители местной прозападной оппозиции были убеждены в истинности такой нефтяной политики. Существующие в стране политические реалии, менталитет и сложившийся образ жизни, породили абсолютную уверенность, что, завлекая американскими бизнесменами нефтяными месторождениями и другими прибыльными контрактами, можно будет влиять из Баку на принятие в США на различных уровнях нужных для Азербайджана решений.

Западные страны, в первую очередь, США, обратили внимание на Азербайджан. Важнейшим этапом в ходе укрепления позиций Запада и, особенно, США в Азербайджане, а также в целом регионе, стал 1997 год. Именно тогда администрация США в лице президента Б. Клинтона, а также Конгресс впервые публично объявили Каспийский регион не только «зоной жизненных интересов», но и «главным направлением» внешней политики США. Каспийский регион уже не рассматривался как «задворки бывшего СССР». О его значимости для США говорят следующие факты: были созданы специальный отдел по региону, рабочая группа в составе Совета безопасности при президенте, а также учрежден пост специального советника президента и госсекретаря США по вопросам энергетики Каспийского региона. Плюс к этому ЦРУ создало специальное оперативное подразделение, в задачу которого входит отслеживание политических процессов, происходящих в регионе, оценка и прогноз по освоению природных богатств. Иначе говоря, в общей сложности несколько сот специалистов и экспертов в администрации президента, Конгрессе, ЦРУ и научно-исследовательских центрах США занялись изучением ситуации в регионе и разработкой каспийской стратегии. Не случайно З. Бжезинский открыто назвал Азербайджан «геополитическим центром» не только Южного Кавказа, но и всего Каспийского региона, государством, «заслуживающим мощнейшей геополитической поддержки со стороны Америки».

В последующие несколько лет Азербайджан и Запад двигались еще более активно навстречу друг другу, причем сразу в нескольких направлениях. Особый упор был сделан на укрепление сотрудничества Азербайджана с НАТО, а также с СЕ. Вслед

за этим руководство Азербайджана приняло решение о выходе из Договора о коллективной безопасности СНГ. Более того, именно Азербайджан инициировал, причем в качестве противовеса влиянию России в СНГ, в 1997 г. создание объединения четырех стран СНГ, получившего название ГУАМ (по первым буквам входящих в него стран — Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова). Тогда же Азербайджан принял окончательное решение о маршруте транспортировки нефти, проигнорировав очевидную экономическую целесообразность. В 1998 г. было принято окончательное решение о прокладке трубопровода из Баку в турецкий средиземноморский порт Джейхан через территорию Грузии, почему с тех пор данный трубопровод именовался сокращенно «Баку–Тбилиси–Джейхан». Наконец, в январе того же 2001 г. Азербайджан стал членом СЕ.

Таким образом, к началу XXI в., т.е. всего через десять лет после распада СССР и через пять лет после подписания «нефтяного контракта», Запад практически одержал полную победу над Россией в Азербайджане. Особенно весомыми стали здесь позиции США. По сути, Запад, в первую очередь, США укрепили свое присутствие в Азербайджане без войны и каких-либо серьезных политических усилий, без обременительных финансовых затрат и даже без особого противодействия со стороны России.

Очень скоро общество в Азербайджане начало осознавать провал политики «нефть в обмен на возвращение Карабаха». Переговоры по урегулированию карабахского конфликта принимали все более затяжной характер, без всяких надежд на конечный успех. В то же время становилось ясно, что Запад выступает против возвращения Карабаха силой в состав Азербайджана. Иллюзии в отношении НАТО после событий в Югославии также стали рассеиваться. В Азербайджане все чаще раздавались голоса скептиков, что республика фактически стала заложницей нефтяной политики. Из-за нефтяных месторождений у Азербайджана возникли серьезные проблемы с другими прикаспийскими странами. Стало очевидно, насколько ситуация на Каспии не стабильна и чревата тяжелыми последствиями. В 1997 г. разразился скандал вокруг месторождения «Кяпаз»: когда Россия и Азербайджан подписали соглашение об освоении этого месторождения, последовал резкий протест Туркменистана, который заявил о своих претензиях на это месторождение. Россия тотчас отказалась от подписанного соглашения, а отношения между Азербайджаном и Туркменистаном накалились, туркменские самолеты начали полеты над месторождением «Кяпаз». Вслед за этим у официального Баку возник конфликт с Тегераном, который также обвинил Азербайджан в захвате месторождений, мол, находящихся в пределах Ирана. Вновь в воздухе над месторождениями замаячили самолеты и вертолеты, теперь иранские.

Эти конфликтные ситуации ярко продемонстрировали шаткость заявлений, будто нефтяная политика и ставка на нефть — основа стабильности для Азербайджана. Оказалось, что помимо старого конфликта с Арменией и конфронтации с Россией, теперь у Азербайджана достаточно натянутые отношения с Туркменистаном и Ираном из-за нефтегазовых месторождений на Каспии.

Социологический опрос, проведенный в начале 2000 г. в столице, отчетливо отразил произошедшие перемены. Только 28% бакинцев верили в «светлое будущее». И это при том, что в столице уровень жизни, по сравнению с провинциями, намного выше, и 84% опрошенных респондентов отнесли себя к категории «лиц со средним и сравнительно высоким достатком». Итоги опроса свидетельствовали о резком падении уверенности столичных жителей в завтрашнем дне и улучшении экономической ситуации в стране.

В провинциях ситуация была еще более удручающей. Подавляющее большинство международных гуманитарных организаций, начиная с 1999 г., свернули свою деятельность. В качестве причины часто указывалась, что Азербайджан — нефтяная страна, и имеет достаточно средств для решения проблемы беженцев и внутрен-

них переселенцев собственными силами. Однако правительство республики не оказывало беженцам и внутренним переселенцам реальной помощи. В результате, беженцы и внутренние переселенцы — жертвы карабахского конфликта, остались один на один со своими проблемами.

Не оправдались надежды общества на рост благосостояния в результате нефтяного бума. Узнавая о новых миллионах инвестиций, рядовые граждане республики все чаще и чаще начали задавать вопросы: в чьи карманы течет денежный поток? Тема коррупции властей становилась все более популярной в Азербайджане.

Заметно поблек имидж западных нефтяных компаний. Стал падать авторитет США в Азербайджане. Парадокс заключался в том, что антиамериканские настроения в республике росли по мере активизации США в Азербайджане и усиления их влияния. В республиканской прессе появлялись скандальные материалы о связях высокопоставленных представителей администрации США с коррумпированными чиновниками Азербайджана. Такие публикации не обошли стороной и нефтяные компании. Даже появились статьи об участии «Бритиш петролеум» и «Амоко» в государственном перевороте в июне 1993 г. Еще больше материалов было о неблагоприятном поведении сотрудников западных нефтяных компаний в Азербайджане, их пренебрежительном отношении к гражданам республики.

Начался процесс отрезвления. Возникла парадоксальная внешне ситуация: власти и прозападная оппозиция обсуждали возможности дальнейшей интеграции страны в западные структуры, размещения баз НАТО в Азербайджане, а в это время среди населения росли антизападные настроения.

Иначе говоря, одержав политическую победу над Россией в регионе и укрепившись в Азербайджане, США и шире — Запад, стали быстро терять авторитет и поддержку азербайджанского общества. Все чаще и чаще для населения Азербайджана США ассоциировались с режимом Гейдара Алиева. Более того, в январе 2003 г. в Баку и Ленкорани прошли первые в истории азербайджано-американских отношений акции протеста. Они не были многочисленными, но оказались еще одним тревожным сигналом.

Уже тогда в азербайджанских СМИ отмечалось, что ситуация в Азербайджане постепенно начинает напоминать ситуацию в дореволюционном Иране 1979 г., когда США, ради сохранения своего влияния в этой стране, в качестве противовеса арабским странам, закрывали глаза на многочисленные нарушения шахским режимом прав человека. И делались выводы: «Если завтра в Азербайджане появятся свои Фидели Кастро или имамы Хомейни, свои Саддамы или Каддафи, пусть США не удивляются — они сделали для этого все, что могли».

Но самый сильный удар по авторитету США и, шире, Запада в Азербайджане нанесли президентские выборы 2003 года. В тот период они имели для населения страны, да и для многих политических сил за пределами Азербайджана, гораздо большее значение, чем обычные президентские выборы. Речь шла не о простой смене власти одного человека или его команды, а о смене эпохи в истории страны, связанной с именем Гейдара Алиева. В этих условиях намеченные на 15 октября 2003 г. президентские выборы стали рассматриваться как «окно возможностей» для прорыва к демократическим эволюционным преобразованиям.

Уже в период подготовки к этим выборам проявилась очевидная роль нефти и нефтяных компаний в жизни Азербайджана. Впервые это отчетливо проступило летом 2003 г., когда в страну стали просачиваться противоречивые слухи из Турции, где был госпитализирован Гейдар Алиев. В конце июля 2003 г. СМИ Турции и Азербайджана запестрели сообщениями о резком ухудшении здоровья, и даже смерти Г. Алиева. В республике царил напряженная атмосфера. Окружение Г. Алиева находилось в растерянности, авторитет и влияние оппозиции резко возросли, и было очевидно, что ситуация в Азербайджане начинает выходить из-под контроля офи-

циальных властей. Все это не могло не встревожить США, а также западные нефтяные компании. Представители Запада, в первую очередь, США, тогда недвусмысленно дали понять, что они поддержат только того претендента на власть в Азербайджане, кто обеспечит социально-политическую стабильность в республике, неприкосновенность западных экономических интересов и, в первую очередь, не будет пересматривать нефтяные контракты.

В этот момент стало известно, что в конце июля 2003 г. в Лондоне состоялось совещание представителей крупнейших западных нефтяных компаний, которые, проанализировав ситуацию в Азербайджане, пришли к выводу, что победа оппозиции грозит серьезными проблемами для них. Потому участники совещания поручили представителю «Бритиш петролеум» довести до сведения Ильхама Алиева свою обеспокоенность развитием ситуации в Азербайджане и предложили ему срочно занять пост премьер-министра страны. По Конституции, в случае недееспособности президента, власть автоматически переходит в руки премьер-министра. Фактически, как указывали местные СМИ, нефтяные компании и власти США предъявили ультиматум властям Азербайджана и лично И. Алиеву. Разумеется, представители нефтяных компаний и посольства США все это напрочь отрицали, но 2 августа 2003 г. Ильхам Алиев стал премьер-министром. А СМИ Азербайджана сообщили, что это известие так обрадовало представителей нефтяных компаний, что они устроили праздники в своих офисах. Это вызвало взрыв возмущения в Азербайджане, где такое поведение расценили как вмешательство иностранных западных компаний во внутренние дела суверенной республики.

Последующие фальсификации на президентских выборах 15 октября 2003 г. и кровавые события на следующий день стали серьезным поражением Запада и демократических ценностей. Двойственная реакция западных международных организаций (ОБСЕ, СЕ, ЕС) и ведущих стран Запада на репрессии в стране после президентских выборов вызвала большое разочарование в республике. Азербайджанская мечта о честном и демократическом Западе испарилась.

Особенно сильное раздражение и шок в республике вызвала позиция администрации США, закрывшей глаза на массовые фальсификации выборов и произвол, а также поспешившей сразу же поздравить И. Алиева с победой еще до оглашения результатов выборов. В результате, в Азербайджане после президентских выборов 15 октября 2003 г. произошел настоящий взрыв антизападных и, в особенности, антиамериканских настроений. Причем, больше всего были разочарованы и возмущены те, кто еще вчера являлись яркими сторонниками прозападной ориентации, о чем свидетельствовали многочисленные публикации в газетах, принадлежащих прозападным партиям и организациям. Газеты буквально пестрели статьями с такими характерными заголовками, как «Нефть в обмен на демократию», «Прощай, Запад!», «Близорукая политика Вашингтона», «Демократия терпит поражение в Азербайджане», «Посол США в роли адвоката властей». Более того, реакция на поддержку администрации Дж. Буша политики фальсификаций и репрессий властей Азербайджана была столь болезненной, что 17 октября 2003 г. в ранее радикальной прозападной газете «Ени Мусават» была опубликована резкая статья под шокирующим заголовком: «Если Америку устраивают такие выборы, тогда да здравствует Бен Ладен?». Иначе говоря, по имиджу Запада и идеалам либеральной демократии в Азербайджане был нанесен первый и очень чувствительный удар. Начался закат демократической оппозиции, как выразителя прозападных либеральных взглядов.

В данной ситуации стала неизбежной переоценка роли и значения для Азербайджана нефтяных контрактов и деятельности нефтяных компаний. В связи с этим интересно, что в начальный период их деятельности, в середине 1990-х годов, редкие критические публикации о нефтяных компаниях вызывали крайне негативную реакцию в обществе и воспринимались как заказы армян и врагов независимости

Азербайджана. Теперь же, всего 10 лет спустя после подписания нефтяных контрактов, таких публикаций стало намного больше и, самое важное, они стали восприниматься обществом положительно. Образно говоря, период романтической любви остался позади, и азербайджанцам стало ясно, что их надежды на нефть не оправдались. Политика «нефть в обмен на Карабах» полностью провалилась. Переговоры по урегулированию конфликта зашли в тупик и, потеряв надежды на его мирное решение, азербайджанское общество все более радикализировалось. В этой связи весьма популярными стали в республике ваххабиты и другие религиозные группировки, которые выступали за военный путь решения карабахского конфликта. Исламизация Азербайджана принимала все более масштабный характер, что стало вызывать тревогу американцев и других представителей Запада.

В то же время, по мере радикализации общественных настроений в карабахском вопросе, азербайджанцы стали осознавать, что, в результате подписания нефтяного контракта, они оказались в ловушке, ибо контракт стал фактором, ограничивающим Азербайджану свободу маневра. Ведь многомиллиардные западные инвестиции требуют стабильности в стране, а это значит, что нефтяные компании категорически против решения проблемы Карабаха военным путем. Более того, поддерживают стабильность, основанную на репрессиях и фальсификациях.

Стало ясно и то, что контракт не приобщил страну к западному цивилизационному пространству. Азербайджан стал все больше и больше ассоциироваться не с демократическими преобразованиями, а с массовыми нарушениями прав человека, колоссальным уровнем коррупции и монополизацией экономики. Как образно было сказано в одном очень популярном в Азербайджане журнале, «нефть отнюдь не сделала гадкого утенка белым лебедем. Замаравшись в нефти, гадкий утенок стал еще более гадким». А западным нефтяным компаниям, по большому счету, было абсолютно безразлично, в какой стране — авторитарной, монархической или демократической — осуществляют они свою деятельность. С другой стороны, вопреки надеждам, нефть не стала фактором стабильности и расцвета экономики. Наоборот, она превратилась в головную боль азербайджанской политической системы. Нефтяной контракт стал инструментом насаждения политической системы африканского типа, порождающего политическую элиту, паразитирующую на нефтяных прибылях. Все чаще стали проводить параллели между Азербайджаном и Нигерией, предрекая именно такое развитие событий в ближайшее же время.

Наконец, стало ясно, что колоссальные прибыли от продажи нефти не послужили основой для развития рыночной экономики, роста предпринимательства, создания новых рабочих мест и улучшения жизни населения Азербайджана. Вопреки всем оптимистическим заявлениям правительства об экономическом подъеме, действительность была весьма негативна и не оставляла надежд. Значительная часть населения — не менее 2 миллионов или 25% жителей — покинула страну в поисках средств к существованию. Страна насквозь коррумпирована, в экономике господствовал монополизм. В этой связи все чаще в обществе звучит утверждение: развитие Азербайджана без нефти могло быть намного эффективнее. После президентских выборов 2003 г. в многочисленных публикациях местных СМИ стали подниматься вопросы об ошибках, имевших место при заключении нефтяных контрактов.

Окончательный удар по азербайджанской мечте о Западе нанесли парламентские выборы, которые состоялись в ноябре 2005 г. Отличительной их особенностью было то, что у населения и политических сил республики все еще оставалась вера в поддержку западным сообществом демократических преобразований и реформ, в частности, свободных выборов. Однако выборы прошли по традиционной схеме с массовыми фальсификациями со стороны властей и репрессиями в отношении оппозиции. Тем не менее, итоги парламентских выборов были традиционно опять признаны западным сообществом. Таким образом, небольшие надежды, которые еще

оставались в азербайджанском обществе, окончательно развеялись после парламентских выборов 2005 г. А равнодушная позиция стран Запада, особенно США, поставили крест на либерально-демократических ценностях в Азербайджане.

Особенно сильное разочарование вызвала позиция администрации США, не только поспешившей признать итоги выборов, но и пригласившей И.Алиева в апреле 2006 г. с официальным визитом в Вашингтон. Это вызвало резкие обвинения в адрес США со стороны прозападной оппозиции, назвавшей Дж. Буша «могильщиком демократии в Азербайджане». Авторитет США продолжал падать, резкая критика политики Вашингтона в Азербайджане стала обычным явлением. Более того, летом 2006 г. в одной прозападной оппозиционной газете даже издевательски поздравили президента США Дж. Буша с днем рождения, сравнив его с иранским президентом Ахмадинежадом! Вступление в строй нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан и возросший приток нефтедолларов в Азербайджан только усилили авторитарный характер власти. Ситуация с подавлением демократических свобод и прав человека продолжала ухудшаться. Азербайджанская мечта о помощи стран Запада в демократическом развитии страны умерла.

Таким образом, западный фактор в истории постсоветского Азербайджана прошел за короткий период несколько этапов. На первом (1992–1998 гг.) Запад олицетворял собой все лучшее, на что надеялось население Азербайджана. Это была азербайджанская мечта, реализация которой, как полагали, поможет решить карабахский конфликт, резко улучшить свою жизнь и построить правовое демократическое государство с рыночной экономикой. Тот факт, что республика, обладает значительными запасами углеводородов, казалось, будет способствовать осуществлению этих надежд. У населения и политических сил появился настоящий «синдром ожидания», основанный на том, что нефть и Запад помогут решить имеющиеся проблемы. Вера в это была столь сильной, что прозападные партии и прозападная ориентация страны не имели серьезных оппонентов и конкурентов внутри страны, пророссийские и происламские силы играли в тот период, скорее, роль статистов.

Постепенно становилось ясно, что надежды иллюзорны, и политика «нефть в обмен на Карабах и процветание» провалились. Но мечта не исчезла: в Азербайджане по-прежнему были уверены, что по мере интеграции в западные структуры и укрепления роли США в стране все-таки удастся ее реализовать. Президентские выборы 2003 и парламентские 2005 годов практически похоронили надежды на демократические преобразования, а с ними и азербайджанскую мечту.

В результате, возникла странная ситуация: с одной стороны, Азербайджан юридически интегрируется в Европу и формально становится частью Запада. Россия фактически вытеснена из республики, влияние США огромно, вопрос о вступлении в НАТО считается вопросом времени. Но, с другой стороны, после 2003 г. в Азербайджане быстро нарастали антиамериканские и, шире, антизападные настроения. Становилось все более очевидным, что республика стала заложницей своей нефти: власть все более развращалась колоссальной прибылью от продажи углеводородов и отнюдь не была заинтересована в осуществлении демократических преобразований в стране. Энергетический фактор играет для Запада заметную роль, и он вполне удовлетворен тем, что в Азербайджане стабильная ситуация и нет помех в поставках энергоресурсов. Как сравнительно недавно откровенно указал азербайджанским политикам в приватной беседе посол одной из западных стран: «А зачем вам нужна демократия, если есть нефть?»

Отнюдь не случайно с начала 2006 г. исламский фактор стал играть еще большую роль в Азербайджане. Это было обусловлено как развитием событий внутри страны, так и влиянием внешних факторов. Парламентские выборы 6 ноября 2005 г. стали завершающим этапом процесса девальвации западных ценностей, начало которому было положено в ходе президентских выборов 15 октября 2003 г. В услови-

ях, когда оказались утраченными надежды на Россию, а теперь и на Запад, как указывалось в местных СМИ, «немалая часть азербайджанской общественности вспомнила слова лидера исламской революции в Иране Хомейни: «Ни Запад, ни Восток, только ислам!». К слову, прозападные оппозиционные партии этот момент быстро осознали. Первыми об этом заговорили в оппозиционной партии «Мусават». Если до 2003 г. в ней борьба шла между представителями двух группировок (либералы и национал-демократы), то теперь все сильнее были слышны голоса третьей — исламской — группировки. Лидеры этого направления весьма активно стали призывать к использованию потенциала ислама в политической борьбе, что чуть было не привело к расколу в партии на съезде в мае 2006 г.

Не лучше оказалась ситуация в остальных прозападных оппозиционных партиях. Многочисленные интервью сотрудников Института мира и демократии и автора настоящих строк в 2005–2006 годах у членов этих партий, особенно в районах, свидетельствовали о сильнейшем разочаровании в западных ценностях и заметном росте антиамериканских настроений.

В то же время на религиозную ситуацию в Азербайджане все заметнее стали оказывать влияние внешние факторы. В результате, если раньше геополитическое противостояние Запада с Востоком, коллизии вокруг исламского фактора не сильно затрагивали Азербайджан, то теперь в республике стали более болезненно реагировать на те или иные события в связи с исламом. С осени 2005 г. во многих странах мира, особенно на мусульманском Востоке, шли митинги протеста в связи с оскорбительными карикатурами на пророка Мухаммада в ряде европейских СМИ. Азербайджан почти полгода находился в стороне от всей этой «карикатурной войны». Но после парламентских выборов общественный климат в стране заметно изменился. И, как результат, 7 февраля 2006 г. сначала в Баку, а затем в поселке Нардаран прошли митинги протеста по поводу карикатур на пророка. В ходе последующих митингов впервые в истории независимого Азербайджана были сожжены флаги США, Израиля, Дании, а также Армении и Швейцарии. А 11 февраля 2006 г. именно в Азербайджане ранее малоизвестная газета «Ени хабар» («Новые известия») опубликовала оскорбительные карикатуры на Иисуса Христа и Деву Марию. Эти антихристианские карикатуры вызвали заметный резонанс за пределами страны, в том числе в исламском мире. Ситуация была столь сложной, что в Баку усилили охрану некоторых дипломатических представительств.

Хотя скоро накал страстей вокруг карикатур на пророка заметно снизился, стало ясно, что отныне в Азербайджане будут достаточно активно реагировать на многие события за пределами страны, особенно, если они носят религиозный характер. В начале апреля 2006 г. еврейские организации Азербайджана получили угрожающие письма от доселе неизвестной в республике организации «Братья-мусульмане», в которых говорилось: «Мы отомстим за смерть нашего шейха Ахмеда Ясина». Это вынудило власти Баку усилить охрану местных синагог и еврейских организаций. Еще большее воздействие на рост происламских настроений в стране оказал кризис вокруг Ирана.

Единственный, кто в правительстве Азербайджана осознавал серьезность положения, был глава ГКРО Р.Алиев — профессиональный арабист-востоковед. Он развернул открытую борьбу против исламистов, в том числе, против тех сил во властных структурах, которые в той или иной степени также оказались связаны с исламскими силами. Это носило столь широкий характер, что в местных СМИ не раз публиковались материалы о связях, к примеру, нурсистов, с рядом высокопоставленных лиц во властных структурах. Власти, как правило, подобные публикации именовали провокацией оппозиции. Однако, весной 2006 г. уже руководитель ГКРО стал делать заявления, что во многих мечетях ведется антигосударственная пропаганда и при этом «некоторые государственные чиновники поддерживают связи с радикаль-

ными религиозными группировками». Под последними он имел в виду ваххабитов и нурсистов, прямо указав, что первые уже сегодня представляют опасность для Азербайджана, а большая опасность вторых станет ясной через 10 лет.

Эти заявления Р. Алиева, безусловно, имели серьезные основания. Особенно активизировались ваххабиты. Весной 2006 г. азербайджанские СМИ не раз публиковали материалы об активной пропаганде ваххабитами своих взглядов, в особенности, в северных районах республики. Ваххабиты уже не ограничивались проповедями в мечетях, но также распространяли листовки. Они старались взять под контроль те или иные экономические объекты в различных районах страны. По одной информации, к 2006 г. ваххабитам в Азербайджане принадлежало около 90 сельскохозяйственных предприятий в 26 районах республики, а также более 30 магазинов в крупных торговых центрах Баку и многие объекты на рынках столицы. Доходы от этих объектов идут на пропаганду и плату ваххабитам. Численность самих ваххабитов растет, и ныне их число колеблется в пределах 30–40 тыс. человек. В то же время отношения между руководителем ГККРО Р. Алиевым и шейх-ул-исламом А. Пашазаде приняли открытый и очень острый характер. Государственный чиновник документально обвинял духовного лидера страны в распространении в Азербайджане ваххабитской и иной радикальной религиозной литературы. Шейх-ул-ислам напрочь отвергал все это и, в свою очередь, называл Р. Алиева покровителем ваххабитов и даже подал в суд на него!

Реакция руководства страны на эту конфронтацию оказалась более чем неожиданной: 27 июня 2006 г. Рафик Алиев был снят с должности руководителя ГККРО. Еще более непонятным и странным месяц спустя оказался выбор нового руководителя ГККРО — им стал бывший советник президента по национальным и религиозным организациям Идаят Оруджев, который явно уступает своему предшественнику не только по знаниям в области религии и ислама, но, самое главное, не является самостоятельной и решительной политической фигурой. Это назначение было встречено в обществе как свидетельство полной победы шейх-ул-ислама и вселяет серьезные опасения за ситуацию в религиозной сфере Азербайджана. Ведь совершенно очевидно, что исламский фактор в стране теперь получил стимул к дальнейшему росту, в то время как государству очень важно иметь возможность контролировать ситуацию.

Первый тревожный звонок прозвучал уже месяц спустя: 27 августа не ГККРО, как это было еще совсем недавно, а пограничные службы России сделали официальное заявление о задержании в следовавшем из Азербайджана в Россию грузовом поезде контейнера с 3 тоннами литературы, пропагандирующей религиозный экстремизм. Заметно изменилось после отставки Р. Алиева и поведение шейх-ул-ислама, который все чаще стал делать политические заявления в связи с событиями на Ближнем Востоке и в других регионах мира. Еще больший резонанс, в том числе, за пределами Азербайджана, имело его заявление в августе 2006 г. по карабахскому конфликту: «Я готов объявить джихад для освобождения оккупированных территорий Азербайджана».

Между тем в республике и за ее пределами отметили заметную активизацию исламских сил в связи с военными действиями Израиля в Ливане летом 2006 г.: с 3 августа 2006 г. и вплоть до приостановления боевых действий в Баку, а также в ряде других населенных пунктов республики прошли антиизраильские митинги протеста. Они не были очень значительными, в них принимало участие несколько сот человек, кое-где на стенах домов в Баку появились надписи «Смерть Израилю!». Такого в Азербайджане ранее никогда не было в отношении Израиля, который все эти годы рассматривался как стратегический союзник, много помогавший республике в связи с карабахским конфликтом.

В конце 2006 г. произошло событие, которое взбудоражило общественность Азербайджана и Ирана, и со всей остротой поставило вопрос о роли исламского

фактора в стране. 1 ноября 2006 г. в ранее малоизвестной газете «Санат» журналист Рафик Таги опубликовал статью «Европа и мы», в которой указывал, что ислам стал причиной раздора на Ближнем Востоке, а пророк Мухаммад создал проблемы для многих восточных стран и народов. Статья вызвала гневную реакцию руководства ДУМК, лидеров ИПА и других исламистов, посчитавших, что автор статьи оскорбил пророка Мухаммада. Последовали акции протеста, и 10 ноября на митинге в поселке Нардаран местные верующие вынесли смертный приговор журналисту, а заодно и редактору газеты Самиру Садагатову. А лидер ИПА и житель Нардарана Хаджиага Нуриев, выразив полное согласие с требованием смертной казни журналисту, также потребовал и ужесточения политики государства в отношении тех граждан, которые смеют оскорблять Аллаха, пророка и других святых. В этой связи они предлагали срочно принять соответствующий закон. Отреагировал на это событие и шейх-ул-ислам А. Пашазаде, который подал иск против газеты.

Словно по сигналу, на статью последовала реакция и в соседнем Иране, где в свое время за известные стихи Салман Рушди был приговорен к смертной казни. Сначала 21 ноября 2006 г. иранский аятолла Мортеза Бани Фазл пообещал свой дом в качестве награды тому, кто убьет азербайджанского журналиста. Десять дней спустя, один из наиболее известных в Иране религиозных деятелей, почитаемых и многими верующими в Азербайджане, аятолла Мухаммад Фазиль Лянкярани также вынес фетву (приговор), в котором потребовал смертной казни в отношении Рафики Таги, а также Самира Садагатову. Одновременно с 19 ноября начались почти непрерывные пикеты и другие акции протеста иранских студентов перед посольством Азербайджана в Тегеране, а позже и перед Генеральным консульством Азербайджана в Тебризе. При этом в ходе выступлений в Иране часто звучали угрозы в адрес Азербайджана. Одновременно иранский телеканал «Сахар-2» начал с 19 ноября убеждать азербайджанское население выполнить фетву вышеуказанных религиозных лидеров и привести в исполнение смертный приговор журналисту Рафику Таги за его публикацию. При этом иранские телеведущие призывали мусульман Азербайджана насильственно изменить Конституцию своей страны, которая «не соответствует исламским традициям».

В конце концов, руководство Азербайджана осознало, что нельзя более отмалчиваться и делать вид, что митинги в Иране и раздающиеся оттуда призывы не имеют к республике отношения. 28 ноября 2006 г. посол Азербайджана в Иране передал МИД этой страны ноту протеста в связи с антиазербайджанскими акциями, что проходили перед азербайджанскими дипломатическими представительствами в Тегеране и Тебризе.

Следует сказать еще об одном факторе: после 2003 г. после смерти Гейдара Алиева власти развернули общереспубликанскую кампанию по насаждению культуры личности экс-президента. Он был объявлен мессией, предотвратившим гражданскую войну и хаос и создавшим независимую Азербайджанскую Республику. Все достижения современного Азербайджана связывались только с его именем. Одновременно власти предали забвению остальных азербайджанских политических лидеров XX столетия — от М. Расулзаде до Эльчибея, а также игнорировали и отменяли национальные и государственные даты, которые не связаны с Г. Алиевым. Это носило сознательный и целенаправленный характер, ибо, как все чаще стали заявлять высокопоставленные государственные чиновники, «Гейдар Алиев создал Азербайджан из пустоты», то есть, как Бог сотворил мир и человека из ничего.

После парламентских выборов 2005 г. эта политика насаждения нового культуры приняла тотальный характер. В городах, селах, аэропортах, учреждениях и школах, на улицах установили памятники и бюсты Г. Алиева, его именем назвали улицы, предприятия, населенные пункты, парки, концертные залы и стадионы. К этой кампании подключилось официальное духовенство Азербайджана, и из разных концов

страны стала поступать информация о присвоении имени Г.Алиева мечетям. Дошло до абсурда: не только в школах и учреждениях, но даже в некоторых мечетях (например, в Нахчеванской АР) создали «уголки памяти Гейдара Алиева»!

Эта кампания не оригинальна и характерна для авторитарных режимов. Вот почему пропагандируемый в Азербайджане культ Г.Алиева так сильно напоминает пропаганду в СССР образа В.Ленина и его «мудрого учения ленинизма» или культ Ким Ир Сена в Северной Корее. Это было закономерно, поскольку идеологи распространения гейдаризма были порождением советской авторитарной системы.

Однако копия всегда хуже оригинала, и потому эта кампания, больше смахивающая на фарс, воспринимается большей частью населения Азербайджана достаточно скептически. Но в итоге в стране возникла ситуация, когда идеалы тюркизма (национализма), а также западной либеральной демократии потерпели крах, а навязываемая властями новая идеология «гейдаризма» не встречает ожидаемого понимания в обществе. Как итог, вполне закономерным стал быстрый рост популярности ислама как наиболее привлекательной для общества идеологии. В первые десять лет независимости азербайджанское общество все же отделяло ислам, как религию, от политического ислама. То есть, воспринимая себя мусульманами и частью исламской цивилизации, азербайджанское общество проявляло стойкое неприятие религиозных политических организаций. Во многом это было связано с негативным имиджем и невысоким интеллектуальным уровнем как официальных представителей ДУМК, так и лидеров ИПА и других происламских политических структур (общества «Товба», «Гардашлыг» и другие).

Постепенно ситуация стала меняться. К началу XXI столетия на политической сцене Азербайджана появились новые лидеры исламского движения. На смену прежним полуграмотным духовным деятелям пришли молодые религиозные теологи и философы, получившие прекрасное образование в зарубежных странах и по-новому, в соответствие с временем, занявшиеся пропагандой ислама. В результате, если несколько лет назад при нескрываемом интересе к исламу мечети пустовали, а об исламе население вспоминало только во время траурных церемоний, то с начала XXI столетия ситуация в корне изменилась. Ислам стал для немалой части азербайджанского общества, особенно молодого поколения, нормой жизни. Фактически, сегодня альтернативой идеологии культа гейдаризма становится ислам.

На фоне падения авторитета прозападных и пророссийских политических структур в обществе заметно возрос интерес к политическому исламу. Правда, у его сторонников нет единства, как нет и харизматического лидера. Но не вызывает сомнения, что в Азербайджане любой политик, который будет относиться к канонам ислама неуважительно, рискует потерять голоса избирателей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Алекперов Э., Рамизоглу Н.* Пентагон подтвердил виды на Азербайджан // Эхо, 2003, 4 декабря.
- Багиров М., Алекперов Э.* Военспецы США осматривают аэродромы Азербайджана // Эхо, 2003, 6 декабря.
- Велиев А.* Треугольник Израиль-Турция-Азербайджан: реальность и перспективы // Центральная Азия и Кавказ, 2000, № 2. С. 105–111.
- Джуварлы Т.* Азербайджанская нефть: поиски равнодействующей // Азербайджан и Россия: общества и государства. Москва, 2001.
- Джуварлы Т.* Нефть и демократические ценности: опыт Азербайджана // Диаспора, нефть и розы. Ереван, 2005.
- Ляtifоглу З.* Быть ли американским базам в Азербайджане? // Новое время, 2003, 26 декабря.

- Лятифоглу З.* Военные аэродромы Азербайджана готовятся принять американские самолеты // Новое время, 2004, 12 июня.
- Мамедов Дж.* Азербайджан готов на размещение американских мобильных группировок // Зеркало, 2004, 30 марта.
- Миркадыров Р.* США отправили демократию на помойку? // Зеркало, 2005, 6 декабря.
- Мурсалоглу Ш.* США планируют перебросить в Азербайджан 15 тысяч военнослужащих // Эхо, 2003, 11 июня.
- Нуриев Р.* Нефть и демократия // Монитор, 2003, № 28, 6 сентября.
- Расизаде А.* Десятилетие «развитого капитализма» в Азербайджане: обещания «второго Кувейта», печальные итоги, мрачные перспективы // Центральная Азия и Кавказ, 2003, № 3.
- Расизаде А.* Миф об углеводородном изобилии Каспия и геополитическая стратегия «трубы» // Центральная Азия и Кавказ, 2001, № 4.
- Расизаде А.* Нефть Азербайджана – мышеловка для Запада? // Центральная Азия и Кавказ, 2001, № 1.
- Сейфуллаев И.* Обреченность на небытие, или Буш — могильщик демократии в Азербайджане // Бакинские въдомости, 2005, № 33, 26 ноября.
- Сулейманов М.* Антиамериканские акции в Баку и Лянкарани // Новое время (Баку), 2003, 28 января.
- США строят две РЛС в Азербайджане // Новое время, 2005, 28 сентября.
- Юнусов А.* Азербайджан в постсоветский период: проблемы и возможные пути развития // Северный Кавказ — Закавказье: проблемы стабильности и перспективы развития. Москва, 1997.
- Юнусов А.* Прозападные настроения слабеют // Бюллетень «Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов». Москва, 2001, № 35.
- Юнусов А.* Ислам в Азербайджане. Баку, 2004.
- Юнусов А.* Энергетический фактор в политике Азербайджана // Южный фланг СНГ. Центральная Азия — Каспий — Кавказ: энергетика и политика. Москва, 2005. Вып. 2.
- Юнусов А.* Азербайджан в начале XXI века: конфликты и потенциальные угрозы. Баку, 2007.

БИШКЕКСКИЙ ПЕРЕВОРОТ: ТЮЛЬПАНОВОЕ БЛЮДО НА АЗИАТСКОЙ КУХНЕ

АППЕТИТ ПРИХОДИТ ВО ВРЕМЯ ЕДЫ

Наблюдаемый в последние годы феномен «цветных революций» ничего существенно нового в процесс внешнеполитического вмешательства на постсоветском пространстве не привнес. Спонсор и дирижер — прежний. Как и раньше воздействия такого рода иницируются и контролируются администрацией США, которая использует помощь своих европейских союзников. Сменились только названия и отчасти технологии операций по приведению к власти угодных режимов. Политтехнологические схемы стали более изощренными, в некоторых случаях более экономичными, а названия переворотов обрели ореол романтики — выкрашены розовыми, оранжевыми и тюльпановыми цветами. **По сути, и для самой России — главной цели «революционных сил», почти все 90-е годы были временем собственной «цветной революции» — покорного следования правилам неолиберальной глобализации, а проще — установкам на саморазрушение.**

Цветные проекты не новы и демонстрируют преемственность взглядов американской школы советологов. Ее ведущий интеллектуал Збигнев Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска» в свое время вывел довольно ясную формулу, гласящую, что господство Соединенных Штатов над евразийским континентом во многом зависит от создания долго- и краткосрочных коалиций и сохранения потенциальных противников в разделенном и изолированном состоянии.

Исходя из этого постулата, США еще в 1994 году поспешили объявить страны СНГ зоной своих стратегических интересов, но не конкретизировали, какие именно. Позже, в 1997 году заместитель государственного секретаря Струоб Тэлботт, выразился точнее — Центральная Азия и Кавказ. Тогда же Соединенные Штаты впервые сообщили о готовности послать в регион свои вооруженные силы. Американский генерал Дж. Шихан заявил: «Если вооруженные силы ЦА будут вовлечены в миротворческие операции под эгидой ООН, США готовы в этом участвовать»¹. Вашингтон начал активно формировать ГУУАМ, который, по его замыслу, должен был противостоять России. В него вошли Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия. В 1999 году к ним присоединился Узбекистан, претендовавший на лидерство в Центральной Азии. В 2002 году Ташкент, не видя экономических перспектив сотрудничества в рамках этой политизированной организации и опасаясь ее нарастающей антироссийской направленности, решил покинуть союз. Американцы до 2005 года всячески препятствовали официальному выходу узбекского руководства из ГУУАМ. Формально оставаясь членом этой организации, Узбекистан с 2002 года в ее работе участия не принимал. Азербайджан, чтобы не портить отношения с американцами и Евросоюзом, предпочитает оставаться в организации, но проводит самостоятельную взвешенную политику. Так что, «цветные революции» призваны были закрепить хотя бы протатовские силы ГУМа — Грузии, Украины, Молдовы.

¹ Bhattay R., Bronson R. NATO mixed signals in the Caucasus and Central Asia//Survival. — L., 2000. — Vol. 42, № 3. P. 154.

Мода на подобные «революции» перекинулась и в Центральную Азию. Участники антиакаевского переворота в Киргизии выкрасили ее в тюльпанный цвет и по навивности решили повторить мягкий сценарий взятия власти. Но мятеж, как и следовало ожидать, получился по-азиатски яростный и варварский. Его особенности разительно отличались от процессов, происходивших в Грузии, на Украине и, под их влиянием, в Молдавии, которая после соседской «оранжевой революции» слешно сменила внешнеполитический курс. Мартовский переворот 2005 года в Бишкеке ставит перед нами два важных вопроса — был ли серьезный повод к иностранному вмешательству, и имело ли место таковое?

Отстраненные от кормила власти киргизские политики первый вопрос обычно или вовсе дипломатично игнорируют или отделяются общими, ничего не значащими рассуждениями, но при этом на второй, как правило, отвечают положительно. Так и в вышедшей недавно книге «Цветы зла» дочь свергнутого президента Аскара Акаева Бермет Акаева, вполне обоснованно называющая «тюльпановую революцию» государственным переворотом, настаивает на его внешнем происхождении. Правда весомых доказательств этому не приводит, а основополагающий вопрос о причинах иностранного вмешательства сводится к одному наивному ответу — стремлению Запада ускорить киргизскую демократизацию¹.

Но как показывает практика взаимоотношений Запада с постсоветскими государствами Центральной Азии, тот активно выдвигал требования форсированной демократизации лишь в тех случаях, когда подвергались риску его военно-политические и экономические планы. Яркий пример тому — Узбекистан. После разрыва дружественных отношений с США и вывода американской базы в 2005 году голоса в защиту прав человека и демократических свобод в этой стране зазвучали с новой силой, а Евросоюз ввел санкции против нее, которые действуют и по сей день.

В тоже время, на последней сессии ООН (23 сентября 2007 г.) Джорж Буш хвалебно отозвался о прогрессе демократических реформ в Казахстане, хотя на самом деле он весьма сомнителен. Скорее наоборот, законы, дающие право Нурсултану Назарбаеву править пожизненно, можно назвать регрессом. Правда, есть прогресс в деле внедрения американских компаний в нефтегазовый сектор казахстанской экономики. Выверен подход и к Туркменистану. Жесткая политическая и экономическая туркменская автаркия если и подвергается на Западе критике, то весьма умеренной. Западный бизнес имеет немало крупных экономических проектов в этой республике, в том числе и в области энергетики. Устраивает его и официальная политика туркменского нейтралитета — отказ от вхождения в военно-политические блоки. Буш поэтому, на удивление центральноазиатских правозащитников, туркменской темы предпочел вообще не касаться.

Что касается Киргизии времен Акаева, то в представлении многих граждан Запада она служила примером «островка демократии» на мусульманском Востоке. Этот имидж широко рекламировался в Европе и США. Международные наблюдатели в большинстве своем исправно фиксировали высокую степень свободы слова и становления гражданского общества. Претензии к выборам были

¹ Акаева Б. Цветы зла. О так называемой «тюльпановой революции» в Кыргызстане. — М.: Международные отношения, 2006.

Книга Бермет Аскарловны вызывает интерес-оценкой ситуации в общественной жизни Киргизии до и после переворота с позиции бывшей власти.

Наиболее глубокое и обширное аналитическое исследование «тюльпановой революции» представляет книга Александра Князева «Государственный переворот 24 марта 2005 года в Киргизии» (Алматы, Бишкек, 2005 г.). Я широко использую ее фактуру в этой статье. Советую ее всем политологам, специализирующимся по Центральной Азии. В книге прекрасно отражены реалии внутренней и внешней политики не только в Киргизии, но и в других республиках региона.

незначительные. Соединенные Штаты и европейские страны щедро спонсировали по официальным и неправительственным каналам киргизские демократические программы.

Зарубежная помощь Кыргызстану увеличилась с 2001 года, после того как руководство страны дало согласие на размещение американской военной базы на ее территории¹. Власти с удовольствием эту помощь принимали, против присутствия ВВС США не возражали и закрывали глаза на нежелание американцев четко определить статус их военного контингента и сроки его присутствия.

К тому же, после обретения независимости республика встала на путь неолиберальных реформ и покорно следовала западным рекомендациям развития. Она опередила все страны Центральной Азии по либерализации цен и внешней торговли, переходу на собственную валюту и приватизации, приняла Гражданский кодекс западного типа, первой санкционировала частную собственность на землю и вступила в ВТО. Иными словами, лучше всех в регионе продемонстрировала урок «шоковой терапии» по рекомендациям МВФ и Всемирного банка².

Исходя из таких обстоятельств, подавляющее большинство зарубежных (в том числе американских) и местных экспертов расценивали обстановку в Киргизии как стабильную, а западное вмешательство во внутренние дела с целью смены власти событием невероятным. И действительно, ни по военно-политическим, ни по экономическим вопросам, ни по вопросам демократизации серьезных разногласий Запада с режимом Аскара Акаева вроде бы не наблюдалась. Выстроенная при нем система внутренних и внешних отношений вписывалась в евроатлантические представления о прогрессе. Но Запад неоднороден. Одно дело Европа, другое — США.

Оказалось, что аппетит американских стратегов разыгрался не на шутку, и демократическую рыночную Киргизию решено было полностью прибрать к своим рукам. Как говорится, аппетит приходит во время еды. Вашингтон явно не устраивал сбалансированный внешнеполитический курс небольшого и слабого государства на поддержание дружественных отношений с США и одновременно с Китаем, Россией и Евросоюзом. Американцы решили стать самым близким и уважаемым «другом». Их раздражало участие Киргизии в неподконтрольных им антитеррористических структурах — в Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), усиливавшей, к тому же, и свою экономическую составляющую, а также в Евразийском экономическом сообществе

¹ В 2005 финансовом году (1 октября 2004 г. — 30 сентября 2005 г.) США предоставили Киргизии на экономические и демократические реформы 50,4 миллионов долларов. Из них на демократические программы 15,4 млн., на экономические реформы 18,8 млн., на безопасность и правопорядок 15,1 млн., на гуманитарную помощь 0,6 млн. и 0,5 млн. долларов на прочие расходы. Bureau of European and Eurasian Affairs // www.usinfo.state.gov/2005/August17.

² Главную роль в поддержании экономики страны сыграла внешняя помощь, в основном от США и контролируемых ими организаций. В 90-е годы на 1 человека она далеко превосходила соответствующие показатели у соседей, например, в 9 раз больше, чем в Узбекистане. Несмотря на впечатляющие иностранные финансовые вливания, жизненный уровень за годы независимости заметно снизился. Доля населения, находящегося за чертой бедности, оценивалась в 1997 году в 51%, сейчас она составляет более 70%. По индексу человеческого развития, рассчитанному последним раз ПРООН в 2004 году, Кыргызстан занял 110-е место из 177 стран мира. По расчетам 2002 г. он занимал 102-е место из 173 стран. Экономика Киргизстана в последние годы демонстрировала резкие скачки и общую тенденцию к системному кризису. КР, считавшаяся лучшим образцом рыночных реформ, через 13 лет после их проведения, накануне мартовского переворота 2005 г. по большинству социально-экономических показателей приблизились к уровню разрушенного войной Таджикистана. См.: *Ниязи А.Ш.* Развитие и безопасность в Центральной Азии: примеры Киргизии и Узбекистана // *Безопасность Центральной Азии: новые вызовы, угрозы и риски.* М.: Центр стратегических и политических исследований, 2006. С. 62–82.

(ЕврАзЭС)¹. Набиравшие обороты многосторонние интеграционные процессы между Россией, Китаем и центральноазиатскими республиками шли вразрез с военно-политическими и геоэкономическими планами администрации Буша не только в Центральной Азии, но и в прилегающих регионах Южной Азии, а также Ближнего и Среднего Востока. Американская военная база имени Питера Ганси в аэропорту Манас вблизи киргизской столицы соседствовала с российской авиабазой Кант, с которой могут контролироваться действия ВВС США. Фактор российского военно-технического сдерживания служил помехой в их возможном применении не по назначению. Согласно международным договоренностям функции американской авиации ограничиваются военными и гуманитарными операциями в Афганистане. Но кто знает, какие планы Пентагон начнет воплощать завтра. В целом, у Запада серьезного повода для проведения операции по смене киргизской власти не было. Но уж очень чесались руки у администрации Белого дома. Вслед за «цветными революциями» в Грузии и на Украине у нее появилось искушение провести по горячим следам «революцию тюльпанов» на опытном поле Центральной Азии. В американских политиках возобладало чувство экспериментатора, наслаждающегося процессом опыта, при непредсказуемости его результата. Неудивительно, что «тюльпановая революция» застала команду президента Аскара Акаева и европейских союзников Америки врасплох.

Активным сторонником защиты демократии, а фактически отставки президента А. Акаева, был посол США Стивен Янг. Нарушая дипломатический этикет, он довольно часто и крайне бесцеремонно вмешивался во внутривнутриполитические процессы и позволял себе явно провокационные высказывания в адрес власти. Тесные контакты с оппозиционерами поддерживали не только сотрудники посольства Соединенных Штатов, но и функционеры разветвленной сети американских и европейских государственных организаций, всевозможных фондов и неправительственных организаций.

Идеологическая деятельность правительственных и неправительственных организаций США в Центральной Азии, в частности, в Киргизии, выстраивается на основе концептуальных документов — «Акта о поддержке свободы» и закона «О продвижении демократии». Практика введения «демократического стандарта» сводится к следующим императивам: «распространять демократию как средство, с помощью которого достигается безопасность, стабильность и процветание всего мира; помогать новым формирующимся демократиям приводить в действие демократические принципы; содействовать сторонникам демократии во всем мире в установлении в их странах демократий, подверженных еще колебаниям; выявлять и осуждать режимы, лишаящие

¹ В Организацию договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в 2002 году вошли: Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан. В 2006 году к ней присоединился Узбекистан. В Центральной Азии коллективные силы быстрого развертывания ОДКБ представлены группировкой в 4 тысячи военнослужащих, используют более трех сотен боевых машин и танков, а также авиацию, расположенную на российской авиабазе Кант в Киргизии.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) образовалась в 1996 году. Тогда в нее вошли Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан, КНР. В 2001 г. ее полноправным членом стал и Узбекистан. Индия, Иран, Монголия и Пакистан являются государствами-наблюдателями при ШОС. Первоначально приоритет в рамках организации отдавался сотрудничеству в сфере безопасности, в том числе борьбе с терроризмом и наркобизнесом. Была создана региональная антитеррористическая структура (ПАТС) со штаб-квартирой в Ташкенте. Со временем на первый план стало выходить торгово-экономическое взаимодействие. Тем не менее, сохраняется и силовая составляющая ШОС. Проводятся совместные военные учения в формате ШОС-ОДКБ. Решаются вопросы сотрудничества между этими организациями.

Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) образовалось в 2000 г. Тогда в него вошли Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан. В 2006 г. присоединился Узбекистан. Эта организация занимается формированием таможенных границ, выработкой единой внешнеэкономической политики, тарифов и цен, а также другими составляющими создающегося общего рынка.

своих граждан права избирать лидеров на выборах, которые должны быть свободными, справедливыми и прозрачными»¹. Заявленные цели благородны, но за ними зачастую скрываются откровенный диктат и холодный политический расчет, а их рьяное и бездумное исполнение в духе демократического фундаментализма, напротив подурывает желанные мечты о всемирном процветании.

Процессы глобальной демократизации курируют Бюро демократии, прав человека и труда Госдепартамента США и федеральное правительственное Агентство США по международному развитию (U.S. Agency for International Development — USAID). Бюро поддерживает и продвигает программы демократических реформ с помощью созданного в 1998 г. Фонда прав человека и демократии. USAID избирательно финансирует те страны мира, которые выражают готовность к восприятию «демократических ценностей». В число таких стран после распада СССР попали и центральноазиатские, с некоторыми из которых США зафиксировали особые отношения: с Казахстаном подписана «Хартия о стратегическом партнерстве», с Узбекистаном — «Декларация о стратегическом партнерстве», с Республикой Таджикистан — «Совместное заявление»².

Агентство США по международному развитию для центральноазиатского региона выработало специальную «Программу поддержки гражданского общества USAID/Central Asia», в рамках которой, к примеру, за три месяца до бишкекского переворота для журналистов из Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Казахстана проводились тренинги по перенятию опыта в освещении выборов на Украине³.

USAID поддерживает центральноазиатские проекты Совета по международным исследованиям и обменам (IREX), Региональной учебной программы START, Академии развития через образование (AED), Американского университета Центральной Азии, Internews Network (работает с СМИ)⁴, Корпуса мира, Международного республиканского института США, «Каунтерпарт консорциум», фонда «Евразия» («Eurasia Foundation»), Восточно-европейского демократического центра⁵. Агентство также оказывает помощь американской организации «Freedom House».

¹ www.usinfo.state.gov, Bureau of Public Affairs, U.S. Department of State.

² Пятнадцать лет, которые изменили Центральную Азию (1991-2006) / Под ред. Эрхард Кромпе, В.В. Наумкин, А.Б. Каримова; Центр политических и стратегических исследований. М., 2006. С. 232–233.

³ Азия Plus. Душанбе, 12 декабря 2004 г.

⁴ На территории СНГ отделения «Internews Network» действуют в Армении, Азербайджане, Грузии, Казахстане, Киргизии, России, Таджикистане и на Украине. В Белоруссии отделение было официально закрыто в 2003 г., в Узбекистане деятельность приостановлена в феврале 2004 г. Финансовая деятельность в открытых источниках не отражается. Основание «Internews», как утверждает офис организации, было «связано с необходимостью формирования независимой прессы, которая, повышая качество и количество передач, олицетворяет свободу слова». «Internews» оказывает техническую и интеллектуальную поддержку новым СМИ, в большинстве случаев — укомплектованным молодыми непрофессиональными сотрудниками. «Internews Кыргызстан» с 1995 г. оказывает содействие негосударственным средствам массовой информации, проводит учебные семинары, оказывает законодательную поддержку, производит и распространяет телевизионные программы по обмену. В числе основных партнеров — фонд «Сорос-Кыргызстан», посольство США в Бишкеке и USAID, Центр экстремальной журналистики (г. Москва), «Сімега» и др.

⁵ Восточно-европейский демократический центр (ВЕДЦ) возник на основе белорусской программы фонда «Институт в пользу демократии в восточной Европе» (IDEE). Деятельность организации направлена на распространение идей демократии, поддержку гражданских инициатив и неправительственных программ, строительство открытого общества, образование в области прав человека и демократических свобод. В 2001 г. организация реализовала первый проект на Украине; в 2003 г. осуществлялись две украинские программы. Белорусские проекты часто разрабатываются в сотрудничестве с партнерами из Литвы, Чехии, Словакии, с польскими общественными организациями ВЕДЦ реализует несколько программных блоков — об-

В 2002 г. в Киргизии Freedom House с одобрения исполнительного комитета совета попечителей фонда «Евразия» создал НПО «Центр поддержки СМИ», который, в свою очередь, стал учредителем «Независимого издательского центра». Типографские мощности Центра и его щедрое спонсирование использовались исключительно на поддержку оппозиционных СМИ в Казахстане, Таджикистане и в самой Киргизии. В типографии НПО печаталась не только литература для оппозиционных организаций центральноазиатского региона, но и инструкции по «борьбе с диктаторами», содержавшие «полезные советы» по организации голодовок и акций гражданского неповиновения, которые с успехом использовались в Сербии, Грузии и на Украине¹.

Особую активность в поддержке киргизских оппозиционеров принимал Национальный демократический институт США (NDI). Он имел 20 региональных представительств. Институт оказывал финансовую, техническую и методическую помощь оппозиционным партиям и организациям Киргизии. Особое место в его деятельности занимала «Коалиция за демократию и гражданское общество», возглавляемая Э. Байсаловым. Эта НПО изначально проектировалась как агрессивно-оппозиционная, но находящаяся в стороне от основной массы оппозиции, что должно было демонстрировать ее нейтральность. Одним из главных приоритетов NDI были СМИ. Еще одним важным направлением работы Института было проведение семинаров с активистами политических партий и НПО по вопросам внутрипартийной организации, привлечения новых членов, подготовки избирательных программ. Функцию распространения влияния NDI в регионах выполняли так называемые «Информационные центры демократии» (ИЦД). Центры занимались широким распространением среди населения информационных бюллетеней преимущественно оппозиционного характера. Заодно они изначально рассматривались и были позже использованы как политические площадки для оппозиционных кандидатов в предвыборной парламентской кампании².

Менее открыто, но также активно действовала другая американская организация Национальный фонд за демократию (National Endowment for Democracy, NED). Официально эта частная организация была создана в 1982 году с целью финансовой поддержки профсоюзов, ассоциаций и политических партий. Эксперты отмечают, что на практике она является «всего лишь продолжением секретных операций ЦРУ другими средствами»³. В Киргизии действуют и продолжают функционировать множество других организаций — ОБСЕ⁴, Киргизское отделение Фонда Сороса (Open

---

разовательско-тренинговые проекты, направленные на журналистов, учителей, издателей региональной прессы и активистов неправительственных организаций. С 2003 г. началась реализация первых проектов для России. Деятельность ВЕДЦ ежегодно финансируется системой грантов нескольких значительных донорских организаций; постоянными партнерами являются «National Endowment for Democracy», «Фонд Чарльза Стюарта Мотта» (Charles Stewart Mott Foundation) и Freedom House // <http://www.eedc.org.pl>

¹ Князев А.А. Государственный переворот 24 марта 2005 года в Киргизии. Алматы, Бишкек, 2005. С. 42.

² Там же. С. 23.

³ Мейсан Т. Сеть «демократического вмешательства». Сайт Иносми.ру. 21.09.2005 // <http://www.inosmi.ru/translation/222419.html>.

⁴ Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) объединяет 55 участников из Европы, Центральной Азии и Северной Америки. Организация признает, что Центральная Азия представляет собой неотъемлемую часть системы европейской безопасности. На этом постулате базируется стратегия ОБСЕ в регионе: она направлена на распространение демократии и помощи государствам в укреплении демократических институтов, в том числе, и через мониторинг выборов.

ОБСЕ действует в основном через систему созданных в ее недрах специализированных институтов: Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) (Office for Democratic Institutions and Human Rights — ODHR) и Представительства ОБСЕ по свободе средств массовой информации (OSCE Representative on Freedom of the Media). Во всех странах Центральной

Society Institute), CIMERA (Швейцария), Институт по освещению войны и мира (IWPR), НПО «Институт региональных исследований», финансируемая американскими фондами Международная группа по предотвращению кризисов (International Crisis Group), «Программа обмена лидеров будущего» (FLEX), «Программа обмена выпускниками Эдмонда Маски», «Товарищество Хьюберта Хэмфри», программа «Американские университеты — ученые Центральной Азии», программа по созданию центров учебных программ и доступа к интернету (ИАТФ), Международная лига по правам человека, Международная Хельсинкская федерация и другие. Ошибочно полагать, что все эти организации, их филиалы и сотрудники сплоченно и целенаправленно готовили в Киргизии государственный переворот.

Немало зарубежных фондов и организаций и их специалистов искренне работали во благо киргизстанцам. Надо отдать должное и им, и преждему руководству республики в укреплении духа демократии в Киргизии. Демократические институты и настроения значительной части населения послужили амортизатором при вспышках насилия и проявления неконституционных действий во время беспорядков марта 2005 года. Такая ситуация и приверженность демократическим принципам самого президента Аскара Акаева не дали пролиться большой крови, что вполне могло бы произойти при резком свертывании свободы волеизъявления оппозиции. В то же время, неолиберальная стратегия многих зарубежных организаций, в первую очередь американских, и самой власти оторвала форсированный процесс демократизации от социально-экономической базы. А база эта ускоренно рушилась.

Слабость партийной системы в странах Центральной Азии, в том числе, и в Киргизии (там насчитывалось 48 партий) очевидна, а потому в кризисные моменты в качестве основных мобилизующих и консолидирующих сил оппозиции выступают не партии, а неправительственные организации и независимые СМИ.

В Кыргызстане на зарубежные гранты было создано более 5 тысяч местных НПО¹. По количеству неправительственных организаций на душу населения Киргизия превзошла все республики СНГ. Почти в каждом селении была своя НПО. На открыто для всех желающих экспериментальном киргизском поле иностранные фонды штамповали их с особым рвением, тем самым, повышая свою значимость и, соответственно, финансовую подпитку. Размножившаяся бюрократия этих фондов перевыполнила план. План этот, в свою очередь, выстраивался в русле неолиберальной мечты — отстранения государства от общественной жизни и передачи его функций неправительственным организациям. Но с их форсированным размножением переусердствовали. Количественный показатель неправительственных организаций отнюдь не означал широкого распространения ценностей гражданского общества. В условиях бедной, экономически разоренной Киргизии, высокого уровня социального недовольства, произошел переход за критическую массу НПО, противопоставивших себя безответственному государству.

Азии действуют центры ОБСЕ, осуществляющие наблюдение за политической, экономической и законодательной деятельностью в республиках региона, фиксируя соответствие их политических систем стандартам демократического развития, признанным ОБСЕ. Первый центральноазиатский институт организации — Центр ОБСЕ — начал работать в Душанбе (19 февраля 1994 г.) В 1998 г. они были учреждены в Алматы и Бишкеке, а в январе 1999 г. — в Ашхабаде. В Киргизии создана Академия ОБСЕ, которая служит форумом для обсуждения проблем демократизации и прав человека для всей Центральной Азии. См.: Пятнадцать лет, которые изменили Центральную Азию... С. 236.

¹ Бермет Акаева приводит другие цифры. Ссылаясь на оценки Госдепартамента США, она отмечает, что в Кыргызстане постоянно функционировали 7–10 тысяч НПО. «По другим оценкам, вместе с офисами-филиалами различных западных неправительственных организаций общее число НПО в стране достигало 15 тысяч» — пишет Акаева. *Акаева Б.* Цветы зла. О так называемой «тюльпановой революции» в Кыргызстане. — М.: Международные отношения, 2006. С. 60.

Киргизские НПО сплачивали не столько собственно оппозицию, сколько силы, которые можно было использовать любым образом. «Непосредственная поддержка оппозиции со стороны посольства США и различных американских организаций открыто стала проявляться лишь в последние месяцы перед парламентскими выборами. До тех пор формировалась необходимая общественная атмосфера, создавалось общественное мнение» — пишет Князев¹.

КУЛИНАРИЯ

Несмотря на заявления американских официальных лиц о возможной смене власти в Киргизии, которые начали появляться еще с 2003 года, окончательное решение Белого дома о поддержке «тюльпановых революционеров», скорее всего, было принято незадолго до переворота. Руководство США оказалось перед непростым выбором. Американцы и европейцы долго и настойчиво рекламировали реформы президента Акаева и его команды, как наиболее успешные в деле демократизации и распространения западной культуры. Они не скупились на похвалы. Одновременно присматривались к оппозиционерам. Главные из них или работали в США или приглашались «на смотрины» в Госдепартамент². Видимо, по оценкам специалистов этого ведомства выходило так, что и акаевцы, и антиакаевцы одинаково лояльны к США и в равной мере приемлют западные ценности. Однако ради «защиты национальных интересов» американские стратеги приняли необычную схему — демократы против демократов. Надеялись на полную покорность следующей киргизской власти, которая в знак благодарности представит им неограниченную свободу действий для воплощения целей на восточном направлении. Но кулинария из киргизских тюльпанов оказалась не так проста, как они себе ее представляли.

В тюльпановую оппозицию входило пять категорий недовольных — отставные чиновники разных рангов, затаившие обиду на Акаева или кого-то из его окружения (в Киргизии их называли «бзушны»); вечно недовольные чем-то профессиональные демократы, как правило, обладающие одной способностью — критиковать и свергать; группа кандидатов, проигравшая на выборах в парламенте в феврале 2005 г.; бизнесмены, не вписавшиеся в команду, поделившую экономический пирог; и криминалитет, пытавшийся расширить и перекроить зоны влияния.

За этим составом крылась кланово-региональная особенность киргизской политической жизни, которую американские эксперты, судя по всему, всерьез не учли.

¹ Князев А.А. Государственный переворот 24 марта 2005 года в Киргизии. — Алматы, Бишкек, — 2005. С. 30.

² Наиболее яркая фигура среди профессиональных демократов — Роза Отунбаева возглавляла МИД Киргизии, работала послом Киргизской Республики в США, Канаде и Великобритании, занимала должность заместителя спецпредставителя генсека ООН по урегулированию грузино-абхазского конфликта. В 2003 году в дни волнений в Тбилиси перенимала опыт Саакашвили пр свержению законной власти. Отунбаева не скрывала свои прозападные взгляды, имела тесные контакты с Госдепартаментом и послом США в КР Стивенем Янгом, а также «цветными революционерами» Грузии и Украины, которые зачастую в Бишкек накануне переворота. Именно Роза Отунбаева является автором термина «тюльпановая революция». Ее соратники по борьбе за демократию — бывшие премьер-министры Курманбек Бакиев (ныне президент КР) и Амангельди Муралиев, депутат парламента Омурбек Текебаев, заместитель председателя партии «Ар-Намыс» Эмиль Алиев и бывший министр иностранных дел Вуратбек Иманалиев побывали в США в 2003 году по приглашению Госдепартамента. Они встретились с заведующим отделом стран Центральной Азии и Кавказа Госдепа Джоном Фоксом, специалистом по Киргизии Мартином О'Марой и заместителем помощника госсекретаря США Линном Паско. Последний по окончании встречи публично заявил о необходимости смены власти в Киргизии. Цит. по: Князев А.А. Государственный переворот 24 марта 2005 года в Киргизии. Алматы, Бишкек, 2005. С. 71. А.Князев ссылается на материал: Гафарлы М. Госдеп США инициирует «смену власти» в Киргизии и Казахстане // Новые известия. М., 2003. 11 марта.

Политическая культура в Киргизии напрямую связана с местной социальной спецификой, характеризующейся устойчивостью традиционных отношений и связей. Зачастую борьба между властью и оппозицией или внутри властных структур разворачивается не по привычной системе партийно-политического соперничества, а по неформальным схемам клановых, родовых и земляческих объединений. Этот невидимый постороннему глазу процесс оказывает значительное воздействие на общественные процессы в Киргизии.

В киргизской политической жизни следует учитывать традиционную принадлежность к одной из трех клановых (родоплеменных) групп. Две из них называются «крыльями». Правое крыло — «онг», левое — «сол». Третья группировка — Ичкилик — не принадлежит ни к одному из «крыльев». Левое «крыло» объединяет семь кланов на севере и западе страны. Большинство руководителей республики родом из наиболее влиятельных кланов этого «крыла» — Бугу и Сары Багыш. К последнему принадлежит и экс-президент А. Акаев. Правое «крыло» представлено всего одним кланом — Адыгине, имеющим корни в южной Киргизии. Ичкилик, который также располагает сильными связями на Юге, представляет собой группу из нескольких кланов, в том числе, некиргизских по происхождению.

Помимо киргизских родоплеменных объединений влияние на внутреннюю политику оказывает узбекская община. Узбеки составляют около 20% населения Киргизии и сосредоточены в основном на Юге. Узбекские лидеры постоянно подчеркивали, что их народ подвергается дискриминации со стороны центральной власти. Они требовали более пропорционального представительства в сферах экономической и политической жизни, особенно в правоохранительных, законодательных и судебных структурах Юга — Ошской, Джалал-Абадской и Баткенской областей. Звучали призывы придать узбекскому языку статус государственного, развивать культурные и образовательные программы для узбекского меньшинства. Отказ администрации Акаева выполнить их требования, а также ряд последовавших затем дискриминационных постановлений, связанных со статусом киргизского языка при приеме на госслужбу и в учебные заведения, вызвали рост оппозиционных настроений среди узбеков¹. В целом, при правлении А. Акаева южане оказались наиболее ущемленными. Они были оттеснены с важных постов в органах центральной власти, югу доставалось меньше финансовых ресурсов, чем северным областям. Акаев перешел допустимые границы во взаимоотношениях между кланами. Его земляки заняли ключевые посты в правительстве, особенно в министерствах финансов, внутренних дел и госбезопасности. Более того, даже в руководстве самих южных областей Акаев пытался расставлять своих людей.

Назначение политических протезов на пост губернатора Ошской области и их быстрая смена вызвали серьезное недовольство на Юге. Многие южане особенно были недовольны тем, что все пять губернаторов за годы после обретения независимости происходили из северных областей страны. Экономическая и политическая дискриминация Юга превратили его в основную оплот антиакаевской оппозиции. Многие видные лидеры оппозиции принадлежали к южным кланам, а именно к группировке Ичкилик. Известные общественные деятели и члены парламента Азимбек Бекназаров, Адхам Мадумаров, Омурбек Текебаев, Дооронбек Садырбаев, Абсамат Масалиев, Бектур Асанов и Алишер Абдимомунов — все связаны с кланами Ошской, Джалал-Абадской или Баткенской областей².

¹ Расширение политического участия узбекской общины на региональном уровне началось после утверждения в должности губернатора Ошской области избранного народом в марте 2005 г. узбека Анвара Артыкова.

² Нарастание недовольства южан выражалось и в появлении сепаратистских настроений. Так, в ноябре 2002 г. сторонники оппозиционного политика Усена Садыкова предложили трем юж-

Монополизм «семьи» президента вызывал недовольство не только южан, но и многих представителей северных кланов. Деловую элиту севера раздражало, что без разрешения «семьи» в стране невозможно было развернуть серьезный бизнес. Используя властные рычаги, члены «семьи» контролировали многие прибыльные сферы бизнеса в республике. Волонтаризм кадровых назначений и отставок создал даже среди представителей северных кланов довольно большое число обиженных экс-чиновников. Недовольная часть северных элит, а также молодых технократов, не имеющих особых шансов на продвижение в условиях доминирования «семьи», объединилась вокруг наиболее влиятельного политика-северянина Феликса Кулова¹. Южане сплотились вокруг экс-премьера Курманбека Бакиева².

В политической кулинарурии Киргизии имеется и еще один существенный компонент — криминалитет. Российский политолог Глеб Павловский в этой связи отмечает, что «уровень криминализации политики в Киргизии всегда был достаточно высок. Со стороны власти речь шла о глубочайшей коррумпированности госчиновников. Со стороны оппозиции — о прямом участии криминалитета в политике»³. Ведущий специалист по Киргизии и в целом по центральноазиатскому региону Александр Князев подчеркивает, что преступные группировки юга республики контролируют основные потоки наркотрафика, осуществляемого под общим патронажем ташкентских ОПГ. «По сути, важнейшим компонентом «южного протеста» стали действия альянса организованных преступных группировок юга Киргизии и ферганского региона Узбекистана по вытеснению из экономического пространства северной Киргизии северо-киргизских и казахстанских (в первую очередь шымкентских) организованных преступных группировок» — пишет А. Князев⁴.

Американские стратеги такие кулинарные изыски киргизской кухни попросту проигнорировали и получили иной ход развития событий, нежели в Грузии и на Украине. Подконтрольного американцам мягкого «демократического» переворота в Бишкеке не получилось. Наружу выплеснулся азиатский бунт. В его вихре тюльпановым революционерам оставалось только наблюдать бесчинства толпы сметающей власть. Кланово-мафиозные группировки в это время перекраивали свои наделы.

ным областям — Ошской, Джалал-Абадской и Баткенской — заявить о своей автономии, если Бишкек не пойдет навстречу их экономическим, социальным и политическим нуждам. В советское время существовала только Ошская область. Придя к власти, Аскар Акаев поделил ее на три части — Ошскую, Баткенскую и Джалал-Абадскую.

¹ Феликс Кулов — выходец из киргизского племени Солто. Родился в селе Байтик Аламединского района. Работал на разных должностях в МВД КР. С 1990 по 1992 гг. занимал пост министра этого ведомства. В 1992–1993 гг. — вице-президент Киргизии, в 1993–1997 гг. — губернатор Чуйской области, в 1997–1998 гг. — министр национальной безопасности, в 1998–1999 гг. — мэр г. Бишкек. В 1999 г. перешел в оппозицию к А.Акаеву, в 2000 г. арестован и освобожден, в 2001 был вновь арестован и осужден по ряду уголовных статей. Был выпущен на свободу во время мартовского переворота 2005 г. Оппозиция называла генерал-лейтенанта Кулова «кузником совести». ОБСЕ и Администрация США неоднократно требовали его освобождения. Кулов имел устойчивые связи с Госдепартаментом Соединенных Штатов. Князев А.А. Государственный переворот 24 марта 2005 года в Киргизии. — Алматы, Бишкек, — 2005. С. 127.

² Курманбек Бакиев (с 2005 г. — президент КР) происходит из киргизского племени Ичкилик. Родина — село Масадан Сузакского района Ошской области. Начинал трудовую деятельность рабочим, затем инженером, потом занимал различные руководящие посты на производстве, в государственных ведомствах и партийном аппарате. В 2000–2002 гг. — премьер-министр Киргизии. В 2002 г. отправлен в отставку. В 2004 организовал оппозиционное «Народное движение Кыргызстана». Имел устойчивые связи с Госдепартаментом США. См.: Князев А.А. Государственный переворот 24 марта 2005 года в Киргизии. — Алматы, Бишкек, — 2005. С. 70–71.

³ Киргизский переворот. Март-апрель 2005: Сборник / сост.: Г.О. Павловский. — М.: Европа, 2005. — С. 38. Цит. по: Князев А.А. Ук. соч. С. 50.

⁴ Князев А.А. Ук. соч. С. 52.

ТРАПЕЗА

Повод к объединенному выступлению оппозиции дал уже первый тур выборов в парламент страны (Жоркогу Кенеш) 27 февраля 2005 г. Еще накануне голосования, нескольким влиятельным кандидатам в депутаты от оппозиции было отказано в регистрации. В частности, Розе Отунбаевой, а также Акылбеку Жапарову, Арслану Малиеву, Бейшинбеку Болотбекову и другим¹. Р. Отунбаева собиралась баллотироваться от Университетского округа Бишкека, по которому выставила свою кандидатуру Бермет Акаева. Отказ в регистрации «киргизской Жанны д`Арк» в избирательном округе, по которому проходила дочь президента, естественно, вызвал широкий общественный резонанс, а Отунбаеву подвиг на бескомпромиссную борьбу².

В результате уже с 21 февраля несколько тысяч сторонников экс-депутатов, сошедших с предвыборной гонки, начали блокировать автотрассы, ведущие в Бишкек, и выдвигать требования об отставке губернатора Нарынской области. В Иссык-Кульской области было захвачено здание районной администрации. В день голосования 27 февраля, еще не зная результатов выборов, два экс-министра иностранных дел Роза Отунбаева и Муратбек Иманалиев, а также правозащитник Топчубек Тургуналиев выступили с призывами «уступить власть народу». Становилось очевидным, что для части оппозиции выборы — априори нелегитимны. Но в целом по республике первый их тур прошел спокойно. Всего в 75 избирательных округах Киргизии, по данным ЦИК, победу одержали 31 кандидат, из которых, 20 являлись самовыдвиженцами. В выборах приняли участие 7 политических партий Кыргызстана³. Международная миссия по наблюдению за выборами (ММНВ) признала их, в целом, состоявшимися, но поставила под вопрос итоги голосования по 11 избирательным округам. Несмотря на критику по ряду нарушений в избирательном процессе, она отметила и улучшения по сравнению с предыдущими выборами⁴. Представители европейских институтов выразили намерение сотрудничать с будущим парламентом.

¹ Розе Отунбаевой было отказано в регистрации на основании положения Кодекса КР о выборах, определяющего «ценз оседлости» для дипломатов. (Действительно, положение удивительное! — А.Н.). Акылбек Жапаров с 1991 по 1998 гг. заведовал отделом по вопросам молодежной политики администрации президента КР, был ответственным секретарем аппарата Социал-демократической партии Кыргызстана, секретарем Национальной комиссии по рынку ценных бумаг при президенте Киргизии. Работал в государственной налоговой инспекции при Минфине КР. Избирался депутатом парламента от блока «Союз демократических сил». Арслан Малиев — работал на руководящих должностях в государственной системе общепита, туризма, затем занялся крупным бизнесом. Избирался депутатом парламента. Был снят с предвыборной дистанции за подкуп избирателей.

² Акаева Б. Цветы зла. О так называемой «тюльпановой революции» в Кыргызстане. М.: Международные отношения, 2006. С. 43.

³ В избирательные бюллетени было включено 3 кандидата от партии «Ар Намыс», 4 кандидата от Социал-демократической партии, 18 кандидатов от Республиканской партии «Адилет», 25 кандидатов от Партии единства и развития «Алга, Кыргызстан», 5 кандидатов от Партии коммунистов Кыргызстана, 2 кандидата от общественного объединения «Коммунистическая партия Кыргызстана». Получил регистрацию также один из двух выдвиженцев от Демократической партии женщин и молодежи Кыргызстана «Новая сила». Таким образом, участие в выборах приняли только 7 партий из 20 зарегистрированных, а совокупная доля партийного участия в выборах парламента составила всего 15,5%. В Кочкорском избирательном округе Нарынской области выборы были признаны недействительными, так как процент избирателей, проголосовавших «против всех», превысил цифру 60. Таким образом, в Кочкорском округе предстояли повторное выдвижение кандидатов и выборы. При этом в повторных выборах не имели права принимать участие кандидаты, которых народ отверг в первый раз. Второй тур предстоял в 46 округах. См.: Князев А.А. Ук. соч. С. 74–80.

⁴ За выборами следили наблюдатели Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ, Парламентской ассамблеи ОБСЕ, Европарламента, Межпарламентской ас-

Тем не менее, значительная часть оппозиции заявила о нелегитимности выборов на основании будто бы имевшего место повсеместного давления власти и использования ею административного ресурса. Зазвучали требования провести в республике новые парламентские выборы. Уже в первых числах марта многотысячные митинги прокатились по южным областям Киргизии. Требования были самыми различными — от обращений провести заново первый тур голосования, до призывов отставки членов окружных избирательных комиссий, руководства областей и главы государства Аскара Акаева. В некоторых районах происходили захваты зданий местных администраций. Блокировались дороги. Митинги начали распространяться и за пределы Юга. Разумеется, протест возникал не на пустом месте. Надо признать, что все избирательные кампании в Киргизии были далеки от совершенства. Только мощным использованием административного ресурса и фальсификацией результатов можно объяснить тот факт, что на выборах в Жоргоку Кенеш в феврале 2007 г. лидер оппозиции, нынешний президент страны в своей родной вотчине на юге Киргизии, получил в два раза меньше голосов, чем никому не известный предприниматель С. Нышанов¹. Но в мутной воде ловили свою рыбу и те политики, которые на вполне законных основаниях были отстранены от выборов или попросту проиграли в честной борьбе.

9 марта ОБСЕ выразила озабоченность незаконными действиями оппозиции. Ее наблюдатели призвали вовлеченные стороны организовывать публичные митинги и встречи в рамках законодательства республики, так как «незаконные действия могут привести к вовлечению сил безопасности, что, в свою очередь, может привести к вспышке насилия». В то же время в заявлении ОБСЕ констатировалось, что государственные власти республики «продемонстрировали выдержку и компетентность в данной ситуации». «Страна уже достигла хорошего прогресса, который может стать базой для дальнейшего развития. Безусловно, потребуются немало времени для того, чтобы достигнуть высшего уровня международных стандартов, но развитие и стабильность политического процесса могут быть достигнуты, только если все вовлеченные в него стороны внесут свой весомый вклад в рамках, определенных законом», — говорилось в заявлении центра ОБСЕ².

10 марта оппозиция ответила собственным заявлением: «В целях содействия в осуществлении основных требований народных масс, движение которых начато 4 марта с.г. в Джалал-Абадской области и с каждым днем распространяется на другие регионы страны, мы создаем Координационный совет Народного единства оппозиционных и патриотических сил Кыргызстана. Народное единство поддерживает требования народа и выступает координатором их действий за: 1. Немедленную отставку Акаева; 2. Досрочные выборы президента Киргизской Республики; 3. Отмену итогов парламентских выборов 27 февраля и 13 марта с.г.; 4. Проведение выборов депутатов Жоргоку Кенеша после 6 месяцев³. Таким образом, оппозиция заранее продемонстрировала, что не признает итоги второго тура выборов. В тот же день — 10 марта группа депутатов старого парламента во главе с Курманбеком Бакиевым потребовала провести досрочные выборы президента страны в июле 2005 г. В случае неприятия этих требований Бакиев пригрозил двинуть на Бишкек пешим маршем 25 тысяч его сторонников. Власти в ответ установили информационную блокаду Юга и попытались перекрыть трассу Бишкек-Ош под предлогом возможного схода лавин.

самблеи СНГ. Среди наблюдателей были также сотрудники западных дипломатических миссий, киргизских политических партий и неправительственных организаций (НПО).

¹ Пятнадцать лет, которые изменили Центральную Азию (1991-2006) / Под ред. Эрхард Кроне, В.В. Наумкин, А.Б. Каримова; Центр политических и стратегических исследований. М., 2006. С. 57.

² РИА «Новости». Бишкек, 2005. 9 марта.

³ АКIPress. Бишкек, 2005. 10 марта. Цит. по: Князев А.А. Ук. соч. С.87.

Во втором туре выборов 13 марта участвовали уже не все «демократы», многие бойкотировали их. Оппозиция в целом потерпела ощутимое поражение, но ее активность только возросла. Волна массовых протестов покатилась по регионам. Митингующие захватывали административные здания, собирали «курултаи», на них избирали «народную» власть, брали в заложники областных и районных руководителей. В некоторых районах формировались отряды «революционных» всадников.

20 марта правоохранительные органы начали спецоперации по выдворению новых хозяев из административных зданий. В Оше, Джалал-Абаде и других районах эти операции вызвали ответную реакцию насилия, было много раненых, горели административные здания, отделы внутренних дел. По некоторым сведениям погибло несколько милиционеров. Семьи сотрудников правоохранительных органов, спасаясь от преследования, выезжали в соседние районы. Митингующие выпускали заключенных из изоляторов временного содержания. В некоторых населенных пунктах царил настоящий хаос, сопровождавшийся грабежами, мародерством и погромами.

21 марта мятежники взяли под свой контроль Джалал-Абад и Ош, захватили аэропорты этих городов. Значительная часть милиции перешла на их сторону, остальная бездействовала. В столицу начали приезжать большие группы сторонников оппозиции из Нарына, Баткена, Джалал-Абада и Оша. Многих организованно доставляли автобусами. Высокие начальники МВД, МЧС, Службы национальной безопасности, Министерства обороны начали игнорировать распоряжения президента Акаева, часть вступила в переговоры с оппозицией, выторговывая себе будущие должности.

22 марта Аскар Акаев выступил с принципиальным заявлением, в котором отказался под давлением митингующих отменить результаты выборов и уйти со своего поста. В столице начал работу новый состав парламента. 23 марта президент произвел кадровые перестановки в прокуратуре и силовых ведомствах. Новый прокурор Мурат Суталинов пригрозил возбудить уголовные дела против зачинщиков беспорядков на юге республики, а в центре Бишкека силами ОМОНа был разогнан массовый митинг оппозиционных молодежных организаций. В свою очередь новый министр внутренних дел Кенешбек Душебаев заявил, что подразделения МВД будут применять все имеющиеся в их распоряжении спецсредства для урегулирования ситуации на юге республики, пояснив, что они не будут применены против законопослушных граждан. Но лидеры оппозиции уже покинули Юг и утром 24 марта собирают в столице несанкционированный митинг. На нем выступают почти все главные «тюльпановые» революционеры — Роза Отунбаева, Курманбек Бакиев, Топчубек Тургуналиев, Азимбек Бекназаров, Аслан Малиев и другие. Главный лозунг митингующих — «Долой Акаева»¹.

Днем митинги распространяются по разным районам города. Оппозиционеры блокируют дорогу в аэропорт «Манас». «Революционные» массы (от 10 до 15 тыс. человек) выходят к дому правительства и президентской администрации. Милиция бездействует. Сотни демонстрантов забрасывают камнями и рассеивают омонцовцев, охранявших здание, и массы берут дом правительства. Акаева там уже не было. Трапеза начинается. Следуют акты откровенного вандализма, из окон выбрасывается оргтехника. Толпы избивают чиновников, бесчинствуют мародеры. А ночью Бишкек остается один на один с пьяными ордами грабителей, вандалов и насильников. Новая власть бездействует. Милиции на улицах нет. В городе были разгромлены почти все крупные торговые центры, многие ювелирные магазины, офисы и представительства зарубежных компаний, опустошены банкоматы, компьютерные салоны, магазины бытовой техники, рынки, продовольственные магазины, кафе и рестораны. Многие были сожжены дотла. Вандалы с наслаждением жгли дорогие машины. Предпринимались попытки штурма пятизвездочной гостиницы, здания службы спасения МЭиЧС, СИЗО Бишкекского УВД. Сотни людей получили серьезные ранения,

¹ Князев А.А. Государственный переворот... С. 107–119.

были убитые. Несмотря на организованную позже небольшими силами милиции и отрядов самообороны охрану основных торговых и административных объектов, бесчинства в столице продолжались еще несколько дней.

Бишкекские события 24–25 марта 2005 г. со всей наглядностью продемонстрировали, что мягкого переворота, подконтрольного «демократическим силам» на центральноазиатской почве быть не может. В кризисный момент киргизская матрица традиционных родоплеменных взаимоотношений всплыла на поверхность и с легкостью разломила хрупкую демократическую конструкцию. Власть на Востоке, в случае мятежа всегда берет силой. А дикое воинство, пусть даже и безоружное, по древнему обычаю лихо гуляет и собирает свой трофей.

ПЕРЕВАРИВАНИЕ ВЛАСТИ

Войдя в Белый дом (так бишкекцы называют здание правительства) «тюльпановые революционеры» начали делить нелегкое бремя власти. После мартовского переворота ключевые посты в госаппарате заняли преимущественно южные и восточные кланы. Северяне заметно потеснились. Смена власти привела к корректировке этно-регионального баланса. Южане, составлявшие костяк оппозиции, обеспечили себе большинство влиятельных постов в новой администрации, возглавленной президентом-южанином Курманбеком Бакиевым. Однако маятник качнулся в сторону интересов Юга настолько сильно, что это вызвало обеспокоенность северян. Многие из них, в том числе и бывшие сторонники А. Акаева стали переходить на сторону премьер-министра Феликса Кулова. Необходимость консолидации интересов «северян» уже в первые дни мартовского восстания понимали и сами уроженцы Севера — лидеры оппозиции Феликс Кулов и Роза Отунбаева. В возникшем вскоре противостоянии между президентской администрацией и парламентом, которое усилилось в республике с осени 2005 года, можно было обнаружить отзвук все тех же регионально-клановых противоречий.

Осудив на примере клана Акаевых принцип семейственности в политике, многие новые руководители не устояли перед искушением раздать значимые должности своим родственникам и землякам. С самых первых дней властвования Курманбек Бакиев подвергается критике за проводимую его правительством кадровую политику. По мнению критиков, Бакиев и другие члены руководства заполнили до отказа высшие эшелоны бюрократии своими друзьями и членами семьи.

Тандем Кулов–Бакиев так и не стал командой единомышленников. Во внешней политике заявления Кулова о том, что Бишкеку не следует придерживаться односторонней ориентации на международной арене, резко контрастировали с присоединением Бакиева к резолюции ШОС от 5 июля 2005 г., рекомендовавшей определить сроки пребывания воинских контингентов США в регионе¹. Кулов выступал в роли стойкого сторонника американского присутствия в Киргизии, мнение президента Бакиева по этим вопросам было более сдержанным.

¹ На саммите Шанхайской организации сотрудничества 5 июля 2005 была принята декларация с призывом к США определить сроки вывода американских баз из Киргизии и Узбекистана в связи с окончанием активной военной фазы антитеррористической операции в Афганистане. Эти базы предназначались для поддержки действий американских войск против режима «Талибан». Ответом на этот документ стала принятая 19 июля 2005 резолюция палаты представителей Конгресса США с выражением озабоченности в связи с заявлением ШОС, которое расценивается как «явная попытка Китая и России выдавить США из этого региона». Вскоре после этого власти Узбекистана заявили, что американцы должны будут покинуть базу Карши-Ханабад на его территории в течение полугода. В октябре 2005 государственный секретарь США Кондоллиза Райс, посетившая Киргизию, договорилась с президентом Курманбеком Бакиевым о переводе американского контингента из Узбекистана на авиабазу Ганси в киргизском аэропорту Манас // <http://www.sectsc.org/html/00076.html>

Кроме того, между двумя лидерами имелись серьезные различия в подходах к важнейшим вопросам развития страны, что снижало эффективность новой власти. Кулов и Бакиев по-разному видели перспективы политических реформ. Несмотря на изначально продекларированное всеми силами оппозиции намерение покончить с гегемонией президентской власти, Бакиев фактически выступал за сохранение президентской республики, а Кулов настаивал на расширении полномочий премьер-министра и создании парламентско-президентской республики.

Наблюдался интересный парадокс — хозяйственник Бакиев в силу своих президентских обязанностей курировал вопросы безопасности и внешней политики, а профессиональный силовик Кулов, как премьер-министр, отвечал за экономические вопросы. Впрочем, и на экономику взгляды двух лидеров не совпадали. Бакиев считался сторонником усиления роли государства, в то время как Кулов выступал за прежний курс экономической либерализации. В результате, объявленные планы политических реформ не реализовались, а напряженность между президентом и парламентом усиливалась.

Активизировалась «новая оппозиция», в которую вошли многие члены парламента, представители деловой элиты, активисты НПО, бывшие оппозиционеры, занявшие посты в новом правительстве (А.Бекназаров, Р.Отунбаева и др.), но затем отправленные Бакиевым в отставку. Образовалась и совершенно новая оппозиция — отставной генералитет — два десятка высокопоставленных офицеров.

В декабре 2006 г. Феликс Кулов подал в отставку и ныне возглавляет Объединенный фронт оппозиции «За достойное будущее Кыргызстана». Организованные фронтом митинги в столице Киргизии в апреле 2007 г. продемонстрировали региональную принадлежность его сторонников. Подавляющее большинство митингующих было представлено выходцами с севера. Среди них было значительное количество земляков Кулова из села Байтик, расположенного недалеко от столицы, и сторонников семьи Аскара Акаева из селения Кемин Чуйской области.

Примечательно, что требование немедленной отставки президента Бакиева, с которым выступили организаторы акций, не получило широкой поддержки на всем Севере. Митинги продемонстрировали очевидную слабость организаторов и разобщенность оппозиции. В партии «Ар-Намыс» («Достоинство»), основанной восемь лет назад самим Куловым, произошел раскол. Эмиль Алиев — один из руководителей партии претендует на роль главного лидера.

Поражение апрельских выступлений оппозиции привело к ослаблению Объединенного фронта. На стороне экс-премьера остались преимущественно радикалы — генералы Омурбек Суваналиев, депутат парламента Мелис Эшимканов и бизнесмен Омурбек Абдрахманов. Поддерживает его и семья Аскара Акаева, отстаивая в основном свои экономические интересы. Другие входившие в блок политики и депутаты парламента фактически отмежевались от Феликса Кулова. Председатель социалистической партии «Ата-Мекен» Омурбек Текебаев и такие лидеры оппозиционного движения «Единый Кыргызстан», как Роза Отунбаева, Азимбек Бекназаров, Эдил Байсалов, Дооронбек Садырбаев и руководитель центра «Гражданское общество против коррупции» Толекан Исмаилова, вместо прямой конфронтации предпочитают диалог с властью.

Часть оппозиции недовольна усилением президентской власти. Сокращение полномочий парламента осуществлялось в результате поправок к Конституции в 1994, 1996, 1998, 2003 и 2006 годах. Согласно последней редакции основного закона Киргизии президент получил право назначать руководителей правоохранительных и силовых министерств, губернаторов областей и руководителей районов. Сторонники парламентской формы правления требуют ограничить функции президента и расширить полномочия исполнительной и законодательной ветвей власти. Президент К. Бакиев и его окружение настаивают на том, чтобы последние поправки к Конституции не менялись вплоть до 2010 года.

Другая часть северной оппозиции удовлетворена решением президента назначить на пост премьер-министра северянина Алмаза Атамбаева. Атамбаев уже работал в правительстве в 2005–2006 годах, но ушел из-за несогласия с политикой президента Бакиева, был сопредседателем оппозиционного движения «За реформы», а также возглавлял Социал-демократическую партию¹. Атамбаев был утвержден парламентом на пост главы кабинета в марте 2007 года. По соглашению с президентом он сформировал новое коалиционное правительство, на чем настаивала оппозиция. Согласно достигнутым договоренностям при формировании нового кабинета свои посты сохранили руководители силовых министерств и министерства иностранных дел. В свою очередь, президент пообещал не вмешиваться в экономическую политику правительства. Такое распределение ролей дает северянам шанс вернуть утраченные позиции в бизнесе и народном хозяйстве, а президенту и его команде — более эффективно использовать силовые ведомства и проводить последовательную внутреннюю и внешнюю политику.

СЪЕЛИ, НО НЕ ТО: АНАЛИЗ НА ВЫХОДЕ

Итоги «тюльпановой революции» оказались не теми, на которые рассчитывали американские стратеги. На выходе результаты эксперимента получились на удивление неприятны. Новое руководство страны не стало послушным орудием в руках Белого дома. Более того, президенту Бакиеву удалось ослабить и расколоть проамериканскую группировку киргизских политиков (Ф. Кулов, Р. Отунбаева и др.) и одновременно укрепить сотрудничество с Россией. Возросла эффективность участия Киргизской Республики в структурах СНГ и региональных организациях — ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС. Американская база имени Ганси стала предметом серьезного торга, а рядом на авиабазе в Канте наращивается военно-технический контингент ОДКБ².

Примечательно, что новый премьер-министр Алмаз Атамбаев предпочитает не вмешиваться во внешнеполитический вопрос о военных базах, предоставив его ре-

¹ Атамбаев родился 17 сентября 1956 года в селе Арашан Аламединого района Киргизии. В 1980 году окончил Московскую академию управления по специальности «инженер-экономист, организатор управления производством». Работал и.о. министра экономического развития, промышленности и торговли, министром промышленности, торговли и туризма Киргизии. Был сопредседателем движения «За реформы», кандидатом в президенты в 2000 году, находился в оппозиции к экс-президенту Аскару Акаеву. Является одним из организаторов митинга 24 марта 2005 года, приведшем к смене власти в республике.

² Президент Бакиев настаивал на пересмотре условий аренды американской базы и, как сообщалось в местных СМИ, намерен был повысить арендную плату с \$2 млн. до \$207 млн. в год. В результате переговоров Вашингтон пообещал Бишкеку оказать единовременную помощь в размере \$150 млн. и платить за пребывание американских военных в «Манасе» \$15 млн. в год. Однако новое соглашение так и не было подписано. В связи с этим в мае 2007 года Комитет парламента Кыргызстана по обороне и безопасности предложил рассмотреть целесообразность пребывания на территории республики американской авиабазы и вопрос о лишении дипломатического иммунитета ее военнослужащих. Еще одним поводом для рассмотрения этого вопроса стало опасение, что в случае начала боевых действий в Иране США будут использовать киргизскую авиабазу, а Иран нанесет ответный ракетный удар. В последнее время американские военно-воздушные силы активизировали свои действия на авиабазе «Манас». Киргизские аналитики не исключают, что на ее территории может быть размещено ядерное оружие. 5 июня 2007 года министр обороны США Р. Гейтс посетил Бишкек, где обсуждал с руководителями Киргизии судьбу американской базы. Гейтсу удалось добиться от Бакиева заверений, что база закрыта не будет.
См.: http://emigration.russie.ru/news/5/10287_1,
<http://www.for.kg/goid.php?id=21176&print>,
<http://www.rambler.ru/news/politics/0/11321053.html?print=1>,
http://mediabroker.ru/a_news.php?id_n=807.

шение президенту и его команде. Более того, глава кабинета поддержал линию президента на усиление роли государства в решении хозяйственных задач, что означает частичный отход от нелиберального экономического курса, проводившегося ранее Аскарком Акаевым. Речь идет о приостановке приватизации стратегически важных государственных предприятий и объектов, прежде всего энергетического комплекса и золотодобычи, и национализации крупнейшего в Центральной Азии завода по производству поликремния «Кристалл».

Совпадение подходов премьера и президента по важнейшим вопросам развития страны и разграничение их сфер влияния повышает эффективность новой власти. Но Кыргызстан еще далек от стабильного развития. Возможное резкое перераспределение собственности, в том числе, семьи Аскара Акаева и бизнесменов, сплотившихся вокруг Феликса Кулова, несет угрозу новой политической дестабилизации с участием криминалита и кланово-родовых группировок. Не исключено применение насилия. Однако взять реванш блоку Кулова не удастся. Северная оппозиция расколота и ослаблена. Бывшему премьеру не удалось объединить всех оппонентов президента Бакиева.

На фоне идейного и организационного раскола оппозиции идет процесс укрепления партии власти в виде общереспубликанского движения «За единство и стабильность». В мае 2007 года в нем официально объединились три партии — «Эркиндик»; «Жаны Кыргызстан» и «Республиканская партия труда и единства». Движение, несомненно, будет привлекаться к достижению намеченных административных целей президента. Бакиев на сегодняшний день является не только общепризнанным лидером южан, но имеет и общенациональный политический вес. Другой такой фигуры общенационального масштаба среди киргизских политиков нет. Эту реальность признают и на Севере и на Юге.

Новый тандем Бакиев — Атамбеков получил поддержку со стороны сильного соседа — Казахстана. Во время визита в Бишкек Нурсултана Назарбаева в апреле 2007 г. был подписан ряд крупных экономических соглашений, достигнуты договоренности о сотрудничестве в областях энергетики, золотодобычи, строительства автодорог, связи, транзитных перевозок. Кроме того, казахский президент заявил о готовности оказать Киргизии помощь на сумму 100 млн. долл. Политическая поддержка киргизским властям выразилась и в критических высказываниях Назарбаева в адрес реформ А.Акаева, прозвучавшая из его уст во время визита¹.

БОЛЬШОЙ ПЛОВ

Перспектив на насильственную смену власти, инициируемую из-за рубежа в Киргизии сейчас крайне мало. Во-первых — из-за слабости «революционеров» и сложившейся в последнее время устойчивости кланово-политической системы, а во-вторых — по причине того, что республика прикрыта зонтом ШОС, который крепко держат над ней Россия и Китай. КР может рассчитывать на эффективную помощь этой организации. ШОС заметно окрепла в последние годы и располагает достаточным потенциалом, в первую очередь, политическим, для отстаивания своих интересов. В запасе у нее имеются военные и экономические возможности.

Попытка повторения новой «цветной революции» в Киргизии не исключена. И связана она, в первую очередь, с осуществлением американских энергетических проектов и сопутствующих им военных планов. Главной целью США остается контроль над мировыми ресурсами, в первую очередь, энергетическими. Америка потребляет около четверти всех ресурсов планеты, и не случайно провозглашаемые

¹ <http://www.centrasia.ru/newsA>, <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1179006540>,
<http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1178782860>,
<http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1178561820>

Вашингтоном зоны стратегических интересов напрямую совпадают с географическим положением их крупнейших запасов. В такой зоне вот уже десять лет находится Центральная Азия. Американцы преследуют здесь собственные цели, которые чаще всего не совпадают с интересами России, Китая и самих народов Центральной Азии.

Сейчас американцы раздражены. Рвутся их стратегические планы по установлению контроля за центральноазиатскими энергопотоками. Сначала удар по ним был нанесен майским договором 2007 года об использовании старого и строительстве нового прикаспийского газопровода из Туркменистана через Казахстан в Россию и расширении газопроводной системы Средняя Азия—Центр на узбекском направлении. Последовавшее объявление о создании Энергетического клуба на саммите глав ШОС 16 августа 2007 года с целью координировать и развивать энергетические проекты в интересах членов организации — России, Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, а также проявляющих возрастающее стремление к сотрудничеству с ней Афганистана, Индии, Ирана, Монголии, Пакистана и Туркменистана, вывело в аутсайдеры амбициозный американский проект «Большой Центральной Азии». На дипломатическом уровне он начал активно обсуждаться американцами с руководством центральноазиатских государств, после того, как их позиции в регионе заметно пошатнулись из-за обострения отношений с Ташкентом в 2005 году. По расчетам Бюро по делам Южной и Центральной Азии Госдепартамента США, разрыв американо-узбекских связей должен частично компенсироваться за счет улучшения стратегических позиций Соединенных Штатов в Казахстане, Киргизии и Таджикистане. Эти республики занимают важное место в сохраняющихся планах Вашингтона по переориентации Центральной Азии с России на южноазиатский регион и Турцию. Киргизию и Таджикистан в рамках Программы содействия региональному рынку энергии (REMAP) и при поддержке Агентства США по международному развитию (USAID) планируется использовать как главных поставщиков электроэнергии для Казахстана, Афганистана, Пакистана и Индии.

Проект США по созданию новой электросети, связывающей Центральную и Южную Азию, направлен одновременно на изоляцию Узбекистана, отстранение от центральноазиатских электропотоков Ирана и Китая и ослабление растущего энергетического влияния России в регионе. Теоретики Большой Центральной Азии представляют ее в виде некоего гомогенного регионального объединения на базе общей культурной традиции (имеется в виду, в первую очередь, исламской), не отягощенной национальными интересами и границами. Предполагается осуществление контроля над территориями без локального урегулирования конфликтов.

Сюрреализм такого гиперпроекта, выдержанного в духе неолиберальных представлений о размывании национально-государственных функций и всеилии рынка, вполне очевиден и опасен. Возобновление попыток его практического воплощения лишь вызовет дестабилизационную волну в Центральной Азии и сопредельных регионах, обострит отношения с Россией. Кроме того, следует учитывать военные планы Вашингтона в отношении Ирана.

Не исключено, что, пытаясь вернуть утраченные позиции, администрация Белого дома по разным каналам усилит давление на Казахстан, Таджикистан и Туркмению, а в Киргизии и Узбекистане спровоцирует очередные «цветные революции». Но надо помнить, что на центрально-азиатской кухне всякая такая революция может с легкостью окраситься в цвет крови. А поскольку на этой кухне, к тому же, варится один большой общий плов, то не исключена дестабилизация во всем регионе, которая, в свою очередь, способна перевесить все положительные результаты руководимой американцами антитеррористической операции в соседнем Афганистане.

Игорь Добаев
(Ростов-на-Дону)

11

СЕТЕВЫЕ СТРУКТУРЫ «ОРАНЖЕВЫХ» В ЮФО: УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ¹

В конце июля 2007 г. Конгресс и Сенат США приняли новый закон о борьбе с терроризмом. В его рамках государственной политикой объявлено продвижение демократии и свободы прессы в зарубежных странах. Данное положение включено в специальный раздел под названием «Акт 2007 года о продвижении демократии», который является частью законодательства об укреплении безопасности США. Документ поручает госсекретарю США ввести официальную должность «связного по демократии» в аппаратах американских дипломатических представительств при НАТО, ООН, ОБСЕ, ЕС, ОАГ, Африканском союзе и других региональных и многонациональных организациях, а также при всех боевых командованиях Вооруженных сил США. Законодательством предусмотрено также создание в США государственного «Фонда поддержки прав человека и демократии», задачей которого будет «укрепление демократических институтов, продвижение прав человека и главенства закона, а также строительство гражданского общества в государствах по всему миру»². Для реализации намеченного в России предусматривается, в частности, всесторонняя поддержка прозападно ориентированных партий, движений, многочисленных НПО и НКО, уже давно и небезуспешно действующих на территории нашей страны.

В настоящее время в субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа (ЮФО), зарегистрировано около 14.500 некоммерческих организаций, большинство из которых своей позитивной деятельностью формируют здоровую ткань нарождающегося и укрепляющегося российского гражданского общества. Однако существуют и другие НКО, деятельность которых направлена на ослабление российской государственности. По данным правоохранительных органов, на территории округа действуют более 100 западных и прозападно ориентированных неправительственных организаций, фондов и мониторинговых сетей³.

Среди западных структур можно назвать Датский совет по беженцам, Международный медицинский корпус, Исламик релиф, Международный комитет спасения, Ворлд вижн, Каритас, Международное ненасилие, УКГВ ООН, УВК ООН по беженцам, Национальный фонд демократии (США), Международный фонд гражданских свобод, Агентство США по международному развитию, Freedom House, Международная амнистия, Human Rights Watch, Национальный демократический институт (США), Matra (Нидерланды), Открытое общество (Фонд Сороса), Правовая инициатива по России (Нидерланды), партийные немецкие Фонды Ф. Эберта, К. Аденауэра, Р. Люксембург и др.

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Стратегические интересы мировых держав в кавказском макрорегионе (история и современность)» Подпрограммы фундаментальных исследований Президиума РАН по Югу России «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтническом макрорегионе»

² См. об этом: <http://www.annnews.ru/news/detail.php?ID=113923>

³ Добаев И.П. Деятельность западных сетевых структур в ЮФО в контексте национальной и региональной безопасности // Конфликтология. 2006. № 1. С. 142.

На территории ЮФО действуют также различные политические и «научные» организации, мониторинговые сети, деятельность которых объективно играет на руку западным «партнерам» России. Среди них — Объединенный гражданский фронт (ОГФ), Российский народно-демократический союз, комитет «Гражданское содействие», общероссийское движение «За права человека», правозащитное общество «Мемориал» и др. Такие объединения, как правило, действуют при поддержке зарубежных неправительственных организаций и финансируются ими. Об этом свидетельствует, в частности, разгоревшийся в январе 2006 г. шпионский скандал, связанный с подрывной деятельностью английских спецслужб, тайно финансировавших деятельность ряда российских правозащитных организаций.

Существенный рост активности данных структур, имеющих, в том числе, скрытые политические цели, согласно экспертным оценкам, обусловлен началом общероссийских выборных кампаний 2007–2008 годов. Многие из подобных организаций имеют откровенно оппозиционную направленность, насаждают проатлантические, оппозиционные идеалы и стандарты, обнаруживают стремление к максимально возможному вовлечению в свою орбиту молодежи, представителей других социально-активных слоев общества. В ходе реализации этими организациями социальных, образовательных и молодежных программ были созданы устойчивые коммуникационные структуры (клубы, подконтрольные общественные объединения и т.д.), в которые входят представители коммерческих предприятий, журналистских кругов. Истинными мотивами при проведении подобных мероприятий являются создание условий для сбора с легальных позиций информации о социально-политической обстановке в регионе, формирования организационной прослойки из числа социально активной общественности, в первую очередь, молодежи, для участия в массовых протестных акциях. Среди них можно назвать молодежные движения «Пора», «Идущие без Путина», «Оборона», «Мы» и др.

В субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа, наблюдается активизация сетевых сегментов праволиберального «Комитета 2008». Его лидерами применяются формы и методы, испытанные в ходе т.н. «цветных революций» на Украине, в Грузии и Киргизии по вовлечению молодежи в массовые акции протеста. Одним из наиболее устойчивых элементов сетевой структуры «Комитета 2008» является международная общественная организация «Открытая Россия», которая во взаимодействии с оппозиционной «Республиканской партией России» координирует деятельность сформированных молодежных структур, в том числе, фонда поддержки общественных инициатив «Граждане», ассоциации «Голос», молодежного движения «Дело молодое» и др. Руководителями вышеуказанных организаций с целью создания позитивного общественного имиджа налажено взаимодействие с представителями местных средств массовой информации. Основной задачей ставится формирование «альтернативной» элиты к выборам 2007–2008 годов, имеющей влияние на электорат.

Среди прозападно ориентированных мониторинговых сетей, действующих на территории ЮФО, наиболее известна «Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов» (EAWARN). Она была создана в 1993 г. в рамках международного проекта «Урегулирование конфликтов в постсоветских государствах». Основным спонсором проекта с 1993 по 1999 гг. была Корпорация Карнеги (Нью-Йорк), к которой в 2001 г. присоединился американский Фонд Дж. Д. и К. Т. Макаруров. Основными заявленными направлениями деятельности сети являются:

- взаимодействие посредством электронной коммуникации ведущих специалистов в целях производства и обмена аналитической информации;
- основанный на местной и национальной экспертизе регулярный анализ этнополитической ситуации в форме сообщений, докладов и прикладных разработок;

- работа по модели этнологического мониторинга и раннего предупреждения;
- публикация бюллетеней, обзорных докладов и методических материалов;
- использование мирового опыта и современного знания о конфликтах через ежегодные семинары и другие международные контакты;
- обеспечение постоянных консультаций для специалистов по разработке систем урегулирования конфликтов, по процедурным вопросам переговоров в районах конфликтов, а также по вопросам подготовки и реализации программ в области национальной политики.

С 1992 г. EAWARN было проведено более десяти тренинг-семинаров и конференций по вопросам урегулирования конфликтов для местных и международных неправительственных организаций и активистов-миротворцев. Начиная с 1994 г., проводятся ежегодные семинары сети, чаще всего за рубежом.

«Сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов» также осуществляется сотрудничество с аналогичным проектом по этническим отношениям (Принстон, США), действующим в странах Восточной Европы. В 1995–1996 гг. EAWARN работал над совместным с Бергхофским центром по конструктивному урегулированию конфликтов (Берлин, Германия) проекту «Тренинг и поддержка в этнополитическом посредничестве».

В рамках программы ЮНЕСКО «Управление социальными трансформациями» (Management of Social Transformations — MOST) осуществляются международные научные проекты, результатом которых становится широкое и долговременное межрегиональное и межгосударственное использование межэтнических отношений и конфликтов в постсоветских государствах, основанное на модели этнологического мониторинга¹. На протяжении всего периода деятельности проекта к результатам исследований проявлялся повышенный интерес со стороны исследовательских центров США, ряда стран Западной Европы, в том числе, Скандинавии.

EAWARN построен по сетевому принципу: эксперты (сеть объединяет около 40 экспертов в области межэтнических отношений), находящиеся в различных государствах бывшего СССР, оснащены персональными компьютерами, располагают возможностями электронной почты, что позволяет производить обмен информацией между собой, с московским офисом и партнерами за рубежом.

Эксперты сети осуществляют мониторинг в следующих регионах ЮФО: Адыгея, Волгоградская область, Дагестан, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкессия, Краснодарский край, Ростовская область, Северная Осетия, Ставропольский край, Чечня. Раз в два месяца EAWARN издает бюллетень, в котором публикуются статьи экспертов сети. Однако некоторая часть собираемой экспертами информации в цифровых показателях по 46-ти ситуационным параметрам направляется в США, где проходит соответствующую компьютерную обработку и используется в американских интересах.

Обращает на себя внимание то, что часть членов сети — действующие госчиновники, некоторые ранее были ими и сохранили «нужные» связи; часть возглавляют кафедры, научные центры, подразделения в НИИ или в структурах РАН, имеют доступ к конфиденциальной информации властных структур.

Материалы, подготавливаемые экспертами, содержат анализ ситуаций в различных частях постсоветского пространства, практические рекомендации для политиков, возможные сценарии развития имеющихся или потенциальных конфликтов. Информация обрабатывается в московском офисе, после чего поступает в адрес доноров — правительственных и неправительственных организаций ряда стран.

¹ Степанов В.В., Тишков В.А. Этничность, конфликт и согласие (Отчет о работе по проекту программы ЮНЕСКО «Управление социальными трансформациями — MOST»). М., 2003. С. 3.

Именно в рамках EAWARN этнологический мониторинг практически впервые на постсоветском пространстве был принят в качестве основного метода исследования, одновременно была предложена система из 7 тематических блоков (среда и ресурсы; демография и миграция; власть, государство и политика; экономика и социальная сфера; культура, образование, информация; контакты и стереотипы; внешние условия), разбитых, в свою очередь, на 46 более мелких показателей, отражающих практически весь спектр этнополитических трансформаций в том или ином регионе. Система индикаторов, которая была разработана в рамках EAWARN, сегодня применяется многими НПО, осуществляющими мониторинговые исследования.

Анализ первичных данных мониторинга осуществляет непосредственно региональный эксперт, который сводит их в квартальные и ежегодные итоговые отчеты¹. Однако деятельность этих экспертов не носит завершающего характера, поскольку впоследствии представленные ими данные проходят компьютерную обработку силами зарубежных партнеров. Каждое событие получает количественное отражение в общей шкале индикаторов, по которым графически выявляются общие тенденции. Однако технологии компьютерной обработки результатов экспертизы, как отмечают сами эксперты данной сети, являются секретной информацией даже для самих экспертов². Безусловно, такая постановка вопроса не может не вызывать определенных сомнений относительно истинных целей и задач деятельности EAWARN.

В июне 2007 г. Евразийский союз молодежи (ЕСМ) открыто обвинил директора-основателя EAWARN В.А. Тишкова и экспертов созданных им сетей в социальном шпионаже в пользу США, а 20 июня осуществил пикетирование у здания Российской академии наук в Москве с соответствующими антитишковскими и антиамериканскими лозунгами. Материалы об акции ЕСМ были опубликованы на многих отечественных и зарубежных сайтах. Характерно, что вслед за этой акцией, Тишкова и его сторонников открыто поддержали структуры типа «Эхо Москвы», «Московский комитет по правам человека», составители сайта «Каспаров. Ру» и другие организации аналогичной идеолого-политической направленности, а ЕСМ — государственно и патриотически ориентированные СМИ и организации.

EAWARN является также одним из основателей международного Форума раннего предупреждения и раннего реагирования (FEWER). В свою очередь, FEWER в 2002 г. поддержал проект по раннему предупреждению конфликтов FAST (от нем. Früh-Analyse von Spannungen und Tatsachenermittlung), инициированный Швейцарским фондом мира (Swiss Peace Foundation — SPF) в 1998 г.

В рамках международного проекта по раннему предупреждению конфликтов — FAST — основной задачей декларируется улучшение информированности политических акторов и повышение возможностей для своевременной выработки комплексных мер по предотвращению вооруженных конфликтов, снижению масштабов их последствий или развитию мирных инициатив посредством выявления кризисных тенденций и конфликтов на ранних этапах их развития. Проект реализуется в странах Африки (Ангола, Бурунди, Демократическая Республика Конго, Мадагаскар, Мозамбик, Руанда, Сомали, Эритрея, Эфиопия), в Азии (Афганистан, Индия, Казахстан, Кыргызстан, Непал, Пакистан, Узбекистан), Европы (Албания, Босния и Герцеговина, Косово, Македония, Сербия-Черногория) и на Ближнем Востоке (Палестинская автономия). В России данные исследования проводятся на территории некоторых южных субъектов РФ: в Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском краях, Чеченской и Карачаево-Черкесской республиках.

¹ О сети этнологического мониторинга // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2004. Январь–февраль. С. 4.

² Лякина Ю.Б. Мониторинг этнополитической ситуации в регионе (на примере Карачаево-Черкесской Республики). Дипл. раб. Ростов н/Дону, 2005. С. 16.

Одним из основных методов деятельности FAST выступает количественный анализ (анализ событий), который осуществляется на основе ежедневного мониторинга событий и последующей автоматизированной обработки данных. Применяемая методика была разработана в рамках Программы ненасильственных санкций и культурного выживания (PONSACS) Гарвардского университета (США) в 1998 г. Ее суть заключается в следующем: все важные события, имеющие отношение к эскалации или деэскалации конфликта, ранжируются по «шкале конфликтности», и каждому событию присваивается определенное числовое значение в соответствии с этой шкалой. Полученные данные используются для вычисления различных индикаторов напряженности и отображения на графиках динамики их изменения. Среди основных индикаторов, по которым проводится компьютерная обработка данных, можно назвать такие, как уровень стабильности и насильственные действия со стороны государства и гражданского сектора, индикаторы Голдштейна: внутренний конфликт и взаимодействие¹. Однако и в этом случае конечные результаты мониторинговых замеров остаются вне поля зрения российских ученых и практиков.

Подавляющее большинство других западных и прозападно ориентированных НПО также стремятся осуществлять те или иные мониторинговые исследования.

Например, мониторинговую сеть на Юге России организовал Всемирный банк (ВБ). С февраля 2005 г. ВБ на Юге России реализуется проект «Переходный период от образования к трудоустройству и вовлечение молодежи в общественную жизнь на Юге России». Проект, как это прописано в его программе, нацелен на изучение процессов в молодежной среде в ряде субъектов ЮФО, в частности, в Северной Осетии, Ингушетии, Дагестане, Кабардино-Балкарии и Ставропольском крае.

Сбор необходимых данных, по мнению разработчиков программы, должен происходить, прежде всего, в рамках неформальных бесед с молодыми людьми и девушками, представителями всех социальных слоев российского общества, а также с лицами, имеющими непосредственное отношение к работе с молодежью, в соответствии со специально разработанными рекомендациями.

В тексте проекта официально закреплены требования к соблюдению конфиденциальности местными экспертами: получаемая ими информация не должна обсуждаться с представителями СМИ, организациями гражданского общества и **даже с членами семьи**². Таким образом, проект Всемирного банка направлен, как и многие другие проекты западных фондов и организаций, на изучение российской молодежной среды, развертывание мониторинговых сетей, получение разнообразной и, главное, сугубо конфиденциальной информации по южнороссийскому региону.

С 2003 г. по всему миру развернулась деятельность целого ряда НПО в рамках «Глобального партнерства по предотвращению вооруженных конфликтов» («Global Partnership for the prevention of Armed Conflict» — GPPAC). Это — международная инициатива, кульминацией которой должна стать международная конференция, посвященная роли гражданского общества в предотвращении вооруженных конфликтов и его взаимодействия с ООН в данном вопросе.

Несколько позднее и на Северном Кавказе в рамках GPPAC был налажен процесс формирования субрегиональной миротворческой программы действий северокавказских НПО, ключевую роль в котором заняла кавказская подсеть Рабочей группы по предупреждению и урегулированию конфликтов.

Субъектами формирования северокавказской региональной программы действий НПО стали более 30 неправительственных организаций, специализирующихся

на миротворческой, образовательной, правозащитной и просветительской деятельности из девяти субъектов ЮФО, включая все семь республик Северного Кавказа, Ростовскую область и регион Кавказских Минеральных Вод Ставропольского края. Как отмечается в материалах программы, все «эти неправительственные структуры имеют значительный опыт работы в конфликтных регионах Северного и Южного Кавказа. ... Организации-участники формирования северокавказской миротворческой программы действий активно сотрудничают с различными международными организациями и фондами, учреждениями системы ООН...». НПО «являются активными членами различных сетей неправительственных организаций, среди которых:

- Рабочая группа по предупреждению и урегулированию конфликтов Конференции по странам СНГ;
- Кавказская сеть НКО по проблемам беженцев и вынужденных переселенцев «CRINGO»;
- «Женщины за жизнь без войны и насилия»;
- «Кавказский форум НПО»;
- Международная сеть «Молодежное правозащитное движение»;
- «Северо-Кавказский форум по миграции» и др.³.

Чрезвычайно важным разработчики данной программы считают привлечение к миротворческой деятельности правового, политического, административного и управленческого ресурсов, которыми обладают органы государственной власти и управления. Они считают «крайне важным расширять миротворческую деятельность общественных структур на Северном Кавказе», при этом «ключевую роль в данном процессе должны занимать учреждения системы ООН, привлекая действующие в регионе международные гуманитарные и благотворительные организации к поддержке и развитию миротворческих инициатив и программ в северокавказском регионе»⁴.

Одновременно составители программы выражают сожаление о том, что «в РФ существует большое количество различных исследовательских центров и сетей, но их деятельность осуществляется при низком уровне скоординированности. Мониторинги в большей степени основываются на мнениях экспертов и не включают в себя системные и глубинные фактологические и социологические исследования, позволяющие дать объективную характеристику положения в регионе. Существует проблема ангажированности самих исследователей, ведущих мониторинг ситуации. Наибольшая проблема заключается в том, что мониторинги отражают преимущественно общий характер вырабатываемых рекомендаций, которые не предлагают конкретные механизмы разрешения существующих проблем»⁵.

Иными словами, этот проект призван обеспечить консолидацию множества действующих в регионе НПО, побудить их к осуществлению более «системных и глубинных фактологических исследований», позволивших бы «дать объективную характеристику положения в регионе», и предложить «конкретные механизмы разрешения существующих проблем».

В последние несколько лет особую активность на Юге России проявляет американская неправительственная организация — фонд «Евразия» (Вашингтон), которая намеревается взять под свой контроль процесс становления и развития максимального числа региональных неправительственных организаций (НПО), сделав их проводниками американских интересов. Для этого фондом «Евразия» в России

¹ См.: Проект Северокавказской субрегиональной миротворческой программы действий НПО.

² Там же.

³ Там же.

¹ Лякина Ю.Б. Указ. соч. С. 16.

² См.: Программа проекта Всемирного Банка «Переходный период от образования к трудоустройству и вовлечение молодежи в общественную жизнь на Юге России».

создана дочерняя структура — фонд «Новая Евразия» (ФНЕ, в России зарегистрирован в июне 2004 г.), тогда же ими была подготовлена программа «NORTH CAUCASUS CAPACITY BUILDING», которая охватывает все северокавказские республики, а также Краснодарский и Ставропольский края.

Появлению в России ФНЕ предшествовало то, что на рубеже 2003–2004 гг. две крупнейшие западные «благотворительные» организации — «Институт Открытое общество» (Фонд Сороса) и фонд «Евразия» (Вашингтон) одновременно объявили о планах прекращения своей деятельности в России. Причина, как было сказано, создание нового объединенного фонда «мирового уровня». По договоренности между Соросом и президентом «Евразии» Мейнсом, несмотря на иностранное финансирование, новая структура официально должна считаться российской. Согласно достигнутым соглашениям, американские доноры отошли на задний план, передав все основные полномочия вновь созданному правлению ФНЕ, преимущественно российского происхождения. ФНЕ с самого начала был организован по подобию и принципам строения своей материнской организации — фонда «Евразии» (в него вошли с одной стороны, ученые интеллектуалы, с другой стороны интеллектуалы-финансисты). Его организационная структура выстроена по принципу «матрешки». За ее российским руководством стоят Сорос, Хавьер Солана (директор европейского фонда «Мадарьяга» — один из самых крупных европейских глобалистов), а также фонд «Евразия». Подчеркнем, что спикером консультативного совета «Евразии» является Мадлен Олбрайт, членом его попечительского совета — Фредерик Старр (профессор SAIS — «Школы продвинутых международных исследований» Университета Хопкинса — стратегического штаба Госдепа США, где разрабатываются стратегии влияния на Россию и Центральную Азию), крупные финансисты Chevron Texaco Corporation, Shell Gas & Power, банкиры, ректоры крупнейших американских университетов.

Структурно ФНЕ напоминает черты авторитетнейшей на Западе Трехсторонней комиссии, в задачу которой входит активация ведущих финансистов и ученых трех полюсов: Америки, Европы и Тихоокеанского региона. Главной задачей Трехсторонней комиссии всегда была нейтрализация и деструктуризация четвертого полюса — России—СССР. В этом смысле ФНЕ прибегает к определенной исторической преемственности.

Впечатляет и годовой бюджет фонда «Новая Евразия», который составляет около 10 миллионов долларов США и складывается, как указано в официальных документах ФНЕ, «из грантов и пожертвований от государственных и частных благотворительных фондов, программ технической помощи, частного бизнеса и международных организаций» (каких именно, не указывается). Основной заявленной целью деятельности фонда является содействие развитию гражданского общества в России как средства построения современного, прогрессивного и демократического государства. В его уставе записано, что ФНЕ не только оказывает поддержку гражданскому обществу в России, но и вносит вклад в укрепление отношений между Россией, США и Европой посредством операциональной и грантовой деятельности.

Программы и планы ФНЕ стандартны, и в этом отношении он ничуть не оригинален, поскольку все основные грантовые организации в России занимаются примерно теми же аспектами, среди них: государственное управление и местное самоуправление; образование; молодежная политика в регионах; развитие частного предпринимательства и региональных печатных СМИ.

Однако впечатляет география реализации программ ФНЕ — это, как правило, этнические республики Российской Федерации. В них реализуются: программа по развитию малого предпринимательства в Республике Карелия; программа по поддержке коренного народа саамов в Мурманской области; программа региональной модели управления миграцией на базе Краснодарского края; программа социаль-

но-психологической поддержки местного населения, мигрантов и беженцев в постконфликтных регионах ЮФО; программа государственно-общественного управления процессами территориального развития в Чувашской Республике. Особое внимание уделяется «созданию условий для максимального использования потенциала российской молодежи в социально-экономическом развитии страны». При финансовой поддержке ФЕ и ФНЕ в Ростовской области осуществляется проект «*Будущее российского бизнеса за молодежью*».

Поставленные в таком ракурсе цели и подходы к решению выделенных задач дают все основания полагать, что фонд «Евразия» совместно с «партнерами» исподволь готовит условия для осуществления «цветной революции» в России. Подчеркнем, что таким же образом инспирировались «розовая революция» в Грузии, «оранжевая революция» на Украине, «революция тюльпанов» в Кыргызстане.

Даже простое перечисление целей и задач в Южном федеральном округе и в иных этнических республиках России главного партнера ФЕ — фонда «Новая Евразия» показывает, что на наших глазах разворачивается новая мощная сетевая структура, ориентирующаяся, прежде всего, на молодежь.

В этом же направлении в последние годы заметную активность на юге России демонстрирует созданный в декабре 1996 г. Южный региональный ресурсный центр (ЮРПЦ, Краснодар), деятельность которого финансируется Агентством США по международному развитию (USAID) через Совет по международным исследованиям и обмену (IREX), Фондом Чарльза Стюарта Мота, фондом «Евразия», управлением верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), представительством Европейской миссии, институтом «Открытое общество» (Фонд Сороса). ЮРПЦ проводит программу развития сети ресурсных центров в городах Южного Федерального округа. На сегодняшний день ресурсные центры сети ЮРПЦ на территории Краснодарского края созданы в Армавире, Новороссийске, Сочи. Характерно, что ЮРПЦ тесно взаимодействует с EAWARN, а также с ФЕ и ФНЕ. В этой связи представляет определенный интерес совместный проект фонда «Евразия», фонда «Новая Евразия» и Южного регионального ресурсного центра: «Противодействие фундаментализму и профилактика конфликтов на Северном Кавказе». Этот проект подавался даже на конкурс Госдепартамента США, что является совершенно неординарным событием в научном сегменте южнороссийского исследовательского сообщества.

Основные заявленные цели данного проекта: противодействие исламскому фундаментализму путем развития механизмов гражданского участия; создание сети раннего предупреждения этнических и конфессиональных конфликтов. В качестве путей его реализации предусматривалось создание фокус-групп из местного населения ЮФО для организации постоянного мониторинга и сбора информации; специальная работа с лидерами местных этнических сообществ; активная работа с региональными СМИ и конкретными журналистами; проведение семинаров; выплата грантов; создание экспертной сети проекта; издание специальных брошюр и т.д.

ЮРПЦ совместно с партнерами (общественные организации, входящие в сеть ЮРПЦ и Северо-Кавказский форум по миграции) планировалось осуществлять исследования на территориях Республики Адыгея, Карачаево-Черкесской Республики, Кабардино-Балкарской Республики, Республики Северная Осетия-Алания, Республики Ингушетия, Чеченской Республики, Республики Дагестан, Краснодарского и Ставропольского краев. В этих субъектах РФ инициаторы проекта рассчитывали осуществить отбор на конкурсной основе потенциальных молодых лидеров местных сообществ (2–4 человека из каждого субъекта, всего 27 человек). Объявленные критерии отбора: социальная активность, следование в своей деятельности демократическим принципам, готовность принять участие в обучающих программах и других мероприятиях проекта, проживание в населенных пунктах со значительным мусульманским населением. Отбираемые молодые люди должны представлять три

целевые группы: 1. руководители или активисты местных НКО; 2. социально активные студенты; 3. лидеры инициативных групп из небольших населенных пунктов. При этом поясняется, что «молодежь является фокусом проекта в силу того, что именно молодежь в регионе является основной группой, из которой осуществляется мобилизация актива фундаменталистских организаций».

В 2006 г. ЮРПЦ на средства Агентства США по международному развитию осуществлялись проекты «Усиление региональных возможностей предоставления грантов», «Молодежь и социо-культурные инициативы на Северном Кавказе», «Развитие гражданского общества в республиках Северного Кавказа», «Институциональное развитие НПО Узбекистана» (через IREX), «Развитие общественных дискуссий по социально значимым проблемам на Юге России»; оказывалась помощь лицам без гражданства, проживающим на территории Краснодарского края (осуществляется при поддержке американского Фонда МакАртуров).

Между прочим, следует отметить, что представители созданных на территории России прозападных структур все чаще обращаются в органы власти и управления РФ с предложениями о «партнерстве и сотрудничестве», пытаются заручиться административным ресурсом и одновременно обезопасить себя от возможного давления российских правоохранительных структур, нередко при этом добиваются успехов. Активность, напор, либерально-демократическая, а порой и патриотическая, риторика позволяют им нередко перехватывать инициативу, добиваясь поставленных целей, решать стоящие перед ними задачи за российские же деньги и иные ресурсы. Так, например, в 2005 г. лидеры ФНЕ обращались в аппарат полномочного представителя президента России в ЮФО с просьбой подписать договор о партнерстве, «в целях создания условий для стабилизации социально-экономической ситуации на Юге России посредством развития общественно-государственного диалога, продуктивного сотрудничества и сетевого взаимодействия». С просьбой о поддержке уже упоминавшегося проекта «Противодействие фундаментализму и профилактика конфликтов на Северном Кавказе» в ЮФО обращался один из руководителей Южного регионального ресурсного центра.

Все отмеченное выше дает нам основание оценить деятельность многих западных и прозападно ориентированных НПО как элемент современной сетевой войны Запада, прежде всего США и их ближайших сателлитов, против России. Эта война опирается на глобалистскую лоббистскую сеть США для разворачивания полномасштабной спецоперации, прежде всего, в этнических регионах России. Ее целью, как представляется, будет инспирация социально-политических взрывов в этих субъектах РФ. Многочисленные НПО и НКО объединили в себе мощную ресурсную поддержку западных фондов и институтов со значительной лоббистской поддержкой собственно в Российской Федерации. За некоторыми из них стоит гигантская экономическая и интеллектуальная мощь Запада. Безусловно, в этом случае такого рода структуры работают в России, отстаивая американские стратегические интересы, одновременно внешне маскируя свою зависимость от зарубежных НПО.

Иначе говоря, в лице таких неправительственных организаций (например, «Новой Евразии») западные фонды получили «крышу» с российской пропиской. Иначе говоря, институт «Открытое Общество» Сороса и другие аналогичные структуры, создавшие ФНЕ и подобные ей организации, никуда из России не уходили, а просто изменили тактику в стремлении избежать прямых обвинений в поддержке «цветных революций» в странах СНГ, а потому и действует не напрямую, как прежде, а опосредованно. Многие действующие на территории Южного федерального округа прозападно ориентированные сетевые структуры в своей совокупности представляют собой сложную, многомерную, тотальную сеть. Следует подчеркнуть, что практически все эти сети развернуты, прежде всего, в интеллектуальном сегменте

российского общества, охватывая собой сферу воспитания и образования, в том числе, высшего; научные и творческие структуры.

Отдельным и важным направлением деятельности таких НПО по разворачиванию сетей считается молодежь, работа с которой ведется в школах, средних и высших учебных заведениях, а также вне этих учреждений, путем формирования различных молодежных структур и организаций. На территории Ростовской области действовали многочисленные молодежные организации, созданные различными западными фондами, такие, как Молодежное правозащитное движение (правозащитные гранты), Эко-логика (экологические), Скифия, Центр развития местных сообществ и добровольческих инициатив «Помоги советом», Российский союз навигаторов/скаутов, реализуется группа проектов «Новая цивилизация» и т.д.

Таким образом, как подчеркивает легендарный советский разведчик, ныне руководитель аналитического центра НАМАКОН Ю. Дроздов, наша страна вследствие усилий западных, прежде всего американских, спецслужб оказалась «покрыта сетью, состоящей минимум из 150 разведывательно-информационных пунктов, которые собирают информацию самыми различными способами: то ли в форме предоставления грантов на выполнение конкретных работ, то ли используя современную технику. Собранная информация потом передается заказчикам. Можно сказать о том, что они же передают и секретную информацию...»¹. Добавим, что эти структуры не только собирают конфиденциальную информацию, но и продвигают в сознание граждан нашей страны чуждые России идеи и ценности, изучают и привлекают некоторых из них, чаще всего молодых людей, к «мониторинговому сотрудничеству». Вместе с тем, реакция российских властей на действия «оранжевых» НКО до сих пор явно неадекватна реальным угрозам и вызовам национальной безопасности страны, по-прежнему носит ситуативный, догоняющий характер. Несмотря на принятие явно урезанного закона об НКО, он практически не действует. Сказанное требует, как минимум, усиления его правоприменительной практики.

¹ Дроздов Ю. Южное «подбрюшье» России как зона интересов США // <http://www.fondsk.ru/article.php?id=5348search=Дроздов%20Ю>.

Сведения об авторах

Арешев Андрей Григорьевич — научный сотрудник Института государства и права РАН, эксперт аналитического центра «Фонд стратегической культуры», автор брошюры «Нагорный Карабах в региональной и мировой политике» (2006) и работ, посвященных актуальным проблемам безопасности в Кавказском регионе.

Добаев Игорь Прокопьевич — заведующий сектором геополитики и анализа информации Южного научного центра Российской академии наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор философских наук. Автор 12 монографий и более 150 научных статей по проблемам политического ислама, региональной геополитики, вопросам национальной и региональной безопасности России.

Ильченков Петр — политолог, историк, проживает в Белграде.

Крылов Александр Борисович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, зав. отделом международной политики интернет-журнала «Новая Политика». Автор брошюр и монографий «Сепаратистские движения в Эфиопии» (1985), «Сепаратизм: истоки и тенденции развития (из опыта политического развития некоторых зарубежных стран)» (1990), «Сепаратизм в странах Востока» (1992), «Постсоветская Абхазия» (1999), «Религия и традиции абхазов (по материалам полевых исследований 1994–2000 гг.)» (2001), «Армения в современном мире» (2004), «Нагорный Карабах в геополитическом контексте XXI века» (2006).

Лафлэнд Джон (John Laughland) — в настоящее время независимый аналитик и обозреватель таких изданий, как *The Guardian*, *The Times*, *The Spectator*, *The Sunday Telegraph*. Долгое время руководил Британской Хельсинкской группой по правам человека, неоднократно выступал наблюдателем на выборах, проходивших на постсоветском пространстве. Автор книг: “*The Death of Politics: France Under Mitterrand*” (Michael Joseph, London, 1994), “*The Tainted Source, the Undemocratic Origins of the European Idea*” (Little Brown, London, 1997), “*Le tribunal pénal international: Gardien du nouvel ordre mondial*” (François-Xavier de Guibert, Paris, 2003), “*Travesty: The Trial of Slobodan Milosevic and the Corruption of International Justice*” (Pluto Press, London, 2007), “*A History of Political Trials*” (Peter Lang, Oxford, 2008).

Лебедева Ирина Викторовна — профессиональный журналист и переводчик, член Международной федерации журналистов. В 1990 году основала первое в Петербурге независимое деловое издание — еженедельник «Санкт-Петербургское деловое обозрение», до 2000 года была его главным редактором. В настоящее время живет в Бостоне (США). Возглавляет Русский информационно-культурный центр в Массачусетсе, является редактором общественно-политического издания «Лидер».

Мирзоев Сергей Бобоевич — кандидат юридических наук, доцент, адвокат, руководитель коллегии адвокатов. Соавтор и автор ряда конституционных актов и законопроектов, в частности проекта Декларации о независимости (1991), проекта изменений и дополнений Конституции Республики Таджикистан (1992). В сотрудничестве с В.А. Ойгензихтом и М.И. Клеандровым в 1989 году издал монографию «Социалистическое правовое государство». С 1993 года издал ряд статей, докладов, меморандумов, посвященных политико-правовой проблематике становления российской государственности и политической сфере государств постсоветского пространства и анализу практики применения международно-правовых норм о защите прав человека и опыту международных институтов защиты прав человека. Возглавлял миссии международных наблюдателей на Украине, в Таджикистане. Автор монографии «Гибель права. Легитимность в „оранжевых революциях“» (2006).

Нарочницкая Наталия Алексеевна — доктор исторических наук, депутат Государственной Думы РФ IV созыва, президент Фонда исторической перспективы. Автор книг: «Россия и русские в мировой истории», «За что и с кем мы воевали», «Русский мир», «Великие войны XX столетия: за что и с кем мы воевали».

Ниязи Азиз Шавкатович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, эксперт Центра стратегических и политических исследований. Основные направления научной и публицистической деятельности: ислам (культура, идеология и политика); диалог цивилизаций; социально-экологические, экономические и военно-политические проблемы глобализации; современные западные и восточные альтернативы неолиберализму. Автор публикаций: Запад и мусульманский Восток в системе новой биполярности // Азия и Африка сегодня. 2007. № 5; Исламская традиция и процессы модернизации в Таджикистане // Ислам в СНГ / Отв. ред. А.В. Малашенко. М.: Институт востоковедения РАН, 1998; Развитие и безопасность в Центральной Азии: примеры Киргизии и Узбекистана // Безопасность Центральной Азии: новые вызовы, угрозы и риски. М.: Центр стратегических и политических исследований, 2006; Таджикистан: Конфликт регионов на фоне социально-экологического кризиса // Экология, общество и традиция: Социальные и политические кризисы в СНГ в контексте разрушения природной среды (Таджикистан и российский Север) / Под ред. М. Олкотт и А. Малашенко. (Научн. доклады / Московский Центр Карнеги; Вып.15). М., 1997; Таджикистан: проблемы использования водно-энергетических ресурсов // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 4 (28). Швеция, Лулео; Юг СНГ: фундаментальные проблемы развития // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 6 (30). Швеция, Лулео.

Попов Эдуард Анатольевич — кандидат исторических наук, доктор философских наук. Автор монографии «Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика» (2005) и ряда статей в научных и общественно-политических журналах, посвященных политическим идеологиям в современной России, партийной системе в РФ, проблеме элит в постсоветской России, теории и практики национального вопроса в РФ, общественно-политическим и социокультурным процессам на Украине, Северном и Южном Кавказе.

Юнусов Ариф Сейфулла оглы — кандидат исторических наук. С 1972 по 1992 годы — научный сотрудник Института истории национальной Академии наук Азербайджана. В 1992 г. — руководитель Информационно-аналитического центра аппарата президента Азербайджана, в 1993–1994 годах — президент аналитического центра «Азери». С 1995 г. по настоящее время возглавляет Департамент конфликтологии и миграции Института мира и демократии. Эксперт международной «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов», а также Независимого исследовательского совета по миграции стран СНГ и Балтии. Автор более 200 научных статей по истории и современным военно-политическим проблемам Азербайджана и Кавказа, различным аспектам Карабахского конфликта, проблемам религии, национальных меньшинств и беженцев в регионе, а также книг «Месхетинские турки: дважды депортированный народ» (2000), «Культура мира» (2002), «Ислам в Азербайджане» (2004), «Карабах: вчера и сегодня» (2005) и «Азербайджан в начале XXI века: конфликты и потенциальные угрозы» (2007).

СОДЕРЖАНИЕ

Демократия XXI века: перерождение смыслов и ценностей	5
Н. Нарочницкая. Американские «аналитические институты» — глаза, уши и совесть Америки	11
Дж. Лафлэнд. Техника государственного переворота	23
И. Лебедева. Брокеры «мусорных революций»	39
П. Ильченков. «Экспресс-революция» в Сербии	56
Э. Попов. Украинские НПО: от «оранжевой революции» к экспорту «демократии» в постсоветские страны	92
С. Мирзоев. Украина сегодня: возможно ли второе издание «оранжевой революции»?	104
А. Крылов. Режим Саакашвили: диктатура вместо демократии	123
А. Аршев. «Оранжевые технологии» в Армении: внутренние факторы и внешняя обусловленность (2004–2007 гг.)	139
А. Юнусов. Запад как фактор дестабилизации Азербайджана	160
А. Ниязи. Бишкекский переворот: тюльпановое блюдо на азиатской кухне	172
И. Добаев. Сетевые структуры «оранжевых» в ЮФО: угрозы национальной и региональной безопасности России	190
Сведения об авторах	200

ОРАНЖЕВЫЕ СЕТИ
от Белграда до Бишкека

Главный редактор издательства
И. А. Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Корректор *И. Е. Иванцова*
Оригинал-макет *А. И. Азаров*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru

**Фирменные магазины
«Историческая книга».**

Москва, м. «Китай-город»,
Старосадский пер., 9.
Тел. (495) 921-48-95

Санкт-Петербург,
м. «Чернышевская»,
ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:
«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6.
www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8.
Тел. (495) 629-64-83
«Ад Маргинем», 1-й Новокузнецкий пер., 5/7.
Тел. (495) 951-93-60
Магазин «Русское зарубежье»,
ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Гилея». Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер.,
12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00

Подписано в печать 18.02.2008. Формат 60×100¹/₁₆.
Усл. печ. л. 14,5. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Заказ № 6622.

Отпечатано по технологии СТР в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.